

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 4 (111)

2024

г. Иркутск

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 4 (111) 2024

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836
Издается с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvdr.ru
www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р.Р. Мухина, главный редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета

Ю. В. Гаврилин, д-р юрид. наук, проф., зам. начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смалькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Байсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 24 декабря 2024 г. Дата выхода в свет 25 декабря 2024 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 38,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 45 экз. Заказ № 44

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (111) 2024

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvdr.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2024

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R.R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Acting Rector of Baikal State University

Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor Deputy Head of the Scientific Research Department - Head of the Scientific Research Organisation Department of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University
V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 24 th December 2024. Publication date 25 th December 2024.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 38,0. Issue 1000 copies

Fist issue 45 copies. Order No.44

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Гаврюшкин К. А. Взаимосвязь категорий «правовые интересы», «правовые цели» и «правовые ценности» в правовом регулировании на современном этапе государственно-правового строительства	9
Грибанов Д. В., Коровин К. С., Костюнина О. В. Политико-правовое учение традиционализма (от Р. Генона к Ю. ЭвOLE): философская критика фашизма с правых позиций.....	20
Кнаус О. А. Исторические аспекты противодействия кражам и угонам транспортных средств в 1960–1980 гг. (по материалам управления внутренних дел Иркутского облисполкома)	30
Минникес И. А. Способы, методы и типы нормативного и индивидуального правового регулирования	45
Щербинина А. В. Правовая основа противодействия коррупции как угрозе национальной безопасности Российской Федерации.....	56

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Астафьев И. Н. Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей: повторность и административная преюдиция.....	69
Беженцев А. А. Контроль и надзор в государственном управлении: правовой дискурс	82
Малыхина Т. А. Теоретико-практическое значение анализа и обобщения судебной практики в процессе осуществления толкования уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации	98
Ненароков С. В., Кнаус О. А. Особенности применения методов стимулирования служебной дисциплины в деятельности органов внутренних дел	106
Шаламова А. Н. Вектор развития института президентства в Российской Федерации	117

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Грибунов О.П., Антонов В.А. Пенитенциарная преступность: характеристика, особенности расследования и предупреждения в трудах профессора В. С. Ишигееva	124
Иванов П. И. Раскрытие налоговых преступлений в сфере потребительского рынка в условиях цифровизации	135

Кондратюков С. С. Коммерческий подкуп на рынке охранных услуг: уголовно-правовой и криминологический аспекты	148
Малетина М. А., Сорокун Н. С. Характеристика современного состояния коррупционных преступлений и их профилактика посредством правового воспитания в образовательных организациях.....	158
Овсянникова А. Р. Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования	168
Попова Е.И. Обзор прав и обязанностей потерпевшего, закрепленных в уголовно-процессуальном кодексе Монголии	180
Попова И. П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве	191
Рудых А. А., Хомколов В. П. Цифровой рубль: перспективный инструмент противодействия преступности	202
Савченко А. Н. Вручение обвиняемому копии обвинительного заключения в виде электронного документа	212
Смирнов В. А. Развитие взглядов на присвоение найденного в российском уголовном праве до 1917 г.: анализ законодательства	222
Смолькова И. В. Возникновение и развитие зарубежного законодательства, регулировавшего выдачу лиц, совершивших преступления	238
Смолин А. В. Тактика и технология преобразования доказательственной информации	252
Тимофеев С. В., Кочесоков Р. Х. Перспективы совершенствования российского законодательства в области использования цифровых следов преступления	262
Третьякова Е. И., Соколов А. Б. Особенности возбуждения уголовного дела по факту вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления	278
Цедрик С.В. Общественная опасность как основание для возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности на водном и воздушном транспорте	289
Информация для авторов	299

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)

Gavryushkin K. A. Relationship between the categories of "legal interests", "legal objectives" and "legal values" in legal regulation at the present stage of state-legal construction	9
Gribanov D. V., Korovin K. S., Kostyunina O. V. The political and legal doctrine of traditionalism (from R. Guenon to Y. Evola): Philosophical criticism of fascism from the right	20
Knaus O. A. Historical aspects of countering theft and theft of vehicles in the 1960s and 1980s. (based on the materials of the department of internal affairs of the Irkutsk regional executive committee).....	30
Minnikes I. A. Modes, methods and types of regulatory and individual legal regulation	45
Shcherbinina A. V. Legal basis for countering corruption as a threat to the national security of the Russian Federation	56

5.1.2. Public law (state law) sciences
(legal sciences)

Astafev I. N. Disobedience to a lawful order or request of a police officer and obstruction of his official duties: repeated and administrative prejudice.....	69
Bezhentsev A. A. Control and supervision in public administration: legal discourse	82
Malykhina T. A. Theoretical and practical significance of the analysis and generalization of judicial practice in the process of interpretation of criminal law by the supreme court of the Russian Federation.....	98
Nenarokov S. V., Knaus O. A. Peculiarities of application of methods incentives for official discipline discipline in the activities of internal affairs bodies.....	106
Shalamova A. N. Vector of development of the institute of the presidency in the Russian Federation	117

5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)

Gribunov O. P., Antonov V. A. Penitentiary crime: characteristics, features of investigation and prevention in the works of professor V.S. Ishigeev	124
Ivanov P. I. Detection of tax crimes in the consumer market in the context of digitalisation.....	135
Kondratyukov S. S. Commercial bribery in the security services market: criminal and criminological aspects.....	148

Maletina M. A., Sorokun N. S. Characteristics of the current state of corruption crimes and their prevention through legal education in educational organizations	158
Ovsyannikova A. R. Some issues of criminal liability for organizing an illegal armed formation	168
Popova E. I. Overview of the rights and duties of the victim as enshrined in the criminal procedure code of Mongolia	180
Popova I. P. Discretion in making final procedural decisions in criminal proceedings	191
Rudykh A. A., Homkolov V. P. Digital ruble technology: a promising tool for combating crime	202
Savchenko A. N. Serving the accused with a copy of the indictment in the form of an electronic document	212
Smirnov V. A. Development of views on the appropriation of property found in russian criminal law before 1917: analysis of legislation.....	222
Smolkova I. V. Emergence and development of foreign legislation regulating the extradition of persons who committed crimes	238
Smolin A. V. Tactics and technology for transforming evidentiary information	252
Timofeev. S. V., Kochesokov R. K. Prospects for improving russian legislation in the field of using digital traces of crime.....	262
Tretyakova E. I., Sokolov A. B. Features of institution of a criminal proceeding on the fact of involvement of a minor in the commitment of a crime	278
Tsedrik S. V. Public danger as a differentiating legal liability sign of an offenses related to the provision of services that do not meet the requirements of safety on water and air transport	289
Information for authors	299

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 9–19.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 9–19.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.85.001

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ «ПРАВОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ», «ПРАВОВЫЕ ЦЕЛИ» И «ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ» В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Гаврюшкин Константин Артемович

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
kiren1996@mail.ru

Введение. В условиях современного государственно-правового строительства становится актуальным рассмотрение вопросов правовой политики России на современном этапе. В этой связи следует обратиться к правовым категориям, являющимся значимыми в процессе осуществления правового регулирования, а именно: к правовым интересам, правовым целям и правовым ценностям. В настоящем исследовании будет раскрыта сущность каждой из категории, проведена линия взаимосвязи их между собой, а также обозначена их роль в законодательстве в области как внутренней, так и внешней политики Российской Федерации.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых советского и современного периодов, а также нормы законодательства Российской Федерации. В ходе проведенного исследования был применен сравнительно-правовой метод, основанный на анализе научных, исторических и нормативных правовых источников.

Результаты исследования позволили определить взаимосвязь категорий правовые интересы, правовые цели и правовые ценности в теоретико-правовой науке на современном этапе, установить роль данных категорий на законодательном уровне в области правового регулирования.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило раскрыть сущность правовых категорий: правовые интересы, правовые цели и правовые ценности с точки зрения теории права. Также в результате работы установлена взаимосвязь данных категорий, что подтверждается их использованием в законотворческой деятельности на современном этапе государственно-правового строительства.

Ключевые слова: правовые интересы, правовые цели, правовые ценности, правовое регулирование, правовая политика, государство, правотворчество

Для цитирования: Гаврюшкин К. А. Взаимосвязь категорий «правовые интересы», «правовые цели» и «правовые ценности» в правовом регулировании на современном этапе государственно-правового строительства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. Журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 9-19.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.85.001

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

RELATIONSHIP BETWEEN THE CATEGORIES OF "LEGAL INTERESTS", "LEGAL OBJECTIVES" AND "LEGAL VALUES" IN LEGAL REGULATION AT THE PRESENT STAGE OF STATE-LEGAL CONSTRUCTION

Konstantin A. Gavryushkin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation,
Irkutsk, kiren1996@mail.ru

Introduction. In the conditions of modern state-legal construction, it becomes relevant to consider the issues of legal policy of Russia at the present stage. In this regard, it is necessary to refer to the legal categories that are significant in the process of implementation of legal regulation, namely: legal interests, legal objectives and legal values. The present study will reveal the essence of each of the categories, draw a line of their interrelation with each other, and outline their role in the legislation in the field of both domestic and foreign policy of the Russian Federation.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles of scientists, Soviet and modern periods, as well as the norms of the legislation of the Russian Federation. In the course of the study, a comparative legal method was used based on the analysis of scientific, historical and regulatory legal sources.

The Results of the Study made it possible to determine the relationship of the categories of legal interests, legal goals and legal values in theoretical and legal science at the present stage, to establish the role of these categories at the legislative level in the field of legal regulation.

Findings and Conclusions. The study revealed the essence of the legal categories of legal interests, legal goals and legal values from the point of view of legal theory. Also, as a result of the work, the relationship of these categories was established, which is confirmed by their use in legislative activity at the present stage of state and legal construction.

Keywords: legal interests, legal goals, legal values, legal regulation, legal policy, state, lawmaking.

For citation: Gavryushkin K.A. VZaimosvyaz' kategorij «pravovye interesy», «pravovye celi» i «pravovye cennosti» v pravovom regulirovaniii na sovremennom etape gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva [The relationship between the categories of "legal interests", "legal goals" and "legal values" in legal regulation at the current stage of state and legal construction]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 9–19.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.85.001

Правовая жизнь современного общества в условиях повсеместных глобализационных процессов, сопровождающихся международными разногласиями, нарастающей геополитической напряженностью, а также наличием угроз природного и техногенного характера, связанных с изменениями климата, подвержена регулярному переосмыслению и переработке на уровне законодательства как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Обострившаяся за последние годы геополитическая обстановка на международной арене оказала значительное влияние на правовую жизнь современного общества, которое вынуждено переосмыслить приоритетные направления дальнейшей жизнедеятельности. Такое переосмысление правовых взглядов в настоящее время выражается в том числе в пересмотре и переоценке таких правовых категорий, как правовые интересы, правовые цели и правовые ценности, которые занимают особое место в правовом регулировании государства.

Представляется необходимым рассмотреть данные правовые категории с точки зрения теоретико-правовой науки, определить их роль в правовой жизни современного общества, а также оценить их значимость в механизме правового регулирования.

Значимость теоретического изучения правовой политики государства нельзя переоценить, потому как только право, являясь регулятором общественных отношений, способно обеспечить контролируемый процесс жизнедеятельности общества с соблюдением всех установленных норм и правил, формировавшихся на протяжении многих веков. Уже в советский период ученые отмечали, что право имеет особое значение в деятельности государства. Так, В. П. Казимирчук утверждает, что «право представляет собой важнейшее средство преобразования общественных отношений» [1, с. 37]. При этом право осуществляет такие преобразования посредством правового регулирования общественных отношений. Наравне с вышеуказанным ученым А. С. Пашков и Д. Д. Чечот отмечают, что «право является регулятором общественных отношений». При этом авторы утверждают, что важно соблюдение следующих факторов: «а) правильно определить направление (цель) правового регулирования; б) правильно выбрать наилучшие (оптимальные) средства правового регулирования; в) установить, насколько эффективно эти средства способствуют развитию социалистического общества в нужном направлении» [2, с. 3]. Данные факторы, несомненно, имеют особое значение при осуществлении правового регулирования. Однако для их определения необходимо понимать, в чьих интересах будет применяться данное регулирование, а также раскрыть содержание такого интереса.

Стоит сказать, что на протяжении долгого времени существования права, в процессе его всестороннего изучения ученые не обращались к вопросу о том, в чьих интересах действует право. Несомненно, что категория интереса играет определяющую роль в процессе правотворчества, помогая законодателю определить приоритетные направления в процессе правового регулирования общественных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемую категорию интереса в области права и правового регулирования стоит считать правовой, поскольку она играет определяющую роль как в процессе правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности, так и на всех других этапах осуществления правового регулирования в современном государстве. Данный тезис обуславливается тем, что вся деятельность в области права осуществляется в интересах человека. При этом любая правовая деятельность осуществляется как в субъективных интересах (отдельной категории граждан), так и в объективных интересах всего народа. По мнению С. Сабиленова, «возведенная в закон воля господствующего класса обуславливает его объективно существующим интересом, и этот общий объективный интерес, будучи осознанным, служит основой формирования единой законодательной воли данного класса» [3, с. 112].

Наравне с правовыми целями и правовыми интересами определяющее значение в процессе правового регулирования имеет правовая категория «ценности». Отправной точкой в появлении ценностей в теоретико-правовой науке следует считать 70–80-е годы советского времени. В данный период было положено начало изучению социальной ценности права такими учеными, как С. С. Алексеев и В. Н. Кудрявцев. Полагаем, что появление интереса к данной категории с точки зрения права обусловлено перестройкой власти после Второй мировой войны. «Изучение социальной ценности социалистического права представляется важным перспективным направлением дальнейшего развития советской юридической науки», пишет в своей работе С. С. Алексеев [4, с. 21]. Также автор утверждает, что «право – это величайшая социальная ценность и в современном обществе тоже» [5, с. 7]. На основе работ советских ученых В. Н. Кудрявцев в своей работе приходит к выводу, что некоторые социальные ценности возникли в сфере экономических, политических и идеологических отношений, однако, получив закрепление в праве, они становятся правовыми ценностями, юридическими идеями-принципами [6, с. 99]. Важно определить, что данный автор одним из первых раскрывает вопрос ценностей в праве и определяет их как категорию «правовые ценности».

Все вышесказанное позволяет определить, что правовые категории, интересы, цели и ценности в области теории права стали предметом изучения совсем недавно, в то время как их роль и применение в области законодательства и правового регулирования имели значение с момента зарождения государственно-правовых отношений.

Позднее изучение категорий «интересы», «цели» и «ценности» в теоретико-правовой науке, а также отсутствие конкретного определения роли и взаимосвязи данных категорий в правовом регулировании общественных отношений обуславливает

актуальность и необходимость тщательного исследования и раскрытия сущности данных категорий как правовых явлений на современном этапе государственно-правового строительства. Для рассмотрения проблематики вопроса о значимости и взаимосвязи категорий «правовые интересы», «правовые цели» и «правовые ценности» в современном государстве считаем целесообразным обратиться к его правовой политике, а также рассмотреть мнения и взгляды современных ученых на данные категории с точки зрения теории права.

Вся деятельность государственных органов, осуществляющих как внутреннюю, так и внешнюю политику, должна исходить из норм и установок, определенных международным и российским правом. При этом применение правовых интересов, правовых целей и правовых ценностей как совокупности правовых категорий представляется важным перспективным направлением дальнейшего развития правовой жизни современного общества, которое будет способствовать совершенствованию правотворческой деятельности и окажет положительное влияние на правовую политику государства. Для подтверждения нашего предположения, а также в целях достижения полноты раскрытия темы настоящего исследования целесообразно дать определение правовой политики в современной теории права, раскрыть значимость категорий: «правовые цели», «правовые интересы» и «правовые ценности» в теоретико-правовой действительности государства на современном этапе государственно-правового развития.

Учитывая, что за последние годы многие ученые в своих работах предпринимали попытки раскрытия понятия правовой политики, по нашему мнению наиболее точную дефиницию предложил профессор А. В. Малько, который определил правовую политику как «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» [7, с. 8]. В своем определении ученый подчеркивает конкретные цели правовой политики, однако в современной действительности российского права имеет место выделение более широкого комплекса правовых целей, среди которых особую значимость приобретают функции по укреплению и защите национальных интересов и традиционных духовно-нравственных ценностей.

Развитие современной государственности, обусловленное научными открытиями, внедрением инновационных технологий во все сферы жизнедеятельности, развитием и появлением новых отраслей в области социальной занятости, влечет неизбежное развитие, а вместе с тем и изменение правовых норм и всей правовой политики России. Так, за последние годы Российская Федерация все чаще подвержена негативному, а в некоторых случаях и враждебному настрою иностранных государств, сопровождающемуся попытками подконтрольного влияния на внутригосударственную жизнь населения. Например, действия Соединенных Штатов Америки в области внешней политики направлены «на всемерное ослабление

России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности»¹. Таким образом, для ведения грамотной правовой политики первоочередной задачей является определение ее целей и векторов будущей государственной деятельности.

С учетом вышесказанного научному осмыслинию с точки зрения современной теории права подлежит категория «правовые цели». Так, теоретики права нередко сравнивают ее с категорией «цели права». Как верно отмечает Е. А. Мызникова, «понятие правовые цели более шире, чем понятие «цели в праве», которое является его составляющим элементом и входит в его состав». Также автор в своем исследовании определяет, что именно высшие правовые цели могут служить необходимым вектором для нормальной и ответственной реализации права, для всякого перспективного развития всей системы права и законодательства в обществе. Ведь именно посредством признания целей в праве законодатель способен будет точно определить характер и социальную значимость тех или иных фактов и явлений жизни каждого человека, народа или общества в целом» [8, с. 68–69].

Однако в рамках изучения данной темы под правовыми целями, по нашему мнению, необходимо понимать ожидаемую и желаемую идеальную модель правового состояния общества и его частей, которую можно достичь в результате действия законодательства в целом. Такие цели должны указываться в тексте каждой отдельной нормы, чтобы правоприменитель мог осмысленно и полноценно руководствоваться тем или иным законом.

Что касается целей правовой политики государства, следует заметить, что основополагающим документом, определяющим приоритеты, цели и меры в области внутренней и внешней политики, а также национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, согласно Федеральному закону от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента Российской Федерации.

Наряду с этим данный нормативный правовой акт определяет основные национальные интересы российского общества на современном этапе. А раз эти интересы закреплены в норме права, то с уверенностью можно утверждать о том, что они являются правовой категорией. Р. Е. Гукасян, разграничивая правовые и охраняемые законом интересы, отмечает, что и те и другие являются «социальными явлениями и правовыми категориями». Также автор определяет правовые интересы как «продукт условий общественной жизни, в ткань которой органически вплетено

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 01.04.2023).

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 20.09.2024)

правовое регулирование как один из его компонентов» [9, с. 116]. Исходя из этого, можно утверждать, что правовые интересы являются компонентом правового регулирования и имеют свое отражение в законе.

Так, с точки зрения законодательства, согласно Стратегии «правовыми интересами» Российской Федерации являются: «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений».

Подчеркнем, что настоящая Стратегия, являясь базовым документом стратегического планирования, определяет как общую цель государственно-правовой политики Российской Федерации, так и цели по каждой из вышеупомянутых сфер интересов российского общества. В соответствии с этим можно провести прямую корреляцию категорий «правовые цели» и «правовые интересы», поскольку деятельность правоприменительных органов в сфере национальной безопасности Российской Федерации направлена на достижение установленных правовых целей.

Правовые цели государственной политики, в свою очередь, составляют совокупность форм и моделей социальной жизни общества, которые по своему характеру являются интересами граждан. Среди таких правовых целей Стратегия определяет широкий спектр, однако среди них, по нашему мнению, стоит выделить следующие: устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства, повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина, создание условий для мирного социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечение ее военной безопасности, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, суверенитет в информационном пространстве, создание

условий для экономического роста, обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны, обеспечение качества окружающей среды, необходимой для благоприятной жизни человека, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Анализ правовых категорий «правовые цели» и «правовые интересы» в правовой политике государства позволяет сделать вывод о том, что наряду с вышеуказанными категориями корреляционной зависимости подлежит категория «правовые ценности». С целью осмыслиения данного факта на теоретическом уровне обратимся к дефиниции данного понятия. Так российский ученый С. В. Михайлов определяет правовые ценности как «обобщенные правовые цели и правовые средства их достижения, выполняющие роль правовых норм» [10, с. 9]. В свою очередь, М. С. Балаянц утверждает, что «правовые ценности – это принципы регенерации правовой жизни, переживаемые людьми и определяемые культурой формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые через сложный механизм мотивации обуславливают правомерность поведения, общие правовые оценки явлений правовой жизни общества и человека» [11, с. 11]. Особое внимание следует уделить мнению доктора юридических наук А. Н. Бабенко, который дает следующее понятие правовым ценностям: «это переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий» [12, с. 14]. По нашему мнению, правовыми ценностями стоит считать особо значимые материальные и духовные объекты общественной жизни (как отдельных граждан, так всего общества и государства), имеющие законодательное закрепление и являющиеся идеалом, к которому необходимо стремиться каждому гражданину.

В подтверждение вышесказанному отметим, что в Стратегии среди национальных интересов, а также целей государственной политики особое место выделяется защите и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Важное значение категории «правовые ценности» в российском правовом регулировании придает тот факт, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Настоящий нормативный правовой акт, являясь основой государственно-правовой политики, понимает под правовыми ценностями «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, колLECTИВИЗМ, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России».

Анализ данной нормы права также позволяет подчеркнуть особую значимость и взаимосвязь правовых категорий: «правовые цели» и «правовые ценности». Это подтверждается тем фактом, что одной из целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является «сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению».

На основе описанного, а также с целью подтверждения особой значимости вышеупомянутых правовых категорий следует определить, что в то время, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в большей мере определяет внутригосударственную правовую политику, правовым актом, определяющим цели и интересы государства на международном уровне, является Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Настоящая Концепция среди интересов, выделенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, включает в значение понятия «правовые (национальные) интересы» следующее: поддержание стратегической стабильности, укрепление международного мира и безопасности; укрепление правовых основ международных отношений; защиту прав, свобод и законных интересов российских граждан и защиту российских организаций от иностранных противоправных посягательств; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации.

Рассматривая данные правовые категории, следует обратить внимание на точность и ясность изложения нормативного документа с целью дальнейшего недопущения ошибки или путаницы при его интерпретации. Такого же мнения придерживается и А. Ф. Черданцев, который пишет, что «цели и интересы определенного класса, классовый подход к тем или иным социальным ценностям, классовая политика, мораль, правосознание влияют на сознание интерпретатора и откладывают отпечаток на процесс и результат толкования. В случае неадекватного отражения в праве целей и интересов классов, стоящих у власти, эти цели, интересы, политика, классовое отношение к различным социальным ценностям могут послужить аргументом для «приспособливающего» толкования права, фактического изменения содержания норм права путем интерпретации в угоду господствующему классу» [13, с. 106].

В заключение стоит отметить, что правовые категории: «правовые цели», «правовые интересы» и «правовые ценности», рассматриваемые в правовой политике государства, находятся в прямом правовом взаимодействии и взаимосвязи между собой, а также играют важную роль как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казимирчук, В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37–44.

2. Пашков, А. С., Чечот, Д. Д. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3-11.
3. Сабикенов, С. Изучение категории интереса в праве // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 112-116.
4. Алексеев, С. С. Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 13-21.
5. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев ; предисловие С. А. Степанова ; вступительная статья А. П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. LXXX, 223 с.
6. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение. М. : Юрид. лит., 1978. 192 с.
7. Малько, А. В. Правовая политика современного общества: от теории к практике // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Право. 2012. № 3-4. С. 8-14.
8. Мызникова, Е. А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 214 с.
9. Гукасян, Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 113-116.
10. Михайлов, С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 200 с.
11. Балаянц, М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.
12. Бабенко, А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2002, 395 с.
13. Черданцев, А. Ф. Гносеологическая природа толкования права // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 105-109.
14. Авдеева, О. А., Степанова Е. Е. Теоретико-методологические аспекты реализации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти в условиях колонизации северо-западных территорий Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 3(94). С. 9-17.

REFERENCE

1. Kazimirchuk V. P. Social'nyj mehanizm dejstvija prava [Social mechanism of law]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet state and law. 1970, no. 10, pp. 37-44.
2. Pashkov A. S., Chechot, D. D. Jeffektivnost' pravovogo regulirovaniya i metody ee vyjavlenija [Efficiency of legal regulation and methods of its identification Soviet state and law]. 1965, no. 8, pp. 3-11.
3. Sabikenov S. Izuchenie kategorii interesa v prave [Study of the category of interest in law]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet state and law. 1968, no. 5, pp. 112-116.
4. Alekseev S. S. Social'naja cennost' socialisticheskogo prava kak reguljatora obshhestvennyh otnoshenij [Social value of socialist law as a regulator of social relations]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet state and law. 1968, no. 3, pp. 13-21.
5. Alekseev S. S. Social'naja cennost' prava v sovetskem obshhestve [Social value of law in Soviet society]. Ekaterinburg: Humanitarian University, 2019, LXXX, 223 p.

6. Kudryavtsev V. N. *Pravo i povedenie* [Law and behavior]. Moscow, 1978, 192 p.
7. Malko A. V. *Pravovaja politika sovremennoj obshhestva: ot teorii k praktike* [Legal policy of modern society: from theory to practice]. Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Serija: Pravo – Vestnik of the Mariupol State University. Series: Law. 2012, no. 3-4, pp. 8-14.
8. Myznikova E. A. *Celi v prave: teoretiko-pravovoj analiz* : dis. ... kand. jurid. nauk. [Objectives in Law: Theoretical and Legal Analysis: Dis. ... Cand. Sciences (Law)]. Krasnodar, 2011, 214 p.
9. Gukasyan R. E. *Pravovye i ohranjaemye zakonom interesy* [Legal and statutory interests]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet State and Law. 1973, no. 7, pp. 113-116.
10. Mikhailov S. V. *Pravovye cennosti: teoretiko-pravovoj aspekt* : dis. ... kand. jurid. nauk. [Legal Values: Theoretical and Legal Aspect: Dis. ... Cand. Sciences (Law)]. Rostov-on-Don, 2011, 200 p.
11. Balayants M. S. *Fundamental'nye pravovye cennosti sovremennoj obshhestva* : dis. ... kand. jurid. nauk. [Fundamental Legal Values of Modern Society: Dis. ... Cand. Sciences (Law)]. Moscow, 2007, 176 p.
12. Babenko A. N. *Pravovye cennosti i osvoenie ih lichnost'ju* : dis. ... d-ra. jurid. nauk. [Legal Values and Their Development by the Individual: Dis. ... Dr. of Law]. Moscow, 2002, 395 p.
13. Cherdantsev A. F. *Gnoseologicheskaja priroda tolkovaniya prava* [Gnoseological nature of interpretation of law]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet state and law. 1972, no. 11, pp. 105-109.
14. Avdeeva O. A. *Teoretiko-metodologicheskie aspekty realizacii pravovoj politiki v sfere territorial'noj organizacii gosudarstvennoj vlasti v uslovijah kolonizacii severo-zapadnyh territorij Severnoj Ameriki* [Theoretical and methodological aspects of the implementation of legal policy in the sphere of territorial organization of state power in the context of the colonization of the northwestern territories of North America]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3 (94), pp. 9-17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврюшин Константин Артемович, старший преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России. 664074, Иркутск, улица Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavryushkin Konstantin Artemovich, Senior Lecturer, Department of Physical Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, 110 Lermontov str.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 20–29.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 20–29.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 329.15

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.17.87.002

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА (ОТ Р. ГЕНОНА К Ю. ЭВОЛЕ): ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА ФАШИЗМА С ПРАВЫХ ПОЗИЦИЙ

**Грибанов Дмитрий Владимирович¹, Коровин Кирилл Сергеевич², Костюнина
Ольга Владиславовна³**

¹⁻²Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

³Байкальский государственный университет, Иркутский государственный
университет, г. Иркутск, Российская Федерация

¹dvgribanov@yandex.ru

²korovinscience@yandex.ru

³Mayolgak@mail.ru

Введение. В статье раскрываются отдельные вопросы, связанные с политико-правовым учением интегрального традиционализма, которое оказало существенное влияние на становление и развитие крайне правых идеологий в Европе XX в.

Материалы и методы. Авторы подробно анализируют ключевые работы Р. Генона и Ю. Эволы, используя подходы истории политических и правовых учений: биографический, историко-понятийный и доктринальный.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс изменения и трансформации интегрального традиционализма от классического философского направления до политico-правового учения.

Выводы и заключения. Традиционализм как направление философской мысли не связан непосредственно с фашизмом, как говорят об этом некоторые исследователи. Наоборот, Ю. Эволя критикует итальянский фашизм за то, что ему не хватает теоретической обоснованности с позиций традиционализма, а также за его тоталитаризм.

Ключевые слова: интегральный традиционализм, итальянский фашизм, примордиальная традиция, сакральное государство, духовная власть

Для цитирования: Грибанов Д.В., Коровин К.С., Костюнина О.В. Политико-правовое учение традиционализма (от р. Генона к ю. Эволе): философская критика фашизма с правых позиций // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. Журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 20–29.

DOI : 10.55001/2312-3184.2024.17.87.002

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF TRADITIONALISM (FROM R. GUENON TO Y. EVOLA): PHILOSOPHICAL CRITICISM OF FASCISM FROM THE RIGHT

Dmitry V. Gribanov¹, Korovin S. Kirill², Olga V. Kostyunina³

¹⁻²V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

³Baikal State University, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹dvgribanov@yandex.ru

²korovinscience@yandex.ru

³Mayolgak@mail.ru

Introduction. The article reveals some issues related to the political and legal doctrine of integral traditionalism, which had a significant impact on the formation and development of extreme right-wing ideologies in Europe in the 20th century.

Materials and Methods. The authors analyze in detail the key works of R. Guenon and Yu. The evolutions using the approaches of the history of political and legal doctrines: biographical, historical-conceptual and doctrinal.

The Results of the Study allowed us to reveal the process of change and transformation of integral traditionalism – from the classical philosophical trend to the political and legal doctrine.

Findings and Conclusions. Traditionalism as a branch of philosophical thought is not directly related to fascism, as some researchers say. On the contrary, Yu. Evola criticizes Italian fascism for the fact that it lacks theoretical validity from the standpoint of traditionalism, as well as for its totalitarianism.

Keywords: integral traditionalism, Italian fascism, primordial tradition, sacred state, spiritual authority

For citation: Gribanov D.V., Korovin K.S., Kostyunina O.V. Politiko-pravovoe uchenie tradicionalizma (ot r. Genona k ju. Jevole): filosofskaja kritika fashizma s pravyh pozicij [Political and legal doctrine of traditionalism (from R. Guenon to J. Evola): philosophical criticism of fascism from the right positions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo

institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 20–29.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.17.87.002

Традиционализмом принято называть ориентацию индивидуального, группового или общественного сознания на ценности прошлого, которое противопоставляется настоящему. Другими словами, традиционализм – это определенное умонастроение, проявляющее себя в идеологической, политической и бытовых сферах и более всего своеобразное обществам с низкой социальной динамикой. В такой форме традиционализм присущ едва ли не каждому обществу и присутствует в различные исторические эпохи в виде консервативных настроений, не имеющих четкой доктринальной оформленности.

Однако уже в начале XIX в., как писал А. Дугин, традиционализм заявил о себе в несколько ином качестве – своеобразной систематизированной философской рефлексии, представленной именами Ж. де Местра, Э. Берка, Ф. Р. де Шатобриана, Л. Г. А. Бональда. Такой тип философской теории зародился в полемике с либерализмом на рубеже XVIII–XIX вв. после потрясений Великой французской революции и последовавшей за ней промышленной революции [1, с. 352–594] и представлял собой социально-политическое течение философской мысли консервативного толка, однако его все же нельзя свести к консерватизму как политической доктрине.

Всплеск традиционалистских настроений в интеллектуальной среде Европы был связан с неприятием частью ее представителей новых реалий социальной жизни: высвобождения индивидуальных интересов, стремления к автономии личности, морали, основанной на извлечении прибыли, веры в технический прогресс, феномена урбанизации и т. п. Такой поворот не ограничивался одной только критикой и попытками реанимации предшествующего социально-политического устройства общества. «Помимо экономических и политических интересов, – пишет М. М. Федорова, -- традиционализм ... выражал надежды значительных общественных слоев на выявление универсального смысла мирового целого, который бы связал индивида с идеальным порядком, подобным существовавшему во времена «золотого века» человечества или конкретного государства» [2, с. 147–150].

Традиционалисты были заняты поисками средств гармонизации между такими сферами, как политика, экономика, мораль, и выдвигали в качестве альтернативной модели современного им общества свою, опирающуюся на принцип органиизма. С точки зрения мыслителей традиционалистской ориентации, общество следует рассматривать как сложный организм, развивающийся и организующийся в соответствии с единым принципом или законом, трансцендентным и примордиальным по отношению к самому обществу. Отсюда и критика просвещенческого разума, и уверенность в неспособности отдельного человека к созданию справедливого общественного устройства [3, с. 48–49]. По-видимому, традиционалисты уловили опасность, которую несет тотальная рационализация всех сфер человеческой жизнедеятельности (действительно, это станет одной из наиболее

жгучих и обсуждаемых проблем в XX столетии), в силу чего старались ограничить абсолютистские притязания в вопросах познания и преобразования общества.

По мнению традиционалистов XIX века, индивидуальный разум должен апеллировать к некоему коллективному разуму, опыту, накопленному прошлыми поколениями, что способно уберечь его от ошибок. Характерным для традиционализма первого периода является еще и то, что в своих попытках отыскать некий скрытый общечеловеческий смысл исторического процесса в опыте прошлых поколений сторонники данного социально-философского направления обосновывали такое видение истории, в котором она предстает как плавное, линейное течение времени. По словам М. М Федоровой, традиционализм «оказался ... развернутым во всех временных отношениях: будущее для него обретается только через связь с прошлым» [4, с. 123].

Трагический опыт XX столетия, со всей наглядностью выявивший несостоятельность новоевропейского проекта культуры, стал для мыслителей, принадлежащих к неклассической философской традиции, поводом к критическому переосмыслинию основных теоретических установок философии культуры Нового времени, что означало для традиционализма вступление в новую fazu. Причем традиционалистская мысль, по сравнению с теоретизированием философов-традиционалистов XIX века, отличалась куда более радикальным характером. Можно сказать, что в целом ее развитие протекает примерно в том же русле, что и рассуждения сторонников «философии жизни», видевших, по словам И. Н. Колядко, истоки кризиса западноевропейской культуры в иудео-христианской традиции [5, с. 44].

Так, в первой половине XX века французский философ Р. Генон формулирует основные положения философского традиционализма нового поколения. При этом он опирается на ряд восточных и западных учений и синтезирует выработанные в их рамках идеи таким образом, чтобы они составили комплекс мировоззренческих установок, контрапротивных по своему значению тем посылкам, что образовали основу философии культуры Нового времени. Здесь речь идет прежде всего, как утверждает Е. А. Куликов, о просвещенческом типе гуманизма, унаследованном эпохой Нового времени от Ренессанса и постулирующем самоценность личности, а также о рационализме с его претензией на всезнание, глобальном историзме с присущими ему субстанциальными схемами социального развития и утопическими идеалами будущего [6, с. 10–16].

В соответствии с общей установкой европейской философии начала XX века на «онтологизацию» метода Р. Генон включает свою философию культуры в обязательный для системы контекст онтологии. Для построения своей онтологии он обращается к манифестионистским концепциям, в которых, в отличие от теистических (с их пониманием тварного сущего как свободного), постулируется жесткая зависимость сущего от первоначала. Р. Генон полагает в качестве основы сущего некий порождающий примордиальный Принцип. Помимо этого, в отличие от прогрессистских схем культурно-исторического процесса, французский философ принимает концепцию циклического времени, а рациональным способом познания

предпочитает особый способ постижения трансцендентного смысла бытия посредством мистического созерцания или интеллектуальной интуиции [7, с. 220–221].

Высший принцип – это ключевая категория генонизма, которая получает апофатическое определение. В соответствии с традицией индийской мысли Р. Генон интерпретирует Высший принцип как метафизическое единство полярных аспектов: активного и пассивного или Пракрити и Пуруши. Эти категории и есть первая ступень манифестации Высшего Принципа, которые, находясь за пределами сущего, т. е. всего того, что так или иначе существует, определенным образом обуславливают это существование. Знание категорий Пракрити и Пуруши составляет некую Примордиальную Традицию, известную человечеству в начале истории и непроницаемую для него в ее конце [8, с. 243–246].

Если задаться вопросом о содержании категории «Примордиальная Традиция», то она может быть понята как своего рода архетип культуры или совокупность неких внеисторических и общезначимых императивов, проявляющих себя в виде социокультурных образований, то есть задающих интегральные связи внутри общества посредством общественных отношений. Так, по мнению Р. Генона, все традиционные культуры в основе своей имеют один и тот же принцип организации, то есть Примордиальную Традицию, по отношению к которой сами они выступают в качестве ее вторичных форм, обусловленных исторически свойственными каждой из них особенностями [9, с. 511].

Развитие истории, а вместе с ним деградация человеческой культуры и общества обусловлена, согласно учению Генона, действием циклических законов. В соответствии с этими законами сущее на момент его возникновения в большей степени подвержено влиянию гармонизирующего принципа (Пуруши), более того, сознание человека имеет свойство воспринимать это влияние и реализовывать его в своей жизни, но с течением времени нарастает влияние деструктивного начала (Пракрити), приводящее мир к хаосу, признаками которого, как считает Р. Генон, является рационализм, индивидуализм, гуманизм и демократические общества [8, с. 232]. «Самые решительные доводы против демократии, – пишет Р. Генон, – можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно» [9, с. 487].

Но вот что представляет особый интерес в концепции Р. Генона, так это его теория элит. Сам французский традиционалист после принятия ислама вел жизнь традиционного суфия и практически не выезжал из Каира. Его философские труды были, без сомнения, адресованы европейскому читателю, но Р. Генон был крайне осторожен в своих политических высказываниях и идеях, однако его философия серьезно сказалась на мышлении и политических инициативах последователей, в частности, здесь мы можем привести в пример итальянского потомка аристократического рода – барона Ю. Эволу.

Итак, возвращаясь к проблеме теории элит Р. Генона, следует заметить, что в основе ее, судя по всему, лежит индийское учение о гунах (аюрведа) или качествах человеческого ума, человеческой природы. Их смешение дает определенный тип человеческой личности и ее способностей, иначе говоря, с этой точки зрения люди принципиально различны по своей природе, а их социальное положение, род занятий и возможности определяются соотношением гун. На этой основе общество должно представлять из себя иерархизированную систему, где каждому отведена своя функция в соответствии со способностями [8, с. 243–246]. Р. Генон подвергает резкой критике современное представление об универсальности человека, то есть о его способности заниматься любым видом деятельности, в том числе политикой. Управление и организация общества – дело высшей элитарной части человечества, которая способна приобрести необходимые для этого знания только посредством инициации. В свою очередь, инициация – это не просто смена социального статуса, но принципиальное изменение природы человека путем приобретения некоего эзотерического знания, постиг чье способны только избранные [10, с. 94].

Л. Повельс в своей книге «Утро магов» заявил, что «фашизм – это генонизм плюс танковые дивизии» [11, с. 34]. Справедливо ли такое обвинение в адрес Р. Генона – решать не нам, но интересно в этой связи обратиться к критике фашизма в представлениях вышеупомянутого последователя, – Ю. Эволы. Он призывает к анализу фашизма без намеренного очернения или идеализации, то есть к беспристрастному взгляду на фашизм как течение правого толка. Философ заявляет, что «необходимо, насколько возможно, вычленить в фашизме идеи, роднящие его с великой европейской политической традицией, и отсечь те, которые в результате компромисса подверглись искажению или прямому извращению, что породило явления, пораженные тем же недугом, с которым намеревались бороться» [12, с. 281]. По мнению итальянского мыслителя, фашизм был реакцией на послевоенный кризис самой идеи государства, авторитета и центральной власти в Италии. Однако дальнейший анализ фашизма приводит к выводу о попытке Ю. Эволы реализовать философское теоретизирование своего учителя в конкретной политической доктрине.

Итальянский традиционалист высоко оценивает попытку фашизма вернуть государству некий мистический, трансцендентный смысл в противовес идеологиям либерального толка, в которых понятие власти понимается исключительно в функциональном смысле: как механизм обеспечения определенного набора прав, оставляющий индивиду свободу самоопределения. Такое извращение европейской политической традиции приводит к иррациональным и необъяснимым всплескам анархического и разрушительного бунта молодежи, разгорающегося в самых благополучных странах, что свидетельствует об абсурдности и отсутствии всякого смысла в социализированном, рационализированном и материалистическом существовании, втиснутом в рамки так называемого «общества потребления» [12, с. 298].

«В традиционном обществе эта проблема решалась благодаря наличию особой литургии или мистики верховной власти, составляющей неотъемлемую часть системы. Поэтому не стоит огульно осуждать шаги, предпринятые фашизмом в его

стремлении сохранить общую атмосферу высокого напряжения. Скорее следует провести границу, за пределами которой эти начинания обретали пародийный и неподлинный характер. С одной стороны, это было вызвано несовпадением принципов и целей, с другой – отсутствием подходящих людей» [13, с. 177].

Ю. ЭвOLA упрекает итальянский фашизм за нерешительность сделать государство и власть сакральными, как он говорит, «окончательно узаконить государство», чему мешали, по мнению ученого, натянутые отношения режима с католической церковью. Но без сакрализации государства попытки Б. Муссолини придать ему моральное содержание, с точки зрения Ю. Эволов, были обречены на провал, поскольку мораль, не имеющая укорененности в трансцендентном, есть не более, чем общественное соглашение. Нерешенность этой проблемы, когда отсутствует «высшая (в некотором смысле – преображающая) точка отсчета, которая, как было сказано, относится к уровню, превосходящему область простой этики», делает справедливым взгляд на фашизм как на некую разновидность «современной обмирщенной и «языческой» мистики». Отсюда проистекает и критика Ю. Эволовой понятия «нации». Чувства к нации и родине он называет примитивными, что есть не более, чем плохо понятый «традиционализм». «В Италии, вследствие исторически сложившихся обстоятельств, это понятие не имело ничего общего с традицией, понимаемой в высшем смысле, но ассоциировалось с буржуазным, «благоразумным», умеренным и конформистским консерватизмом с католической закваской» [14, с. 39].

Одним из наиболее существенных недостатков фашизма Ю. Эволова называет тоталитаризм. Тоталитарное государство организует общество посредством вмешательства во все сферы жизни. Ю. Эволова противопоставляет тоталитарному государству образ традиционного государства, которое «органично, а не тоталитарно. Оно строится на иерархической основе и допускает существование частичной автономии. Оно координирует и сплачивает в высшем единстве силы, за которыми, однако, признает свободу. Благодаря своей силе оно не нуждается в механической централизации» [12, с. 196]. Тоталитаризм, свойственный фашизму, Ю. Эволова трактует как отклонение и напоминает читателю об изначальном желании Б. Муссолини создать иерархичное государство, в котором иерархии «должны обладать душой» и, в конечном счете, вырасти в элиту.

Здесь интересно будет прояснить два понятия: «свобода» и «элита». Свобода понимается Ю. Эволовой вовсе не в значении политической свободы или свободы самореализации, свободы выбора и в прочих привычных нам значениях. Свобода – это возможность и даже обязанность индивида преодолеть свою природную сущность, когда он находится в отлаженном организме сакрального государства. Можно предположить, что за рассуждениями Ю. Эволовы стоит свойственная восточной философии мысль о необходимости освобождения от пут материального мира и всякой привязанности к нему, о жертве собственной индивидуальности во имя безличного Абсолюта [15, с. 64].

Далее Ю. Эволова критикует итальянский режим за нежелание отказаться от партии. Само существование партии он считает абсурдным, но в еще большей степени его возмущает массовый характер фашистской партии, членство в которой

навязывалось всем без разбора. Идея Ордена, по мнению философа, могла бы спасти ситуацию в том случае, если бы «энергия, первоначально воодушевлявшая фашистское движение национального и политического возрождения, после прихода к власти должна была преобразиться в естественную движущую силу, способствующую воспитанию и отбору соответствующего человеческого типа» [12, с. 201]. Но что означает этот «человеческий тип»? Ю. Эвола не дает разъяснений данному понятию, да, собственно, это и не относится к компетенции «кшатриев», к которым сам себя причислял итальянский традиционалист. Удел кшатрия – сила, поэтому за разъяснением мы вновь обращаемся к Р. Генону.

Человеческий тип, достойный принадлежать к интеллектуальной элите (интеллектуальной не в профанном, а в эзотерическом смысле), – это особая раса, обладающая высшей природой. В идуизме таковыми считались люди, принадлежащие к касте брахманов. Как известно, исторически каста брахманов была образована арьями или арийцами, вторгшимися в пределы Индии и заложившими основы ведической традиции. Из этого напрашивается вывод о том, что Ю. Эвола критикует итальянский фашизм за отсутствие в нем именно тех теоретических элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дугин, А. Философия традиционализма. Серия: Новый Университет. М. : Арктогея-Центр, 2002. 622 с.
2. Федорова, М. М. Традиционализм как антимодернизм // Полис. 1996. № 2. С. 143–160.
3. Оганесян, Э. А. Мораль в пределах разума и веры: Б. Паскаль и С. Кьеркегор // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5–1. С. 48–50.
4. Федорова, М. М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX в. М., 1997. 185 с.
5. Колядко, И. Н. Христианство и западный логос: истоки кризиса новоевропейского проекта культуры // Экономика, христианство и социальные институты : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28–29 января 2017 г.). Минск : OIKONOMOS : Изд-во Минской духовной академии, 2017. С. 43–44.
6. Куликов, Е. А. Традиционалистское учение Рене Генона // Философская мысль. 2015. № 11. С. 1–54.
7. Зобков, Р. А. Метафизическая, онтологическая и гносеологическая структура универсализма Рене Генона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 218–224.
8. Генон, Р. Общее введение в изучение индусских учений. М. : Беловодье, 2013. 320 с.
9. Генон, Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
10. Генон Р. Инициация и духовная реализация. М. : Тотенбург, 2020. 248 с.
11. Повель, Л, Бержье, Ж. Утро магов. Посвящение в фантастический реализм. М. : Родина, 2020. 400 с.

12. Эволя, Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М. : ACT, 2005. 445 с.
13. Эволя, Ю. Восстание против современного мира. М. : Прометей, 2016. 476 с.
14. Седжвик, М. Традиционализм, Юлиус Эволя и Рене Генон: как эзотерическое становится политическим // Aliter. 2018. № 9. С. 38–52.
15. Эволя, Ю. Герметическая традиция. Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010. 272 с.

REFERENCE

1. Dugin, A. Filosofija tradicionalizma. Serija: Novyj Universitet [Philosophy of Traditionalism. Series: New University]. M. : Arktogeya-Centr, 2002, 622 p.
2. Fedorova, M. M. Tradicionalizm kak antimodernizm [Traditionalism as anti-modernism]. Polis. 1996, no. 2, pp. 143–160.
3. Oganesyan, E. A. Moral' v predelах razuma i very: B. Paskal' i S. K'erkegor [Morality within reason and faith: B. Pascal and S. Kierkegaard]. Humanities, Socio-Economic and Social Sciences - Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014, no. 5–1, pp. 48–50.
4. Fedorova, M. M. Modernizm i antimodernizm vo francuzskoj politicheskoj mysli XIX v. [Modernism and anti-modernism in nineteenth-century French political thought]. M., 1997, 185 p.
5. Kolyadko, I. N. [Christianity and Western Logos: The Origins of the Crisis of the New European Cultural Project]. Ekonomika, hristianstvo i social'nye instituty : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Minsk, 28–29 yanvarya 2017 g. [Economics, Christianity and social institutions : proceedings of the International scientific and practical conference (Minsk, 28-29 January 2017)]. Minsk, 2017, pp. 43–44.
6. Kulikov, E. A. Tradicionalistskoe uchenie Rene Genona [Traditionalist doctrine of René Guénon]. Philosophical Thought - Filosofskaya mysli'. 2015, no. 11, pp. 1–54.
7. Zobkov, R. A. Metafizicheskaya, ontologicheskaya i gnoseologicheskaya struktura universalizma Rene Genona [Metaphysical, ontological and epistemological structure of René Guénon's universalism]. Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk - Vestnik of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2019, no. 1 (33), pp. 218–224.
8. Genon, R. Obshchee vvedenie v izuchenie indusskikh uchenij [A general introduction to the study of Hindu teachings]. M. : Belovod'e, 2013, 320 p.
9. Genon, R. Krizis sovremenennogo mira [The crisis of the modern world]. M.: Eksmo, 2008, 784 p.
10. Genon R. Iniciaciya i duhovnaya realizaciya [Initiation and spiritual realization]. M.: Totenburg, 2020, 248 p.
11. Povel', L, Berzh'e, Zh. Utro magov. Posvyashchenie v fantasticheskij realism [Mornings of the Magicians. Dedication to fantasy realism]. M.: Rodina, 2020, 400 p.
12. Evola, Yu. Lyudi i ruiny. Kritika fashizma: vzglyad sprava [People and Ruin. Critique of Fascism: A View from the Right]. M.: AST, 2005, 445 p.

13. Evola, Yu. Vosstanie protiv sovremennoego mira [Rebellion against the modern world]. M. : Prometej, 2016. 476 p.
14. Sedzhvik, M. Tradicionalizm, Julius Evola i Rene Genon: kak ezotericheskoe stanovitsya politicheskim [Traditionalism, Julius Evola and René Guénon: How the esoteric becomes political]. Aliter. 2018, no. 9, pp. 38–52.
15. Evola, Yu. Germeticheskaya tradiciya [Hermetic tradition]. Moskow-Voronezh: TERRA FOLIATA, 2010, 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грибанов Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева. 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Коровин Кирилл Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева. 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Костюнина Ольга Владиславовна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Dmitry Vladimirovich Gribanov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Law Theory, V.F. Yakovlev Ural State Law University. 620066, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21.

Kirill Korovin Sergeevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Department of History of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University. 620066, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21.

Kostyunina Olga Vladislavovna, Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher of the Institute of Legal Studies of Baikal State University. 664003, Irkutsk, Lenin str. 11

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 30–45.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.4 (111). P. 30–45.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРАЖАМ И УГОНАМ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В 1960–1980 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА)**

Научная статья

УДК 351.741

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.90.54.003

Кнаус Олег Андреевич

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск,
knaus.oleg@yandex.ru

Введение. Одними из важнейших направлений работы правоохранительных органов является деятельность по защите собственности и по обеспечению безопасности дорожного движения. В России на современном этапе нормативные акты, организационные меры и технические средства, оперативно-розыскные формы и методы позволяют достаточно эффективно решать задачи по защите собственности от преступных посягательств. Тем не менее изменяющаяся международная обстановка и связанные с ней явления позволяют предположить негативную тенденцию увеличения количества преступлений против собственности, а также против безопасности общества и государства с использованием транспортных средств, в том числе преднамеренно для этих целей похищаемого. Учитывая изложенное, правоохранительным органам государства требуется предпринимать дополнительные меры по обеспечению безопасности населения в рассматриваемой сфере, в том числе используя как положительный, так и отрицательный опыт МВД СССР.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили статьи ученых, нормы законодательства СССР и РСФСР, ведомственные акты МВД СССР, архивные документы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов: историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс развития организации деятельности МВД СССР по противодействию рассматриваемому виду преступлений в 1960–1980 гг., выявить факторы, влияющие на эффективность данной деятельности, осветить отдельные организационные и практические аспекты деятельности подразделений УВД ИО в части реализации функции советского государства в сфере защиты собственности граждан от преступных посягательств на АМТ, ввести в научный оборот ранее не опубликованные архивные документы рассматриваемого периода.

Выводы и заключения. Проанализированные материалы позволили раскрыть специфику форм и методов, применяемых правоохранительными органами СССР в целом и Иркутской области в частности, направленных на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, связанных с кражами и угонами АМТ, а также позволили оценить её эффективность.

Ключевые слова: автотранспорт, преступность, хищение, кража, угон, милиция, уголовный розыск, Министерство внутренних дел, СССР, Иркутская область

Для цитирования: Кнаус О. А. Исторические аспекты противодействия кражам и угонам транспортных средств в 1960–1980 гг. (по материалам Управления внутренних дел Иркутского облисполкома) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 30–45.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.90.54.003

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

HISTORICAL ASPECTS OF COUNTERING THEFT AND THEFT OF VEHICLES IN THE 1960S AND 1980S. (BASED ON THE MATERIALS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE IRKUTSK REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEE)

Oleg A. Knaus

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, knaus.oleg@yandex.ru

Introduction: One of the most important areas of work of law enforcement agencies is property protection and road safety. In Russia at the present stage, normative acts, organisational measures and technical means, operational and investigative forms and methods make it possible to solve the tasks of protecting property from criminal encroachments quite effectively. Nevertheless, the changing international situation and related phenomena suggest a negative tendency to increase the number of crimes against property, as well as against the security of society and the state with the use of vehicles, including those deliberately stolen for these purposes. Given the above, law enforcement agencies of the state need to take additional measures to ensure public safety in this area, including using both positive and negative experience of the USSR Ministry of Internal Affairs.

Materials and Methods: the research materials were articles by scientists, legislative norms of the USSR and RSFSR, departmental acts of the USSR Ministry of Internal Affairs, archival documents. The methodological basis of the study is a set of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, and special methods: historical-legal, system-structural, comparative-legal.

The Results of the Study: allowed us to reveal the process of development of the organization of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR to counteract this type of crime in the 1960s and 1980s, to identify factors affecting the effectiveness of this

activity, to highlight certain organizational and practical aspects of the activities of the departments of the Department of Internal Affairs of the IO in terms of the implementation of the function of the Soviet state in the field of protecting citizens' property from criminal encroachments on the AMT, to introduce into scientific circulation earlier unpublished archival documents of the period under review.

Findings and Conclusions: the analysed materials allowed to reveal the specificity of forms and methods used by law enforcement agencies of the USSR in general and the Irkutsk region in particular, aimed at the prevention, detection and investigation of crimes related to thefts and thefts of AMTs, and also allowed to assess its effectiveness.

Keywords: motor transport, crime, embezzlement, theft, hijacking, police, criminal investigation, Ministry of Internal Affairs, USSR, Irkutsk Oblast

For citation: Knaus O. A. Istoricheskie aspekyt protivodejstviya krazham i ugonam transportnyh sredstv v 1960-1980 gg. (po materialam Upravleniya vnutrennih del Irkutskogo oblispolkoma) [Historical aspects of countering theft and theft of vehicles in the 1960s and 1980s. (based on the materials of the department of internal affairs of the Irkutsk regional executive committee)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 30–45.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.90.54.003

Период 1960–1980-х годов в СССР характеризуется ростом доходов населения и формированием общества потребления [1, с. 88]. В рассматриваемый период средняя заработка плата граждан Страны Советов выросла с 80,6 до 219,8 руб. в месяц [2, с. 12]. При этом производство товаров народного потребления не успевало за ростом доходов населения, что создало в начале 1960-х товарный дефицит [1, с. 88]. Пожалуй, самым дефицитным в рассматриваемый период товаром можно считать личный автомобиль. Советское государство не уделяло такого внимания производству легкового автотранспорта, в отличие от грузового или сельскохозяйственного [3, с. 76].

Несмотря на то, что период 1960–1980 гг. характеризуется значительным (в разы) ростом выпуска легковых автомобилей, цены на которые в различные периоды в два – три раза превышали их себестоимость, приобрести их можно было только по очереди в специализированных магазинах, по месту жительства или на предприятиях по решению профкома. Очередь на право приобретения автомашины могла быть от нескольких месяцев до десяти лет. Усугубляло положение и то, что при небольшом объеме производства на экспорт направлялось до трети от произведенных в стране легковых автомобилей. Так, в 1960 году за рубеж было экспортировано 25,5 тыс. автомашин, в 1966 г. – 67,3 тыс., что составило 21,9 % и 29,2 % от их производства соответственно [4, с. 130]. Экспорт особо популярных в Западной Европе советских моделей автомашин, таких как ВАЗ-2121 «Нива», в различные периоды мог достигать 80 %. Дефицит легковых автомобилей удалось частично преодолеть к середине 1980-х гг., когда общее количество произведенных в СССР легковых автомашин а также санкции, введенные в связи вводом советских войск в Афганистан в 1979 г., а позднее – со сбитием южнокорейского пассажирского самолета в 1983 г., создали на внутреннем рынке ситуацию, позволившую реализовывать некоторые (не престижные на тот период) модели автомобилей без многолетних очередей. К концу 1980-х гг. доля экспорта вновь возросла и составила 25,5 % в 1987 г. [4, с. 130].

Диаграмма 1

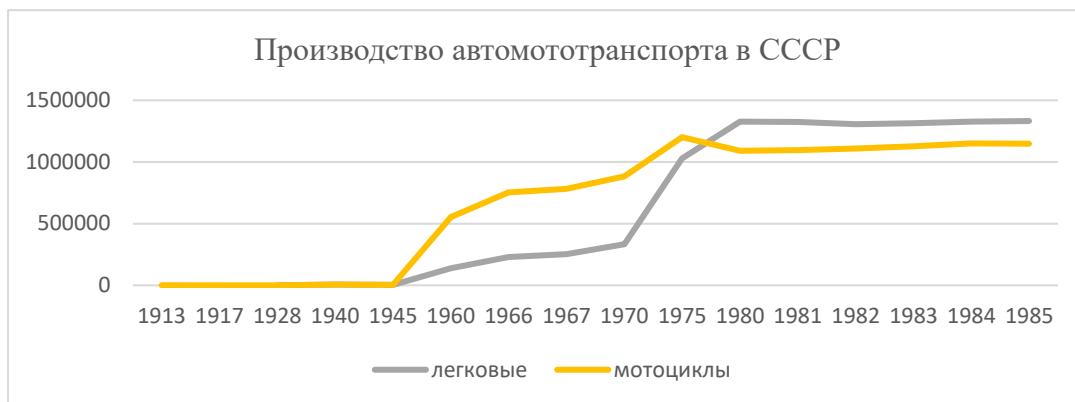

Таблица 1
Обеспеченность населения личным транспортным средством в СССР
(в расчете на 1000 человек населения)

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.
Легковые автомобили	4	6	16	30	45	52
Мотоциклы и мотороллеры	17	21	25	29	43	32

При этом необходимо отметить, что этот показатель значительно коррелировался в зависимости от региона. Так, если в РСФСР к 1985 г. количество личных автомашин на 1000 человек населения составляло 44, то в Грузии этот показатель составлял 71, а «в витрине СССР» – Эстонии – 109. Самыми «малообеспеченными» в этой сфере являлись республики Средней Азии, Молдавия и Белоруссия [2, с. 41]. В Иркутской области этот показатель составил 5 автомашин в 1970 г. и 30 – в 1980 г., что соответствовало среднему показателю по РСФСР. Этому способствовали льготные очереди (до трех лет) для рабочих и служащих, занятых на строительстве и эксплуатации БАМа и других важнейших народнохозяйственных строек Сибири и Дальнего Востока, по целевым расчетным чекам Сберегательного банка СССР. По данным УГИБДД Главного управления МВД России по Иркутской области, всего на учете ГАИ в Иркутской области состояло: в 1970 г. – 12 800; в 1980 г. – 77 280; в 1990 г. – 163 450 автомашин.

Таким образом, автомобиль для советских граждан был именно роскошью, а не средством передвижения. Аналогичная ситуация была с приобретением так называемых «тяжелых мотоциклов». Указанные выше факторы способствовали росту преступлений, связанных с хищениями автомототранспорта (АМТ), запасных частей и комплектующих, а также спекуляций, мошенничества, присвоений и других преступлений в рассматриваемой сфере.

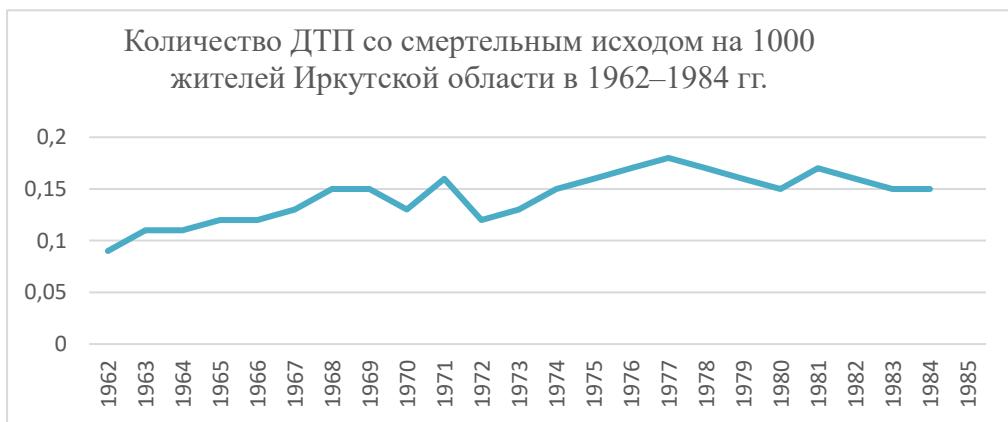
Несмотря на то, что хищение транспортного средства причиняло потерпевшей стороне значительный ущерб (средняя цена на автомобиль в 1960 г. составляла 3 030 руб., т. е. 42 средних зарплаты по стране) [5, с. 154], эти преступления

правоохранителями 1950–1960-х гг. как отдельный вид не учитывался. В статистических данных о состоянии преступности этих лет отсутствуют разделы о фактах хищения транспорта, в отличие от краж велосипедов с улиц¹. Такой подход был обусловлен низким уровнем автомобилизации населения (см. таблицу 1) [2, с. 34]. Так, в 1952 г. на территории Иркутской области было зарегистрировано всего 2 кражи государственного автотранспорта, и ни одной – личного². МВД СССР обратило внимание на этот вид преступлений лишь в конце 1960-х гг., введя его как отдельную категорию в ежегодных отчетах³.

Более пристальное внимание со стороны руководства МВД СССР уделялось противодействию так называемым «убийствам при автоавариях», т. е. нарушению правил дорожного движения со смертельным исходом. В 1958 г. в отчетах, направляемых УВД ИО в МВД СССР, появилась соответствующая графа. В этот год на территории Иркутской области было совершено 155 таких преступлений⁴, что, с учетом небольшого количества АМТ в регионе, несомненно, являлось значительным.

В этом ключе понятна позиция законодателей, закрепивших в 1965 г. угон как самостоятельную уголовно-правовую норму в главе десятой УК РСФСР 1960 г. «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»⁵. Совершая угон, виновный создавал реальные предпосылки для нарушения правил безопасности движения и тем самым создавал реальную угрозу общественной безопасности, в том числе связанной с гибелью людей [6, с. 84]. Целесообразность аналогичной нормы в российском законодательстве до сих пор вызывает многочисленные споры среди ученых-юристов и законодателей.

Диаграмма 2

¹ Архив Главного управления МВД России по Иркутской области (далее – АГУ МВД России по ИО). Ф. 14, оп. 1.

² Там же. Ф. 14, оп. 1, д. 251, л. 4.

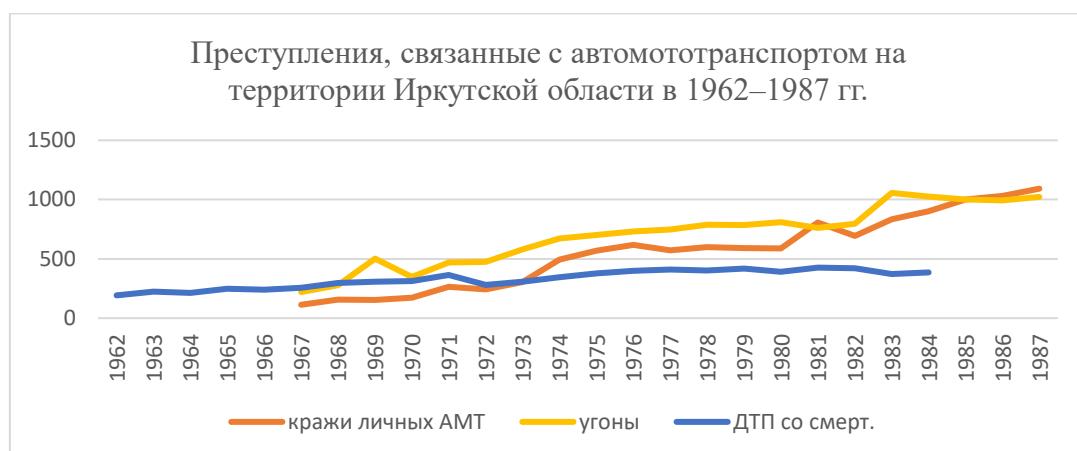
³ Там же. Ф. 14, оп. 1, д. 245, л. 34.

⁴ Там же. Ф. 14, оп. 1, д. 250, л. 24.

⁵ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

Рассматриваемый период характеризует значительным увеличением преступлений, связанных с хищением АМТ (диаграмма 3). Рост преступлений в период с 1967 г. по 1983 г. составил от 113 до 835 по кражам АМТ (в 7,3 раза) и по угонам с 220 до 1 056 (в 4,8 раза)¹. Таким образом, к середине 1980-х гг. доля похищаемых ежегодно транспортных средств в Иркутской области от состоящих на учете составила 2,45 %, что почти в пять (!) раз превышает показатель (0,4 %) на пике этих преступлений в регионе в 2012 г., когда было похищено 3 388 единиц. При этом необходимо учесть значительное количество украденных от учета таких преступлений [7, с. 250]. Например, в 1974 г. в Шелеховском ГОВД материал о краже из гаража автомашины ГАЗ-21 сотрудники милиции направили в администрацию «Жилстроя»². В этом же году в ходе сверки с инспекцией Госстраха было выявлено 55 украденных от учета краж автотранспорта, по которым милиционеры выдали фиктивные справки о возбуждении уголовных дел, с последующими страховыми выплатами потерпевшим³, что составило 11,1 % от отраженных в статистических данных⁴.

Диаграмма 3

Несмотря на постоянно ухудшающуюся обстановку в сфере хищений АМТ, в прямой постановке вопросы противодействия этим преступлениям на уровне руководства УВД ИО в рассматриваемый период не рассматривались, а затрагивались лишь в части общих вопросов краж государственного и личного имущества. Так, на коллегии по итогам 1969 г. упоминаются низкая эффективность раскрытия краж

¹ АГУ МВД России по ИО. Ф. 14, оп. 1, д. 232–245.

² О нарушениях работниками Шелеховского и Зиминского ГОВД установленного порядка регистрации, учета и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях : приказ УВД Иркутского облисполкома от 24 июля 1974 г. № 665 // Там же.

³ О фактах укрытия преступлений от учета по заявлениям граждан о возмещении страховых сумм органами Госстраха : приказ УВД Иркутского облисполкома от 26 июля 1974 г. № 666 // Там же.

⁴ Там же. Ф. 14, оп. 1, д. 241, л. 4.

веломототранспорта (раскрываемость 84 %) и слабая работа ГАИ, направленная на профилактику краж автомобилей в части организации платных стоянок¹.

На коллегии по итогам 1973 г. вопрос профилактики данного вида преступлений упоминается как задача подразделениям пропаганды ГАИ УВД ИО по предупреждению ДТП, а именно «шире освещать в печати, на радио и телевидении вопросы безопасности дорожного движения и внедрения противоугонных средств»².

На коллегии УВД ИО в 1982 г. состояние преступности в сфере, связанной с хищением транспортных средств, указывается уже «как вызывающее тревогу». Количество краж АМТ за 1981 г. выросло в регионе на 37,2 %, а раскрываемость снизилась с 80,6 % до 69,5 %³.

Недооценка важности рассматриваемого направления в деятельности ОВД привела к тому, что с конца 1960-х гг. на территории региона начали формироваться преступные группы, специализирующиеся на хищении транспортных средств. Так, в г. Усолье-Сибирское в течение июля – августа 1970 г. участились случаи краж личного автомототранспорта граждан. Для розыска преступников была создана оперативная группа в составе Писарева Владимира Дмитриевича, начальника отделения уголовного розыска Усольского ГОВД, и Сиврюка Валерия Ивановича, инспектора уголовного розыска того же отдела. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий ими были задержаны четверо опасных преступников, которые были изобличены в совершении 18 краж АМТ⁴.

Значительную долю таких преступлений совершали несовершеннолетние. Так, в июне 1976 г. в г. Усолье-Сибирское инспекторами уголовного розыска Ворсиным Владимиром Ильичом, Катышевым Николаем Владимировичем и Пушкаревым Сергеем Михайловичем в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий были выявлены 3 группы несовершеннолетних, которые совершили 15 краж и угонов АМТ⁵.

В этот же период отмечается возникновение в регионе организованных преступных группировок, специализирующихся на кражах автомобилей. Так, 27 октября 1975 г. на территории Иркутской области была задержана преступная группа в составе В. В. Шичалина, Л. П. Красильникова, В. М. Скрипника и Л. А. Татариновой, совершившая с 1969 г. 45 преступлений: вымогательство, грабежи, разбой, кражи и угоны транспортных средств. В ходе расследования деятельности данной группы было установлено, что часть транспортных средств они похищали с

¹ О состоянии и мерах усиления работы органов внутренних дел области по предупреждению и раскрытию краж личной собственности граждан : решение коллегии УВД ИО от 28 апреля 1970 г. № КУ-5с // АГУ МВД России по ИО.

² Об итогах работы органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений области в 1973 году и задачах на 1974 год : приказ УВД Иркутского облисполкома от 27 декабря 1977 г. № 0226 // Там же.

³ О мерах усиления борьбы с кражами на 1982–1983 гг. : решение коллегии УВД ИО от 25 марта 1981 г. № КУ-7с // Там же.

⁴ О награждении старшего лейтенанта милиции Писарева Владимира Дмитриевича и младшего лейтенанта Сиврюка Валерия Ивановича : приказ от 16 ноября 1970 г. № 1046 // АГУ МВД России по ИО.

⁵ О поощрении инспекторов УР Усольского ГОВД : приказ УВД Иркутского облисполкома от 4 августа 1976 г. № 686 // Там же.

целью разукомплектования на запчасти, а часть автомашин перегоняли в другие регионы СССР. Так, похищенную ими из гаража автомашину ГАЗ-24 они перегнали в г. Самарканд Узбекской ССР, где продали за 15 тыс. руб.¹ (розничная цена новой «Волги» в 1975 г. составляла 9,19 тыс. руб.) [5, с. 154]. Группа отличалась организованностью, сплоченностью и устойчивостью. При совершении преступлений использовали средства маскировки (резиновые перчатки и маски), огнестрельное нарезное оружие. После совершения преступлений преступники сжигали обувь.

Для противодействия подобным преступным группам необходимо было принять определенные организационные меры со стороны руководства УВД ИО, которые и были реализованы в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века.

В первую очередь были осуществлены мероприятия, направленные на усиление контроля за передвижением автотранспорта. Так, в связи с тем, что с использованием похищенного в г. Иркутске транспорта был совершен ряд крупных краж государственного и общественного имущества в сельской местности, начальником УВД ИО был издан приказ об организации круглосуточной работы с 1 апреля 1975 г. на стационарных постах ГАИ г. Иркутска. В ночное время посты усиливались сотрудниками территориальных отделов, в обязанность которых входило проверять весь автотранспорт, проходящий через посты с 23-00 до 6-00². Таким образом, в 1975 г. руководство УВД ИО обращало внимание не на хищения АМТ, а на использование похищенного транспорта при совершении иных, более опасных (согласно действующего законодательства³), преступлений, в первую очередь – хищений госимущества. Тем не менее эта мера позволила в 1976 г. на стационарном посту ГАИ задержать преступную группу Солдатова, которой было совершено более 220 эпизодов преступной деятельности, в том числе убийств.

К началу 1980-х годов уровень совершенных преступлений в регионе в данной сфере вырос настолько, что игнорировать его значимость уже было нельзя. В связи с этим руководством УВД ИО был принят ряд мер, направленных на розыск похищенного АМТ. Так, 4 июня 1980 г. в соответствии с приказом МВД СССР, ввиду того, что похищенный в Иркутской области АМТ обнаруживался в других регионах РСФСР (Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае, Бурятской и Якутской АССР), а также в республиках Средней Азии, была организована круглосуточная работа следующих стационарных постов ГАИ:

1. Развилка Качугского и Александровского трактов;
2. Выезд из Иркутска (Ново-Ленино);
3. Выезд из Иркутска (Синюшина гора);
4. Железнодорожный переезд в г. Шелехов;
5. Мост через реку Китой (г. Ангарск);
6. Мост через реку Бирюса (г. Тайшет)⁴.

¹ О возбуждении ходатайства перед Генеральным прокурором о продлении срока содержания од стражей обвиняемых по делу № 22367 : решение коллегии УВД Иркутского облисполкома от 5 апреля 1976 г. № КУ-4 // Там же.

² О мерах по усилению борьбы с угонами и кражами автомототранспорта : приказ УВД Иркутского облисполкома от 27 марта 1975 г. № 294 // Там же.

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁴ Об организации круглосуточных постов ГАИ области : приказ УВД Иркутского облисполкома от 4 июня 1980 г № 546 // АГУ МВД России по ИО.

Всего же к 1980 г. на территории Иркутской области действовало 24 КПП в 14 населенных пунктах, службу на которых несли единовременно 120 сотрудников. Пять КПП находилось в Иркутске, три - в Тулуне, по два - в Шелехове, Култуке, Зиме, Нижнеудинске, Тайшете, Черемхово, Ангарске и Усолье-Сибирском¹.

Для контроля за автотранспортом, передвигающимся по трассам, с 1981 г. по 1985 г. в Иркутске был организован вертолетный взвод. Вертолет арендовался в Иркутском управлении министерства гражданской авиации СССР и использовался для нужд милиции, в том числе для розыска похищенного АМТ. Экипаж вертолета работал в паре с экипажем патрульного автомобиля, а самому экипажу выделялся сотрудник взвода [8, с. 162].

Активно начали проводиться рейды по выявлению похищенного автотранспорта, в том числе с привлечением курсантов и слушателей учебных заведений МВД СССР. Так, 9 июня 1976 г. во время проведения рейда по борьбе с угонами и кражами мототранспорта старшим инспектором УР Ангарского ГОВД В. Н. Николаенко и курсантом Хабаровской средней школы милиции МВД СССР В. П. Шанцовым личным сыском на похищенном мотоцикле марки «Минск» был задержан гражданин Р. А. Тырпак, ранее неоднократно судимый за кражи. В ходе работы с задержанным оперативниками был установлен и задержан второй соучастник - В. Ю. Федулов, ранее неоднократно судимый за угоны и кражи мототранспорта².

В ходе проведения профилактических мероприятий ОВД Иркутской области активно привлекались различные общественные организации правоохранительной направленности и внештатные сотрудники [9, с. 35]. Так, 20 июня 1978 г. члены спецмототряда ОУР Куйбышевского РОВД внештатные сотрудники милиции Селянин Александр Владимирович и Шеметов Владимир Георгиевич имеющие скоростные (на то время) мотоциклы «Ява-350» остановили гр. Вахрина, следовавшего на мотоцикле «Восход» без документов. Вахрин был задержан и доставлен в Куйбышевский РОВД, где сознался в совершении двух краж мотоциклов из гаражей, совершенных 8 и 13 июня того же года³.

Еще одним из методов противодействия преступным посягательствам на АМТ стало создание специализированных подразделений как на уровне УВД ИО, так и в территориальных органах. Так, 7 марта 1979 г. в целях активизации борьбы с кражами и угонами автомототранспорта в г. Иркутске на примере положительного опыта МВД Удмуртской АССР была создана постоянно действующая оперативно-поисковая группа из числа работников УУР, ГАИ и дивизиона дорожного надзора (ДДН). Старшим группы был назначен инспектор УУР УВД капитан милиции В. Г. Лемберг. Всего в состав группы вошли шесть сотрудников: УУР - 2, ГАИ - 1, ДДН - 3⁴.

¹ О состоянии вопросов устойчивости в УВД Иркутского облисполкома : решение коллегии УВД ИО от 2 мая 1980 г. № 4 - КУ-с // Там же.

² О поощрении сотрудников ОУР Ангарского ГОВД и курсантов ХСШМ МВД СССР : приказ УВД Иркутского облисполкома от 15 июля 1976 г. № 624 // Там же.

³ О поощрении инспектора ОУР Куйбышевского РОВД Полякова В.П. и внештатных сотрудников Селянина А.В и Шеметова В.П. : приказ УВД Иркутского облисполкома от 17 июля 1978 г. № 665 // АГУ МВД России по ИО.

⁴ О создании специальной оперативно-поисковой группы по борьбе с кражами и угонами автомототранспорта в городе Иркутске : приказ УВД Иркутского облисполкома от 7 марта 1979 г. № 046 // Там же.

Сотрудники милиции, вошедшие в оперативно-поисковую группу, работали в основном в вечернее и ночное время. Во время проведения профилактических и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию лиц, совершающих кражи и угоны АМТ, оперативно-поисковая группа периодически использовала внештатных инспекторов уголовного розыска Куйбышевского РОВД – членов спецмототряда¹. В течение шести месяцев 1979 г. ими было раскрыто 20 преступлений, задержано 24 преступника. Принятые меры улучшили оперативную обстановку в г. Иркутске по этому виду преступлений². В течение 1981 г. оперативной группой была установлена и задержана за совершение на территории г. Иркутска ряда краж и угонов автомашин с последующим их разукомплектованием преступная группа, в которую входили Г. А. Кузнецов, Л. А. Журавлев, В. М. Коростылев, В. А. Чернов³.

Аналогичные специализированные оперативные группы создавались и в территориальных отделах. Так, в период со 3 по 16 июля 1978 г. в Свердловском районе г. Иркутска было совершено 7 угонов автомашин. Оперативная группа в составе: замначальника ОУР Свердловского РОВД В. М. Шерстнева и инспектора ОУР Свердловского РОВД Н. Ф. Пономаренко установила и задержала преступную группу, в которую входили Рябченко, Храмовской, Настюшкин и др. Благодаря собранным уликам участники преступной группы были изобличены в совершении вышеуказанных преступлений⁴.

В июле – августе 1983 г. оперативная группа в составе Рябко Петра Семёновича, Курносова Александра Витальевича, Еневича Виктора Алексеевича, Иваненко Эдуарда Евгеньевича и Макарова Виктора Владимировича провела ряд оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию краж и угонов автотранспортных средств, совершенных на территории Ленинского района г. Иркутска, в результате которых были установлены и задержаны гр. А. Ю. Люсый и В. Д. Ополев, изобличённые впоследствии в совершении 14 краж и угонов АМТ⁵.

В начале 1970-х г. были заложены основы деятельности постоянно действующих следственно-оперативных групп (ПДСОГ) как наиболее эффективного метода борьбы с отдельными видами преступлений. Первая ПДСОГ в Иркутской области была создана в 1973 г. в г. Иркутске для расследования и раскрытия дорожно-транспортных происшествий. В состав группы вошли по одному следователю Кировского, Октябрьского, Свердловского и Ленинского РОВД, четыре дознавателя ГАИ и один

¹ О поощрении внештатных инспекторов уголовного розыска Куйбышевского РОВД : приказ начальника УВД ИО от 25 октября 1979 г. № 898 // Там же.

² О поощрении работников оперативно-поисковой группы по борьбе с кражами и угонами автомотранспорта : приказ от 3 июля 1979 г. № 551 // Там же.

³ О поощрении мл. инспектора УУР УВД Яблонцева П.М. : приказ УВД Иркутского областного совета народных депутатов № 1012 от 29 октября 1981 г. // Там же.

⁴ О поощрении сотрудников Свердловского РОВД : приказ от 26 августа 1978 г. № 772 // Там же.

⁵ О поощрении сотрудников Ленинского РОВД г. Иркутска : приказ УВД Иркутского облисполкома от 03 октября 1983 г. № 898 // АГУ МВД России по ИО.

эксперт-автотехник. Руководство группой возложили на старшего следователя Кировского РОВД А. В. Зотина¹.

В 1982 г. на базе следственного управления УВД ИО была сформирована СОГ для раскрытия преступлений, совершенных преступной группой Индюкова, Буглакова и Васькова. В состав СОГ вошли следователь СУ УВД Винников Эдуард Семенович, инспектор УУР УВД Ковтун Николай Викторович и начальник отделения УУР УВД Сокол Сергей Хаимович. В ходе проведения оперативно-следственных мероприятий было установлено, что преступная группа совершила ряд краж личной собственности граждан, а также из госучреждений и магазинов на территории Иркутской области, Бурятской АССР, Амурской и Челябинской областей. Эта группа совершила 6 краж легковых автомобилей «Жигули», которые затем ими были проданы по похищенным справкам-счетам в различных областях страны, 5 краж из госучреждений в городах Иркутске, Шелехове, 10 краж из квартир Иркутска, Ангарска, Шелехова, кражи из магазинов «Спортторг» в городах Улан-Удэ, Белогорск Амурской области, кражи из универсальной торговой базы в г. Свободный. Преступная группа действовала с 1979 г., все преступления совершенны с применением технических средств, автотранспорта, различных орудий взлома, отмычек и путём подбора ключей, газоэлектросварки. Правильно организовав проведение мероприятий, члены СОГ полностью изобличили преступников в совершенных преступлениях².

В 1978 г. был принят ряд мер, направленных на ужесточение правил учета зарегистрированного, похищенного, изъятого и обнаруженного АМТ. Несмотря на внедрение в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века электронно-вычислительных машин Минск-22 и Минск-32, сотрудники милиции при решении оперативно-служебных задач неэффективно использовали их возможности в рассматриваемой сфере [10, с. 16]. Так, в 1978 г. в системе «Автопоиск» состояло 110 000 единиц зарегистрированных, похищенных и обнаруженных транспортных средств. При этом в территориальных ОВД в это период хранилось 129 бесхозных мотоциклов различных марок, владельцы которых были не установлены. Как отмечалось в справке ИЦ УВД ИО, «только в единичных случаях обращаются сотрудники органов внутренних дел к имеющимся информационно-поисковым системам при расследовании, раскрытии преступлений, проведении оперативно-розыскных, профилактических мероприятий для проверки по информационно-поисковым системам "Автопоиск", "След", по номерным вещам, по системе "Учет" и т. д., что значительно занижает возможности использования этой обширной информации, накопленной годами, для раскрытия преступлений в борьбе с преступностью»³.

В 1982 г. в целях контроля за реализацией в комиссионных магазинах личного автотранспорта и мотоциклов с колясками и выявления среди них ранее похищенного

¹ О создании специализированной группы следователей и дознавателей для расследования дорожно-транспортных происшествий в г. Иркутске : приказ УВД Иркутского облисполкома от 27 февраля 1973 г. № 177 // Там же.

² О поощрении сотрудников Управления уголовного розыска и следственного управления УВД Иркутского облисполкома : приказ УВД Иркутского облисполкома от 25 июня 1982 г. № 584 // Там же.

³ О состоянии и мерах улучшения информационной работы УВД, горрайорганах внутренних дел и учреждениях УИТУ : решение коллегии УВД ИО от 28 марта 1978 г. № КУ-4с // АГУ МВД России по ИО.

УВД ИО и управление торговли Иркутского облисполкома издали совместный приказ, которым определили торговые организации, в которых был разрешен прием на комиссию транспортных средств¹. Данным приказом был определен следующий перечень таких организаций:

1.	Тайшетторг	Магазин № 35 «Культспорттовары»	г. Тайшет
2.	Нижнеудинский торг	Магазин № 28 Комиссионный	г. Нижнеудинск
3.	Тулунторг	Магазин № 26 Комиссионный	г. Тулун
4.	Зиминторг	Магазин № 7 Комиссионный	г. Зима
5.	Спорттовары	Магазин № 2 «Автомобили»	г. Иркутск
6.	Шелеховторг	Магазин № 20 «Автозапчасти»	г. Шелехов
7.	Спорттовары	Магазин № 5 Спорттовары	г. Усолье-Сибирское
8.	ОПС Коршуновского ГОКа	Магазин № 7 Комиссионный	г. Железногорск
9.	Спорттовары	Магазин № 4 Спорттовары	г. Черемхово
10.	УРС г. Усть-Илимска Братскгэсстроя	Магазин № 27	г. Усть-Илимск
11.	УРС «Лензолото»	Магазин «Северянка»	г. Бодайбо
12.	УРС «Мамслюда»	Магазин № 7	пгт. Мама
13.	Спорттовары	Магазин № 3	г. Ангарск
14.	УРС Братскгэсстроя	Магазин № 68 УРСа УС БЛПК	г. Братск
15.	ОПС «Перевал» УРСа «Мамслюда»	Магазин № 3	г. Слюдянка

Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию преступлениям, связанным с хищением АМТ, их удельный вес в общей структуре краж личной собственности в Иркутской области составил: в 1986 г. – 20,7 %, в 1987 г. – 22,4 %. В 1987 г. на территории региона было совершено 1 024 угона и 1 092 кражи АМТ. Принятая в целях улучшения взаимодействия всех служб ОВД ИО, внедрения передового опыта и использования современных технических средств специальная программа совершенствования борьбы с кражами и угонами автотранспорта на 1987–1990 годы не была в полной мере реализована в связи с наступившими в стране политическими и экономическими изменениями. Тем не менее опыт, накопленный в результате противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере в Иркутской

¹ Об утверждении перечня торговых организаций для приема на комиссию транспортных средств : приказ УТ и УВД Иркутского облисполкома от 24 сентября 1982 г. № 141/214 // Там же.

области, оказал значительную роль в решении этой задачи, но уже в другом веке и другой стране.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в 1960–1980 гг. в МВД СССР в целом и в УВД Иркутской области в частности организация, формы и методы противодействия кражам и угонам АМТ претерпели значительные изменения. Совершенствовалась нормативно-правовая база, создавались новые организационные формы по профилактике, раскрытию и расследованию преступлений в рассматриваемой сфере, повышался уровень материального обеспечения и информационных ресурсов.

При этом необходимо отметить, что принимаемые советским государством меры по противодействию преступлениям, связанным с хищениями АМТ, не принесли положительного результата. Количество преступлений в рассматриваемой сфере в 60–80-х гг. прошлого века имело устойчивую тенденцию к росту.

Эти обстоятельства обусловлены следующими факторами:

- во-первых, значительным ростом производства АМТ в указанный период;
- во-вторых, постоянно увеличивающимся разрывом между доходами населения и возможностью государства обеспечить население личными транспортными средствами;
- в-третьих, дисбалансом в обеспеченности населения личными автомобилями в различных регионах страны;
- в-четвертых, несовершенством нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере;
- в-пятых, перекосами в расстановке приоритетов в деятельности милиции и несвоевременное реагирование правоохранительной системы на изменения факторов, влияющих на состояние преступности.

Применительно к Иркутской области дополнительно необходимо отметить рост населения, связанный с трудовой миграцией на строительство объектов промышленности, энергетики и транспорта; повышение доходов населения; применение стимулирующих льгот на приобретение личного автотранспорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Синицын, Ф. Л. Формирование "общества потребления" в СССР: идеологический вызов для власти (1964–1982 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 84–94. DOI 10.15688/jvolsu4.2021.3.8.
2. Торговля СССР. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1989. 480 с.
3. СССР в цифрах в 1985 году. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1986. 76 с.
4. Промышленность СССР. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1988. 286 с.
5. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1991. 752 с.
6. Алврцян, Ж. А. История становления и развития ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели

хищения в уголовном законодательстве России // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 84–89.

7. Клейменов, М. П., Розенкеевич, М. А. Механизм формирования нераскрытоей преступности // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 249–256.

8. Павлов, Д. В., Павлова, Л. Р. Использование авиации в органах внутренних дел // Закон и право. 2020. № 11. С. 161–162. DOI 10.24411/2073-3313-2020-10549.

9. Кнаус, О. А. Деятельность общественных организаций в обеспечении общественного порядка и раскрытии преступлений на территории Иркутской области в 1960–1980-х гг. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 29–46. DOI 10.55001/2312-3184.2022.70.62.003.

10. Кнаус, О. А., Наумов, Ю. Г. Исторические аспекты раскрытия и расследования умышленных убийств, связанных с безвестным исчезновением в 1960–1980 гг. (по материалам УВД Иркутского облисполкома) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 9–23. DOI 10.55001/2312-3184.2023.37.64.001.

REFERENCES

1. Sinicyn, F. L. Formirovanie "obshchestva potrebleniya" v SSSR: ideologicheskij vyzov dlya vlasti (1964-1982 gg.) [The formation of a "consumer society" in the USSR: an ideological challenge for the government (1964-1982)]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya — Vestnik of the Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations. 2021, vol. 26, no. 3, pp. 84-94. – DOI 10.15688/jvolsu4.2021.3.8. – EDN YKWWEE.
2. Torgovlya SSSR. Statisticheskij sbornik [Trade of the USSR. Statistical collection]. Goskomstat SSSR. - M.: 1989, 480 p.
3. SSSR v cifrah v 1985 godu. Statisticheskij sbornik [The USSR in numbers in 1985. Statistical collection]. Goskomstat SSSR. M.: 1986, 76 p.
4. Promyshlennost' SSSR. Statisticheskij sbornik [Industry of the USSR. Statistical collection]. Goskomstat SSSR. M: 1988, 286 p.
5. Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1990 g. Stat. ezhegodnik [National economy of the USSR in 1990 Stat. yearbook]. Goskomstat SSSR. M., 1991, 752 p.
6. Alvrcyan, ZH. A. Iстория stanovleniya i razvitiya otvetstvennosti za nepravomernoе zavladenie avtomobilem ili inym transportnym sredstvom bez celi hishcheniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii [The history of the formation and development of responsibility for the unlawful seizure of a car or other vehicle without the purpose of theft in the criminal legislation of Russia]. Obshchestvo i pravo — Society and law. 2015,no. 3(53), pp. 84-89. – EDN SLWRIB.
7. Klejmenov, M. P. Mekhanizm formirovaniya neraskrytoj prestupnosti [The mechanism of formation of unsolved crime]. Vestnik Omskogo universiteta — Vestnik of Omsk University. 2013, no. 1(67), pp. 249-256. – EDN RRUVYZ.
8. Pavlov, D. V. Ispol'zovanie aviacii v organah vnutrennih del [The use of aviation in internal affairs bodies]. Zakon i pravo — Law and Legal. 2020, no. 11, pp. 161-162. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10549. – EDN VDOHGM.
9. Knaus, O. A. Deyatel'nost' obshchestvennyh organizacij v obespechenii obshchestvennogo poryadka i raskrytii prestuplenij na territorii Irkutskoj oblasti v 1960-h -

1980-х гг [Activity of public organizations in ensuring public order and solving crimes in the Irkutsk region in the 1960s - 1980s]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 1(100), pp. 29-46. — DOI 10.55001/2312-3184.2022.70.62.003. — EDN ZWRDCC.

10. Knaus, O. A. Istoricheskie aspekty raskrytiya i rassledovaniya umyshlennyyh ubijstv, svyazannyh s bezvestnym ischeznoveniem v 1960-1980 gg. (po materialam UVD Irkutskogo oblispolkoma) [Historical aspects of the disclosure and investigation of premeditated murders related to the unknown disappearance in the 1960s and 1980s. (based on the materials of the Department of Internal Affairs of the Irkutsk Regional Executive Committee)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 3(106), pp. 9-23. — DOI 10.55001/2312-3184.2023.37.64.001. — EDN UYBFWW.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кнаус Олег Андреевич, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Knaus Oleg Andreevich, Associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities and Special Equipment in the Internal Affairs Bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Irkutsk, 110 Lermontov str.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 19.11.2024.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 19.11.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 45–57.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.4 (111). P. 45–57.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.15.43.005

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

СПОСОБЫ, МЕТОДЫ И ТИПЫ НОРМАТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Минникес Илья Анисимович, Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, Российской Федерации, г. Иркутск, iaminnikes@yandex.ru

Введение: Способы, методы и типы правового регулирования – это тот юридический инструментарий, который превращает правовое регулирование из теоретического понятия в правовую реалию, востребованную не только юридической наукой, но и практикой. В статье сделана попытка применить юридические конструкции, которые традиционно относились к нормативному регулированию, к индивидуальному правовому регулированию.

Материалы и методы: методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания в сочетании с методом формально-юридического анализа и иными специально-юридическими методами.

Результаты исследования: предлагаются авторские определения способов, методов и типов индивидуального правового регулирования. При этом индивидуальные запреты, обязывания и дозволения подразделяются автором на конкретные, вариативные и условные. Обращается внимание на особенности методов и типов индивидуального правового регулирования. Предлагаются новые направления исследований, касающиеся теории правового регулирования в целом и способов, методов и типов правового регулирования в частности.

Выводы и заключения: на основе проведенного анализа делается вывод, что достижения общей теории права, касающиеся нормативного правового регулирования, во многом применимы и к индивидуальному правовому регулированию. Вместе с тем, необходимо учитывать специфику индивидуального правового регулирования, что обусловлено особенностями ситуации, требующей юридического разрешения в индивидуальном порядке, либо особенностями самого субъекта.

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативное правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, способы, методы и типы правового регулирования

Для цитирования: Минникес И.А. Способы, методы и типы нормативного и индивидуального правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 45–57.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.15.43.005

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

MODES, METHODS AND TYPES OF REGULATORY AND INDIVIDUAL LEGAL REGULATION

Ilia A. Minnikes, Institute of Legal Research of Baikal State University, Russian Federation, Irkutsk, iaminnikes@yandex.ru

Introduction: Modes, methods and types of legal regulation are the legal tools that transform legal regulation from a theoretical concept into a legal reality that is in demand not only by legal science, but also by practice. The article attempts to apply legal constructions that have traditionally been related to regulatory regulation to individual legal regulation.

Materials and Methods: the methodological basis of the research is represented by the general dialectical method of scientific cognition in combination with the method of formal-legal analysis and other special-legal methods.

The Results of the Study: The author's definitions of ways, methods and types of individual legal regulation are offered. The author divides individual prohibitions, obligations and permissions into specific, variable and conditional. Attention is paid to the peculiarities of methods and types of individual legal regulation. New directions of research concerning the theory of legal regulation in general and ways, methods and types of legal regulation in particular are proposed.

Findings and Conclusions: Based on the analysis, it is concluded that the achievements of the general theory of law concerning regulatory legal regulation are largely applicable to individual legal regulation. At the same time, it is necessary to take into account the specifics of individual legal regulation, which is due to the peculiarities of the situation requiring legal resolution on an individual basis, or the characteristics of the subject itself.

Keyword: legal regulation, regulatory legal regulation, individual legal regulation, modes, methods and types of legal regulation

For citation: Minnikes I. A. Sposoby. Metody i tipy normativnogo i individual'nogo pravovogo regulirovaniya [Modes, methods and types of individual legal regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institutu MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 46–57.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.15.43.005

В общей теории права существует устоявшаяся позиция, согласно которой выделяются такие способы правового регулирования как запрет, обязывание (позитивное обязывание) и дозволение, методы императивный и диспозитивный (или метод субординации и метод координации), типы общедозволительный и разрешительный [1, с. 294-393; 2, с. 307-309].

И хотя исследователи этой проблемы в основном употребляют термин «правовое регулирование», из контекста понятно, что имеется в виду, прежде всего, нормативное регулирование. Но многое, что говорится о нормативном регулировании вполне применимо и к индивидуальному правовому регулированию.

Способы, методы и типы индивидуального правового регулирования, с одной стороны, обладают всеми свойствами, характерными для способов, методов и типов нормативного правового регулирования, с другой стороны, им присуща специфика, которая обусловлена особенностями ситуации, требующей юридического разрешения в индивидуальном порядке, либо особенностями самого субъекта. Это позволяет говорить о способах, методах и типах именно индивидуального правового регулирования.

Автор настоящей статьи уже неоднократно высказывал свое мнение по проблемам индивидуального правового регулирования. Применительно к теме данной статьи важно отметить два момента.

Во-первых, индивидуальное правовое регулирование является самостоятельным видом правового регулирования и представляет собой правовое воздействие на общественные отношения, связанное с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляющееся путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений, либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты [3, с. 45].

И, во-вторых, выделяется три вида индивидуального правового регулирования.

Первый вид – это автономное индивидуальное правовое регулирование, которое осуществляется путем совершения правомерных действий независимо от волеизъявления других лиц (например, осуществление права, совершение односторонних сделок).

Второй вид – договорное (координационное) индивидуальное правовое регулирование, когда участники общественных отношений сами определяют варианты поведения посредством заключения договоров и соглашений.

Оба названных вида индивидуального правового регулирования определяются как саморегулирование.

Третий вид – субординационное (правоприменительное) индивидуальное правовое регулирование, осуществляющееся в рамках исполнительно-распорядительной или правоохранительной правоприменительной деятельности. Как правило, оно осуществляется компетентными государственными органами. Однако такое регулирование может осуществляться и иными органами или должностными лицами, когда они обладают необходимыми властными полномочиями, т. е. их решения становятся обязательными для участников данных общественных отношений. [3, с. 75-76].

Эти положения о понятии и видах индивидуального правового регулирования будут базовыми для определения способов, методов и типов данного вида правового

регулирования.

Способы правового регулирования. Под способами правового регулирования понимаются пути правового воздействия, которые выражены в нормах права и других элементах правовой системы [1, с. 296].

Одним из первых отечественных ученых, кто обратился к этой проблеме, был В.М. Горшенев. Он отмечал, что «способы правового регулирования выполняют функцию определенного стимулятора в выборе необходимого при данных условиях вариантов поведения лицами, к которым адресовано управленческое, нормативное предписание. В этом смысле способы правового воздействия служат одним из побудительных факторов в механизме правового регулирования» [4, с. 71-72].

О видах способов правового регулирования очень точно и образно выразились представители саратовской школы теории права: «*Дозволение, запрет и позитивное обязывание* – три кита, - на которых базируется регулятивная мощь права, - успешно прошли испытание временем, сохранившись в практически неизменном виде с момента зарождения первых правовых институтов до наших дней» [5, с. 56].

Большинство представителей общей теории права согласны с этой триадой. Разногласия возникают лишь в их очередности и приоритете какого-либо способа правового регулирования над другими.

В двухтысячные годы все больше сторонников приобретает такой способ правового регулирования как дозволение.

Так, А.В. Малько и К.Е. Игнатенкова полагают, что роль ведущего способа правового регулирования приобретает дозволение. Но авторы не столь категоричны в своем утверждении. Они соглашаются с этим, когда речь идет об общих, глобальных тенденциях без учета адресации нормативных предписаний. Но в тоже время говорят о том, что способы правового регулирования – это универсальные, всеохватывающие инструменты [5, с. 56].

Еще более взвешенную позицию занимает по этому вопросу К.Е. Игнатенкова в своей кандидатской диссертации. Она обосновано считает, что «надо осознать тот факт, что дозволение – не внезапно найденный «философский камень», способный излечить все недуги общества. Нельзя, поддавшись общей эйфории, бездумно применять его «налево и направо». Это правовое средство, причем сколь действенное, столь и потенциально опасное, а потому требующее внимательного, всестороннего, системного изучения» [6, с. 4]. С таким мнением трудно не согласиться.

Конечно, дозволение как способ правового регулирования имеет большой потенциал, он более гибкий по сравнению с запретом и обязыванием. Но вряд ли это свидетельствует об его безусловном преимуществе. Запрет и обязывание, если можно так выразиться «более прямолинейны и более строги», сформулированы более четко, но это нисколько не умаляет их достоинств и роли в правовом регулировании.

В российской юридической науке С.С. Алексеевым высказана идея, которую можно охарактеризовать как настоящий прорыв в теории правового регулирования. Речь идет о *нормативной и индивидуальной форме* способов правового регулирования, о существовании индивидуальных запретов, дозволений и позитивных обязываний, которые носят строго поднормативный характер [7, с. 61-64].

По сути, это означает, что когда запрет, дозволение или обязанность сформулированы не на нормативном уровне, а в форме индивидуального предписания, адресованного конкретному лицу, они преобразуются в *индивидуальный запрет, индивидуальное обязывание или индивидуальное дозволение* (например, запретить

гражданину Н заниматься профессиональной деятельностью, или обязать возместить убытки, или дозволить заниматься предпринимательской деятельностью).

В развитие этого положения под *способами индивидуального правового регулирования* предлагается понимать основные пути правового воздействия на общественные отношения в индивидуальном порядке, существующие в виде индивидуальных запретов, индивидуальных обязываний и индивидуальных дозволений.

На основе анализа действующего законодательства и практики его применения индивидуальные запреты, обязывания и дозволения предлагается разделить на следующие виды: *конкретные, вариативные и условные*.

В первом случае индивидуальное предписание, основанное на одном из названных способов правового регулирования, сформулировано четко, однозначно, адресовано конкретному лицу (лицам), вариант поведения строго задан и никакие отклонения от него не допускаются.

Во втором случае отличие состоит в том, что индивидуальное предписание предусматривает несколько вариантов поведения в зависимости от того, как будет развиваться ситуация. Во многом выбор варианта поведения зависит от волеизъявления субъектом.

В третьем случае индивидуальное предписание, содержащее индивидуальный запрет, индивидуальное обязывание или индивидуальное дозволение, начинает действовать только после наступления условия, предусмотренного в норме права или самом индивидуальном предписании.

Важно отметить, что способы правового регулирования, закрепленные на нормативном уровне статичны. Предполагается, что они имеют отношение к каждому субъекту, на которого распространяется действие данной правовой нормы.

Способы индивидуального правового регулирования придают правовому регулированию динамику. Уже конкретное лицо воздерживается от нарушения запрета, исполняет возложенную на него обязанность или использует адресованное ему дозволение. Правоотношение из общего превращается в конкретное.

Методы правового регулирования. Юридической наукой метод правового регулирования, наряду с предметом правового регулирования, рассматривается главным образом как критерий выделения той или иной отрасли права, но этот аспект выходит за рамки настоящего исследования. В нашем случае метод правового регулирования интересует нас как неотъемлемая часть правового регулирования в целом, без которого это правовое явление просто немыслимо.

А.М. Витченко рассматривал метод правового регулирования в двух аспектах: как общий метод, присущий системе права в целом, и как отраслевой метод. Причем в общий метод он включал совокупность только нормативных средств, а под отраслевым методом понимал совокупность приемов, средств и способов, отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения [8, с. 52-60].

Много сторонников отраслевых методов правового регулирования в отраслевых юридических науках, что вполне объяснимо.

Так, О.В. Марченко в своей диссертации исследует метод муниципально-правового регулирования общественных отношений [9], Н. В. Генрих метод правового регулирования уголовно-правового отношения [10]. Есть и другие отраслевые исследования этой проблемы.

Но наиболее четко обосновал существование отраслевого метода правового регулирования В.Ф. Яковлев. По его мнению, отраслевой метод правового регулирования отражает содержание отрасли права под углом зрения способа воздействия данной отрасли на регулируемые отношения [11, с. 11].

Конечно же, каждая отрасль права имеет свою специфику, которая, прежде всего, находит отражение в предмете правового регулирования данной отрасли, и отрицать существование отраслевых методов крайне сложно.

Один из ведущих специалистов в данной проблематике В.Д. Сорокин понимал под методом правового регулирования совокупность правовых средств, приемов, способов воздействия на среду [12, с. 19, 114]. Эта точка зрения имеет в российской юридической науке много сторонников.

При этом он выступал за единый метод правового регулирования, а дозволение, предписание и запрет рассматривал как его системные элементы [13, с. 97-115]. Идею единого метода правового регулирования поддерживал также А.Б. Пешков [14, с. 26-29].

При таком подходе можно говорить только о методах нормативного правового регулирования и выделить методы индивидуального правового регулирования достаточно сложно.

Неоднозначно решается вопрос о видах методов правового регулирования. Как отмечалось ранее, наиболее традиционным является выделение метода субординации (императивного метода) и метода координации (диспозитивного метода).

Хотя еще полвека назад А.М. Витченко предлагал несколько иную классификацию. Помимо традиционно выделяемых методов – диспозитивный метод и метод субординации (или метод властного приказа по терминологии автора), выделялись также метод запретов, договорно-поощрительный метод и метод рекомендаций [8, с. 100].

Данная классификация имеет своих сторонников и противников.

Например, М.М. Султыгов считает запрет методом правового регулирования [15]. О.М. Киселева обосновывает положение, согласно которому поощрение является методом правового регулирования [16].

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим, что здесь видится некоторое несоблюдение критериев классификации, нарушение одного из главных правил построения классификации – принципа дихотомии. Выражается это в смешение двух самостоятельных элементов – способов и методов правового регулирования.

Смешение способов и методов правового регулирования долгое время имело место в отечественной юриспруденции.

Так, О.С. Иоffe и М.Д. Шаргородский называли метод особым способом правового регулирования [17, с 354]. В.М. Горшенев считал метод своеобразным способом воздействия на общественные отношения [4, с. 80].

Справедливости ради надо отметить, что метод правового регулирования как совокупность способов стал пониматься в науке гораздо позднее. И классификация методов правового регулирования не сразу приобрела тот вид, который она имеет сейчас и считается устоявшейся.

Поэтому относительно методов индивидуального правового регулирования предлагается придерживаться традиционной классификации.

Здесь важно отметить следующее;

1) метод правового регулирования предполагает совокупность именно *правовых* средств, приемов и способов воздействия на общественные отношения, т.е. не только нормативных, но и индивидуальных;

2) отраслевые особенности, безусловно, значимы для метода правового регулирования, но в аспекте индивидуального правового регулирования еще большее значение имеет то, какие начала лежат в основе той или иной отрасли права – диспозитивные или императивные.

Используя теоретические разработки в области метода правового регулирования в целом, можно предложить следующее определение метода индивидуального правового регулирования: *метод индивидуального правового регулирования* – это совокупность правовых средств, приемов и способов воздействия на общественные отношения в индивидуальном порядке, сообразуясь с особенностями ситуации и самого субъекта.

При диспозитивном методе, предполагающем определенную свободу усмотрения, наиболее ярко проявляется потенциал таких видов индивидуального правового регулирования, как автономное и договорное. Как очень точно отмечал С.С. Алексеев, в этом случае на ход и процесс правового регулирования оказывает влияние активность участников общественных отношений, их правомерные действия являются индивидуальным, «автономным» источником юридической энергии [1, с. 295].

Обращали внимание на эту проблему и зарубежные исследователи. Представляет интерес тот факт, что в зарубежной юриспруденции получил распространение термин «диспозитивное право». Например, об этом пишет профессор Гиссенского университета Я. Шапп в монографии «Основные проблемы юридической методологии» [18].

Все это подчеркивает значимость данного метода в регулировании общественных отношений

Но и при императивном методе правового регулирования также есть место для индивидуального правового регулирования, когда на основе императивной нормы в отношениях субординации по поводу конкретной ситуации или в отношении конкретного лица создается индивидуальный акт. Властные императивные начала и отношения субординации абсолютно не исключают индивидуальность в правовом регулировании.

Несколько с иных позиций подходил к этому вопросу Н.И. Матузов. Он выделял индивидуальный метод регулирования (или метод свободного волеизъявления), под которым понимается форма самостоятельной юридической деятельности субъектов, направленной на упорядочение единичных общественных отношений с помощью правовых средств, не обладающих качеством юридической общеобязательности. Например, путем принятия ненормативных актов, заключения различных договоров, соглашений, сделок, добровольного установления обязательств и т. д. [19, с. 318].

Нетрудно заметить, что, автор, хотя и употреблял термин «индивидуальный метод», говорил, по сути, об индивидуальном правовом регулировании в целом, перечисляя большинство его существенных признаков

Типы правового регулирования. Под типом правового регулирования понимается общая направленность юридического регулирования, зависящая от того, что лежит в основе регулирования – общее дозволение или общий запрет. В зависимости от этого выделяются два типа правового регулирования – общедозволительный и разрешительный [1, с. 299–300].

Первый построен на формуле «дозволено все, что не запрещено», второй – «запрещено все, что не дозволено». Однако то, что в основе разрешительного типа правового регулирования лежит общий запрет, не делает его менее демократичным.

Примером может служить ст. 99 Трудового кодекса Российской Федерации «Сверхурочная работа». Из текста данной статьи следует, что существует общий запрет на привлечение работника к сверхурочной работе по инициативе работодателя, за исключением случаев прямо предусмотренных законом. Это нисколько не ущемляет демократические права человека в сфере трудовых отношений. Наоборот, разрешительный тип правового регулирования в данном случае является дополнительной гарантией этих прав.

Все, что характерно для типов нормативного правового регулирования во многом можно отнести и к типам индивидуального правового регулирования.

Тип индивидуального правового регулирования – это сочетание способов индивидуального правового регулирования в зависимости от их целевой направленности.

При общедозволительном типе всецело проявляется потенциал автономного, договорного и в определенной мере субординационного индивидуального правового регулирования. Это обусловлено тем, что формула «дозволено все, кроме...» как нельзя лучше подходит первым двум видам индивидуального правового регулирования – автономному и договорному.

Так, например, при автономном индивидуальном правовом регулировании субъект вправе составить завещание, обладая свободой в выборе наследников и распоряжении своим имуществом, ориентируясь только на прямо сформулированные в законе ограничения (обязательность письменной формы, обязательная доля и т. п.).

Аналогичная ситуация наблюдается и при договорном индивидуальном правовом регулировании. Свобода договора оставляет много места для урегулирования отношений в индивидуальном порядке, когда условия договора определяются по соглашению сторон, кроме случаев, предусмотренных законами и иными правовыми актами.

Субординационное индивидуальное правовое регулирование при общедозволительном типе правового регулирования имеет место тогда, когда в отношениях субординации присутствует определенный элемент диспозитивности (например, правоприменительная деятельность осуществляется на основе нормы, имеющей альтернативную гипотезу, диспозицию или санкцию).

Н.И. Дивеева вообще считает дозволительный тип основой индивидуального правового регулирования, оговариваясь, что это не означает, что дозволение вытесняет иные компоненты юридической материи – принуждение, запрет, предписание [20, с. 11].

Думается, что оба типа правового регулирования имеют для индивидуального правового регулирования равное значение, и выбор какого-то из них определяется, прежде всего, видом индивидуального правового регулирования.

При разрешительном типе на первый план выдвигается субординационное регулирование, однако и другие виды индивидуального правового регулирования также играют свою роль.

Формула «запрещено все, кроме...» зачастую лежит в основе правоприменительной деятельности. Компетенция правоприменительных органов строго определена, перечень полномочий, как правило, носит исчерпывающий

характер. В тоже время и в этих случаях законом могут быть предусмотрены определенные исключения.

Однако не следует ограничиваться только выводами, сделанными в результате проведенного исследования. Можно предложить несколько перспективных направлений дальнейших исследований по данной проблеме.

Так, с позиций теории правового регулирования представляет интерес изучение понятия «диспозитивное право». Разработки в этой области могут открыть новые аспекты для изучения способов, методов и типов правового регулирования.

Также представляется важным исследование проникновения диспозитивных начал в те отрасли права, которые традиционно были ориентированы на отношения субординации и императивный метод правового регулирования. В этой связи совершенно по-новому встает проблема административного договора и возможность использования договорных механизмов в уголовном и уголовно-процессуальном праве.

Необходимо и дальнейшее изучение проблем саморегулирования в праве в аспекте индивидуального правового регулирования. При этом особое внимание следует уделить вопросам свободы волеизъявления субъекта либо согласованию волеизъявлений в зависимости от вида индивидуального правового регулирования.

Возможны и иные направления исследований в данной области теории государства и права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2003. 395 с.
3. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2009. 312 с.
4. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
5. Малько А.В., Игнатенкова К.Е. Способы правового регулирования деятельности органов публичной власти // Современное право. 2009. № 3. С. 56-60.
6. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. 26 с.
7. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
8. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. 161 с.
9. Марченко О.В. Метод муниципально-правового регулирования общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Омск, 2004. 174 с.
10. Генрих Н.В. Метод правового регулирования уголовно-правового отношения. СПб.: Изд-во юридического института., 2011. 171 с.
11. Яковлев В.Ф. Гражданко-правовой метод регулирования общественных отношений: учебное пособие. Свердловск, 1972. 212 с.
12. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования: теоретические аспекты. М.: Юрид. лит., 1976. 144 с.

13. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 661 с.
14. Пешков А.Б. О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2. С. 26–29.
15. Султыгов М.М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 1996. 150 с.
16. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2000. 197 с.
17. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздан, 1961. 381 с.
18. Schapp I. Hanptoroblem der junstischen Methodenlehre. Tübingen, 1983. 106 p.
19. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
20. Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. СПб., 2008. 45 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Obshhaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1981. 360 p.
2. Cherdancev A.F. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow, 2003. 395 p.
3. Minnikes I.A. Individual'noe pravovoe regulirovanie (teoretiko-pravovoj analiz): dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. [Individual legal regulation (theoretical-legal analysis)]. Ekaterinburg, 2009. 312 p
4. Gorshenev V.M. Sposoby i organizacionnye pravovogo regulirovaniya v socialisticheskem obshhestve. [Modes and organizational forms of legal regulation in a socialist society]. Moscow, 1972. 258 p.
5. Mal'ko A.V., Ignatenkova K.E. Sposoby pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti organov publichnoj vlasti [Modes of legal regulation of the activities of public authorities]. Sovremennoe pravo – Modern law. 2009, no 3, pp. 56-60.
6. Ignatenkova K.E. Dozvolenie kak sposob pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. [Permission as a mode of legal regulation] Saratov, 2006. 26 p.
7. Alekseev S.S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskem prave. [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow, 1989. 288 p.
8. Vitchenko A.M. Metod pravovogo regulirovaniya socialisticheskix obshhestvennyx otnoshenij. [The method of legal regulation of socialist social relations] Saratov, 1974. 161 p.
9. Marchenko O.V. Metod municipal'no-pravovovogo regulirovaniya obshhestvennyx otnoshenij: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. [The method of municipal legal regulation of public relations]. Omsk, 2004. 174 p.

10. Genrix N.V. Metod pravovogo regulirovaniya ugolovno-pravovogo otnosheniya. [The method of legal regulation of criminal law relations]. Saint-Petersburg, 2011. 171 p.
11. Yakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoij metod regulirovaniya obshhestvennyx otnoshenij [The civil law method of regulating public relations] Sverdlovsk, 1972. 212 p.
12. Sorokin V.D. Metod pravovogo regulirovaniya: teoreticheskie aspekty'. [The method of legal regulation: theoretical aspects]. Moscow, 1976. 144 p.
13. Sorokin V.D. Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, process (makrouroven'). [Legal regulation: subject, method, process (macro level)]. Saint-Petersburg, 2003. 661 p.
14. Peshkov A.B. O metode pravovogo regulirovaniya [About the method of legal regulation]. Pravovedenie – Legal studies. 1971. No 2. Pp. 26–29.
15. Sultygov M.M. Zapret kak metod pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. [Prohibition as a method of legal regulation]. Saint-Petersburg, 1996. 150 p.
16. Kiseleva O.M. Pooshhrenie kak metod pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. [Encouragement as a method of legal regulation]. Saratov, 2000. 197 p.
17. Ioffe O.S., Shargorodskij M.D. Voprosy teorii prava. [Questions of the theory of law]. Moscow, 1961. 381 p.
18. Schapp I. Hanptorobleme der junstischen Methodenlehre. Tubingen, 1983. 106 p.
19. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow, 2004. 512 p.
20. Diveeva N.I. Teoreticheskie problemy' individual'nogo pravovogo regulirovaniya trudovyx otnoshenij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.05. [Theoretical problems of individual legal regulation of labor relations]. Saint-Petersburg, 2008, 45 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Илья Анисимович, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения. Институт правовых исследований Байкальского государственного университета. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minnikes Ilia Anisimovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence. Institute of Legal Studies, Baikal State University. 64003, Irkutsk, 11 Lenina str.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 56–68.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 56–68.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 328.185

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.87.006

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ КАК УГРОЗЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Щербинина Анастасия Викторовна, Барнаульский юридический институт
МВД России, Российская Федерация, г. Барнаул, anastasiya_pitineva@mail.ru

Введение. Коррупция – это сложное социально-правовое явление, оказывающее негативное, разрушающее влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Воздействуя непосредственно на порядок управления, она становится серьезным препятствием на пути экономического, социального, технического и других видов развития общества и государства. В статье коррупция рассматривается как одна из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Исследование направлено на анализ правовой основы анткоррупционной деятельности и выявление существующих проблем в механизме правового регулирования и правоприменительной практике в целях обеспечения превентивного воздействия на развитие коррупционных схем.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составляют нормы международного права, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, а также ведомственные нормативные правовые акты. В ходе подготовки статьи также использовались результаты правоприменительной деятельности в области противодействия коррупции и научные труды ученых. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов, таких как системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Проведенный анализ законодательной базы, закрепляющей основные правовые средства противодействия коррупции, позволил автору условно разделить их на меры предупреждения коррупционных нарушений, меры выявления и пресечения возникших коррупционных рисков, а также меры юридической ответственности и минимизации последствий коррупции. По результатам рассмотрения выявленных в ходе анализа проблем в правовом регулировании и правоприменительной практике предложены способы их преодоления.

Выводы и заключения. В заключении автор акцентирует внимание на непрерывности процесса развития и воспроизведения коррупционных практик, в связи с чем обоснованно приходит к выводу о необходимости своевременной модернизации антикоррупционного законодательства в целях превентивного воздействия на коррупцию.

Ключевые слова: коррупция, угроза национальной безопасности, правовые средства противодействия

Для цитирования: Щербинина, А. В. Правовая основа противодействия коррупции как угрозе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 56–68.
DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.87.006

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

LEGAL BASIS FOR COUNTERING CORRUPTION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anastasia V. Shcherbinina, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Barnaul, anastasiya_pitineva@mail.ru

Introduction: corruption is a complex social and legal phenomenon that has a negative, destructive impact on all spheres of society. Influencing directly the order of management, violating established norms and rules, it becomes a serious obstacle to the economic, social, technical and other sectors of the development of society and the state. The article examines corruption as one of the main threats to the national security of the Russian Federation. The study is aimed at analyzing the legal basis of anti-corruption activities and identifying existing problems in the mechanism of legal regulation and law enforcement practice in order to ensure a preventive impact on the development of corruption schemes.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study consists of international law, Federal laws of the Russian Federation, Decrees of the President of the Russian Federation, as well as departmental regulations. During the preparation of the article, the results of law enforcement activities in the field of anti-corruption and scientific works of scientists were also used. The methodological basis of the study is a complex of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, and special methods such as systemic-structural, comparative legal.

The Results of Study: the analysis of the legislative framework establishing the main legal means of combating corruption allowed the author to conditionally divide them into measures to prevent corruption violations, measures to identify and suppress emerging corruption risks, as well as measures of legal liability and minimization of the consequences of corruption. Based on the results of the consideration, identified during the analysis, problems in legal regulation and law enforcement practice, ways to overcome them were proposed.

Findings and Conclusions: in conclusion, the author focused on the continuity of the process of development and reproduction of corrupt practices, in connection with which the conclusion was justified about the need for timely modernization of anti-corruption legislation in order to have a preventive impact on corruption.

Keywords: corruption, threat to national security, legal means of counteraction

For citation: Shcherbinina A. V. Pravovaya osnova protivodeystviya korruptsii kak ugroze natsionalnoy bezopasnosti Rossii [Legal basis for combating corruption as a threat to the national security of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111). Pp. 56–68.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.87.006

В соответствии с действующим законодательством, под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз¹. К национальным интересам в свою очередь относятся объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Учитывая, что коррупция оказывает разрушающее влияние на все сферы жизнедеятельности общества, ее, бесспорно можно назвать серьезной угрозой национальной безопасности страны. Кроме того, существование коррупционных практик во всех эшелонах власти, в правоохранительных органах и в целом укоренение коррупции в социальной сфере снижает эффективность деятельности государства по противодействию и другим угрозам национальной безопасности, таким как экстремизм, терроризм, организованная преступность и т. д.

Особое значение антикоррупционной деятельности подчеркнуто и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и в иных документах, таких как Концепция общественной безопасности в Российской Федерации², в которой отмечено, что «несмотря на формирование в Российской Федерации соответствующих потребностям времени правовых и организационных основ противодействия коррупции, уровень распространённости этого явления продолжает оставаться высоким».

Действительно, уже несколько десятилетий научным сообществом и органами государственной власти ведется активная работа по формированию правовой основы противодействия коррупции. В частности, сегодня уже функционирует целый комплекс правовых и организационных средств, направленных на снижение количества коррупционных проявлений. Вместе с тем, нормативная регламентация основ противодействия коррупции носит разрозненный характер. Нормы права, закрепляющие антикоррупционные меры, содержатся как в федеральном

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.05.2024).

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2013 № ПР-2685 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://192.168.0.110:8080/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154602&cacheid=CEA7F5F7EB9CF6334C9AE9BEBA7C2602&mode=splus&rnd=zf8eAKUGVrJSJZd4#OzUhAKUwx9xt2zAn> (дата обращения: 20.05.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

законодательстве, так и в законодательстве субъектов Российской Федерации и муниципалитетов. Все это размывает общую картину антикоррупционного законодательства, препятствует формированию единой системы противодействия коррупции, понятной как для государственных служащих, так и для граждан.

Вопрос о необходимости систематизации антикоррупционного законодательства поднимался Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации еще в 2019 году на Восьмом Евразийском антикоррупционном форуме. Тогда Т. Я. Хабриева указывала на то, что «наращивание нормативно-правовой базы во многом носит спонтанный характер и отрицательным образом сказывается на системности не только антикоррупционного, но и законодательства в целом» [1, с. 17]. Задача по систематизации и актуализации нормативно-правовой базы заложена и в Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы¹.

Быстрый и отчасти хаотичный прирост нормативной базы антикоррупционной направленности не позволяет качественно улучшить правоприменительную деятельность и достичь главной цели – повышения эффективности борьбы с коррупцией до должного уровня. Появляются коллизии в праве, и как отмечают отдельные авторы «ослабевает корреляция между числом адресатов антикоррупционных норм и результативностью их применения» [1, с. 17].

В данной связи представляется актуальным исследование, направленное на изучение основных правовых механизмов противодействия коррупции, с установлением существующих пробелов, коллизий в праве, а также эффективности указанных средств.

Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, международные договоры Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, Федеральный закон «О противодействии коррупции» и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иных федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В указанных нормативных документах закреплены основы механизма государственного управления, базирующегося на системе сдержек и противовесов, которая сама по себе уже является признанным средством противодействия коррупции, а также иные антикоррупционные меры. Однако организационные основы более подробно в настоящем исследовании мы не будем рассматривать, а сосредоточим внимание на специфических средствах противодействия коррупции, разработанных для превентивного антикоррупционного воздействия.

Одним из основополагающих и давно существующих средств выступает юридическая ответственность за коррупционные правонарушения.

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://192.168.0.110:8080/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=450733&dst=1000000001&cacheid=DEAAFB28CD7364897FF422A304FA4DF2&mode=splus&rnd=zf8eAKUGVrJSJZd4#bgzhAKUHvzEQCj2f> (дата обращения: 20.05.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Пунктом 1 статьи 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ установлено, что «граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Основным критерием ограничения преступлений, административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов служит уровень общественной опасности деяния, который зависит как от умысла должностного лица, так и от причиненного в результате деяния ущерба.

Вместе с тем, ни уголовное, ни административное, ни гражданско-правовое законодательство Российской Федерации не предусматривают самостоятельного состава правонарушения в виде коррупции [2, с. 58]. В научной среде и правоприменительной практике также отсутствует единое мнение относительно перечня правонарушений коррупционной направленности. По мнению ряда авторов, исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности привести невозможно [2, с. 23–24].

Единственным нормативным актом, позволяющим привести к одному знаменателю статистические данные хотя бы в части коррупционных преступлений, является Указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». При этом, если одни составы преступлений могут быть отнесены однозначно к коррупционным деяниям без дополнительных условий, то другие относятся к таковыми только при наличии определенных условий.

На основе анализа Уголовного кодекса Российской Федерации, указанного выше ведомственного нормативного правового акта, а также разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации² мы можем сделать вывод о том, что в уголовно-правовом законодательстве к коррупционным деяниям, как правило, относят действия, совершенные специальным субъектом из корыстной или иной личной заинтересованности вопреки законным интересам общества и государства, а также действия, направленные на склонение указанного лица к нарушению своих непосредственных обязанностей в пользу подкапающей стороны, или посредничество между сторонами коррупционного отношения.

Не существует и законодательно закрепленного понятия административного правонарушения коррупционной направленности. В отличие от уголовно-наказуемых деяний данной категории, в отношении административных правонарушений отсутствуют и какие-либо подзаконные нормативные правовые акты, закрепляющие перечень административных коррупционных правонарушений. Так же обстоят дела и

¹ О противодействии коррупции : Федер. закон № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.05.2024).

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 20.05.2024).

с дисциплинарными проступками, гражданско-правовыми деликтами, содержащими коррупционный фактор.

На наш взгляд, сформировать представление об административных правонарушениях коррупционной направленности можно лишь путем проведения системного анализа норм КоАП РФ через призму основных теоретико-правовых положений о понятии, сущности и содержании коррупции, в результате чего к таковым можно отнести более десятка правонарушений (в частности, ст. 5.16 «подкуп избирателей, участников референдума»; ст. 15.14 «нечелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов»; ст. 19.28 «незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и т. п.).

Среди мер гражданско-правовой ответственности наибольшее внимание привлекают правовые положения Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹, а также статьи 8.2 Федерального закона «О противодействии коррупции», закрепляющие полномочия прокурора на осуществление контроля за доходами и расходами должностных лиц и право на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением об изъятии в доход Российской Федерации имущества, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Сегодня указанный правовой институт находится в стадии активного развития, о чем свидетельствует нарастающая статистика по количеству изъятого незаконно нажитого имущества чиновников. Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с момента предоставления соответствующих полномочий (с 01.01.2013) по 31.03.2019 «прокурорами инициировано свыше 1,5 тыс. процедур контроля, в суды предъявлено 140 исковых заявлений об обращении в доход Российской Федерации объектов имущества, в отношении которых чиновниками не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы, из них судами удовлетворено 82 заявления на совокупную стоимость имущества в размере, превышающем 14 млрд. руб.»². В свою очередь, по итогам 2023 года в интервью информационному агентству «Интерфакс» Генеральный прокурор Игорь Краснов отметил, что «в результате работы ведомства по изъятию незаконно нажитого имущества чиновников-коррупционеров всего в 2023 году суды удовлетворили иски прокуратуры на 400 млрд руб., большую часть этих средств уже взыскали в госбюджет»³.

¹ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : Федер. закон № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 23 ноября 2012 года : одобрен Советом Федерации 28 ноября 2012 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://192.168.0.110:8080/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=442435&cacheid=9AE0ABD36D37BC54A845A7E4237F293D&mode=splus&rnd=zf8eAKUGVrSJZd4#H79jAKUGsbWWyvFr> (дата обращения: 20.05.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Контроль за расходами чиновников как средство противодействия легализации доходов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/counteraction/confiscation?item=22057172> (дата обращения 20.05.2024).

³ Суды изъяли у чиновников-взяточников имущество на 400 млрд руб. в 2023 году // Право.RU : сайт. URL: <https://pravo.ru/news/252252> (дата обращения: 20.05.2024).

В ходе реализации указанного механизма противодействия коррупции выявлялись различные схемы ухода правонарушителей от ответственности, в частности перепродажа собственности в добросовестное владение третьих лиц, а также увольнение со службы. Последнее не позволяло органам прокуратуры инициировать проверку в отношении уволенных должностных лиц. В результате закон был дополнен нормами, позволяющими осуществлять такой контроль в течение шести месяцев со дня увольнения лица (или его освобождения от занимаемой должности). Кроме того, была предусмотрена возможность обращения в доход государства денежной суммы, эквивалентной стоимости имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, при отсутствии возможности обращения в доход государства такого имущества.

В контексте рассматриваемого правового средства противодействия коррупции, стоит отметить об актуальной дискуссии о необходимости дополнения гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности за необоснованное обогащение мерами уголовно-правового воздействия, что в целом согласовывалось бы с положениями международного законодательства, в частности с положением статьи 20 Конвенции ООН против коррупции¹. В 2017 году в Государственную Думу Российской Федерации инициативной группой даже был внесен законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции»², который был отклонен в первом чтении. В научном сообществе высказывается небезосновательное опасение о противоречии подобной нормы права основным принципам уголовного законодательства, в частности принципу презумпции невиновности. В качестве альтернативного решения предлагается «параллельно с понятием «презумпция невиновности» ввести понятие «презумпция невиновности за незаконное обогащение, когда активы должностного лица многократно превышают его законные и задекларированные доходы», установив обязанность обвиняемого (подсудимого) в коррупции должностного лица доказать на следствии и в суде легитимность и законность полученных им доходов или имущества» [3, с. 101]. По мнению, Н. В. Щедрина, «подобная корректировка возможна, учитывая, что лицо, добровольно поступающее на службу, соглашается со всеми ограничениями конституционных прав и свобод, имманентных публичному статусу» [4, с. 71].

Введение уголовной ответственности за незаконное обогащение, учитывая современное состояние правоохранительной системы, уголовно-правовой и уголовно-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принятая в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://192.168.0.110:8080/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121140&dst=1000000001&cacheid=EC87BB3C009006C05C61C79B5631DA21&mode=splus&rnd=zf8eAKUGVrJSJZd4#6eojAKUfOjsxeGO5> (дата обращения: 20.05.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции : законопроект № 157763-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157763-7> (дата обращения: 20.05.2024).

процессуальной базы, на наш взгляд представляется весьма рискованным. Указанное нововведение потребует качественно нового пересмотра уголовно-процессуальной деятельности. Полагаем, что такая норма либо рискует остаться «мертвой», не получив реализации на практике без достаточного уровня государственной воли, либо приведет к подмене уголовным преследованием за необоснованное обогащение, преследования за такие коррупционные преступления как получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями, присвоение и растрата и др. Это будет обусловлено сниженными требованиями к доказыванию объективной стороны преступления, что считаем не допустимым и противоречащим базовым принципам российской правовой системы.

Еще одним видом коррупционного поведения являются дисциплинарные проступки, т. е. противоправные деяния, связанные с нарушением требований норм, установленных внутри ведомств, организаций, предприятий, норм права, закрепленных в Федеральном законе «О противодействии коррупции», призванных оказывать профилактическое антикоррупционное воздействие. Примером дисциплинарных проступков коррупционной направленности могут служить нарушения требований о декларировании доходов и разрешении конфликта интересов, несоблюдение запретов и ограничений в связи с замещаемой должностью и т. д. По мнению отдельных авторов, «меры дисциплинарной ответственности должны применяться всегда, независимо от привлечения к материальной, административной (или даже уголовной) ответственности» [2, с. 368]. Всего же, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2023 год к дисциплинарной ответственности за коррупцию было привлечено 50 тыс. чиновников, а более 500 уволили в связи с утратой доверия¹.

Специфическим правовым средством противодействия коррупции, которое можно отнести к мерам дисциплинарной ответственности, является увольнение (освобождению от должности) в связи с утратой доверия. Его применение возможно предусмотренных законом случая (ст. 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Анализ оснований увольнения должностного лица в связи с утратой доверия позволяет говорить о том, что они возникают в результате нарушения установленных в целях реализации антикоррупционной политики обязанностей, ограничений и запретов для государственных служащих.

Еще одним правовым средством профилактики коррупционных правонарушений является предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе в целях обеспечения непредвзятого, беспристрастного и объективного исполнения своих обязанностей должностными лицами органов государственной власти.

Наличие указанного элемента противодействия коррупции в российском законодательстве в целом согласуется с общемировыми тенденциями антикоррупционной политики и законодательством многих зарубежных государств (Япония, США, Канада и др.) [2, с. 353].

¹ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова о состоянии законности и правопорядка Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2023 год // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/286485> (дата обращения: 20.05.2024).

А. А. Бабкин отмечает, что «основным конфликтогенным признаком выступает наличие или возможность возникновения противоречия между личными интересами государственного (муниципального) служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъекта» [5, с. 252].

Под личной заинтересованностью в антикоррупционном законодательстве понимается «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) должностным лицом или иными лицам, связанными с ним близкими отношениями. Как мы видим, в данном случае законодатель наряду с имущественной выгодой предусмотрел и иные преимущества, что, несомненно, актуально для такого механизма противодействия коррупции, как урегулирование конфликта интересов, в частности для борьбы с таким видами коррупции, как протекционизм, кумовство, непотизм и т. д.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Ю. В. Анохин, введение понятия «личная заинтересованность» в привязке к конфликту интересов поставило под угрозу уничтожения профессиональные династии. Автор акцентирует внимание на том, что «родственникам или супругам создается препятствие прохождения службы в порядке соподчиненности, т. к. возможно что-то, а не сам факт противоправного деяния» [6, с. 8]. Данный аспект рассматриваемого механизма весьма актуален для государственных и муниципальных служащих. Нередки случаи, когда семейные союзы создаются в процессе осуществления профессиональной деятельности. В результате, несмотря на профессиональные качества, один из супругов вынужден полностью отказаться от служебной карьеры в конкретном ведомстве или органе государственной власти. Особенно остро такой вопрос возникает на муниципальном уровне, где численность населения и возможные варианты перемещения на государственной службе и в пределах одного ведомства существенно ограничены.

Полагаем, что способствовать разрешению этой проблемы может устранение «правовой размытости» содержательной стороны конфликта интересов и более детальная регламентация индикаторов вероятного нарушения необходимого соотношения личных и публичных интересов. Также для повышения эффективности указанного антикоррупционного механизма считаем необходимым усовершенствовать порядок мониторинга, направленный на выявление фактов неурегулированного конфликта интересов, привлекая к этому в том числе и институты гражданского общества, и в целом граждан. В этом вопросе актуально будет информирование населения о признаках, свидетельствующих о нарушении антикоррупционного законодательства, а также о способах их пресечения. В этом контексте, на наш взгляд, новую актуализацию с расширением функций может получить основной антикоррупционный орган, созданный для предотвращения и урегулирования конфликта интересов, а именно комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Еще одним средством противодействия коррупции является процедура проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения, регламентированная Федеральным законом от

17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹.

О перспективности этого направления свидетельствуют статистические данные, предоставленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, согласно которым «в первом полугодии 2021 года прокуроры охватили антикоррупционной экспертизой почти 500 тысяч нормативных правовых актов. Было выявлено 36 тыс. нормативных правовых актов, содержащих свыше 33 тыс. коррупциогенных факторов»².

Коррупциогенными факторами, согласно вышеуказанному Закону, являются «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» (п. 2 ст. 1 Закона).

В контексте рассмотрения коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах интересным представляется подход к пониманию законотворчества, согласно которому «право понимается не как деятельность по управлению обществом, а как согласование различных социальных интересов, при котором свобода одних не должна ущемлять свободы других» [7, с. 20].

По мнению И. Н. Барциц, «если понимать законотворческий процесс не как определение властью (большинством в парламенте) правил поведения, а как согласование различных социальных интересов, то коррупциогенная норма права возникает вследствие «мутации» процесса нормотворчества, когда он перестает выявлять все правообразующие интересы» [7, с. 20].

Таким образом, одним из основных коррупциогенных факторов в нормотворческом процессе можно признать нарушение баланса интересов. В связи с этим главной целью антикоррупционной экспертизы можно определить выявление всех возможных правообразующих интересов при принятии конкретного нормативного правового акта и оценку доли преобладания одних над другими.

На основании изложенного считаем возможным рассмотрение вопроса о дополнении законодательного определения «коррупциогенные факторы» положением о нарушении баланса социальных интересов, или преобладании интересов отдельных корпораций и (или) лоббистских объединений.

Вместе с тем, важно отметить, что сама процедура проведения антикоррупционной экспертизы весьма трудоемкая и требует большого временного ресурса. Особенно это актуально в связи с изложенным в Национальном плане

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон № 172-ФЗ : принят Гос. Думой 3 июля 2009 года : одобрен Советом Федерации 7 июля 2009 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 20.05.2024).

² Работа органов прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2021 года по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combatting-corruption/expertise/result?item=64206018> (дата обращения: 20.05.2024).

противодействия коррупции на 2021–2024 годы положением о возможном расширении требования производства антикоррупционной экспертизы своих локальных нормативных актов и проектов таких актов на коммерческие и некоммерческие организации с государственным участием¹.

Решение указанной проблемы научное сообщество видит во внедрении инструментов автоматизации, в том числе с использованием возможностей искусственного интеллекта [8, с. 51]. Вместе с тем, отмечается, что «при проведении экспертизы с помощью искусственного интеллекта может быть подготовлено необходимое заключение, однако соответствующему лицу необходимо провалидировать данные, полученные с использованием программно-аналитического модуля, а также при необходимости внести соответствующие корректировки» [8, с. 51]. Это обуславливает необходимость повышения уровня соответствующих компетенций лиц, которые непосредственно проводят антикоррупционную экспертизу.

Таким образом, проведенный анализ правовых средств противодействия коррупции позволил нам условно разделить их на меры предупреждения коррупционных нарушений, меры выявления и пресечения возникших коррупционных рисков, а также меры юридической ответственности и минимизации последствий коррупции.

К правовым средствам (мерам) предупреждения, на наш взгляд, относятся установленные запреты, ограничения и обязанности, призванные минимизировать коррупционные риски на государственной службе. К таковым, в частности, относятся: запрет открывать и иметь счета в иностранных банках, пользоваться иностранными финансовыми инструментами; запрет на осуществление предпринимательской деятельности, обязанность отдельных категорий должностных лиц предоставлять сведения о доходах и расходах; обязанность уведомлять о склонении к коррупции и др.

В свою очередь, такие правовые механизмы, как порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, выполняют контрольную функцию, а также направлены на разрешение ситуаций с высоким коррупционным риском в целях недопущения негативных последствий.

И в качестве факультативной стадии выступает юридическая ответственность, которая наступает в случае нарушения антикоррупционного законодательства. При этом наряду с уголовной и административной ответственностью российским законодательством установлена гражданско-правовая и дисциплинарная (в частности, такие специфические их виды, как изъятие в доход государства имущества, законность приобретения которого не доказана должностным лицом, а также увольнение со службы в связи с утратой доверия соответственно).

В заключение следует отметить, что правовая основа противодействия коррупции на современном этапе несовершенна, она находится в стадии активного развития. В настоящее время уже законодательно закреплены основополагающие

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://192.168.0.110:8080/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=450733&dst=1000000001&cacheid=DEAAFB28CD7364897FF422A304FA4DF2&mode=splus&rnd=zf8eAKUGVrJSJZd4#bgzhAKUHvzEQCj2f> (дата обращения: 20.05.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

правовые средства противодействия коррупции. Но вместе с тем, обнаруживаются и ряд пробелов, коллизий, которые вскрываются в ходе правоприменительной деятельности. Считаем, что процесс противодействия коррупции является непрерывным и должен совершенствоваться ускоренными темпами, чтобы оказывать превентивное воздействие на развитие новых коррупционных практик и закрывать лазейки в законодательстве, используемые коррупционерами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хабриева, Т. Я. Право против коррупции: миссия и новые тренды : сб. мат-лов Восьмого Евразийского антикоррупционного форума, Москва, 20 марта 2019 года / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2020. 256 с.
2. Коррупция: природа, проявления, противодействие : монография / отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. М. : ИД «Юриспруденция», 2012. 688 с.
3. Моисеев, В. П., Моисеева, А. В. Незаконное обогащение как угроза национальной безопасности России // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире : мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: Иркутск, 26–27 мая 2016 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Байкальский государственный университет. Иркутск : БГУ, 2016. С. 97–103.
4. Щедрин, Н. В. Проблемы и перспективы криминализации незаконного обогащения публичных должностных лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации : науч. журн. 2018. №12 (207). С. 62–75.
5. Бабкин, А. А. Правовые средства противодействия коррупции в современном обществе // Актуальные проблемы и перспективы развития правовой системы Казахстана : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 110-летию со дня рождения министра внутренних дел Казахской ССР, государственного и общественного деятеля, генерал-лейтенанта внутренней службы Шракбека Кабылбаевича Кабылбаева и 20-летию столицы Республики Казахстан : Астана, Костанай, 26 октября 2018 года. Костанай : Костанайская академия МВД Республики Казахстан, 2018. С. 251–254.
6. Анохин, Ю. В. Предотвращение конфликта интересов как средство противодействия коррупции: теоретико-правовой аспект // Алтайский юридический вестник : науч. журн. 2020. № 1 (29). С. 7–10.
7. Барциц, И. Н. Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) // Государство и право : науч. журн. 2010. № 9. С. 16–25.
8. Развитие антикоррупционного законодательства и комплаенса в новых условиях : Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Е. А. Артеменко, Р. О. Долотов, Э. А. Иванов и др. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 58 с.

REFERENCES

1. Khabrieva T.Ya. Korrupciya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie [Corruption: nature, manifestations, counteraction]. Moscow, 2012, 688 p.
2. Pravo protiv korrupcii: missiya i novye trendy [Law against corruption: mission and new trends]. Sbornik materialov Vos'mogo Evrazijskogo antikorruptionnogo foruma, Moskva, 20 marta 2019 goda [Collection of materials of the Eighth Eurasian Anti-Corruption Forum], Moscow, March 20, 2019. Moscow, 2020, 256 p.

3. Moiseev V.P., [Illegal enrichment as a threat to Russia's national security] *Obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossii v sovremenном mire: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: Irkutsk, 26–27 maya 2016 goda* [Ensuring the national security of Russia in the modern world: materials of the international scientific and practical conference: Irkutsk, May 26–27, 2016]. Irkutsk, 2016, pp. 97-103.

4. Shchedrin N.V. Problemy i perspektivy kriminalizacii nezakonnogo obogashcheniya publichnyh dolzhnostnyh lic [Problems and prospects for the criminalization of illegal enrichment of public officials]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF - Property relations in the Russian Federation*. 2018, no. 12 (207), pp. 62-75.

5. Babkin A.A. [Legal means of combating corruption in modern society] *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya pravovoj sistemy Kazahstana: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya ministra vnutrennih del Kazahskoj SSR, gosudarstvennogo i obshchestvennogo deyatelya, general-leitenanta vnutrennej sluzhby SHrakbeka Kabylbaevicha Kabylbaeva i 20-letiyu stolicy respubliki Kazahstan* : Astana, Kostanaj, 26 oktyabrya 2018 goda [Current problems and prospects for the development of the legal system of Kazakhstan: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the Minister of Internal Affairs of the Kazakh SSR, statesman and public figure, Lieutenant General of the Internal Service Shrakbek Kabylbayevich Kabylbayev and the 20th anniversary of the capital of the Republic of Kazakhstan: Astana, Kostanay, October 26, 2018. Kostanay]. Kazakhstan , 2018, pp. 251-254.

6. Anokhin Yu.V. *Predotvrashchenie konflikta interesov kak sredstvo protivodejstviya korrupcii: teoretyko-pravovoj aspekt* [Preventing conflicts of interest as a means of combating corruption: theoretical and legal aspect]. *Altajskij yuridicheskij vestnik - Altai Legal vestnik*. 2020, no. 1(29), pp. 7-10.

7. Bartsits I.N. *Antikorruptionnaya ekspertiza v sisteme effektivnogo pravotvorchestva (k razrabotke metodiki provedeniya antikorruptionnoj ekspertizy)* [Anti-corruption examination in the system of effective law-making (towards the development of methods for conducting anti-corruption examination)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law: scientific*. 2010. no. 9, pp. 16-25.

8. Artemenko E.A., Dolotov R.O., Ivanov E.A. [Development of anti-corruption legislation and compliance in new conditions]. *Doklad k XXIV YAsinskoj (Aprel'skoj) mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. – Report to the XXIV Yasinsk (April) international scientific conference on problems of economic and social development*. Moscow, 2023, 58 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербинина Анастасия Викторовна, старший преподаватель кафедры криминалистики. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shcherbinina Anastasia Viktorovna, senior lecturer at the Department of Criminology. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 656038, Barnaul, 49 Chkalova str.

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 19.06.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 19.06.2024; accepted for publication 19.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 69—81.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 69—81.

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 342.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.58.007

НЕПОВИНОВЕНИЕ ЗАКОННОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ИЛИ ТРЕБОВАНИЮ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ, А РАВНО ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЮ ИМ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: ПОВТОРНОСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ

Астафьев Иван Николаевич, Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, ast_ivn@inbox.ru

Введение. Динамика роста и масштаб распространенности административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, высокая значимость правовой охраны порядка управления, существенность причиняемого вреда в виде повышения вероятности применения насилия в отношении сотрудников полиции, недостаточность имеющихся административно-правовых средств для результирующего противодействия таким действиям определяют необходимость обоснования системы юридической ответственности за совершение правонарушений в виде неповиновения законному требованию сотрудника полиции.

Материалы и методы. Материалами исследования явились сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2023 годы: № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» и № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». Методологическую основу исследования составили: диалектический метод познания как фундаментальный метод научного анализа социально-правовой действительности, общенаучные методы исследования, методы математической статистики. В качестве основного прикладного метода исследования использовано сопоставление динамики административных правонарушений и динамики преступлений с соответствующей административной преюдицией.

Результаты исследования. На конкретных примерах подтверждена обоснованность применения административной преюдиции в качестве средства, позволяющего реализовать предупредительную функцию административно-правового регулирования и профилактическую функцию уголовного закона.

Выводы и заключения. Для достижения полноты системы юридической ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции предлагается установить ответственность за повторное совершение административного правонарушения, а за совершение третьего и более административного правонарушения данного вида установить уголовную ответственность в виде *административной преюдиции*. По степени общественной опасности такое преступление может быть отнесено к преступлениям средней тяжести.

Ключевые слова: сотрудник полиции, неповиновение, воспрепятствование, административное правонарушение, повторность, неоднократность, административная преюдиция

Для цитирования: Астафьев И. Н. Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей: повторность и административная преюдиция // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 69–81.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.58.007

5.1.2 Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

DISOBEDIENCE TO A LAWFUL ORDER OR REQUEST OF A POLICE OFFICER AND OBSTRUCTION OF HIS OFFICIAL DUTIES: REPEATED AND ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Ivan N. Astafev, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, ast_ivn@inbox.ru

Introduction. The dynamics of growth and the extent of the prevalence of administrative offences related to disobedience of a lawful order or demand of a police officer; high importance of legal protection of the management order; The extent of the harm caused in terms of increased likelihood of violence against police officers; insufficient administrative legal means for effective counteracting such acts determine the need to justify a system of legal responsibility for committing offences in the form of disobedience to a legitimate demand by a police officer.

Materials and Methods. The materials of the study were a summary of statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018-2023 years: № 1-AP «Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of cases of administrative offences» and 10-a «Report on the number of convicted persons under all the elements of the Criminal Code of the Russian Federation». The methodological basis of the study was: dialectical method of cognition as a fundamental method of scientific analysis of social and legal reality, general scientific methods of research, methods of mathematical statistics. The main applied research method is to compare the dynamics of

administrative offences and crime dynamics with the corresponding administrative precession.

The Results of the Study. The validity of administrative prejudice as a means to achieve the preventive function of administrative and legal regulation and the preventive function of criminal law is confirmed by specific examples.

Findings and Conclusions. To achieve a comprehensive system of legal liability for disobedience of lawful orders or demands by police officers, it is proposed that responsibility be established for repeat offences administrative offence, The State party should also ensure that the Act does not constitute a criminal offence of this kind. The degree of public danger that such a crime could be classified as a moderate offence.

Keywords: police officer, disobedience, obstruction, administrative offence, repeated, repeated, administrative prejudice

For citation: Astafev I. N. Disobedience to a lawful order or request of a police officer and obstruction of his official duties: repeated and administrative prejudice. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no 4 (111), pp. 69–81.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.58.007

Проблему обеспечения административно-правовой защиты деятельности сотрудников органов внутренних дел впервые начал рассматривать Ю. П. Соловей, который сформулировал следующее определение этого явления: «административно-правовая охрана деятельности милиции имеет своим содержанием установление и реализацию административно-правовых норм, определяющих систему мер пресечения милицией актов противодействия ее деятельности и предусматривающих ответственность за их совершение» [1, с. 94]. В 2008 году по данному направлению исследования была защищена кандидатская диссертация А. К. Дубровиным [2, с. 8]. В настоящее время существенно изменились общественно-государственные отношения, наметилась тенденция к увеличению административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, что свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям. Мы полностью согласны с мнением Н. И. Пикурова [3, с. 99, 101], который, ссылаясь на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации¹, указывает, что в отношении административных правонарушений с высокой степенью общественной опасности – правонарушений, которые связаны с институтами государственного и муниципального управления, законодатель вправе менять вид и тяжесть юридической ответственности в условиях, когда не срабатывают превентивные функции более мягкого правового воздействия. Основным преимуществом административной преюдиции ученый считает то, что она объединяет профилактические функции уголовного закона и предупредительную функцию административно-правового регулирования, образуя единый механизм, соединяющий общую и частную превенцию.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201804270005> (дата обращения: 15.12.2023).

Цель исследования – обосновать систему юридической ответственности за совершение правонарушений в виде неповиновения законному требованию сотрудника полиции.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что установление ответственности за повторное совершение административного правонарушения в виде неповиновения законному требованию сотрудника полиции и уголовной ответственности за многократное совершение данного вида административного правонарушения позволит реализовать предупредительную функцию административно-правового регулирования и профилактическую функцию уголовного закона.

Исследования, проведенные нами ранее, показали, что количество административных правонарушений в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ¹) с 2018 по 2022 год увеличилось на 18 %, а количество преступлений, связанных с применением насилия в отношении сотрудников полиции (ст. 318 УК РФ²), – на 13 %, что свидетельствует о низкой эффективности имеющихся административно-правовых средств противодействия таким противоправным деяниям [4, с. 87].

В действующем административном законодательстве санкции за повторное совершение административное правонарушение в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции предусмотрены только ч. 6. ст. 19.3 КоАП РФ – «если правонарушение совершено организатором или участником собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в связи с проведением указанного мероприятия». Санкции за повторное совершение административных правонарушений в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, выраженных в иных формах, административным законом не предусмотрены. В этой связи полагаем, что имеется необходимость в установлении ответственности за повторное совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1, ч. 1.1. ст. 19.3 КоАП РФ.

В российском административном законодательстве (ст. 4.6 КоАП РФ) повторным признается *однородное* административное правонарушение, совершенное *в течении одного года* со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Изучение критериев повторности административных правонарушений показало, что в Республике Беларусь повторными признаются совершение двух и более административных правонарушений, предусмотренных одной статьей или ее частью, в определенный период времени (ст. 2.2 Кодекса РБ об АП): за совершение значительного административного правонарушения – 6 месяцев со дня исполнения постановления о наложении административного взыскания, за совершение грубого административного правонарушения – 1 год (ст. 4.9 Кодекса РБ об

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.01.2024).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.12.2023).

АП)¹. В Республике Казахстан лицо остается подвергнутым административному взысканию в течение 1 года со дня исполнения административного взыскания².

Правонарушение, имеющее единый родовой объект посягательства, признается однородным³. Однако в качестве основания повторности административного правонарушения не всегда используется критерий «один родовой объект посягательства». Так, например, повторным административным правонарушением, связанным с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ), законодатель признает только то деяние, которое совершено организатором или участником собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ)⁴.

Недостаточность административно-правовых средств противодействия многократным административным правонарушениям «может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона»⁵.

Установленная нами статистически достоверная связь административных правонарушений в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции с преступлениями с применением насилия против сотрудников полиции позволила сделать вывод о необходимости усиления механизма юридической ответственности – установить квалификационный состав за административное правонарушение, совершенное повторно, и уголовную ответственность за многократное его совершение⁶.

Преступления с административной преюдицией: конструирование составов

¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. : послед. ред. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100091/> (дата обращения: 15.12.2023).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-В : послед. ред. // Юрист : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 15.12.2023).

³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (п. 16) // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8268/> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федер. закон № 54-ФЗ (ч. 3 ст. 6) : принят Гос. Думой 4 июня 2004 г.: одобрен Советом Федерации 9 июня 2004 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.01.2024).

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П (п. 4.2) // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.02.2017, № 9, ст. 1422.

⁶ Термин «неоднократно» используется в дефинициях ст. 212.1 УК РФ, чч. 1, 2 ст. 157 УК РФ, ст. 171.4 УК РФ, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Исследователи используют различные признаки для определения состава преступления с административной преюдицией. Так, А. В. Богданов рассматривает административную преюдицию как «*повторное* совершение однородного административного правонарушения в период времени, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию» [5, с. 23]. З. З. Мямхягов считает, что административной преюдицией является *повторное* совершение тождественного правонарушения [6, с. 28]. Оба автора, декларируя то, что «*преюдиционные*» нормы УК РФ олицетворяют усиление уровня репрессивности уголовного законодательства, по сути, предлагают установить уголовную ответственность за повторное административное правонарушение. Мы не согласны с мнениями этих исследователей, т. к. считаем, что гуманизация законодательства должна заключаться в том, что уголовной ответственности должна предшествовать ответственность за повторное совершение административного правонарушения.

Отмечая то обстоятельство, что административная преюдиция есть эффективный правовой механизм, обладающий высоким превентивным потенциалом, С. А. Аверинская с соавторами (и мы полностью согласны с этими исследователями) указывают на отсутствие системности в нормах с административной преюдицией [7, с. 74]. Так, в административном законодательстве далеко не всегда используются те же формулировки, что в уголовном законодательстве, в связи с чем Н. А. Лопашенко справедливо указывает на то, что при оценке преюдициального деяния правоприменитель проявляет определенный субъективизм [8, с. 54]. Для того чтобы исключить субъективную оценку преюдициального деяния (и здесь мы полностью согласны с предлагаемым автором подходом), в нормах уголовного закона должны быть указаны конкретные административные правонарушения. Кроме того, в нормах российского уголовного закона административная преюдиция наступает за различное количество совершенных ранее административных правонарушений и в различный период времени. В большинстве норм УК РФ с административной преюдицией преступлением признается административное правонарушение, совершенное в период до 1 года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания (например, управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию, или лицом, имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ)). Иные условия применения административной преюдиции (наличие двукратного привлечения к административной ответственности в течение 1 года) установлены за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314 УК РФ). Уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ) наступает за совершение в течение 6 месяцев трех и более административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ.

К признакам административной преюдиции З. З. Мямхягов предлагает относить совершение третьего аналогичного административного правонарушения, совершенного в течение одного года со дня исполнения административного взыскания [6, с. 28]. Частично соглашаясь с предлагаемыми автором признаками, полагаем, что субъектом преступления с административной преюдицией должны быть лица, подвергнутые административному наказанию за повторное правонарушение, и лица,

ранее привлекавшиеся к административной ответственности, совершившие третье и более административное правонарушение данного вида. Мы согласны с мнением А. Н. Доброва и С. А. Барановой о том, что при конструировании преюдициальных составов необходимо указывать количество однородных административных правонарушений и период времени, в который эти административные правонарушения были совершены [9, с. 207], однако полагаем, что не всегда нужно применять признак «однородности», в отношении ст. 19.3 КоАП РФ считаем целесообразным использовать признак тождественности административного правонарушения.

Изучение уголовного законодательства Республики Беларусь показало, что под административной преюдицией понимается «уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, которая наступает, если деяние совершено *в течение года* после наложения административного или дисциплинарного взыскания за *такое же нарушение*»¹. Под систематичностью в Уголовном кодексе Республики Беларусь понимается признак, указывающий на совершение лицом более 2 тождественных или однородных правонарушений (ст. 32 УК РБ).

Проведенные исследования позволили сделать вывод о том, что в системе наказаний за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции административную преюдицию целесообразно применять после наказания за повторное совершение административного правонарушения одного вида, т. е. начиная с третьего административного деликта.

*Степень общественной опасности неоднократного неповиновения
законному распоряжению или требованию сотрудника полиции*

Следует согласиться с мнением Ю. П. Соловья [10, с. 34] и В. И. Сургутскова [11, с. 458] о том, что административные правонарушения необходимо категорировать по степени общественной опасности. Так, в проекте КоАП РФ по степени общественной опасности административные правонарушения подразделены на грубые (п. 9 ст. 2.3) и малозначительные (ст. 2.4)². Административные правонарушения в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции по степени общественной опасности (и здесь нужно согласиться проектом КоАП РФ) отнесены к *грубым*. Многократно совершенное неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции по степени общественной опасности деяния, по нашему мнению, по аналогии со ст. 212.1 УК РФ может быть отнесено к преступлениям *средней тяжести*. Подобная мера наказания предусмотрена за аналогичное преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Республики Казахстан (ст. 379. Неповиновение представителю власти), – ограничение свободы на срок до трех лет либо лишение свободы на тот же срок³, а также Уголовным кодексом Республики Беларусь (ст. 363 Сопротивление сотруднику органов внутренних дел или

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : послед. ред. (ст. 4) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 15.12.2023).

² Проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: regulation.gov.ru (дата обращения: 15.12.2023).

³ Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-В : послед. ред. // Юрист : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 15.12.2023).

иному лицу, охраняющим общественный порядок) – ограничение свободы на срок до пяти лет или лишение свободы на срок до семи лет (ст. 4 УК РБ).

*О методике определения целесообразности применения
административной преюдиции*

Для того определения эффективности применения административной преюдиции нами предлагается сопоставлять динамику административных правонарушений с преступлениями с соответствующей административной преюдицией.

Используя данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018–2023 годы, мы сопоставили динамику рассмотренных дел об административных правонарушениях установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, и организации массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка (ст. 20.2.2 КоАП РФ) (по числу лиц)¹, с динамикой количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ) (рис. 1)².

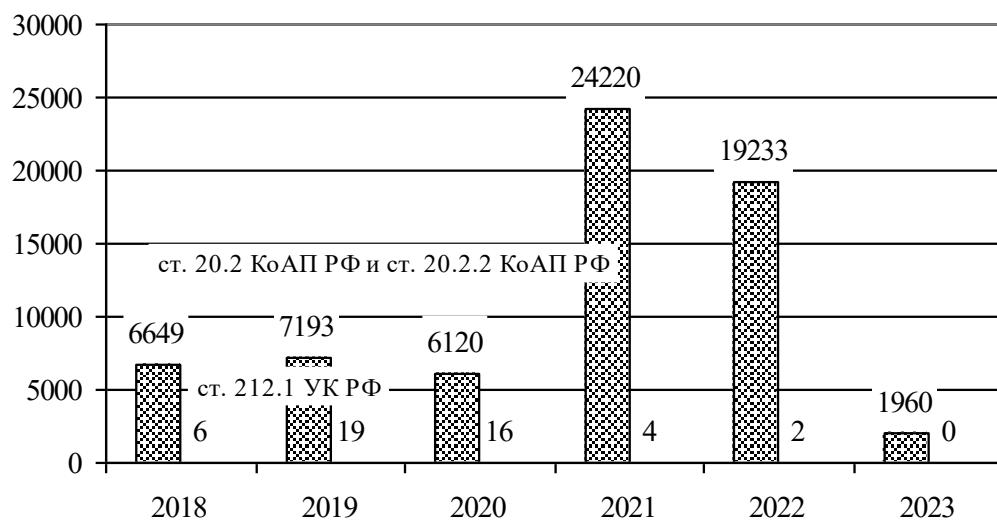

Рисунок 1. Динамика количества рассмотренных дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ и ст. 20.2.2 КоАП РФ (по числу лиц), и динамика количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ

¹ С 2022 года статистические данные о совершенных административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ и ст. 20.2.2 КоАП РФ, объединены.

² Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2022 годы № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.10.2024); Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018–2022 годы № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // там же (дата обращения: 06.10.2024).

В исследуемый период времени отмечены единичные случаи привлечения к уголовной ответственности за неоднократное нарушение порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации (ст. 212.1 УК РФ). Возможно, что резкое увеличение в 2021 и 2022 годах количества административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ и ст. 20.2.2 КоАП РФ, явилось следствием недостаточного привлечения к уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ.

Аналогичным образом нами сопоставлена динамика количества лиц, привлеченных к административной ответственности за управление транспортным средством (в том числе не имеющим права управления и лишенным права управления) в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (чч. 1, 2, 3 ст. 12.8 КоАП РФ), невыполнение водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ), с динамикой количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость, за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 статьи 264 УК РФ либо ч. 1 ст. 264.1 УК РФ (рис. 2).

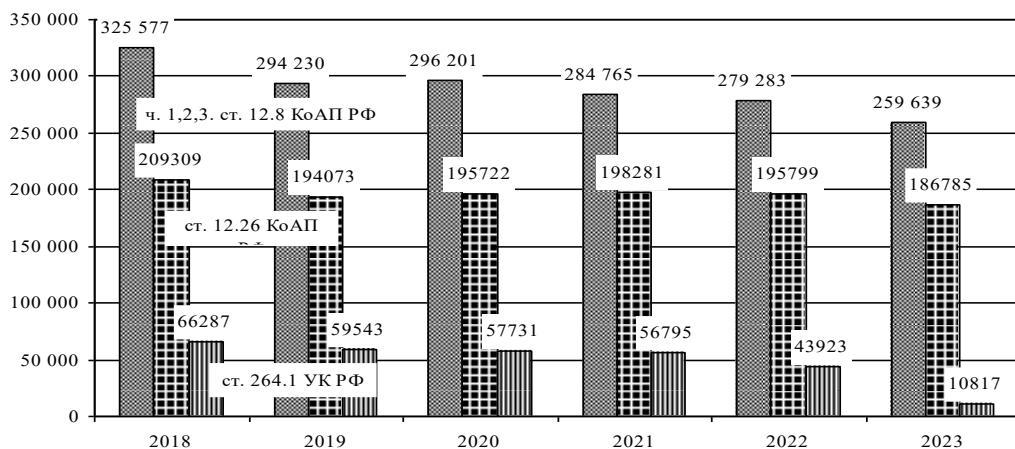

Рисунок 2. Динамика количества рассмотренных дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, 2, 3 ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ (по числу лиц), и динамика количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ

С 2018 по 2023 год отмечено снижение количества лиц, привлеченных к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные чч. 1, 2, 3 ст. 12.8 КоАП РФ, на 20 %, за административные правонарушения, предусмотренные ст. 12.26 КоАП РФ, на 11 % (в среднем на 17 %). Административная ответственность за повторное совершение данных видов административных правонарушений законом не предусмотрена, но установлена уголовная ответственность в виде административной преюдиции, которая предусмотрена ст. 264.1 УК РФ. В исследуемый период отмечено значительно большее снижение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ, - на 84 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение административной преюдиции при многократном совершении административных

правонарушений, предусмотренных чч. 1,2,3 ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ, является обоснованным.

Используя предлагаемый нами метод, рассмотрим вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности в виде административной преюдиции за многократное совершение административного правонарушения в виде неповиновения законному требованию сотрудника полиции.

Проанализируем соответствующие статистические данные. Динамика общего количества дел по ст.19.3 КоАП РФ, поступивших в суды, и количество административных правонарушений данного вида, пресеченных сотрудниками полиции, показана на рисунке 3.

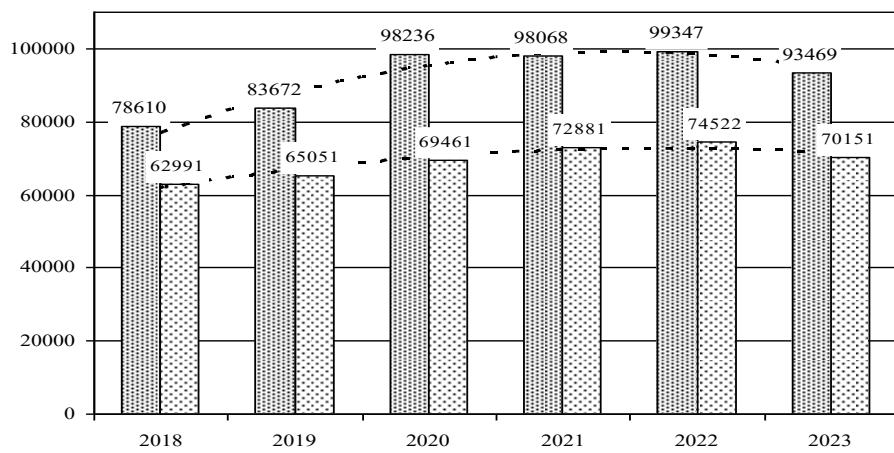

Рисунок 3. Количество дел, поступивших в суды по ст. 19.3 КоАП РФ, и количество административных правонарушений данного вида, пресеченных сотрудниками полиции

С 2018 по 2022 годы отмечен устойчивый рост количества дел, поступивших в суды по ст. 19.3 КоАП РФ (на 26 % – с 78 610 до 99 347). Количество данного вида административных правонарушений, пресеченных сотрудниками полиции, в этот же период времени увеличилось на 18 % и в среднем составило 75 % от количества дел, поступивших в суды. В 2023 году, по сравнению с 2022 годом, отмечено снижение на 6 % количества правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ. Устойчивая тенденция к росту данного вида административных правонарушений (в среднем на 5 % в год), по нашему мнению, обуславливает необходимость дополнения законодательства об административных правонарушениях санкциями за повторное совершение административного правонарушения и дополнения уголовного закона нормой, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократное совершение данного вида административного правонарушения.

Актуальность предлагаемых нами мер обусловлена тем, что неповиновение сотруднику полиции, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей несет в себе повышенную общественную опасность, т. к. порождает правовой нигилизм у правонарушителей и очевидцев. При недостаточности имеющихся административно-правовых средств результивного противодействия правонарушениям, многократное совершение таких административных правонарушений, по нашему мнению, может быть криминализировано. Считаем, что административная преюдиция может быть применима только в случаях многократного

совершения административных правонарушений, при условии, что ранее были применены санкции за повторное совершение данного вида административного правонарушения.

Многократное совершение тех административных правонарушений, в которых *разграничены* санкции за установление факта неповиновения сотруднику полиции и иные правонарушающие действия (бездействие), считаем возможным криминализировать. В нормах административного законодательства, в которых неповиновение сотруднику полиции *сопряжено* с иными правонарушающими действиями (бездействиями) (например, ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ; ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ), санкции следует разграничить – и тут мы согласны с позицией, высказанной А. И. Смоляковым и О. А. Строевой [12, с. 19].

Для усиления административно-правовой охраны служебной деятельности полиции считаем целесообразным установить ответственность за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Для предупреждения преступлений, связанных с применением насилия в отношении сотрудников полиции (ст. 318 УК РФ), считаем, что совершение третьего и более административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за повторное правонарушение, либо лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за совершение правонарушения данного вида, может быть квалифицировано как преступление с административной преюдицией.

Критерием целесообразности установления административной преюдиции является увеличение количества административных правонарушений.

Административное правонарушение в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции по степени общественной опасности может быть отнесено к категории «грубых».

Преступление с административной преюдицией в виде неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствования исполнению им служебных обязанностей по степени общественной опасности может быть отнесено к преступлениям средней тяжести.

Главу 32. Преступления против порядка управления Уголовного кодекса Российской Федерации предлагаем дополнить:

Ст. 318.1. Неповиновение законным распоряжениям или требованиям сотрудников полиции, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей

Неоднократное неповиновение законным распоряжениям или требованиям сотрудников полиции, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей лицом, подвергнутым административному наказанию за повторное правонарушение, либо лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности, совершившим третье и более административное правонарушение данного вида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловей, Ю. П. Теория и практика административно-правовой охраны деятельности милиции : учеб. пособие. Омск : ОВШМ МВД СССР, 1987. 96 с.

2. Дубровин, А. К. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.
3. Пикуров, Н. И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / отв. ред. Р. В. Жубрин. М. : Ун-т прокуратуры Российской Федерации. 2018. С. 97–104.
4. Астафьев, И. Н. Современная правоприменительная практика обеспечения административно-правовой охраны деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 2 (64). С. 80–88.
5. Богданов, А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 24 с.
6. Мямхягов, З. З. Административная преюдиция в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 30 с.
7. Аверинская, С. А., Забавко, Р. А., Радченко, О. В. Административная преюдиция в уголовном праве: доктринальные противоречия // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1 (88). С. 70–74.
8. Лопашенко, Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55.
9. Добров, А. Н., Баранова, С. А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 202–208.
10. Соловей, Ю. П. К вопросу о реформе законодательных основ административной ответственности // Законодательство об административных правонарушениях: современное состояние и пути совершенствования : материалы заседания круглого стола. Тула : Аквариус, 2014. С. 28–39.
11. Сургутсков, В. И. К вопросу о категоризации административных правонарушений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 16 (4). С. 545–549.
12. Смоляков, А. И., Строева, О. А. Проблемные вопросы квалификации административных правонарушений, связанных с невыполнением законных требований сотрудника полиции // Научный портал МВД России. 2023. № 4 (64). С. 13–20.

REFERENCES

1. Solovej YU.P. Teoriya i praktika administrativno-pravovoj ohrany deyatel'nosti milicii [Theory and practice of administrative and legal protection of police activities]. Omsk, 1987, 96 p.
2. Dubrovin A.K. Administrativnaya otvetstvennost' za nepovinovenie zakonnemu rasporyazheniyu ili trebovaniyu sotrudnika milicii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. [Administrative liability for disobedience to a lawful order or demand of a police officer: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences]. Moscow, 2008. 24 p.
3. Pikurov N.I. Preventivnaya funkciya administrativnoj preyudicji v ugolovnom prave [Preventive function of administrative prejudice in criminal law]. Dvojnaya prevenciya v bor'be s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki - Double prevention in the fight against crime: issues of theory and practice. 2018, pp. 97-104.
4. Astaf'ev I.N. Sovremennaya pravoprimeritel'naya praktika obespecheniya administrativno-pravovoj ohrany deyatel'nosti policii [Modern law enforcement practice of ensuring administrative and legal protection of police activities]. YUridicheskaya nauka i

pravoohranitel'naya praktika - Legal science and law enforcement practice 2023, no. 2 (64), pp. 80-88.

5. Bogdanov A.V. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave Rossii: special'nost' [Administrative prejudice in the criminal law of Russia: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences.]. M., 2019, 24 p.

6. Myamhyagov Z.Z. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: special'nost' [Administrative prejudice in criminal law: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences]. Krasnodar, 2022, 30 p.

7. Averinskaya S.A., Zabavko R.A., Radchenko O.V. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: doktrinal'nye protivorechiya [Administrative prejudice in criminal law: doctrinal contradictions]. Sibirskij yuridicheskij vestnik-Siberian legal vestnik. 2020, no.1 (88), pp. 70 - 74.

8. Lopashenko N.A. Sostavy prestuplenij s administrativnoj preyudiciej - «svoi sredi chuzhih»? [Compositions of crimes with administrative prejudice - “our own among strangers”?]. Russian investigator-Rossijskij sledovatel'. 2022, no. 5, pp. 51 - 55.

9. Dobrov A.N., Baranova S.A. Institut administrativnoj preyudicji: ponyatie, sushchnost', tekhnika [Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no.2 (93), pp.202-208.

10. Solovej Y.U.P. K voprosu o reforme zakonodatel'nyh osnov administrativnoj otvetstvennosti [On the issue of reform of the legislative basis of administrative responsibility]. Zakonodatel'stvo ob administrativnyh pravonarusheniyah: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya - Legislation on administrative offenses: current state and ways of improvement. Tula, 2014, pp. 28-39.

11. Surgutskov V.I. K voprosu o kategorizacii administrativnyh pravonarushenij [On the issue of categorization of administrative offenses]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie-Siberian Legal Review. 2019, no. 16(4), pp.545-549.

12. Smolyakov A.I., Stroeva O.A. Problemnye voprosy kvalifikacii administrativnyh pravonarushenij, svyazannyh s nevypolneniem zakonnyh trebovaniy sotrudnika policii [Problematic issues of qualification of administrative offenses related to failure to comply with legal requirements of a police officer]. Nauchnyj portal MVD Rossii- Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (64), pp. 82-20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Астафьев Иван Николаевич, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, проспект Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Astafyev Ivan Nikolaevich, lecturer in the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, etc. Komarova, 7.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 82–97.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. no. 4 (111). P. 82–97.

Научная статья

УДК 340.132.8

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.23.42.008

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Беженцев Александр Анатольевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, adovd@mail.ru

Введение. Коренное изменение общественных отношений в соответствии с целями и принципами организации демократического, социального, правового государства, обновление системы норм права и развитие на их фундаменте принципиально нового способа функционирования государственного аппарата, отвечающего требованиям законности, невозможны без надлежащей организации и осуществления контроля и надзора в государственном управлении, обществе в целом. Конституция Российской Федерации законодательно закрепила курс на обеспечение верховенства права, охрану прав, свобод и законных интересов граждан в государственном управлении, всех областях общественной жизни.

Контроль и надзор – основные способы обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении. В то же время они являются важнейшими функциями государства. Без организации и осуществления контроля и надзора усложняется эффективная работа государственного аппарата, других государственных, муниципальных и негосударственных структур, поскольку любое решение в сегменте государственного управления заканчивается контролем за их исполнением, иначе они не будут иметь смысла. Контроль и надзор являются факторами, дисциплинирующими поведение служащих государственного аппарата и граждан как в сфере государственного управления, так и социуме в целом. Это то, что делает прозрачным для общества деятельность государства, а для государства – внутриобщественные отношения.

Материалы и методы. Для решения поставленных задач по становлению, развитию, организации и осуществлению контроля и надзора в государственном управлении использовались: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, социологический методы познания процессов и явлений, а также специальные юридические методы грамматического рассмотрения и толкования правовых норм. Положения и выводы научной статьи основываются также на разработках общей теории государства и права, теории государственного управления, административного права, финансового права, других отраслевых правовых наук, трудах зарубежных ученых, предписаниях Конституции Российской Федерации,

действующих законодательных и других нормативных актов, определяющих правовые основы деятельности контрольно-надзорных органов, органов государственного управления и их должностных лиц. Эмпирическую и информационную базу научной статьи составляют также обращения к практике деятельности органов государственного и негосударственного контроля и надзора, справочным изданиям, политико-правовой публицистике.

Результаты исследования заключаются в определении дефиниции, целей, общих черт и особенностей, содержания и назначения контроля и надзора в государственном управлении, сущности прокурорского надзора в сфере государственного управления, его целесообразности и роли на современном этапе развития социума, предмета, объекта и субъекта контроля и надзора в государственном управлении, общих направлений, видов и условий контроля и надзора в сфере государственного управления, принципов, форм и методов контроля и надзора, проблем организационно-правового обеспечения контроля и надзора в государственном управлении, контрольных производств, их видов, тенденций и регулирования. В научной статье рассмотрены также проблемы усовершенствования системы и полномочий ряда контролирующих органов, даны предложения по усовершенствованию их работы и нормативной правовой базы контроля.

Выводы и заключения. Автор делает однозначный вывод, что контроль и надзор, а также обращение граждан за защитой своих прав в компетентные структуры (к их компетентным лицам) выступают основными способами обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении.

Ключевые слова: государство, государственное управление, законность, контроль, надзор, дисциплина, контролирующие органы, подконтрольные структуры, субъект контроля, объект контроля, контроль и надзор в сфере государственного управления, общественный контроль, обращения граждан, контрольные полномочия, контрольные производства

Для цитирования: Беженцев А. А. Контроль и надзор в государственном управлении: правовой дискурс // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России 2024. № 4 (111). С. 82–97.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.23.42.008

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

CONTROL AND SUPERVISION IN PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL DISCOURSE

Alexander A. Bezhentsev, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russian Federation, adovd@mail.ru

Introduction: A radical change in social relations, in accordance with the goals and principles of a democratic and law-based state, the renewal of legal norms, and the development of a fundamentally new system of state administration that meets the demands

of legality, is impossible without proper organization and implementation of controls and supervision in state administration and society. The Constitution of Russia has been enacted to ensure rule of law, protect the rights, freedom, and legitimate interests of its citizens, and in all areas of society.

Control and supervision are the main methods of ensuring legality and order in public administration. At the same time, these are the most significant functions of the government. Without the organization and implementation of these measures, the efficient operation of the state machinery, other government, municipal, and non-governmental structures becomes difficult, as any decision in public administration ultimately requires control over its implementation, or it will be meaningless. Control and oversight are factors that regulate the behavior of government officials and citizens, both in public administration and in society as a whole. This makes the activities of the government transparent to society and to intra-social relations.

Materials and Methods: To solve the set of tasks on the formation, development, organization and implementation of control and supervision in the public administration, dialectical, historical, comparative-legal, formal-logical, and sociological methods were used to cognize processes and phenomena. Special legal methods were also used for grammatical consideration of legal norms and interpretation. The scientific article's provisions and conclusions are based on developments in the general theory of the state and law, theory of public administration, administrative and financial law, and other branch legal science. The works of foreign scholars, the Constitution of Russia, current legislation, and other regulatory acts that form the legal basis of control and oversight bodies' activities, public administration agencies, and their officials are also taken into account. The empirical basis of the article is formed by reference to the practices of state and nongovernmental control and surveillance bodies, as well as reference publications and political and legal journals.

The Results of the Study consists in defining the definitions, objectives, general characteristics and peculiarities of control and supervision in public administration. It also discusses the essence, expediency, and role of prosecutorial supervision in this area, as well as the subject, object, and subject matter of control and oversight in public administration and general directions, types, and conditions for control and surveillance in this field. The article also addresses the principles, forms, and methods of oversight, as well as problems related to organizational and legal aspects. The author also considers issues related to improving the system of control bodies and their powers, as well as making proposals for improving their work and regulatory framework.

Findings and Conclusions: the author makes an unambiguous conclusion that control and supervision, as well as the appeal of citizens for the protection of their rights to the competent structures (to their competent persons) are the main ways of ensuring legality and discipline in public administration.

Keywords: state, public administration, legality, control, supervision, discipline, regulatory bodies, controlled structures, subject of control, object of control, control and supervision in the field of public administration, public control, citizens' appeals, control powers, control proceedings

For citation: Bezhentsev A. A. Kontrol' i nadzor v gosudarstvennom upravlenii: pravovoy diskurs [Control and supervision in public administration: legal discourse]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no. 4 (111), pp. 82–97.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.23.42.008

Контроль и надзор – важные факторы совершенствования государственного управления в России, обновление которых должно осуществляться путем использования соответствующих мер по отслеживанию процесса реформ, осуществляемых в обществе.

В России достаточно разветвленная система контроля, который осуществляют государственные органы общей компетенции (сверхведомственный контроль), высшие по подчиненности органы ведомственной компетенции (ведомственный контроль), специализированные контролирующие органы межведомственной компетенции, созданные для осуществления чисто контрольных полномочий по предметной направленности (межведомственный контроль). В то же время говорить о том, что система контроля в государственном управлении работает очень четко, затруднительно. Усовершенствования требует как законодательство, определяющее правовой статус и полномочия контрольно-надзорных органов, так и их структура. Нечеткое определение задач и функций органов контроля и надзора, недостаточная определенность способов их взаимодействия препятствует надлежащему осуществлению мер по отслеживанию реформаторских процессов в социуме.

Существенную роль в обеспечении эффективности контроля и надзора будет играть координация и взаимодействие между контролирующими органами и прокуратурой как единственным органом, осуществляющим надзорные функции в государстве, поскольку они имеют общую цель – защиту и протекцию законности и дисциплины в государственном управлении, в обществе в целом. По мнению автора, надзорные функции присущи только одному государственному органу – прокуратуре. Все другие формы деятельности по отслеживанию происходящих сейчас в обществе процессов, а также специализированные структуры, на которые возложены такие задачи, как бы они или их деятельность ни называлась, осуществляют не надзор, а контроль.

Проблемы обеспечения законности и дисциплины путем контроля или надзора в обществе исследовались многими учеными как в общетеоретическом, так и в прикладном плане. Им посвящены работы известных ученых XIX – начала XX века: В. М. Гессена (российский государственный и политический деятель, юрист и либеральный публицист, депутат II Государственной думы), В. Н. Дурденевского (российский и советский правовед, доктор юридических наук, профессор Пермского, Московского, Минского, Иркутского и Свердловского университетов, Заслуженный деятель науки РСФСР), А. И. Елистратова (российский и советский юрист, профессор, специалист по административному законодательству), М. Д. Загряцкого (русский советский ученый, профессор, юрист, специалист в области административно-финансового права, а также административной юстиции, профессор Московского университета), Н. М. Коркунова (русский ученый-юрист, философ права, профессор, специалист по государственному и международному праву, преподавал в Санкт-Петербургском университете, Военно-юридической академии, разрабатывал социологическое направление в юриспруденции, действительный статский советник), В. А. Лебедева (русский правовед, экономист, финансист, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, декан юридического факультета), И. В. Михайловского (юрист, статский советник, профессор кафедры энциклопедии и истории философии права Томского государственного университета, член Высшего Сибирского суда), И. Х. Озерова (русский профессор, финансист, экономист, специалист по городскому планированию, писатель-прозаик), а также административистов современности,

которые интересуются этим вопросом, представителей других отраслей права [1, с. 8–22; 2, с. 24–31; 3, с. 72–79; 4, с. 1–8; 5, с. 77–82; 6, с. 50–59; 7, с. 19–25; 8, с. 315–324; 9, с. 123–125]. Вместе с тем, наряду с общетеоретическими проблемами контроля и надзора, учеными исследовались в основном вопросы организационно-правовых основ государственного контроля в сфере исполнительной власти, финансового, судебного и других видов контроля, прокурорского надзора. Проблемы комплексного развития и функционирования контроля и надзора в государственном управлении в новых экономических, политических и правовых реалиях современности очерчены еще неполно. Именно это, а также недостаточная разработанность теоретических положений, ряд правовых проблем и спорных вопросов контроля и надзора в государственном управлении и стали основанием для избрания автором этой темы научной статьи.

Исследуя проблемы обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении, необходимо подчеркнуть, что законность и дисциплина – это правовой режим господства закона во взаимоотношениях государства, физических и юридических лиц (состояние законопослушного поведения субъектов и объектов управления), который находит свое отражение в действующем законодательстве и есть следствие применения соответствующих правовых форм и методов государственного управления. Автор разделяет законность на «демократическую законность», то есть на ту, которая не только нашла свое отражение в наследиях передовой философской мысли человечества и в международно-признанных документах, но и реально выполняется в тех или иных государствах, и на «формальную законность», то есть находящуюся только в своем внешнем отражении в законодательстве, которая не подкреплена практическими действиями со стороны государства по обеспечению прав и свобод физических и юридических лиц.

В основу режима демократической законности должны быть положены следующие гарантии:

- 1) экономические – реально обеспечивающие условия для практической реализации демократических предписаний;
- 2) политические – развитая политическая система;
- 3) юридические – научно обоснованная система норм права, отвечающая требованиям времени и доступная для понимания всеми субъектами государственного управления;
- 4) социальные – оптимальный механизм социальной защиты населения;
- 5) механизмы принуждения, четко работающие в рамках закона, соответствующие политической и правовой культуре населения.

Рассматривая проблему взаимосвязи права, законодательства и законности, автор полагает, что эти три юридических элемента неотъемлемы друг от друга. Как не существует права без законодательства и законности, так и законности не существует без законодательства и права.

Подвергая анализу материалистическую и естественно-правовую теории происхождения права, автор считает, что право следует рассматривать как достижение человека, атрибут общества. Оно становится правом только тогда, когда обретает свое внешнее отражение в норме, то есть формализуется. При таких условиях право является эталоном, обязательным правилом поведения для всех людей, а до того – оно лишь фикция, мечта или воображение о возможном поведении, в лучшем случае – философская мысль.

Выраженное снаружи в законодательстве право служит для вывода общего «установившегося правила сожительства», образующего законность. На законность оказывает существенное влияние правовая форма. Законность требует максимальной эффективности правовой формы.

Дисциплину автор рассматривает как своеобразный динамический элемент законности, она делится на государственную и общественную. Основой государственной дисциплины являются нормы права, базисом общественной дисциплины – нормы морали, нравственности и религии.

Изучая понятие, цели, общие черты и особенности, содержание и назначение контроля и надзора в государственном управлении, автор отмечает, что сложная задача реформирования государственного управления, обновления законодательства, обеспечения законности и дисциплины невозможны без соответствующих мер по контролю за ходом реформ, которые вводятся в обществе. Контроль – один из основных факторов успешного проведения административной реформы в нашем государстве.

Прорабатывая возникновение и становление контроля в государственном управлении, автор проанализировал исторические аспекты становления и развития контроля и надзора в государственном управлении. С момента своего оформления государственный контроль имел двойную стабилизирующую функцию:

1) функцию социального управления – направление процесса управления путем корректировки поведения подконтрольных объектов (прежде всего низших слоев общества) по установленным государственным моделям;

2) функцию удержания аппарата управления в пределах законности (что, по сути, тоже есть функция социального управления, но уже управление управляющими).

Автор считает, что эти виды деятельности первоначально формировались как контроль и надзор со стороны государства (в лице соответствующих контролирующих и надзорных органов) за деятельностью государственных органов, чиновников и поведением граждан.

Другое направление контроля в государственном управлении – контроль за государственными органами (чиновниками) со стороны граждан, общественных образований практически не было представлено вплоть до конца XIX – начала XX века, то есть до политических и правовых реформ России того времени, образования партий, реформирования законодательства по западноевропейским образцам. Система же международных контролирующих органов и соответствующей нормативной базы стала образовываться только в XX веке.

При изучении сути прокурорского надзора в сфере государственного управления, его целесообразности и назначения на современном этапе автором подчеркивается, что важное значение для эффективной работы контрольно-надзорных органов имеет точное установление места прокуратуры в системе государственно-правовых институтов, определение ее современной компетенции, закрепление правового статуса, организационного построения. Уточняется оставление за прокуратурой функции общего надзора. Без такой формы деятельности прокуратуры значительное количество нарушений (в том числе и в сфере государственного управления) продолжало бы существовать, а возможно и распространялось, поскольку известно, что ни один из контролирующих органов не имеет полномочий на отслеживание состояния соблюдения законности аппаратом государственного управления в целом. Лишение прокуратуры права осуществлять общий надзор приведет к некоторой децентрализации контроля в России.

Кроме того, осуществляя надзор в сфере государственного управления, прокуратура фактически выступает как единственный в государстве орган, координирующий работу специализированных контролирующих структур.

Автор утверждает, что сущность и назначение прокуратуры на современном этапе заключается в обеспечении интересов государства и каждого гражданина, в поддержании правовыми способами соответствующего паритета между правами и обязанностями каждой из этих сторон.

Важной чертой контроля есть условия его осуществления. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту или иную среду, обстоятельства, в которых они возникают и развиваются. Условия осуществления контроля, по нашему мнению, состоят из:

1) юридических основ контроля (то есть соответствующей нормативной базы, которая предусматривает возможность (и обязательность) осуществления контрольных действий соответствующими контролирующими структурами в подконтрольной им сфере и на подконтрольных объектах);

2) стандартов контроля (соответствующих образцов для сравнения);

3) наличия специальных контролирующих органов и профессионально подготовленных контролеров, то есть всего того, что позволяет на законных основаниях совершать реальные контрольные действия.

Направления контроля и надзора за соблюдением и применением законов в целом совпадают. В то же время есть определенные отличия в методах и формах их осуществления.

Рассматривая принципы, формы и методы контроля и надзора в государственном управлении, автор утверждает, что поскольку контроль является одной из основных форм государственного управления, то на него распространяются и основные принципы, присущие государственному управлению в целом. К принципам контроля автор относит: законность, корректность, централизм (или субординацию в служебных отношениях), профессиональную специализацию контроля, научность, принцип объективности контроля. Принципы прокурорского надзора в значительной степени совпадают с принципами контроля.

Общественный контроль в сфере государственного управления – достаточно новое достояние общества. Нормативное закрепление он получил только в начале XX века.

Общественный контроль, в отличие от контроля государственных специализированных органов, чаще всего проводится в опосредованной форме, когда контролирующая структура через определенные компетентные государственные органы влияет на положение дел в той или иной сфере (объекте), которую контролировала.

Общественный контроль нуждается в дальнейшем развитии. По мнению автора, кроме Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ уместно усовершенствовать Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 16.09.2024).

общественного контроля в Российской Федерации»¹, где на законодательном уровне следует закрепить: направления контрольной деятельности общественных контролирующих образований, принципы и правила осуществления такого контроля, его юридического оформления, взаимодействия общественности с правоохранительными органами и специализированными контролирующими структурами, механизм ответственности государственных структур и их должностных лиц за неисполнение или некачественное или несвоевременное исполнение законных требований общественности. Возможно и другое направление: разработать обобщающий законопроект «О контроле в Российской Федерации» (условное название), где эти вопросы необходимо выделить в самостоятельный раздел.

Понятно, что граждане никому не дают обязательных для выполнения указаний, никого не привлекают к ответственности. Их контрольные возможности ограничиваются выявлением правонарушений и информированием о них компетентных структур. Назвать такие действия контролем можно только условно. Их автор предлагает признать «сокращенным контролем».

Проблема повышения эффективности работы с обращениями граждан связана с последующим реформированием деятельности аппарата государственного управления. Одно из активно пропагандируемых в последнее время направлений такого реформирования – введение так называемой системы предоставления «управленческих услуг».

Автор не отрицает необходимости и важности предоставления управленческих услуг гражданам, однако считает, что улучшать работу государственного аппарата по рассмотрению обращений граждан по удовлетворению их законных интересов следует без распространения возмездной формы взаимоотношений аппарата и гражданина (ведь сама по себе оплата не гарантирует ее качество). Предложены два основных пути решения проблемы: 1) существенное сокращение перечня тех действий граждан, которые нуждаются в разрешении со стороны государства; 2) максимальное введение не разрешительного, а заявительного характера взаимосвязей.

По этому поводу действующее законодательство следует частично пересмотреть для отработки механизма предоставления качественных бесплатных услуг.

Автор полностью не исключает возможности предоставления аппаратом платных услуг в сфере государственного управления, но считает, что все обязанности служащего, закрепленные в соответствующих нормативных актах, должны выполняться безвозмездно.

Исследуя систему контролирующих органов и их полномочия (общий обзор) автор утверждает, что наличие в государстве четкой и целостной системы контролирующих органов, надлежащее урегулирование их полномочий, форм и методов работы имеет существенное теоретическое и практическое значение. Одним из проблемных является вопрос системы контролирующих органов, к которой, по мнению автора, можно отнести и правоохранительные органы, поскольку они также имеют контрольные полномочия.

Контролирующими являются и международные структуры, имеющие право предоставлять государству-участнику согласно международному соглашению

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ : принят Гос. Думой 4 июля 2014 года : одобрен Советом Федерации 9 июля 2014 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 16.09.2024).

обязательные для выполнения предписания, влияющие на его внешнюю и внутреннюю политику.

Автор делает вывод, что систему контролирующих органов образуют:

а) международные органы и их подразделения (Организация Объединенных Наций (ООН), Таможенный союз Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), БРИКС ([англ.](#) «BRICS» – сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) и др.), участниками которых является наше государство и предписания которых обязательны для выполнения Правительством Российской Федерации и другими государственными структурами;

б) государственные органы, наделенные контрольными полномочиями (Федеральное Собрание Российской Федерации, федеральные суды) и осуществляющие общий (иногда и специальный) контроль за сферой государственного управления;

в) специализированные государственные контролирующие органы, реализующие контроль за профессиональными направлениями деятельности (пожарный, санитарный надзор, ветеринарный контроль);

г) негосударственные образования (объединения граждан).

Образование единого государственного контролирующего органа (такое мнение имеет место в специальной литературе) [10, с. 232; 11, с. 160; 12, с. 308; 13, с. 176; 14, с. 112; 15, с. 140] достаточно проблематично. Сложность состоит не в формальном создании органа и нормативной базы его деятельности, а в:

а) разнообразии контролирующих органов, которые нужно будет объединить в один (хотя технически это возможно);

б) специфике задач этих органов;

в) методах и организационно-правовых формах осуществления контрольных действий;

г) способах реагирования на выявленные недостатки.

Такой орган может быть создан исключительно в системе исполнительной власти, но и он не сможет, мы полагаем, объединить все виды контроля и систему осуществляющих его органов.

Изучая контроль законодательной власти, автор, рассматривая вопросы взаимодействия и взаимного контроля Президентской власти и парламентаризма, высказывает предложения о целесообразности расширения контрольных функций со стороны Федерального Собрания Российской Федерации как структуре, стоящей ближе к народу. В то же время, как считает автор, есть настоятельная потребность усилить контроль и за деятельность самого Федерального Собрания Российской, народных депутатов и сенаторов России, прежде всего, в вопросах ответственности народных избранников перед избирателями за невыполнение ими своих предвыборных обещаний, усовершенствовать механизм предотвращения проникновения представителей «уголовных структур» в орган законодательной власти.

Автор предлагает в компетенцию административного судопроизводства детально ввести правовые споры о:

а) решениях (действиях/бездействии) органов государственной исполнительной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, а также служащих, не являющихся должностными лицами, но участвующих в подготовке, издании и предоставлении гражданам России, иностранцам, лицам без гражданства и юридическим лицам соответствующих документов, на базе которых физические и юридические лица совершают юридически значимые действия;

б) решении (действиях/бездействиях) должностных и других лиц коммунальных служб, служб энерго-, водоснабжения и др., которыми в одностороннем порядке вводятся правила предоставления услуг, требования к потребителям, применяются принудительные действия;

в) необходимости принятия управлеченческих решений, совершения ответных действий (или воздержания от них) органами исполнительной власти и местного самоуправления (их должностными лицами) в интересах граждан или юридических лиц;

г) законности решений, принятых юрисдикционными органами в отношении физических и юридических лиц о применении к ним мер административного принуждения.

При анализе контрольных полномочий органов местного самоуправления автор полагает, что эти контрольные полномочия в целом ряде случаев носят декларативный характер, они не подкреплены реальными принудительно-властными полномочиями. Важное место в этой связи занимает вопрос рационального соотношения полномочий центра и местных органов, поскольку иногда административный контроль за органами местного самоуправления может принимать гипертрофированные формы, перерождаясь в опосредованную форму давления со стороны центра на местную власть.

Изучая приоритетные направления контроля в государственном управлении, среди ключевых направлений контроля автор отличает те, которые жизненно важны как для безопасности человека, так и для государства, общества, даже мира в целом. К таким направлениям контроля в нынешних условиях развития державы следует отнести контроль за поддержанием:

- а) экологической безопасности;
- б) внутренней финансовой безопасности;
- в) внешней экономической безопасности;
- г) управлеченческой безопасности.

Автор отмечает, что экологический контроль имеет важное значение в защите населения от воздействия вредных веществ или еще не получивших окончательного определения относительно их влияния на организм человека. Среди способов экологической защиты населения автор предлагает на законодательном уровне закрепить обязанность производителя, продавца указывать способ выращивания продукта или сырья, из которого он произведен, установить повышенную юридическую ответственность за умышленное сокрытие такой информации, увеличить ответственность за ненадлежащее отношение к делу структур и лиц, на которых возложена обязанность по тестированию пищевой и другой продукции и контролю за ее распространением на территории России (особенно поступающей из-за границы).

Автор признает, что финансовый контроль – важный элемент управления, своеобразный способ защиты от внутренней финансовой опасности. По мнению автора, финансовый контроль – это урегулированная нормативными актами деятельность государственных и негосударственных контролирующих органов специализированной направленности, осуществляемая путем проведения ревизий, проверок, других процессуально очерченных контрольных действий, его цель – обеспечение законности и дисциплины в сфере финансовых и хозяйственных правоотношений, разоблачение нарушений финансового или хозяйственного законодательства, устранение недостатков в их применении, привлечение виновных к

правовой ответственности, а также оказание помощи подконтрольной структуре на объекте.

Нормативная база финансового контроля в России достаточна для его осуществления. В то же время единый нормативный акт федерального уровня, устанавливающий основные правила организации и осуществления финансового контроля, общие контрольные полномочия и, особенно, порядок взаимодействия органов финансового контроля в Российской Федерации, отсутствует. Такое часто приводит к дублированию функций органов контроля, усиливает контрольный «пресс» на хозяйствующие субъекты, уменьшая одновременно его эффективность, провоцирует некоторых специалистов-контролеров на использование пробелов законодательства в собственных корыстных целях. По этому поводу автор придерживается мнения о необходимости подготовки и принятия Федерального закона Российской Федерации «О едином финансовом контроле». Считаем также, что закон обязательно должен содержать раздел «Порядок взаимодействия органов финансового контроля и правоохранительных органов», где определялись бы пути избегания дублирования контрольных действий на объектах контроля, а также правила привлечения (в случае необходимости) специалистов контролирующих органов для предоставления ими помощи правоохранительным структурам.

Уточняя понятие «таможенный контроль», автор отмечает, что данный вид контроля посвящен важному направлению государственного управления – обеспечению внешней экономической безопасности. Таможенный контроль является принципиальным инвентарем регулирования внешнеэкономической деятельности и поддержания баланса интересов государств мирового общества.

Значительное усиление таможенного контроля обусловлено и существенным увеличением количества субъектов таможенных правоотношений как в лице дружественных стран мира, с одной стороны, так и всей совокупности предприятий, организаций, частных лиц, являющихся субъектами внешнеэкономической деятельности, – с другой.

К основным функциям таможенного контроля автор относит:

- а) наполнение «государственной казны» путем взимания пошлины и других таможенных платежей;
- б) защиту внешних и внутренних экономических интересов государства и национального производителя;
- в) реализацию и обеспечение законности и дисциплины участников таможенных правоотношений;
- г) предупреждение и пресечение нарушений таможенных правил, применение правовых санкций в отношении правонарушителей;
- д) разработку и внедрение (вместе с другими компетентными органами) механизма внешней и внутренней экономической политики.

Рассматривая контроль за применением законодательства о борьбе с коррупцией, автор отмечает, что коррупция определяется как одно из наиболее опасных для общества и государства явлений. Она подрывает авторитет государственного аппарата, дискредитирует его деятельность, разрушает основные принципы, на которые опирается любое демократическое правовое государство:

- а) равенства граждан перед законом;
- б) справедливости;
- в) беспристрастности правосудия.

Это своего рода «управленческая опасность». Кроме того, коррупция наносит государству значительный экономический и политический ущерб, серьезно тормозит поступательное развитие общества. Коррупция в государстве сводит практически к нулю потенциальную эффективность любых экономических и социальных программ страны, результативность различных видов контроля.

Контроль за применением законодательства, направленного на ликвидацию или хотя бы ослабление этого опасного явления, является важной составляющей укрепления законности и дисциплины в державе.

По нашему мнению, административные способы борьбы с коррупцией делятся на два значительных блока:

- 1) принятие соответствующих норм (то есть нормотворчество);
- 2) применение норм права (правоприменительная деятельность).

Работа по совершенствованию нормативных актов, направленных на борьбу с коррупцией, должна рассматриваться как один из важнейших этапов для преодоления этого негативного явления.

Прорабатывая контрольно-административные производства, их виды, тенденции развития и законодательное регулирование, автор отмечает, что они должны соответствовать таким основным принципам, как законность, гласность, беспристрастность, систематичность.

Традиционно административные производства рассматриваются как часть административного процесса, соотносимая с ним как категория особенного с общим. На наш взгляд, административные производства наполняют собой структурно неоднородный административный процесс.

К специфическим чертам административных производств (в том числе контрольных) автор относит и то, что все они имеют разную нормативную базу. В то же время всем им присущи и общие черты, к которым можно отнести наличие:

- определенной степени урегулированности административно-процессуальных норм;
- обязательной стороны в производстве – органа государственной исполнительной власти или его отдельного подразделения, должностного лица, наделенного государственно-властными полномочиями в административных правоотношениях;
- стадий (последовательности процессуальных действий);
- определенной направленности – решение конкретных дел в сфере государственного управления или технических вопросов, связанных с ним (например, делопроизводство);
- общих правил обжалования или о протестования.

Контрольные производства в научной статье определяются как совокупность последовательных, организационно связанных и нормативно закрепленных юридически значимых действий, имеющих целью предоставить компетентным органам и их должностным лицам на практике возможность реализовывать свои контрольно-надзорные полномочия.

В составные элементы контрольных производств входят: субъекты контроля, объекты контроля, нормативная база контроля, юридические факты, непосредственные контрольно-надзорные правоотношения.

С указанными элементами тесно связаны стадии контрольных производств, под которыми автор понимает ряд организационно связанных между собой

последовательных действий по установлению соответствующего факта (характерных признаков того или иного правоотношения).

Анализ действующего законодательства позволяет автору выделить следующие основные стадии контрольных производств:

- 1) выявление нарушения (основаниями здесь является любая достоверная информация о недостатках на объекте контроля или текущего плана работы субъекта контроля);
- 2) непосредственное изучение полномочными лицами контрольно-надзорного органа положения дел на подконтрольном объекте (путем сравнения с нормативными требованиями);
- 3) документальное оформление результатов контроля;
- 4) применение (при наличии оснований) мер административного принуждения к правонарушителям.

В юридической литературе практически не существует классификации видов контрольных производств. По нашему мнению, виды контрольных производств целесообразно классифицировать по их особым свойствам: по целям, последовательности процедурных действий, способам получения результатов, форме закрепления результатов, юридическим последствиям.

В свою очередь, в соответствии с целями виды контрольных производств мы подразделяем на следующие: производство по обеспечению финансовой дисциплины, производство по обеспечению требований таможенного законодательства, производство по применению мер административного принуждения, производство по рассмотрению обращений граждан, организационно-распорядительные производства. По способу закрепления результатов контрольных производств выделяем: документальный способ, устное сообщение, показания специальных приборов (измерение). По юридическим последствиям контрольные производства классифицируем на юридические последствия (например, наложение административного взыскания, увольнение с работы, предоставление или отмена льгот), а также не порождающие юридические последствия (делопроизводство).

Существенно влияют на качество контроля препятствия контролерам в их деятельности со стороны подконтрольных структур. По нашему мнению, все государственные контролирующие структуры в таких случаях должны иметь право останавливать акты и действия подконтрольных объектов. В ряде случаев в целях практического обеспечения реализации своих контрольных полномочий субъектам контроля следует предоставить право обращаться за содействием в силовые структуры. Для силовых структур такое обращение должно являться актом обязательного исполнения, что следует закрепить в соответствующем законе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынов, А. В. Административные акты органов государственного контроля и надзора: понятие, особенности и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 11. С. 8–22.
2. Винокурова, М. А., Майорова, Е. Н. Модель системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (65). С. 24–31.

3. Спиридонос, А. А. Развитие государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля: конституционно-правовой взгляд // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 72–79.
4. Дицевич, Я. Б., Яровой, А. В. Повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства органами контроля (надзора) в условиях проводимой административной реформы // Административное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 1–8.
5. Гурина, О. В. Формы государственного контроля (надзора): правовой анализ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 77–82.
6. Мартынов, А. В. Контроль и надзор в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11(99). С. 50–59.
7. Балковая, В. Г. Становление функций контроля и надзора в Российской империи в XVIII веке // Закон и право. 2022. № 1. С. 19–25.
8. Костылев, В. В. Организационно-правовые проблемы осуществления контроля и надзора в публичном управлении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 315–324.
9. Абдулазизов, М. М. Соотношение ведомственного контроля и прокурорского надзора // Закон и право. 2022. № 3. С. 123–125.
10. Зырянов, С. М. Государственный контроль (надзор). М. : Общество с ограниченной ответственностью «Юридическая фирма контракт», 2023. 232 с.
11. Зубарев, С. М., Лебедева, Е. А., Петров, М. П. Обеспечение законности в государственном управлении : учеб. пособие для практикующих юристов, преподавателей и обучающихся образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку юристов. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : ООО «Проспект», 2023. 160 с.
12. Сукало, Г. М. Надзор и контроль в сфере безопасности. М. : ООО «Директ-Медиа», 2022. 308 с.
13. Ануфриева, Е. И., Легкий, Д. М., Печнина, Н. В., Ярина, Т. А. Надзор и контроль в сфере безопасности. М. : ООО «Издательство «КноРус», 2022. 176 с.
14. Дронова, М. В. Надзор и контроль в сфере безопасности : учеб. пособие для бакалавров направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность». Тюмень : Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2022. 112 с.
15. Стенькин, Д. С. Государственный контроль в Российской Федерации : учеб.-метод. пособие для аудиторной и самостоятельной работы магистрантов. Саранск : Научно-исследовательский институт регионаологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», 2022. 140 с.

REFERENCES

1. Martynov, A. V. Administrativnyye akty organov gosudarstvennogo kontrolya i nadzora: ponyatiye, osobennosti i klassifikatsiya [Administrative acts of state control and supervision bodies: the concept, features and classification]. Zakony Rossii: opty, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023, no. 11, pp. 8–22.

2. Vinokurova M. A., Mayorova Ye. N. Model' sistemy profilaktiki narusheniy pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) [The model of the system of prevention of violations in the implementation of state control (supervision)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice. 2023, no. 3(65), pp. 24–31.

3. Spiridonov A. A. Razvitiye gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal'nogo kontrolya i obshchestvennogo kontrolya: konstitutsionno-pravovoy vzglyad [The development of state control (supervision), municipal control and public control: a constitutional and legal view]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justice. 2023, no. 3, pp. 72–79.

4. Ditsevich YA. B., Yarovoy A. V. Povysheniye effektivnosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva organami kontrolya (nadzora) v usloviyakh provodimoy administrativnoy reformy [Improving the effectiveness of prosecutorial supervision over the implementation of legislation by control (supervision) bodies in the context of ongoing administrative reform]. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* – Administrative and Municipal Law. 2023, no. 1, pp. 1–8.

5. Gurina O. V. Formy gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): pravovoy analiz [Forms of state control (supervision): legal analysis]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskiye i yuridiche-skiye nauki* – *Vestnik of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. 2023, no. 2, pp. 77–82.

6. Martynov A. V. Kontrol' i nadzor v sfere obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Control and supervision in the field of ensuring national security of the Russian Federation]. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA)* – *Vestnik of the O. E. Kutafin University (MGUA)*. 2022, no. 11(99), pp. 50–59.

7. Balkovaya V. G. Stanovleniye funktsiy kontrolya i nadzora v Rossiyskoy imperii v XVIII veke [The formation of control and supervision functions in the Russian Empire in the XVIII century]. *Zakon i pravo* – Law and Legal. 2022, no. 1, pp. 19–25.

8. Kostylev V. V. Organizationalno-pravovyye problemy osushchestvleniya kontrolya i nadzora v publichnom upravlenii [Organizational and legal problems of control and supervision in public administration]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo – Yuridicheskiye nauki* Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 315–324.

9. Abdulazizov M. M. Sootnosheniye vedomstvennogo kontrolya i prokurorskogo nadzora [The ratio of departmental control and prosecutorial supervision]. *Zakon i pravo* – Law and Legal. 2022, no. 3, pp. 123–125.

10. Zyryanov, S. M. *Gosudarstvennyy kontrol'* (nadzor) [State control]. Moscow, 2023. 232 p.

11. Zubarev, S. M., Lebedeva, Ye. A., Petrov, M. P. *Obespecheniye zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii* [Ensuring the rule of law in public administration]. Moscow, 2023, 160 p.

12. Sukalo, G. M. *Nadzor i kontrol'* v sfere bezopasnosti [Supervision and control in the field of security]. Moscow, 2022, 308 p.

13. Anufriyeva, Ye. I., Legkiy, D. M., Pechnina, N. V., Yarina, T. A. *Nadzor i kontrol'* v sfere bezopasnosti [Supervision and control in the field of security]. Moscow, 2022, 176 p.

14. Dronova, M. V. *Nadzor i kontrol'* v sfere bezopasnosti [Supervision and control in the field of security]. Moscow, 2022, 112 p.

15. Sten'kin, D. S. Gosudarstvennyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii [State Control in the Russian Federation]. Saransk, 2022, 140 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права. Северо-Западный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43

SPIN-код: 5243-1039, AuthorID: 271235; ORCID: 0000-0002-9909-9869

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bezhentsev Alexander Anatolevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of criminal law. Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 199178, St. Petersburg, Sredny Ave. V. O., apt. 57/43

SPIN code: 5243-1039, AuthorID: 271235; ORCID: 0000-0002-9909-9869

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 09.08.2024; accepted for publication 19.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 98–105.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 98–105.

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 347.9 (347.98)

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.94.92.009

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА И ОБОБЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Малыхина Татьяна Анатольевна, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, malykhina_t@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся значения обобщения судебной практики в процессе осуществления судебного толкования уголовного закона. Проанализирована взаимосвязь судебного толкования уголовного закона и обобщения судебной практики. Также раскрыто теоретико-практическое значение рекомендаций и разъяснений Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для нижестоящих судов при вынесении ими приговоров по уголовным делам.

Материалы и методы. Нормативно-правовой базой исследования является Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Методологической основой исследования выступили современные частно- и общенаучные методы познания: индукция, дедукция, синтез, анализ, диалектический и формально-юридический методы. Эмпирической основой исследования послужили материалы судебной практики по уголовным делам, интерпретационные нормативные правовые акты – материалы постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Результаты исследования. Автором проанализированы как с теоретической, так и с практической точек зрения основные проблемные вопросы взаимосвязи судебного толкования уголовного закона и анализа (обобщения) судебной практики по уголовным делам. Обозначена роль судебного толкования уголовного закона в ходе построения правильной, стабильной и единообразной судебной практики его уяснения и применения.

Выводы и заключения. Проведенное теоретико-практическое исследование позволило определить современное правовое и практическое значение разъяснений и рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда для нижестоящих судов при вынесении ими приговоров по уголовным делам. Также анализ теоретических положений и судебной практики позволил установить, что рекомендации и разъяснения Постановлений Пленума Верховного Суда на сегодняшний день фактически являются обязательными для исполнения нижестоящими судами, хотя формально это нигде законодательно не закреплено.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд, судебная практика, обобщение судебной практики, интерпретационные нормативные правовые акты, правоприменение, судебное толкование, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Малыхина Т.А. Теоретико-практическое значение анализа и обобщения судебной практики в процессе осуществления толкования уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 98–105.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.94.92.009

5.1.2. «Public law (state law) sciences» (legal sciences)

Original article

THEORETICAL AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE ANALYSIS AND GENERALIZATION OF JUDICIAL PRACTICE IN THE PROCESS OF INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW BY THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tatyana A. Malykhina, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation, malykhina_t@mail.ru

Introduction: The article deals with the topical issues of the significance of the generalisation of judicial practices in the process of interpreting criminal law. The relationship between judicial interpretation and the generalisation is analysed. It also highlights the theoretical and practical importance of the recommendations and clarifications issued by the Plenum of the Supreme Court to lower courts in sentencing criminal cases.

Materials and Methods: The normative-legal basis for the study is the Constitution of the Russian Federation and the criminal and criminal procedure legislation of the country, as well as the Federal Constitutional Act No. 3-FKZ of February 5, 2014 "On the Supreme Court of Russia" and Resolution No. 1 of the Plenary Session of the Supreme Court on February 1, 2001 "On Judicial Practice in the Application of Legislation Governing the Peculiarities of Criminal Responsibility and Punishment of Minors". The methodological foundation of the research was based on modern private and scientific methods of knowledge: induction, deduction, synthesis and analysis, as well as dialectical and legal methods. The empirical foundation of the study consisted of materials from

judicial practice in cases involving criminal law, as well as interpretive normative acts - materials from resolutions of the plenary session of the Supreme court.

The Results of the Study: The author analysed, from both theoretical and practical perspectives, the main problematic aspects of the relationship between the judicial interpretation of criminal laws and the analysis (generalisation) of judicial practices in criminal cases. The role played by judicial interpretation in the process of establishing a correct, consistent and uniform understanding and application of criminal law is highlighted.

Findings and Conclusions: The conducted theoretical and practical research has allowed us to determine the current legal significance of the clarification and recommendations of Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of Justice for lower courts in passing sentences in criminal cases. Also, an analysis of theoretical principles and judicial practice allows us to conclude that the recommendations of Decisions of Plenary Sessions of the Supreme Courts are actually binding on lower courts, even though this is not formally enshrined anywhere in law.

Keywords: The Supreme Court of the Russian Federation, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the court, judicial practice, generalization of judicial practice, interpretative normative legal acts, law enforcement, judicial interpretation, criminal proceedings.

For citation: Malykhina T. A. The theoretical and practical significance of the analysis and generalization of judicial practice in the process of interpretation of the criminal law by the supreme court of the Russian Federation. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 98–105.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.94.92.009

В современном обществе, когда подавляющая часть отношений между субъектами носит регламентированный правовой характер, вопросы толкования как закона вообще, так и уголовного закона в частности стоят достаточно остро. Сегодня исследователи отмечают возрастающую в последнее время скорость трансформации уголовного закона, указывая нередко на ее непоследовательность. Такая ситуация, несомненно, обуславливает актуальность и необходимость всестороннего изучения проблемы судебного толкования уголовного закона в современных реалиях.

Изначально закон един для всех правоприменителей на всей территории страны, он предусматривает общие признаки, однако нередко возникающие в реальной жизни ситуации могут быть более конкретными, индивидуальными, имеют свои особенности, что требует более детального разъяснения и (или) уяснения норм уголовного закона. Для единообразного и, главное, правильного применения закона и требуется его толкование.

В юридической литературе под толкованием уголовного закона понимается разъяснение и (или) уяснение смыслового содержания его норм, понимание воли законодателя, в нем представленной, посредством русского языка с целью его точного применения. Исследователи в данной области, например, О. В. Пычева, называют толкование одним из элементов герменевтики [1, с. 60].

В зависимости от субъекта толкования, а также от его способов и объема выделяют различные виды такой деятельности.

В рамках данного исследования обратим внимание на один из видов толкования уголовного закона в зависимости от субъекта – официальное судебное толкование. Судебное, или, как его еще называют в литературе, казуальное, толкование дает суд.

Такое толкование может быть дано в вынесенном судом решении по конкретному делу, и тогда оно будет обращено к конкретному адресату (например, осужденному или оправданному лицу, государственному органу или организации). Вместе с тем разъяснение смысла уголовного закона дает Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Пленум принимает постановления, которые могут быть адресованы нижестоящим судам и иным правоприменителям.

В данной связи важно отметить, что правоприменение – это важнейший элемент всей системы осуществления государственной власти, являющийся способом регулирования общественных отношений. По мнению Г. И. Миняшевой, «правоприменительная деятельность позволяет государству проявлять свои властные полномочия» [2, с. 10], то есть правоприменение выступает неотъемлемой частью всего механизма осуществления государственной власти.

Таким образом, правильность и эффективность правоприменительной деятельности напрямую зависит от того, насколько верно истолкован смысл той или иной нормы уголовного закона конкретным правоприменителем.

В рамках данного исследования рассмотрим значение обобщения судебной практики для судебного толкования уголовного закона. Почему же так важен и необходим такой вид официального толкования, как судебное, какое значение оно имеет для правоприменительной практики и какую роль в этом играет постоянная работа по ее обобщению?

Актуальность и необходимость глубокого изучения проблемы судебного толкования уголовного закона, как уже было отмечено выше, не вызывает сомнений. Так, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин полагают, что это обусловлено рядом факторов, в числе которых все возрастающая скорость модернизации уголовного законодательства, заключающаяся как во введении в закон новых норм, так и в постоянных изменениях уже существующих [3, с. 80]. В данной связи, следует отметить, что проблема заключается даже не столько в самом факте внесения регулярных изменений в уголовное законодательство, поскольку они продиктованы тенденциями современных реалий и порой невозможно не согласиться с их неизбежностью, сколько в возникающих на фоне этого противоречиях как внутри самого уголовного закона, так и между ним и иными нормативными правовыми актами.

Обобщение выработанной годами судебной практики по тем или иным уголовным делам позволяет обеспечивать корректное и, главное, единообразное применение норм уголовного законодательства при их рассмотрении.

Так, Верховный Суд Российской Федерации, согласно ст. 126 Основного закона нашего государства, дает необходимые для правильного применения уголовного законодательства разъяснения, основанные на обобщении судебной практики.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, изучая и анализируя материалы судебной практики, разъясняет судам спорные и актуальные вопросы применения уголовного законодательства по тем или иным уголовным делам (п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹). Таким образом, Пленум Верховного Суда

¹ О Верховном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон № 3-ФКЗ : принят Гос. Думой 24 января 2014 года : одобрен Советом Федерации 29 января 2014 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 19.07.2024).

Российской Федерации осуществляет делегированное официальное толкование уголовного закона.

Так, изучая материалы постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мы можем видеть в их вводных частях такие фразы, как «...в целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего ответственность за...», «...в целях обеспечения и единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за», «...обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что...». Такими словами Верховный Суд акцентирует свое внимание на том, что рекомендации и разъяснения, данные им в Постановлении, основываются на тщательном анализе обобщенной судебной практики.

Вместе с тем судебное толкование нередко может быть «спровоцировано» тем, что диспозиции нормы уголовного закона становится недостаточно для ее правильного и единообразного применения. Это порождает ситуации, когда уголовный закон применяется по-разному на территории страны, что является недопустимым, так как закон, как уже отмечалось ранее, должен быть един. В некоторых же случаях могут возникать ситуации, при которых характер формулирования той или иной уголовно-правовой нормы вообще затрудняет формирование судебной практики. И тогда конкретная статья становится «нерабочей», то есть не применяется ввиду невозможности доказать выполнение виновным объективной стороны какого-либо уголовно наказуемого деяния, и дело попросту не доходит до суда из-за отсутствия состава преступления.

Например, до того, как в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» появилось подробное разъяснение момента окончания преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, применение данных норм было затруднительным. Сам факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или же антиобщественных действий было крайне сложно доказать, опираясь лишь на субъективный критерий, характеризующий направленность умысла виновного. Разъяснения же Верховного Суда, данные в указанном акте судебного толкования, по данному поводу поставили точку в этом вопросе, расписав подробно момент окончания деяний, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ¹.

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика указывает на то, что на сегодняшний день применение норм уголовного законодательства становится невозможным без его судебного толкования, которое в свою очередь основывается на обобщении судебной практики.

Само же обобщение судебной практики – это достаточно длительный и сложный вид исследовательской деятельности в сфере применения норм уголовного и иного

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 19.07.24).

законодательства. Основа данной деятельности заключается в систематизации и глубоком анализе множества судебных дел с целью выявления принципиальных отличий в применении судами законодательства и выявлении факторов, детерминирующих такие противоречия, и, соответственно, разработке рекомендаций по их устранению.

Исследовательская деятельность по глубокому и всестороннему обобщению судебной практики имеет огромное значение для всего процесса правоприменительной деятельности, оно выступает своеобразным показателем, демонстрирующим уровень эффективности процесса отправления правосудия. Такой вид деятельности нацелен на выявление проблемных аспектов в сфере судебной правоприменительной практики и выработку предложений и рекомендаций по их устранению для достижения основной цели – формирования единообразного применения законодательства¹.

Обобщение судебной практики позволяет выявлять проблемы, связанные с такими ситуациями, когда по идентичным правовым вопросам суды принимают различные (неединообразные) решения, что способствует в дальнейшем устранению ошибок в толковании закона и в применении конкретных правовых норм.

Кроме того, рассматриваемая исследовательская работа выявляет возможные пробелы и недостатки в судебной деятельности, позволяя оценить как ее положительные, так и отрицательные аспекты, «подсвечивает» перспективы развития и совершенствования.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения нижестоящим судам по вопросам судебной практики. Он является высшим органом, осуществляющим судебное толкование через постановления Пленума. Наряду с этим Верховный Суд Российской Федерации осуществляет судебный надзор за деятельностью нижестоящих судов.

Постановление Пленума Верховного Суда выступает в качестве основного источника судебного толкования уголовного законодательства. Данный вид судебного толкования, как справедливо полагает М. Ш. Пацация, выражается в обнародовании официальной точки зрения высших судебных инстанций по вопросам судебной практики и нацелен на правильное и однообразное применение судами федерального законодательства [4, с. 67].

Важно отметить, что постановление Пленума Верховного Суда является актом судебного толкования, обязательность которого в теории вызывало долгое время дискуссии среди правоведов. Некоторые из них, например А. И. Рарог, отрицают обязательность для судов в правоприменительной практике разъяснений Пленума, указывая на то, что она не закреплена на законодательном уровне. Также приверженцы данной позиции соглашаются с мнением о том, что разъяснения Пленума Верховного Суда не носят нормативно-правового обязательного характера в силу того, что закрепление обязательности их применения законодательно противоречило бы принципу независимости судей, закрепленному в ст. 120 Конституции Российской Федерации. Кроме того, сторонники этого мнения, например О. А. Савельева,

¹ Методические рекомендации по изучению и обобщению судебной практики : утв. постановлением президиума Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда № 2 от 19 марта 2009 г. // Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд : офиц. сайт. URL: <https://16aas.arbitr.ru/node/12429> (дата обращения: 19.07.24).

утверждают, что такое положение дел привело бы к применению уголовного закона по аналогии, что является недопустимым, согласно ч. 2 ст. 3. УК РФ [5, с. 13].

С описанными умозаключениями сложно не согласиться, однако, анализируя судебную практику, можно сделать вывод о том, что, хотя обязательность исполнения разъяснений и рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда нигде законодательно не прописана, они все же становятся обязательными для исполнения нижестоящими судами фактически. Решения судов так или иначе не могут вступать в противоречия с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации. Также анализ практики указывает на то, что при проверке судом надзорной инстанции законности приговора он будет признан таковым, если все-таки был вынесен в соответствии с научно-теоретической позицией Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в таком его акте судебного толкования, как постановление Пленума.

Так или иначе, анализ судебной практики лежит в основе судебного толкования уголовного закона. В то же время единообразное и правильное толкование призвано обеспечивать законность и правопорядок в стране, без которых становится невозможным эффективное соблюдение и защита прав и законных интересов граждан. Ошибки в толковании закона, особенно если речь идет об уголовном законодательстве, могут повлечь невосполнимый вред интересам граждан. В данном ключе, по мнению О. А. Ругиной, правильное понимание судами смысла положений норм уголовного законодательства выступает основным, если не единственным, средством регулирования уголовно-правовых отношений [6, с. 53].

Проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что эффективное правовое регулирование в современном обществе невозможно без регулярной выработки необходимых разъяснений и рекомендаций по вопросам применения уголовного законодательства в силу его динамичности, а также стремительного развития общества, которые обуславливают необходимость постоянного совершенствования как самого закона, так и практики его применения.

Правильное и единообразное применение всеми судами уголовно-правовых норм должно быть основано на установлении истинного смысла закона, что и включает в себя основанное на обобщении судебной практики его судебное толкование.

Таким образом, именно судебное толкование уголовного закона выполняет особую роль в ходе построения правильной, стабильной и единообразной судебной практики как его уяснения, так и применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пычева, О. В. Герменевтика уголовного закона. Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2005. 166 с.
2. Миняшева, Г. И. Правоприменение как правовая категория // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 3. С. 10–14.
3. Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е. Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 78–89.
4. Пацая, М. Ш. Об обязательности информационных писем Президиума ВАС РФ // Законодательство. 2022. № 8. С. 66–74.

5. Савельева, О. А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 181 с.

6. Ругина, О. А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 242 с.

REFERENCE

1. Pycheva O.V. Germenevtika ugolovnogo zakona [Hermeneutics of criminal law]. Ulyanovsk, 2005, 166 p.

2. Minyasheva G. I. Pravoprimenenie kak pravovaya kategorija [Law enforcement as a legal category]. Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, no. 3, pp. 10–14.

3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Sudebnoe tolkovanie ugolovnogo zakona: voprosy teorii [Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (96), pp. 78–89.

4. Patsation M. S. Ob obyazatel'nosti informacionny'x pisem Prezidiuma VAS RF [On the obligation of information letters of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. Zakonodatel'stvo - Legislation. 2022, no. 8, pp. 66–74.

5. Savelyeva O. A. Rol' sudebnogo tolkovanija v primenenii ugolovnogo zakona : dis. ... kand. jurid. nauk. [The role of judicial interpretation in the application of criminal law. Dis. ... cand. Jurid. Sciences]. Moscow, 2006, 181 p.

6. Rugina O. A. Sudebnoe tolkovanie ugolovnogo zakona i ego rol' v zakonotvorcheskoj i pravoprimenitel'noj dejatel'nosti : dis. ... kand. jurid. nauk. [Judicial interpretation of the criminal law and its role in lawmaking and law enforcement activities. dissertation... Candidate of Law Sciences]. Krasnodar, 2012, 242 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малыхина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности. Восточно-Сибирский филиал «Российского государственного университета правосудия». 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а.

ORCID: 0000-0002-2029-6924

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malykhina Tatiana Anatolyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice. 664074, Russia, Irkutsk, Ivan Franko str., 23-a.

ORCID: 0000-0002-2029-6924

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 106–116.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 106–116.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.58

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.21.010

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ
СТИМУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Ненароков Сергей Валерьевич¹, Кнаус Олег Андреевич²

¹Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация

²Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

¹ser21011@mail.ru

²knaus.oleg@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются некоторые аспекты применения методов убеждения, принуждения и поощрения в целях стимулирования служебной дисциплины в деятельности органов внутренних дел. Исследуются особенности соотношения и применения указанных методов на основе сбалансированного подхода в целях избегания шаблонности и стереотипности в деятельности руководителей подразделений органов внутренних дел. Методы убеждения, принуждения и поощрения рассмотрены в тесной взаимосвязи с дисциплинарной ответственностью, определяющей сущность дисциплинарного принуждения, основанного на единых требованиях принципа справедливости. Принуждение описывается как наиболее часто применяемый метод управленческого воздействия, находящий свое выражение в образованных от него различных способах управления: психологических, социальных, административных и экономических. В статье изучено применение мер поощрения сотрудников органов внутренних дел в контексте обязательного соблюдения требований гласности.

Материалы и методы. Методология работы включает комплекс методов научного познания, обусловленных предметом и целями исследования: диалектический метод, анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция. Важная роль отведена специально-юридическим методам (формально-юридическому, технико-юридическому, методу толкования юридических норм), способствующим раскрытию содержания нормативно-правового материала.

Результаты исследования. Развитие системы дисциплинарной ответственности на современном этапе предъявляет новые требования к применению методов убеждения, принуждения и поощрения в целях стимулирования служебной дисциплины в органах внутренних дел, что находит свое выражение в оптимизации соотношения применения указанных методов на основе сбалансированного подхода.

Несоблюдение данных требований ведет к шаблонности и стереотипности в деятельности руководителей различных подразделений органов внутренних дел. Принуждение как наиболее часто применяемый метод управленческого воздействия рассматривается через призму образованных от него способов управления, таких как психологические, социальные, административные и экономические. Применяемые меры поощрения сотрудников органов внутренних дел описаны в контексте обязательного соблюдения требований гласности.

Выводы и заключения. При выборе необходимого соотношения применения методов убеждения, принуждения и поощрения требуется максимально сбалансированный подход, поскольку непринятие в расчет состояния оперативной обстановки и иных складывающихся условий ведет к шаблонности и стереотипности деятельности руководителя ОВД. Приоритетным является метод убеждения, однако в случае нарушения сотрудником полиции служебной дисциплины необходимо принятие в отношении него мер дисциплинарного принуждения либо общественного порицания со стороны коллектива подразделения ОВД. При определении меры дисциплинарного взыскания следует придерживаться единых требований принципа справедливости – соответствие совершенному дисциплинарному проступку и форме вины. При применении поощрительных мер необходимо обязательное соблюдение требований гласности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание, служебная дисциплина, метод убеждения, метод принуждения, поощрение сотрудников ОВД

Для цитирования: Ненароков С. В., Кнаус О.А., Особенности применения методов убеждения, принуждения и поощрения в целях стимулирования служебной дисциплины в органах внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 106–116.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.21.010

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

PECULIARITIES OF APPLICATION OF METHODS INCENTIVES FOR OFFICIAL DISCIPLINE DISCIPLINE IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Sergey V. Nenarokov¹, Oleg A. Knaus²

¹Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

¹ser21011@mail.ru

²knaus.oleg@yandex.ru

Introduction: the article considers some aspects of application of methods of persuasion, coercion and encouragement to stimulate service discipline in the activities of

internal affairs bodies. The peculiarities of correlation and application of these methods on the basis of a balanced approach in order to avoid templates and stereotypes in the activities of heads of departments of internal affairs bodies are studied. The methods of persuasion, coercion and encouragement are considered in close interrelation with disciplinary responsibility, which determines the essence of disciplinary coercion based on the unified requirements of the principle of justice. Coercion is described as the most frequently used method of managerial influence, finding its expression in various management methods formed from it: psychological, social, administrative and economic. The article studies the application of measures of encouragement of employees of internal affairs bodies in the context of mandatory compliance with the requirements of publicity.

Materials and Methods: The methodology of the work includes a set of methods of scientific cognition determined by the subject and objectives of the study: dialectical method, analysis, synthesis, generalization, induction, deduction. An important role is assigned to special legal methods (formal legal, technical legal, method of interpretation of legal norms) contributing to the disclosure of the content of regulatory material.

The Results of the Study: The development of the system of disciplinary responsibility at the present stage imposes new requirements to the use of methods of persuasion, coercion and encouragement in order to stimulate service discipline in internal affairs bodies, which finds its expression in optimising the ratio of the application of these methods on the basis of a balanced approach. Failure to comply with these requirements leads to templates and stereotypes in the activities of heads of various internal affairs units. in the activities of heads of various departments of internal affairs bodies. Coercion as the most frequently used method of managerial influence is considered through the prism of management methods formed from it, such as psychological, social, administrative and economic. The measures used to encourage internal affairs officers are described in the context of mandatory compliance with the requirements of publicity.

Findings and Conclusions: selecting the necessary ratio between the methods of persuasion, coercion and encouragement, the most balanced approach is required, since failure to take into account the state of the operational situation and other emerging conditions leads to a pattern and stereo typicality of the IAB head's activities. The method of persuasion is a priority; however, in case of a violation of official discipline by a police officer, it is necessary to take measures of disciplinary coercion or public censure on the part of the staff of an IAB unit. When determining the measure of disciplinary punishment, it is necessary to adhere to the uniform requirements of the principle of fairness - compliance with the committed disciplinary offence and the form of guilt. When applying incentive measures, it is necessary to comply with the requirements of publicity.

Keywords: legal responsibility, disciplinary responsibility, disciplinary punishment, service discipline, method of persuasion, method of coercion, encouragement of police officers.

For citation: Nenarokov S. V., Knaus O. A. Osobennosti primenenija metodov ubezhdenija, prinuzhdenija i pooshhrenija v celjah stimulirovaniya sluzhebnoj discipliny v organah vnutrennih del [Peculiarities of application of methods incentives for official discipline discipline in the activities of internal affairs bodies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East-Siberian Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (111) p. 106–116.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.21.010

В практической деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) при реализации организационных функций руководители используют такие методы, как убеждение, принуждение и поощрение. При выборе соотношения указанных методов необходим сбалансированный подход. Использование этих методов без учета постоянно изменяющейся оперативной обстановки и складывающихся условий в работе подразделений полиции ведет к шаблонности и стереотипности организационной деятельности.

Во многих случаях целесообразно применение метода убеждения. И. Кант придерживался мнения, что человек – единственное живое существо, требующее для развития личности постоянного воспитания [1, с. 399]. Так, общепризнано, что метод убеждения – это воздействие на сознание и поведение людей, проявляющееся в широком комплексе воспитательных, разъяснительных, организационных, поощрительных мероприятий, в целях обеспечения правомерности их поведения [2, с. 16]. Дисциплина рассматривается как способ для человека выйти из первобытного состояния, победить в себе примитивные инстинкты. В случае, когда сотрудник допускает нарушение служебной дисциплины, это говорит прежде всего о приоритете его личных интересов над общественными, что, несомненно, является показателем наличия в структуре его личности явных противоречий.

Так, если сотрудник полиции совершил нарушение служебной дисциплины, то начальник должен принять в отношении него меру дисциплинарного принуждения либо организовать применение мер общественного порицания со стороны коллектива подразделения ОВД.

Возможны два принципиально отличающиеся между собой вида дисциплинарных нарушений:

- 1) неисполнение служебных обязанностей либо недобросовестное исполнение обязанностей;
- 2) превышение полномочий, нарушающее права и свободы иных лиц, установленных статьей 17 Конституции Российской Федерации.

В качестве принуждения выступает приоритет воли и мнения управляющего субъекта относительно желания управляемого лица. Если объект управления не поддается управляющему субъекту, то возможно оказание воздействия на имущественную, моральную, организационную либо в крайнем случае физическую сферу для изменения мнения объекта и подчинения управляющему субъекту. Применение установленных законом, а также общественных мер принуждения и порицания характерно для системы управления органами внутренних дел. Несоблюдение необходимых правовых норм влечет за собой применение юридической ответственности, а нарушение правил, содержащихся в нормах морали и нравственности, влечет лишь общественное порицание.

К принудительным мерам, применяющимся для обеспечения дисциплины в ОВД, поддержания законности и правопорядка относятся меры уголовного, административного [3, с. 12], материального и дисциплинарного принуждения. Также к данной категории справедливо отнести и гражданско-правовые меры. В. В. Тактоева, формулируя понятие правовой природы гражданско-правовой ответственности, отмечает в ней элементы принудительного механизма [4, с. 63].

Подробнее рассмотрим систему дисциплинарного принуждения. Прежде всего такое принуждение находится во взаимосвязи со служебными отношениями управляющего объекта и управляемого субъекта [5, с. 270]. Выбор нужных методов управления зависит не только от особенностей организационно-правового статуса субъектов управления, но в первую очередь – от особенностей объекта управления [6, с. 275]. Так, дисциплинарное принуждение применяется в случаях, когда необходимо наладить своевременное и надлежащее выполнение подчиненным либо подчиненным подразделением и его сотрудниками указаний руководителя. Дисциплинарная ответственность определяет сущность дисциплинарного принуждения. Данный вид ответственности применяется в случаях выявления наличия состава дисциплинарного проступка как неисполнения или ненадлежащего исполнения по вине сотрудника полиции возложенных на него обязанностей. В соответствии со статьей 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ в результате совершенных дисциплинарных проступков в отношении сотрудника полиции могут быть применены следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел, увольнение со службы в ОВД.

В системе вузов МВД России, кроме указанных видов дисциплинарных взысканий, практикуются: назначение в наряд по службе вне очереди (исключением является наряд по охране учебного заведения), лишение очередного увольнения из расположения учебного заведения и отчисление (прекращение обучения) [7, с. 132]. Такие дисциплинарные взыскания, как замечание, выговор, назначение в наряд вне очереди, лишение очередного увольнения из расположения учебного заведения объявляются письменно (в приказе) и устно. Оставшиеся из перечисленных видов взысканий могут быть объявлены только в форме приказа. При определении меры дисциплинарного взыскания необходимо придерживаться единых требований принципа справедливости и соразмерности дисциплинарного проступка с применяемой мерой дисциплинарного взыскания. [8, с. 210]. Прежде всего мера дисциплинарного взыскания должна соответствовать совершенному дисциплинарному проступку и форме вины.

Основополагающими элементами любого нарушения служебной дисциплины являются:

- неисполнение правил, установленных внутренним распорядком;
- неисполнение служебных обязанностей сотрудником полиции либо превышение своих полномочий, которые привели к ущемлению прав и свобод иных лиц;
- закрепление прав и обязанностей сотрудника полиции в соответствующих нормативных правовых актах;

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 05.10.2024).

- совершенный сотрудником полиции дисциплинарный проступок имеет своим объектом нарушение внутреннего распорядка в подразделении ОВД;
- дисциплинарный проступок сотрудником полиции может быть совершен в форме виновного действия или бездействия, а также умышленно или по неосторожности.

Особое внимание при назначении дисциплинарного взыскания должно уделяться характеру действий сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок, внешним обстоятельствам, которые сопутствовали его совершению, характеристике поведения сотрудника во время прохождения службы, отношению к своим служебным обязанностям, их знанию и уровню профессиональной подготовленности.

Ужесточение применения мер дисциплинарного взыскания происходит в случае, когда сотрудник повторно нарушает служебную дисциплину либо действует совместно с другими сотрудниками в группе, или когда нарушение дисциплины произошло в рамках исполнения служебных обязанностей, либо в результате его совершения наступили последствия, приведшие к значительному снижению служебной дисциплины в подразделении.

В рамках процедуры применения дисциплинарного взыскания необходимо получить от нарушителя служебной дисциплины объяснение (рапорт, оформленный в письменном виде). Несогласие сотрудника, допустившего нарушение служебной дисциплины давать объяснения по поводу своих действий (бездействий) не является препятствием для наложения дисциплинарного взыскания. В случае нежелания нарушителя служебной дисциплины давать объяснения может быть составлен акт, регистрирующий его отказ. Такой акт должен быть подписан двумя – тремя ответственными сотрудниками. Однако получить объяснение от сотрудника, совершившего служебную дисциплину, несомненно важно, чтобы была возможность письменно зафиксировать отношение сотрудника к факту совершенного им дисциплинарного проступка с учетом всей совокупности сложившихся обстоятельств и причин произошедшего. Решение о применении меры дисциплинарного взыскания оформляется приказом, перед изданием которого обязательно проводится служебная проверка [9, с. 61].

Понижение в должности как вид дисциплинарного взыскания обычно применяется в тех случаях, когда все другие ранее наложенные дисциплинарные взыскания не возымели эффекта. Кроме того, к сотрудникам полиции из числа рядового и младшего начальствующего состава может быть применено увольнение из ОВД как крайняя мера дисциплинарного взыскания в случаях систематического совершения дисциплинарных проступков либо проступка, не соответствующего морально-этическим требованиям, предъявляемым к сотруднику ОВД.

Глава 6 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации (далее – Устав)¹, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377, регламентирует порядок применения мер дисциплинарных взысканий. Так, в статье 44 Устава говорится о том, что вышестоящий руководитель (начальник)

¹ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 года № 1377 // pravo.gov.ru : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102160000> (дата обращения: 05.10.2024).

уполномочен отменить либо изменить ранее наложенное нижестоящим руководителем (начальником) дисциплинарное взыскание в случае выявления явного несоответствия его совершенному сотрудником дисциплинарному проступку. В статье 54 Устава определено, что меры дисциплинарного взыскания применяются прямым руководителем в рамках предоставленных ему Министром внутренних дел Российской Федерации прав, кроме увольнения со службы в ОВД сотрудника, состоящего в должности, требующей назначения Президентом Российской Федерации и перевода на нижестоящую должность в ОВД. В указанных случаях Министр внутренних дел Российской Федерации должен доложить о факте применения дисциплинарного взыскания Президенту Российской Федерации.

Следует отметить, что принуждение является наиболее часто применяемым методом управленческого воздействия, оно находит свое выражение в образованных от него методах управления, таких как психологические, социальные, административные и экономические. Кроме того, в системе важную роль для реализации управленческого воздействия в органах внутренних дел играет поощрение. Поощрение подразумевает признание заслуг сотрудника среди руководителей и коллег по службе, получение сотрудником различных преимуществ, знаков уважения, льгот и личного престижа. Среди мер поощрения можно назвать меры материального, морального и морально-материального характера. Статья 48 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривает применение следующих мер поощрения за достигнутые успехи в службе: объявление благодарности, выплата денежной премии, награждение ценным подарком, награждение почетной грамотой федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, занесение фамилии сотрудника в книгу почета или на доску почета федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, награждение ведомственными наградами, досрочное присвоение очередного специального звания, присвоение очередного специального звания на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в органах внутренних дел, награждение огнестрельным или холодным оружием.

В качестве поощрения может рассматриваться досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания. К слушателям и курсантам образовательных организаций системы высшего образования в ОВД наряду с установленными мерами поощрения, предусмотренными частью 1 указанной статьи, могут применяться такие меры поощрения, как внеочередное увольнение из расположения образовательной организации и выплата именной стипендии. Возможно назначение в отношении сотрудника полиции сразу нескольких поощрительных мер.

При решении вопроса о применении меры поощрения необходимо учитывать потребность личности в признании обществом его заслуг, основанное на получении материальных благ. Опытный руководитель всегда учитывает, что опрометчиво назначенные поощрения могут разобщить слаженный работоспособный коллектив. Вот почему при назначении поощрительных мер важно соблюдать требования

к эффективности применяемых поощрений. Следует учитывать, что поощрение необходимо применять при каждой позитивной результативности сотрудника. Однако зачастую на практике мы видим сотрудников, достигших предельного возраста по выслуге лет, не имеющих поощрений и взысканий. На первый взгляд такая ситуация выглядит допустимой, но у таких сотрудников формируется мнение о том, что при прохождении службы в данном подразделении проявлять инициативу и старание не нужно, этого никто не заметит, что отражается на эффективности службы в целом. Конечно, нет необходимости во всех случаях применять одни и те же меры поощрения, важно комплексное использование всех предусмотренных законом поощрительных мер. Кроме того, через назначение поощрительных мер необходимо прививать уважение к сотрудникам, добросовестно исполняющим служебные обязанности. Все сотрудники, особенно молодые, должны быть уверены, что добросовестное исполнение служебных обязанностей всегда поощряется и они могут получить выгодные преимущества. Начальник вправе самостоятельно определять дополнительные меры материального поощрения за добросовестное исполнение служебных обязанностей в целях стимулирования положительной активности членов коллектива.

Одно из главных требований, предъявляемых к поощрению, – это обязательная гласность его применения. Поскольку поощрение повышает уважение сотрудника в коллективе, а зачастую престиж оценивается даже выше, чем материальная обеспеченность, то поощрять сотрудника необходимо на общем собрании с обязательным соблюдением ритуалов и правил проведения торжественных мероприятий.

Следует учитывать, что активность сотрудника при исполнении служебных обязанностей усиливается по мере приближения момента поощрения, чем можно воспользоваться при распределении ответственных заданий. Однако в случае, когда сотруднику определяют меру поощрения через продолжительный промежуток времени: год, два или несколько лет, то не следует рассчитывать на его высокую активность при выполнении поручений. Таким образом, те поощрения, которые отложены на долгую перспективу, значительно теряют свою эффективность. И наоборот, если ускорить применение к сотруднику мер поощрения, например в течение недели, то активность при исполнении служебных обязанностей растет по экспоненте. Необходимо отметить важность доступности поощрений для всех членов коллектива, а не только для избранных. Зачастую к сотрудникам предъявляют такие требования по службе, что их могут выполнить только лучшие сотрудники, что влечет за собой опасность недостижимости поощрения для большинства сотрудников коллектива. Такая ситуация приводит к негативным последствиям в виде снижения работоспособности коллектива, поэтому на практике имеет смысл определять служебные нормативы с учетом доступности мер поощрения для большинства сотрудников. Таким образом, у коллектива появляется дополнительная мотивация для добросовестного исполнения своих служебных обязанностей, что в свою очередь можно рассматривать как эффективный способ стимулирования служебной дисциплины в подразделениях органов внутренних дел.

Подводя итог, отметим, что в практической деятельности ОВД при реализации своих функций руководители активно пользуются такими методами, как убеждение,

принуждение и поощрение. При выборе необходимого соотношения применения указанных методов требуется максимально сбалансированный подход, поскольку непринятие в расчет состояния оперативной обстановки и иных складывающихся условий ведет к шаблонности и стереотипности деятельности руководителя ОВД. Исследователи зарубежного опыта организации деятельности полиции среди руководящих принципов надлежащего поведения полицейских выделяют: оценку убеждений, отношения и моральные ценности, которые определяют действия и рациональность полиции [10, с. 201]. На наш взгляд, приоритетным является метод убеждения, однако в случае если сотрудник полиции нарушил служебную дисциплину, необходимо принятие в отношении него мер дисциплинарного принуждения либо общественного порицания со стороны коллектива подразделения ОВД. К принудительным мерам, применяющимся для обеспечения дисциплины в органах внутренних дел, поддержания законности и правопорядка, относятся меры уголовного, административного, материального и дисциплинарного принуждения. Дисциплинарная ответственность определяет сущность дисциплинарного принуждения. При определении меры дисциплинарного взыскания необходимо придерживаться единых требований принципа справедливости. Прежде всего мера дисциплинарного взыскания должна соответствовать совершенному дисциплинарному проступку и форме вины. Следует также отметить, что принуждение является наиболее часто применяемым методом управленческого воздействия, оно находит свое выражение в образованных от него методах управления, таких как психологические, социальные, административные и экономические. Кроме того, в системе важную роль для реализации управленческого воздействия в ОВД играет поощрение. При применении поощрительных мер необходимо обязательное соблюдение требований гласности, служебных ритуалов и правил (регламентов) проведения собраний и совещаний, на которых планируется поощрение сотрудников, поскольку поощрение повышает уважение в коллективе, а зачастую престиж оценивается даже выше, чем материальная обеспеченность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. Сочинения. В 8 т. Т. 8. М. : 1994.
2. Бодалев, А. А. Личность и общение. М. : 1995. 328 с.
3. Черненилов, В. И., Юстицкий В. В. Применение методов психолого-педагогического воздействия при решении оперативно-служебных задач. Минск, 1989. 78 с.
4. Тактоева, В. В. Дефинитивные, видовые и спецификационные критерии юридической ответственности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. 2 (109). С. 53–63.
5. Колмакова, Д. А. Убеждение, принуждение и внушение, как основные методы, используемые правоохранительными органами // Вестник науки. 2024. № 1 (70). Т. 3. С. 269–273. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/12463> (дата обращения: 05.10.2024)
6. Козлов, Ю. М., Овсянко Д. М. Административное право. / под ред. Л. Л. Попова. М. : Юристъ, 2004. 697 с.

7. Черников, В. В. Организация и деятельность органов внутренних дел Российской Федерации : сборник нормативных актов. М. : Юрид. лит., 1994.
8. Походиева, Н. Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 5 (39). С. 209–212.
9. Капустина, И. Ю. Особенности привлечения сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности в соответствии с действующим законодательством // Экономика. Право. Инновации. 2017. № 1 (3). С. 60–61.
10. Саэтгараев, В. Ф. Политика содействия гражданского общества в деятельности полиции США // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. 1 (100). С. 197–213.

REFERENCES

1. Kant I. Sochinenija [Works]. Moscow: 1994, vol. 8.
2. Bodalev, A. A. Lichnost' i obshhenie [Personality and communication]. Moscow, 1995, 328 p.
3. Chernobilov, V. I. Primenenie metodov psihologo-pedagogicheskogo vozdejstvija pri reshenii operativno-sluzhebnyh zadach [Application of methods of psychological and pedagogical influence in solving operational and service tasks]. Justitsky, 1989, 78 p.
4. Taktoeva V. V. Definitivnye, vidovye i specifikacionnye kriterii juridicheskoy otvetstvennosti [Definitive, specific and specification criteria of legal responsibility]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, 2 (109), pp. 53-63. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.61.17.005.
5. Kolmakova D.A. Ubezhdenie, prinuzhdenie i vnushenie, kak osnovnye metody, ispol'zuemye pravoohranitel'nymi organami [Persuasion, coercion and suggestion, as the main methods used by law enforcement agencies]. Vestnik nauki - Vestnik of Science. 2024, no.1 (70), vol. 3. pp. 269-273. <https://www.вестник-науки.RF/article/12463> (date of reference: 05.10.2024)
6. Kozlov Yu.M., Ovsyanko D.M. Administrativnoe pravo [Administrative law]. M. : Jurist, 2004. 697 p.
7. Chernikov V.V. Organizacija i dejatel'nost' organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii : sbornik normativnyh aktov [Organization and activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Collection of normative acts]. Moscow: Yurid. lit., 1994.
8. Pokhodieva N. N. Ponjatie disciplinarnoj otvetstvennosti sotrudnikov organov vnutrennih del [The concept of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies]. Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian - Scientific electronic journal Meridian. 2020, no. 5 (39), pp. 209-212.
9. Kapustina I. Y. Osobennosti privlechenija sotrudnikov OVD k disciplinarnoj otvetstvennosti v sootvetstvii s dejstvujushhim zakonodatel'stvom [Features of bringing police officers to disciplinary responsibility in accordance with current legislation]. Jekonomika. Pravo. Innovacii. - Economy. Right. Innovation. 2017, no. 1 (3), pp. 60-61.
10. Saetgaraev V. F. Politika sodejstvija grazhdanskogo obshhestva v dejatel'nosti

policii SShA [The policy of promoting civil society in the activities of the US police]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, 1 (100). pp. 197-213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ненароков Сергей Валерьевич, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России, 420108, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.

Кнаус Олег Андреевич, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Nenarokov Sergey Valerievich, Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 420108, Kazan, 35 Magistralnaya str.

Knaus Oleg Andreevich, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special equipment in the internal affairs. East Siberian Institute of the MIA of Russia. 664074, Irkutsk, 110 Lermontova srt.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 117–123.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 117–123.

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 354

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.13.29.011

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шаламова Алиса Наильевна, Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация, alisa.shalamova@yandex.ru

Введение. Статья посвящена анализу сущности и значения института президентства в Российской Федерации. Раскрываются история становления института президентства в Российской Федерации, элементы конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, а также научные исследования в сфере формирования и особенностей народного представительства в России. Методологическим фундаментом исследования является общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, анализа, синтеза и другие инструментарии, посредством которых стало возможным изучить и проанализировать закрепление, становление и развитие института президентства в России.

Результаты исследования. В статье проанализированы особенности института президентства в России, сформулированы тенденции эволюции развития данного органа в отечественной государственности.

Выводы и заключения. Изучена специфика научных подходов относительно правового статуса и места Президента Российской Федерации в системе разделения властей. В заключение автор приходит к выводу, что самостоятельная реализация Президентом Российской Федерации полномочий, наряду с законодательной, исполнительной и судебной, – это объективная реальность современной российской государственности.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, органы государственной власти, выборы, институт президентства, система разделения властей, российская государственность

Для цитирования: Шаламова А. Н. Вектор развития института президентства в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 117–123.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.13.29.011

© Шаламова А. Н., 2024

**5.1.2 Public law (State law) sciences
(legal sciences)**

Original article

**VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF
THE PRESIDENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Alisa N. Shalamova, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, alisa.shalamova@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to the analysis of the essence and significance of the institute of presidency in the Russian Federation. The history of the formation of the institute of presidency in the Russian Federation, elements of the constitutional and legal status of the President of the Russian Federation are revealed.

Materials and Methods. The normative basis of the study was formed by the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, as well as scientific research in the field of formation and peculiarities of popular representation in Russia. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, as well as the methods of deduction, analysis, synthesis and other tools, through which it became possible to study and analyses the consolidation, formation and development of the institution of presidency in Russia.

The Results of the Study. The article analyses the peculiarities of the institute of presidency in Russia, formulates the trends of evolution of the development of this body in the domestic statehood.

Findings and Conclusions. The specifics of scientific approaches regarding the legal status and place of the President of the Russian Federation in the system of separation of powers have been studied. The author concludes that the independent realization by the President of the Russian Federation of powers, along with legislative, executive and judicial, is an objective reality of modern Russian statehood.

Keywords: President of the Russian Federation, public authorities, elections, the institution of the presidency, the system of separation of powers, Russian statehood

For citation: Shalamova A. N. Vektor razvitiya instituta prezidentstva v Rossijskoj Federacii [Vector of development of the institute of the presidency in the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 117–123. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.13.29.011

Сегодня Российская Федерация является государством с демократической формой правления и федеративным государственным устройством. Одним из элементов, позволяющих на протяжении длительного времени сохранять устойчивость и фундаментальность конституционного строя, развивать гражданское общество, а также правильно распределять ресурсы, является взаимодействие президента и органов государственной власти. По данному поводу А. В. Зуйков справедливо отмечает, что сущность и значение института президентства в Российской Федерации, можно понять лишь при анализе отечественной идеи президентства на различных этапах российской государственности [1, с. 11].

Свое историческое развитие институт президентства получил в 1991 году, когда был принят Закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1 «О выборах президента в РСФСР». Однако события, происходящие во внутренней и внешней политике страны, привели к тому, что дальнейшее развитие института президентства получил уже в рамках Российской Федерации.

Отметим, что именно в этот период институт президентства трансформируется и приобретает свои новые уникальные черты. Принятие на всенародном голосовании основополагающего документа – Конституции Российской Федерации 1993 года – вызвало обоснованную необходимость привести все законодательство в соответствие с требованиями нового закона. Вместе с тем положения Конституции Российской Федерации определили главенствующую роль президента, что следует из расположения глав Конституции, и наделили его статусом гаранта Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина (п. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации).

В дальнейшем трансформация законодательства в части полномочий главы государства продолжалась, и уже в 1995 году был принят Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Изменения касались срока полномочий главы государства (четыре года), избирательной системы (мажоритарная, то есть 50 % + 1), а также явки избирателей, при которой выборы признаны состоявшимися (не менее половины из числа зарегистрированных избирателей).

Позднее, в 1999 году, Федеральный закон от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» определил, что без согласия Генерального Прокурора Российской Федерации ни действующий глава государства, ни кандидат в президенты не могли быть привлечены к уголовной ответственности, арестованы или подвергнуты иным, налагаемым в судебном порядке, мерам правового характера,

Рассматривая исторические аспекты становления и развития института президентства в России, нельзя не отметить действующий в настоящее время Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт определил предъявляемые к финансированию избирательных компаний требования предоставления эфирного времени и печатной площади для предвыборной агитации. Важно отметить и тот факт, что с июля 2006 года в Российской Федерации из бюллетеней исключена графа, предусматривающая возможность голосовать против всех кандидатов.

В соответствии с поправками, внесенными в 2008 году по инициативе Д. А. Медведева в ст. 81 Конституции Российской Федерации относительно сроков полномочий главы государства, с 2012 года Президент Российской Федерации избирается на должность сроком на шесть лет.

Следующие серьезные изменения произошли в 2014 году. С этого момента главу государства вправе назначать не более 10 % (17 человек) сенаторов Российской Федерации. Помимо этого, президент наделен полномочиями представлять в Совет Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Верховного суда, Генерального прокурора и его заместителей.

Последние изменения произошли в июле 2020 года, когда на всенародном голосовании были одобрены поправки к Конституции Российской Федерации. Так, срок постоянного проживания на территории Российской Федерации кандидата в

президенты составляет не менее 25 лет. Помимо этого, кандидату на должность запрещено иметь иностранное гражданство или вид на жительство в другом государстве не только в настоящем, но и в прошлом. Также в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью, лишение которой допускается только в порядке, установленном ст. 83 Конституции Российской Федерации, а по истечении сроков полномочий главы государства вправе стать сенатором на пожизненный срок.

За всю историю становления института президентства в России полномочия главы государства претерпевали неоднократные изменения. По данному поводу авторы научной статьи «Динамика развития института президентства в России» пишут, что возникновение внешних и внутренних угроз в определенной степени влияет на развитие российского президентства в контексте появления неких тактических и стратегических новаций [2, с. 58]. Все это вызывает необходимость в совершенствовании законодательства в рассматриваемой области с учетом вызовов нового времени.

Как уже было сказано ранее, президент занимает особое место в системе власти и не входит непосредственно ни в одну из ее ветвей. В свою очередь, такое положение вызывает неоднозначное мнение среди ученых. Сегодня относительно статуса главы государства в системе разделения властей, как правило, выделяют три подхода.

Сторонники первой позиции считают, что президент не относится ни к одной из ветвей власти, что, безусловно, подтверждается положениями Конституции Российской Федерации [3, с. 79]. Как обоснованно указывает Н. А. Сахаров, Президент Российской Федерации занимает «особое» место в структуре разделения властей и управления страной [4, с. 7–9].

По мнению В. В. Киреева, обширный перечень полномочий, посредством которых реализуется согласованное функционирование и взаимодействие высших органов государственной власти, свидетельствует о том, что президент возглавляет три ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную [5, с. 92]. С точки зрения В. В. Комарова, президент не относится ни к одной из ветвей государственной власти, но при этом глава государства «как бы стоит над всеми видами власти», тем самым обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех других органов государственной власти [6, с. 431]. Весьма интересно и мнение авторов коллективной монографии «Государственно-частное партнерство в современной России», которые отмечают, что в настоящее время глава государства фактически обладает полнотой власти, однако принципы разделения властей подразумевают многогранность власти с учетом мнения представителей каждой из ветвей [7, с. 143].

Изучая вопрос об отнесении главы государства к какой-либо ветви власти, О. Е. Дрегнин пишет, что в случае включения президента в исполнительную власть возрастет уровень ответственности главы государства за формирование кабинета министров и роль представителей законодательной и судебной ветвей власти, поскольку необходимо будет принимать консолидированное решение [8].

Существует и иная точка зрения. Так, В. Г. Ермаков и Е. А. Быкова наделяют главу государства статусом «арбитра» между законодательной и судебной ветвями власти, который при этом имеет статус гаранта Конституции [9, с. 25–29].

Анализируя различные научные подходы по вопросам, связанным со статусом президента в системе разделения властей, можно сделать вывод, что во всех предложенных определениях глава государства является неотъемлемой частью

конституционной системы разделения власти. В своей работе Г. В. Дёгтев обоснованно указывает, что необходимость в президентской власти как в институте, способном противостоять хаосу и анархии и стабилизировать политическую ситуацию, возникает, как правило, в переломные моменты истории [10, с. 70].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в настоящее время автономия института президентства в Российской Федерации видится вполне обоснованной. Изучение исторических аспектов позволяет заключить, что сегодня реализация Президентом Российской Федерации установленных законом полномочий наряду с законодательной, исполнительной и судебной – реальность современной российской государственности. При этом важно отметить, что самостоятельность президента не противоречит принципу разделения власти, а наличие различных научных подходов относительно статуса главы государства, на наш взгляд, только способствует совершенствованию конституционной теории и практики реализации публичной власти.

В заключение отметим, что роль Президента Российской Федерации высока, а вопросы взаимодействия главы государства с высшими органами государственной власти являются важнейшими в жизни российского общества. В этой связи на законодательном уровне проводится активная работа по устранению коллизий, возникающих в сфере конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации, а также гарантий его деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуйков, А. В. Эволюция института президентства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
2. Гришаева, О. Н., Гришин, О. Е., Попов, С. И. Динамика развития института президентства в России // Вопросы политологии. 2018. № 1. С. 58–67.
3. Мордкович, С. В., Мещеряков, А. Н. Институт президентства в Российской Федерации (конституционно-правовая характеристика) : монография. Челябинск, 2003. 250 с.
4. Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире. М. : Юрид. лит, 1994. 176 с.
5. Киреев, В. В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 584 с.
6. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013. 686 с.
7. Государственно-частное партнерство в современной России : монография / А. В. Павлюк, М. Ю. Игитян, С. Г. Камолов. М. : Фонд поддержки международных программ, 2017. 520 с.
8. Дрегнин, О. Е. Проблемы института президентства в России // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 101–103.
9. Ермаков, В. Г., Быкова, Е. А. Некоторые проблемы взаимодействия Президента Российской Федерации с исполнительной властью федерального уровня и

перспективы расширения полномочий главы государства // Актуальные вопросы права и экономики. Елец, 2018. С. 25–29.

10. Дёгтев, Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М. : Юристъ, 2005. 237 с.

REFERENCES

1. Zuikov A.V. Evolyuciya instituta prezidentstva Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Evolution of the Institute of the Presidency of the Russian Federation: abstract. ... candidate of Legal Sciences]. Moscow, 2009, 28 p.
2. Grishaeva O. N., Grishin O. E., Popov S. I. Dinamika razvitiya instituta prezidentstva v Rossii [Dynamics of the development of the Institute of the presidency in Russia]. Voprosy politologii – Questions of political science. 2018, no. 1, pp. 58–67.
3. Mordkovich S. V., Meshcheryakov A. N. Institut prezidentstva v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovaya harakteristika) [Institute of the Presidency in the Russian Federation (constitutional and legal characteristics)]. Chelyabinsk, 2003, 250 p.
4. Sakharov N. A. Institut prezidentstva v sovremennom mire [Institute of Presidency in the modern world]. Moscow, 1994, 176 p.
5. Kireev V. V. Teoreticheskie problemy reformirovaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii: dis. d-ra yurid. nauk [Theoretical problems of reforming the Constitution of the Russian Federation: dissertation of Doctor of Law]. Chelyabinsk, 2010, 584 p.
6. Dmitriev Y. A. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Doktrinal'nyj kommentarij (postatejnyj) [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (article-by-article)]. Moscow, 2013, 686 p.
7. Pavlyuk A. V., Igityan M. Y., Kamolov S. G. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sovremennoj Rossii [Public-private partnership in modern Russia]. Moscow, 2017, 520 p.
8. Dregnin O. E. Problemy instituta prezidentstva v Rossii [Problems of the Institute of presidency in Russia]. Social'no-politicheskie nauki – Socio-political sciences. 2018, no.1, pp. 101–103.
9. Ermakov V. G., Bykova E. A. Nekotorye problemy vzaimodejstviya Prezidenta Rossijskoj Federacii s ispolnitel'noj vlast'yu federal'nogo urovnya i perspektivy rasshireniya polnomochij glavy gosudarstva [Some problems of interaction between the President of the Russian Federation and the executive branch of the federal level and prospects for expanding the powers of the head of state]. Aktual'nye voprosy prava i ekonomiki – Topical issues of law and economics. Yelets. 2018, pp. 25–29.
10. Degtev G. V. Stanovlenie i razvitiye instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitucionnye osnovy [Formation and development of the institute of the presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations]. Moscow, 2005, 237 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаламова Алиса Наильевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shalamova Alisa Nailyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, 110 Lermontov str.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 124–134.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P.124–134.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.75.012

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. С. ИШИГЕЕВА**

Грибунов Олег Павлович¹, Антонов Владимир Александрович²

¹⁻²Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российской Федерации

¹gribunov@mail.ru

Введение. 16 ноября 2024 года отмечает свое 65-летие доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия Владимир Степанович Ишигеев. Владимир Степанович родился 16 ноября 1959 г. в г. Ангарске Иркутской области. В. С. Ишигеев относится к числу ученых, которые на высоком уровне, фундаментально занимались изучением проблем борьбы с преступностью. В 1982 году, после окончания Иркутского государственного университета, Владимир Степанович начал свой профессиональный путь в органах внутренних дел, после чего на протяжении 30 лет занимался педагогической деятельностью. Статья посвящена обзору круга научных интересов профессора В. С. Ишигеева и одной из главных тем – «Пенитенциарная преступность: характеристика, особенности расследования и предупреждения». Вне всяких сомнений, в уголовно-правовую науку В. С. Ишигеевым внесен неоценимый вклад, разработаны теоретические и прикладные положения, имеющие значение прежде всего для правоприменительной практики. Труды ученого бесценны и заслуживают внимания как у обучающихся образовательных организаций высшего образования, так и у лиц, занимающихся научной деятельностью, и сотрудников правоохранительных органов.

Материалы и методы. В данном исследовании применялся комплексный подход, сочетающий общенаучные и частно-научные методы познания. Общенаучные методы, лежащие в основе исследования, включают в себя анализ и синтез, а также методы дедукции и индукции.

Результаты исследования. Труды В. С. Ишигеева бесценны и заслуживают внимания как у обучающихся образовательных организаций высшего образования, так и у лиц, занимающихся научной деятельностью, и сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: профессор В. С. Ишигеев, ученый, пенитенциарная преступность, криминалистика, уголовное право, уголовно-исполнительное право, криминалистическое обеспечение, научные труды, правоприменительная деятельность

Для цитирования: О. П. Грибунов, В. А. Антонов. Пенитенциарная преступность: характеристика, особенности расследования и предупреждения» в трудах профессора В.С. Ишигееva // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 124–134.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.75.012

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PENITENTIARY CRIME: CHARACTERISTICS, FEATURES OF INVESTIGATION AND PREVENTION IN THE WORKS OF PROFESSOR V.S. ISHIGEEV

Oleg P. Gribunov¹, Vladimir A. Antonov²

¹⁻² Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

¹gribunov@mail.ru

Introduction. On 16 November 2024, Vladimir Stepanovich Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Buryatia, celebrates his 65th birthday. Vladimir Stepanovich was born on 16 November 1959 in Angarsk, Irkutsk region.

B. S. Ishigeev belongs to the number of scientists who at a high level, fundamentally engaged in the study of the problems of combating crime. In 1982, after graduating from Irkutsk State University, Vladimir Stepanovich began his professional career in the internal affairs bodies, after which he was engaged in teaching activities for 30 years. The article is devoted to the review of the range of scientific interests of Professor V. S. Ishigeev and one of the main topics - 'Penitentiary crime: characteristics, features of investigation and prevention'. Beyond any doubt, in the criminal-legal science V. S. Ishigeev contributed to the criminal-legal science. S. Ishigeev has made an invaluable contribution to the science of criminal law, developed theoretical and applied provisions that are important primarily for law enforcement practice. The works of the scientist are invaluable and deserve the attention of both students of educational organisations of higher education, as well as persons engaged in scientific activities and law enforcement officers.

Materials and Methods. In this study, a comprehensive approach was used, combining general scientific and private-scientific methods of cognition. General scientific methods underlying the research include analysis and synthesis, as well as methods of deduction and induction.

The Results of the Study. The works of V.S. Ishigeev are invaluable and deserve attention from both students of higher education institutions and individuals engaged in scientific activities and law enforcement officers.

Keywords: Professor V. S. Ishigeev, scientist, penitentiary crime, forensic science, criminal law, criminal executive law, forensic support, scientific works, law enforcement activities

For citation: Gribunov O.P., Antonov V.A. Penitenciarnaja prestupnost': harakteristika, osobennosti rassledovanija i preduprezhdenija» v trudah professora V.S. Ishigeeva [Penitentiary crime: characteristics, features of investigation and prevention" in the works of Professor V.S. Ishigeev]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 124–134.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.75.012

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия Владимир Степанович Ишигеев относится к числу ученых, которые на высоком уровне, фундаментально занимались изучением проблем борьбы с преступностью. В 1982 году, после окончания Иркутского государственного университета, В. С. Ишигеев начинает свой профессиональный путь в органах внутренних дел, после чего на протяжении 30 лет занимается педагогической деятельностью.

Профессор В. С. Ишигеев – автор более 200 научных трудов, в том числе учебных пособий, монографий по уголовному праву, уголовно-исполнительному праву и криминалистике, цитируемость которых подтверждает ценность и авторитетность научной деятельности профессора. Владимир Степанович осуществляет плодотворную научно-педагогическую деятельность, в том числе по направлению подготовки научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 17 соискателей.

В начале обзора научного пути В. С. Ишигеева хотелось бы особо отметить многолетнюю педагогическую деятельность Владимира Петровича, а главное – тот факт, что с 2004 года ученый верен Байкальскому университету, где более 20 лет занимает должность профессора на кафедре уголовного права и криминологии.

Следует отметить, что главной темой научных исследований и научного интереса профессора В. С. Ишигеева является пенитенциарная преступность и меры по ее предупреждению, которой на протяжении многих лет уделял внимание профессор как на страницах научной печати, так в докладах на научно-представительских мероприятиях международного и всероссийского уровней и которую он воплотил в докторскую диссертацию [1, с. 331]. К слову сказать, диссертационное исследование подготовлено на кафедре уголовного права и криминологии. Байкальского государственного университета экономики и права.

В самом начале нами указано, что профессор В. С. Ишигеев имеет достаточно большое количество научных трудов как по уголовному праву, так и по криминалистике. И это не случайно, так как кандидатская диссертация была подготовлена по криминалистике на тему «Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики» [2, с. 142] и защищена в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Междисциплинарный подход научных исследований позволяет констатировать, что профессор В. С. Ишигеев является ярким представителем уголовно-правовой науки. В действительности невозможно определить, что приоритетнее для профессора – уголовное право или криминалистика. Анализ публикационной активности позволяет констатировать: данные науки в равной степени представляют интерес для Владимира Степановича. О междисциплинарном глубоком научном подходе в освещении темы

докторской диссертации свидетельствует тот факт, что им подготовлена и опубликована монография на тему «Проблемы теории и практики расследования преступлений против личности, совершенных в местах лишения свободы (уголовно-правовые и криминалистические аспекты)» [3, с. 218], где уголовно-правовая характеристика состава преступления рассматривается в единстве с криминалистическими категориями и которая соответствовала не только специальности 12.00.08, но и 12.00.09, и это в преддверии защиты докторской диссертации по специальности 12.00.08. Нельзя не отметить, что каждый параграф, каждая уголовно-правовая или криминалистическая категория начинается с освещения научного обеспечения данного вопроса, включая ведущих специалистов соответствующего направления наук. Глубокий анализ литературных источников (литературный обзор) придает известную ценность трудов В. С. Ишигеева и прежде всего для начинающего ученого. Комментарий один – более 20 лет назад профессор В. С. Ишигеев осуществлял попытки комплексного исследования вопросов борьбы с преступностью, что сегодня и реализовано в новой научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Многоаспектность исследования главной темы просматривается прежде всего в его публикациях [4; 5, с. 13; 6].

На протяжении последних нескольких лет нами уделено внимание анализу научного наследия выдающихся ученых, которые внесли неоценимый вклад в становление и развитие уголовно-правовых наук. В результате выявлены определенные закономерности при формулировке названия научных статей. Безусловно, каждый ученый неповторим и уникален, не является исключением и профессор В. С. Ишигеев, который глубоко, по-научному и вместе с тем доступно для восприятия любому читателю формулирует названия своих статей. Их четкая формулировка в духе времени и правоприменительной практики достойно уважения: «Теория профилактики преступлений в местах лишения свободы как составная часть пенитенциарной криминологии», «Право на личную безопасность и оперативно-розыскная деятельность в следственном изоляторе», «Видовое обособление преступлений, совершаемых в местах изоляции осужденных от общества: предложения в порядке *de lege ferenda*», «Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210.1 УК РФ)», «Превышение мер обоснованного риска: уголовно-правовые аспекты», «Дискуссионные вопросы определения понятия обоснованный риск в уголовно-правовой доктрине», «Пенитенциарный преступник как объект криминологического исследования», «Психолого-криминалистический портрет: правда и вымысел», «Об ответственности юридических лиц за браконьерство», «Влияние искусства и средств массовой информации на формирование правосознания сотрудников полиции», «Междисциплинарный характер криминалистической характеристики преступлений», «Криминалистическая виктимология как новая частно-криминалистическая теория», «Криминальный професионализм в XXI веке как объект криминологического исследования», «Исламский экстремизм в местах лишения свободы как объект исследования и противодействия», «Криминальный рынок труда как неотъемлемый элемент современной преступности», «Влияние криминальной субкультуры мест лишения свободы на формирование молодежной преступности в современных условиях».

Конечно, нельзя не отметить, что В. С. Ишигеев всегда был в «тренде» современных вызовов и проблем. Как только в 2019 году в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ появилась **статья 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии»**, профессор одним из первых в научном мире уделил внимание исследованию данного состава преступления, результатом чего стала серия статей в центральной печати [7]. Особо хотелось бы отметить, что профессор уделял внимание не только уголовно-правовой характеристики: в соавторстве с профессором И. В. Смольковой исследованы криминалистические аспекты нового состава преступления [8–9].

Кроме того, многие вызовы преступности, актуальность которых сегодня не вызывает сомнений, освещены В. С. Ишигеевым еще несколько лет назад [10–12]. Об актуальности темы миграции и ее влиянии на безопасность нашего государства еще в 2015 году публично заявлял профессор: «В современной криминологической литературе недостаточно исследованным является вопрос о влиянии миграции на национальную безопасность России» [13, с. 40].

Предлагая новое в криминалистике, профессор довольно обоснованно и аргументированно, с позиции ведущих специалистов в области криминалистики, в частности, профессора Р. С. Белкина, предлагает новые учения и частные методики: «Профессор Р. С. Белкин писал, что «отдельные теоретические положения только тогда могут быть объединены в частичную теорию, когда они относятся лишь строго, говоря к определенной совокупности явлений, связанных между собой органически». В данном случае методика расследования отдельных видов преступлений в исправительных учреждениях и может представлять собой определенную совокупность явлений: преступления совершены в местах лишения свободы, т. е. в специфических условиях места, времени, при отбытии уголовного наказания или в следственном изоляторе; специфическим контингентом как осужденными, так и личным составом ФСИН, а также следователями МВД и следственного комитета России» [14, с. 360].

Необходимо отметить беспокойство, которое демонстрировал на конференциях и в научных публикациях В. С. Ишигеев относительно вопроса научного обеспечения деятельности правоохранительных органов, а именно использования достижения и научных разработок ученых в практической деятельности: «Фактически сейчас большая часть научных исследований практически не создает необходимого вклада в развитие юридической сферы борьбы с преступностью, совершенствование правосудия, получается то, что практика сама по себе, а научные изыскания – плод труда самих авторов, многие из которых и не знают, что такое преступность. А также не владеют необходимым багажом знаний, наработанных веками в определенной отрасли знаний» [15, с. 346].

Не стесняясь в оценках, В. С. Ишигеев постоянно давал оценку действующего законодательства: «Можно констатировать, что в настоящее время отсутствует концептуально оформленная стратегия по противодействию преступности в местах

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.08.2024).

лишения свободы, то есть необходима адекватная уголовно-исполнительная политика государства по реформированию уголовно-исполнительной системы для достижения целей наказания» [16, с. 22]. Анализируя новый состав преступления, установленный ст. 201.1 УК РФ, ученый высказывал свое мнение о том, что «в настоящее время в России нет правового документа, определяющего правовое положение лиц в «преступном мире» [7, с. 34].

Как истинный ученый, педагог, наставник В. С. Ишигеев не оставляет без внимания и вопрос подготовки кадров не только в контексте подготовки научно-педагогических кадров, а с точки зрения результатов такой подготовки – защиты докторской диссертации на присвоение ученой степени кандидата наук [15]. Прочитав статью, можно сказать, что это «крик души» уважаемого профессора. Вот лишь некоторые его рассуждения: «главным показателем результативности аспирантуры должна быть защита докторской диссертации», «...но что мы имеем в настоящее время в научных потугах в изучении криминологии и мер предупреждения преступности? Я ни в коем случае не оговорился, называя массу публикаций и работ научными потугами, так как вряд ли их можно назвать криминологией.», «... можно наблюдать два направления псевдонаучности. В первом случае, как указано в юридической литературе, происходит «захват» предмета криминологии, когда представители других специальностей, не имея никакого отношения к криминологии, а это: историки, политологи, экономисты и другие, выдают элементарные положения, имеющиеся в каждом учебнике криминологии, за научные достижения», «... можно констатировать, что все предложения в докторских диссертациях сводятся к лингвистическим изменениям и дополнениям уголовно-правовых норм, либо предлагаются новые термины, чаще всего иностранные, показывая тем самым свою псевдонаучность. Фактически «новизна» в уголовно-правовых работах выражается в признании неполноты и критике авторов, ранее писавших по этой проблеме. Так, что же будут исследовать несостоявшиеся кандидаты наук, исходя из рассмотренных трех дисциплин: криминалистики, криминологии и уголовного права, если соискатели ученой степени не могут в полной мере провести соответствующие исследования и самое главное – кто уполномочит преподавателей проводить изыскания в области борьбы с преступностью?».

Вне всяких сомнений, данные тезисы полезны и тем, кто сейчас занимается докторскими исследованиями, а также их научным руководителям.

Нельзя не отметить один факт, подтверждающий смысл предыдущего абзаца. Ряд учеников является приверженцем одной из тем научного познания профессора В. С. Ишигеева – исполнение наказания. Так, в 2021 году под научным руководством Владимира Степановича успешно защитил докторскую диссертацию Н. Н. Закаржевский на тему «Исполнение (отбывание) наказания в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию».

Нельзя не отметить научную «политкорректность» профессора и его трепетное, уважительное отношение к коллегам и оценку их научного, творческого пути и отдельно взятых результатов – монографии [17–19], в том числе памяти о них. Так, его статья «С Иркутском связанные судьбы (влияние на становление и развитие криминалистической науки в России ученых-криминалистов из Иркутска)» несет в себе очень серьезный воспитательно-научный потенциал – демонстрация научной

общественности, прежде всего молодым ученым, об иркутской научной школе ученых-криминалистов. В. С. Ишигеевым проанализированы труды наших земляков, опубликованные в начале и середине XX века. Вот как описывает их значение профессор: «Значительный вклад в развитие нового учения внесли иркутские ученые. Первую попытку определения советской криминалистики после Октябрьской революции предпринял профессор Иркутского государственного университета Герберт Юлианович Маннс. В 1921 г. Г. Ю. Маннс попытался дать определение советской криминалистики. Так, он считал, что криминалистика – прикладная дисциплина, которая стала самостоятельной из учения о доказательствах, и предметом ее изучения являются, «во-первых, способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (их жаргон, суеверия и т.д.) и, во-вторых, приемы расследования преступлений, включая идентификацию преступников (в кн.: Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания: сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск, 1921. Отд. I. Вып. 2. С. 147. «В 1938 г. Б. М. Шавер поставил вопрос «о предмете и методе советской криминалистики» в журнале «Социалистическая законность», отметив, что криминалистика является самостоятельной наукой, изучающей приемы и средства, необходимые для получения доказательств (в кн.: Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. 1938. № 6. С. 56.). В соавторстве с известным криминалистом А. И. Винбергом он издал учебник криминалистики, где впервые ставилась задача не только выявления виновных, но и вопросы предупреждения преступлений (в кн.: Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистический учебник для юридических школ. М., 1950. С. 4». Много теплых слов сказано про профессора В. И. Шиханова, который стоял у истоков становления и развития криминалистической школы Байкальского государственного университета: «Большой след в истории криминалистики оставил профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист России участник Великой Отечественной войны Владимир Иванович Шиханов. Защита диссертации В. И. Шиханова заслуживает внесения в Книгу рекордов Гиннесса по ее продолжительности» [20]. Тезис ученого относительно оценки своих трудов вызывает восхищение: «По отдельным вопросам, имеющим спорный характер, нами предложена своя точка зрения, которая также может быть дискуссионной. Претендовать на исчерпывающее освещение проблемы – это значит вступать в непримиримое противоречие с самим смыслом научной работы» [3, с.215].

Полагаем, такой глубокий смысл корректности в ведении научных дискуссий, а также высказывание о смысле своей научной работы показывают, что Владимир Степанович Ишигеев – действительно яркий представитель уголовно-правовой науки, полностью погруженный в нее.

Особое отношение к уголовно-исполнительному праву нашло отражение в совместном труде с доцентом В. В. Агильдиным в словаре терминов по уголовно-исполнительному праву [21], в котором довольно доступным языком дана трактовка соответствующих терминов и понятий.

Анализ научных трудов В. С. Ишигеева позволяет констатировать, что к кругу его научных интересов, помимо вопросов уголовно-исполнительного права и пенитенциарной преступности, относятся вопросы построения частных криминалистических методик и использования специальных знаний в расследовании

преступлений. Отдельно следует указать тему – «уголовно-правовая природа обоснованного риска» [22–25], которая, полагаем, заслуживает отдельного освещения.

Междисциплинарный подход научных исследований позволяет без преувеличения констатировать, что профессор В. С. Ишигеев является действительно ученым новой научной специальности «Уголовно-правовые науки».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишигеев, В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. 331 с.
2. Ишигеев, В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 142 с.
3. Ишигеев, В. С. Проблемы теории и практики расследования преступлений против личности, совершенных в местах лишения свободы (уголовно-правовые и криминалистические аспекты). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. 218 с.
4. Ишигеев, В. С., Ботоев С. Б. Право на личную безопасность и оперативно-розыскная деятельность в следственном изоляторе // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 113–114.
5. Ишигеев, В. С. До каких пор будут поощряться пытки? // Безопасность Евразии. 2007. № 19. С. 13.
6. Ишигеев, В. С., Черных Р. С. Криминальная субкультура и ее влияние на совершение преступлений в местах лишения свободы // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сб. материалов межвузовской науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 28 апреля 2017 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 157–159.
7. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33–35.
8. Ишигеев, В. С., Смолькова И. В., Пузикова А. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминалистического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45–48.
9. Ишигеев, В. С., Романова Н. Л., Лапша В. Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 2101 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 82–87.
10. Ишигеев, В. С. Исламский экстремизм в местах лишения свободы как объект исследования и противодействия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 178–181.
11. Ишигеев, В. С., Плындина О. И., Авдеев М. Е. Этнопреступность как объект криминологического познания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 43–47.

12. Ишигеев, В. С., Протасевич А. А. Криминальный рынок труда как неотъемлемый элемент современной преступности // Человек. Социум. Развитие : сб. науч. тр. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2014. С. 159–162.
13. Ишигеев, В. С., Авдеев М. Е. Миграция и национальная безопасность России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 40–43.
14. Ишигеев, В. С., Парфиненко И. П. К вопросу создания учения о «пенитенциарной криминалистике» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 томах. Том I. (г. Иркутск, 18–19 мая 2017 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 358–361.
15. Ишигеев, В. С. Критические размышления о научных исследованиях в отдельных науках криминального цикла // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Том I. (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 345–351.
16. Ишигеев, В. С., Пузикова А. В. Уголовно-исполнительная политика и ее роль в предупреждении преступлений в местах лишения свободы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 20–25.
17. Ишигеев, В. С. Рецензия на монографию В. В. Яровенко, Н. Н. Китаева, Р. Г. Ардашева «Дактилоскопическое и дерматоглифическое исследование папиллярных узоров серийных убийц» // Закон и право. 2020. № 8. С. 179–180.
18. Ишигеев, В. С. Рецензия на монографию И. В. Смольковой «Признание обвиняемым своей вины». М. : Юрлитинформ, 2017. 427 с. // Российский следователь. 2018. № 7. С. 77–80.
19. Ишигеев, В. С. Рецензия на монографию: Векленко С. В., Бавсун М. В. «Уголовно-правовая оценка субъективной, стороны состава преступления», Омск, 2006. 143 с. // Бизнес в законе. 2006. № 3–4. С. 167–168.
20. Ишигеев, В. С., Пузикова А. В. С Иркутском связанные судьбы (влияние на становление и развитие криминалистической науки в России ученых-криминалистов из Иркутска) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 118–123.
21. Словарь терминов по уголовно-исполнительному праву / сост. В. В. Агильдин, В. С. Ишигеев. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. 36 с.
22. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л. Уголовно-правовая природа обоснованного риска: *de lege lata* // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 89–93.
23. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л. Обоснованный риск в сравнении с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 81–87.
24. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л. Основания классификации рисков и их уголовно-правовая оценка // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 4 (18). С. 28–30.

25. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л. Сравнительный анализ нормы обоснованного риска по уголовному законодательству Республики Болгария и России // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 5. С. 24–26.

REFERENCES

1. Ishigeev V. S. Penitentiary crimes: characteristics, prevention, responsibility. dissertation ... doctor of law. Krasnoyarsk 2004. 331 p.
2. Ishigeev V. S. The situation of the crime as an element of its forensic characteristics: dissertation ... candidate of law: St. Petersburg, 1996. 142 p.
3. Ishigeev V. S., Botoev S. B. Problems of the theory and practice of investigating crimes against the person committed in places of deprivation of liberty (criminal-legal and forensic aspects). Irkutsk: Publishing house of BSUEL, 2002. 218 p.
4. Ishigeev V. S. The right to personal security and operational-search activities in a pre-trial detention center // Business in law. 2009. No. 2. P. 113-114.
5. Ishigeev V. S. How long will torture be encouraged? // Security of Eurasia. - 2007. - No. 19. - P. 13.
6. Ishigeev V. S., Chernykh R. S. Criminal subculture and its influence on the commission of crimes in places of deprivation of liberty // Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement: Collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference, Irkutsk, April 28, 2017 / Editor-in-chief P. A. Kapustyuk. Editor-in-chief R.A. Zabavko. - Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. P. 157-159.
7. Ishigeev V.S., Lapsha V. L. Occupying a high position in a criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues / Russian judge. 2020. No. 6. P. 33-35
8. Ishigeev V. S., Smolkova I. V., Puzikova A. V. Occupying a high position in a criminal hierarchy as an object of forensic research // Russian investigator. - 2020. No. 11. P. 45-48.
9. Ishigeev V. S., Romanova N. L., Lapsha V. L. Criminal subculture and its role in determining the highest position in the criminal hierarchy (questions of qualification of Article 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (93). P. 82-87.
10. Ishigeev V. S. Islamic extremism in places of deprivation of liberty as an object of research and counteraction // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (84). P. 178-181.
11. Ishigeev V. S., Plyndina O. I., Avdeev M. E. Ethnic crime as an object of criminological knowledge // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (75). P. 43-47.
12. Ishigeev V. S., Protasevich A. A. Criminal labor market as an integral element of modern crime // Man. Society. Development: Collection of scientific papers. - Irkutsk: Baikal State University, 2014. P. 159-162.
13. Ishigeev V. S., Avdeev M. E. Migration and national security of Russia // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4(75). P. 40-43.
14. Ishigeev V. S., Parfinenko I. P. On the issue of creating a doctrine of "penitentiary forensics" // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: a collection of materials from the XXII international scientific and practical conference: in 2 volumes, Irkutsk, May 18-19, 2017. Vol. I. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. P. 358-361.

15. Ishigeev V. S. Critical reflections on scientific research in individual sciences of the criminal cycle // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: a collection of materials from the XXI international scientific and practical conference, Irkutsk, May 26-27, 2016. Vol. I. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. P. 345-351.
16. Ishigeev V. S., Puzikova A. V. Penal policy and its role in preventing crimes in places of deprivation of liberty // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2019. No. 2 (24). P. 20-25.
17. Ishigeev V. S. Review of the monograph by V. V. Yarovenko, N. N. Kitaev, R. G. Ardashev "Fingerprinting and dermatoglyphic study of papillary patterns of serial killers" // Law and Order. 2020. No. 8. P. 179-180.
18. Ishigeev V. S. Review of the monograph by I. V. Smolkova "The accused's confession of guilt" (Moscow: Yurlitinform, 2017. 427 p.) // Russian investigator. 2018. No. 7. P. 77-80.
19. Ishigeev V. S. Review of the monograph: Veklenko S. V., Bavsuna M. V. "Criminal-legal assessment of the subjective side of the crime", Omsk, 2006 - 143 p. // Business in law. 2006. No. 3-4. P. 167-168.
20. Ishigeev V. S., Puzikova A. V. Fates connected with Irkutsk (the influence of forensic scientists from Irkutsk on the formation and development of forensic science in Russia) // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (85). P. 118-123.
21. Dictionary of terms on criminal-executive law / compiled by V. V. Agildin, V. S. Ishigeev. Irkutsk: Publishing house of BSUEL, 2013. 36 p.
22. Ishigeev V. S., Lapsha V. L. Criminal-legal nature of justified risk: de lege lata // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1(50). pp. 89-93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор, исполняющий обязанности ректора. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

Антонов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Gribunov Oleg Pavlovich, doctor of Law, Professor, Acting Rector of Baikal State University. 664003, Irkutsk, 11 Lenina str.

Antonov Vladimir Aleksandrovich, candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Examinations and Legal Psychology. Baikal State University. 664003, Irkutsk, 11 Lenina str.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 135–147.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 135–147.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.10.013

РАСКРЫТИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Иванов Пётр Иванович, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, IvanovPI1952@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается вопрос, связанный с декриминализацией объектов потребительского рынка, на которых в последнее время налоговые преступления получили некоторое распространение.

В рамках настоящей статьи автор предпринял попытку предложить на основе выборочного изучения монографических работ, оперативно-следственной практики, а также складывающейся криминогенной ситуации научной общественности авторский примерный вариант структурно-содержательной модели оперативно-розыскной методики раскрытия налоговых преступлений на указанных объектах. Необходимость ее разработки обусловлена прежде всего следующими факторами: традиционные формы и методы в новых условиях цифровизации срабатывают не в полной мере; имеющиеся наработки в этом плане сильно устарели; предпринимаемые меры (например, дробление бизнеса или совершение многоходовых финансовых операций) со стороны криминальных структур способствуют дальнейшей криминализации налоговой сферы; необходимость поиска дополнительных источников финансирования принятых национальных проектов (программ) перед всеми государственными органами стоит сегодня весьма остро.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили монографические работы, научные статьи, а также отдельные открытые документы, отражающие оперативно-следственную практику. В процессе работы над статьей были использованы общетеоретические (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез) и специально-юридические (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов) методы, позволившие исследовать соответствие структурно-содержательных элементов (объект, субъект, цели, задачи, функции, принципы, закономерности) предлагаемой нами методике раскрытия налоговых преступлений на указанных объектах.

Результаты исследования. Нами представлен примерный авторский вариант структурно-содержательной модели оперативно-розыскной методики раскрытия налоговых преступлений на указанных объектах, который может быть положен в основу разработки самой методики, призванной служить инструментом выявления и раскрытия названных видов преступлений. Многолетняя практика доказала, что научно выверенная методика позволяет избежать возможных проб и ошибок при их решении.

Выводы и заключения. В результате исследования установлено, что с точки зрения системно-структурного анализа раскрытие налоговых преступлений следует рассматривать в виде системы, состоящей из таких слагаемых, как «выявление – документирование – легализация полученных данных в процессе расследования дел». Представляется, что только строгое соблюдение при этом установленных законодательных и иных норм и правил позволяет достичь преследуемой раскрытием цели – изобличения преступников в содеянном.

Ключевые слова: оперативно-розыскная методика, раскрытие, налоговые преступления, потребительский рынок, цифровизация, подразделения ЭБиПК

Для цитирования: Иванов П. И. Раскрытие налоговых преступлений с сфере потребительского рынка в условиях цифровизации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 135–147.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.10.013

5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

DETECTION OF TAX CRIMES IN THE CONSUMER MARKET IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION

Peter I. Ivanov, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, IvanovPI1952@yandex.ru

Introduction: The article considers the issue of decriminalization of consumer market facilities, where tax offenses have recently become widespread. Within the framework of this paper, the author attempts to offer, based on a selective study of scientific works, operational practice, and emerging criminological situations, an approximate version of a structural and content-based model for operational and investigatory methods for detecting tax crimes in these facilities. The need to develop this model is primarily due to several factors: traditional methods and techniques in the digital age are not fully effective; existing solutions are outdated; actions taken by criminal organizations (such as splitting businesses or conducting multiple financial transactions) contribute to the further criminalization of taxation; and the need to fund national projects (programs) before government agencies.

Materials and Methods: The research materials included monographic works and scientific articles, as well as individual documents reflecting operational investigative practice. In the course of working on this article, general theoretical and specific legal

methods were employed, which allowed us to investigate the conformity of the structural and substantial elements of the proposed methodology for detecting tax crimes in these facilities.

The Results of the Study: we have presented an approximate version of the author's structural and substantive model for the operational investigative methodology of tax crime detection at these facilities. This model can be used as a basis for developing the methodology itself. It is designed to serve as an instrument for identifying and detecting these types of crimes. Long-term practice has shown that a scientifically validated methodology allows you to avoid trial and error when solving these problems.

Findings and Conclusions: as a result of the study, it was found that, from the point of view of systematic structural analysis, disclosure of tax crime should be considered as a system comprising such components as «identification - documentation - legalization of data obtained during the investigation of cases.» It seems that strict observance of established legislative and other regulations is necessary to achieve the goal of disclosure - exposing criminals for their actions.

Keywords: operational investigative methodology, disclosure, tax crimes, consumer market, digitalization, EBiPK units

For citation: Ivanov P. I. Raskrytie nalogovyh prestuplenij s sfere potrebitel'skogo rynka v usloviyah cifrovizacii [Disclosure of tax crimes in the consumer market in the context of digitalization]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111). Pp.135–147. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.10.013

Раскрытие налоговых преступлений на объектах сферы потребительского рынка является одной из основных задач подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне. Это обусловлено целым рядом обстоятельств, в том числе дальнейшей криминализацией не только налоговой сферы, но и объектов потребительского рынка¹. На это указывает и рост количества выявленных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»). Для убедительности приведем данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» за пять последних лет – с 2019 по 2023 гг. В 2019 г. было выявлено 2 факта, в 2020 г. – 13, в 2021 г. – 6, в 2022 г. – 7, а в 2023 г. – 11. В связи со сказанным определенный интерес представляет количество выявленных преступлений коррупционной направленности на объектах потребительского рынка за указанный период. В 2019 г. было выявлено 1 370 фактов, в 2020 г. – 1 133, в 2021 г. – 1 237, в 2022 г. – 1 504, наконец, в 2023 г. – 1 301. Думается, что криминальные структуры, орудовавшие на рассматриваемых объектах, не могли обойтись без помощи коррупционеров, стремясь реализовать свои планы. Многочисленные выявленные

¹ Приведем общепринятое понятие «потребительский рынок». Это организации различных организационно-правовых форм, а также индивидуальные предприниматели, занимающиеся производством товаров для реализации, реализацией товаров по договору купли-продажи, выполнением работ или оказанием по возмездному договору следующих видов услуг: бытовых, транспортных, связи, жилищно-коммунальных, туристических, медицинских, санаторно-оздоровительных, правового характера и прочих, исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд граждан, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В укрупненном виде структура потребительского рынка состоит из рынков продовольственных и непродовольственных товаров, удовлетворяющих потребности населения в товарах и услугах.

факты преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ¹, и преступлений коррупционной направленности, на наш взгляд, не исключают наличие их взаимосвязи.

Чтобы увидеть, как выглядят вышеназванные данные в общем массиве налоговых преступлений, приведем их динамику также за пять последних лет. Заметим, по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», наблюдается некоторое снижение числа зарегистрированных фактов преступлений налоговой направленности. Для наглядности укажем их: в частности, подразделениями ЭБиПК выявлено в 2019 г. – 3 737, в 2020 г. – 3 519, в 2021 г. – 3 881, в 2022 г. – 3 824, в 2023 г. – 3 375. Мы со своей стороны полагаем, что из-за высокого уровня их латентности (этот показатель, по нашим данным, в сфере потребительского рынка составляет свыше 75 %) вряд ли эти цифры отражают реальное положение дел, а потому картина динамики снижения, на наш взгляд, выглядит несколько парадоксально.

Вопросы, связанные с определением понятия «раскрытие преступлений», вообще, среди процессуалистов, криминалистов и специалистов теории ОРД и в настоящее время продолжают оставаться предметом обсуждения, поскольку каждая область знания истолковывает его, исходя из своего объекта, предмета и метода, то есть совокупности приемов и средств, с помощью которых раскрываются закономерности осуществления данного вида деятельности.

Между тем исследователи придерживаются единого мнения в части рассмотрения анализируемого понятия в узком и широком смысле этого слова. При этом хотим уточнить, что данное понятие в научном плане, как правило, толкуется в трех значениях:

- а) как процесс – совокупность последовательных действий для достижения его результата;
- б) вид деятельности по обнаружению (объяснению) криминального тайного события, чтобы оно стало известным, публичным;
- в) принятие системы оперативно-розыскных и криминалистических мер, имеющих целью раскрутки указанного события путем открытия сомкнутых (сложенных) ее компонентов.

Сторонники, отстаивающие раскрытие преступления как процесс [1, с. 21; 2, с. 96–101], очерчивают его границы, указав от зарегистрированного факта до решения суда. На всем протяжении, чтобы выйти на лицо, совершившее нераскрытое преступление, возникает острая потребность разработки и принятия системы комплекса мер, хотя авторы, предлагая научной общественности свое определение, об этом почему-то умалчивают. Как нам представляется, целенаправленная оперативно-розыскная работа, осуществляемая в рамках такой оперативно-тактической ситуации, как «от факта неочевидного преступления – к лицу, его совершившему», как правило, обеспечивает успешное решение указанной проблемы. Названное нами обстоятельство выступает одним из атрибутов процесса раскрытия. Кроме того, трудно согласиться с высказанной позицией в части завершения процесса раскрытия наличием по уголовному делу судебного решения. Мы же полагаем, что такое решение должно

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.02.2024).

вступить в законную силу. Только тогда, по нашему мнению, можно вести речь о завершении принятия системы мер, включая оперативно-розыскные мероприятия, по конкретному уголовному делу о преступлении налоговой направленности.

Возвращаясь к тезису о понятии раскрытия преступлений в узком и широком смысле, следует отметить, что анализируемый вид деятельности как процесс, на наш взгляд, раскрывает его в широком смысле слова, т. к. охватывает много этапов, а именно: доследственную оперативную проверку поступившей информации о совершенном неочевидном преступлении (первоначальный и последующий стадии ее проверки), расследования преступлений и судебного разбирательства. Что же касается понимания раскрытия преступлений в узком смысле, то в этом отношении приведем точку зрения профессора Э. И. Бордиловского¹, который указанный вид деятельности видит только в принятии организационных мер, тогда как правовые, экономические, информационные, тактические и иные меры остались за скобками, что, считаем, недопустимо при решении указанной задачи, успешное решение которой немыслимо без принятия перечисленных нами мер. В системе правовых мер оперативно-розыскные и процессуальные, разумеется, играют существенную роль в силу их реальных возможностей в установлении и закреплении источников и носителей доказательственной информации.

Как мы уже отмечали, помимо изложенных двух точек зрения существует и третья [3, с. 4–49], суть которой сводится к принятию системы оперативно-розыскных и криминалистических мер, имеющих целью раскрутку указанного события путем открытия сомкнутых (сложенных) ее компонентов [4, с. 250–254; 5, с. 545–549]. Как видим, в этой системе ярко выражено тесное сочетание гласных и негласных мер.

От общих рассуждений мы хотим читателя переключить на заявленную нами тему – раскрытие налоговых преступлений в сфере потребительского рынка в условиях цифровизации. В названном ключе многие исследователи [6, с. 144; 7, с. 198–199; 8, с. 20] раскрытие рассматривают как выявление, в частности, подразделениями ЭБиПК путем использования оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий обстоятельств преступления и лиц, его совершивших, установление и проверку фактических данных, подтверждающих противоправную деятельность этих лиц, обеспечение возможности использования в установленном порядке полученных данных в качестве доказательств в ходе расследования указанной категории уголовных дел.

Как нам представляется, при всем многообразии дефиниций суть их одна: раскрытие, в частности, экономических, в том числе налоговых, преступлений предполагает изобличение виновных в содеянном, возмещение причиненного ущерба, установление обстоятельств, способствующих совершению или сокрытию данных видов преступлений. Одновременно подчеркивается, что раскрытие названных видов преступлений оперативным путем несколько отличается от уголовно-процессуального его понимания. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»² перед

¹ По мнению Э. И. Бордиловского, деятельность по раскрытию преступлений включает систему организационных мер, оперативно-розыскных и следственных действий, осуществляемых органами дознания и предварительного следствия, направленных на обнаружение факта преступления, установление обстоятельств его совершения, виновных лиц и обеспечение применения к ним наказания в соответствии с законом.

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 15.02.2024).

органами, осуществляющими ОРД, ставит наряду с другими две взаимосвязанные задачи: раскрытие преступлений и установление имущества, подлежащего конфискации. Многолетняя практика, а также результаты выборочного изучения убедительно показывают, что одними процессуальными мерами без оперативно-розыскного обеспечения решить указанные задачи крайне затруднительно, т. к. среди зарегистрированных фактов налоговых преступлений, совершенных на объектах потребительского рынка, немало деяний в организованной форме с применением замаскированных способов изъятия из легального оборота денежных средств.

Специалистами в области теории ОРД доказано, что оперативно-розыскная работа по раскрытию любых видов преступлений, как правило, осуществляется в двух формах: «от преступления – к лицу» и «от лица – к преступлению». Первая форма наиболее характерна для деятельности подразделений уголовного розыска, т. к. удельный вес нераскрытых (неочевидных) преступлений по данной линии доминирует, например, число краж (ст. 158 УК РФ) доходит во многих регионах до 70 %. Что же касается второй формы, то она характерна для ОРД подразделений ЭБиПК. Уже первичная информация о совершаемом хищении бюджетных средств, к примеру, путем незаконного возмещения налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц, как правило, содержит сведения о лице, причастном к его совершению. Поэтому оперативно-розыскные меры, принимаемые подразделениями ЭБиПК в целях проверки имеющейся информации, осуществляются в рамках названной нами формы. Подтверждением тому служат результаты изучения архивных уголовных дел. Почти 80 % от общего числа изученных материалов проверки оказались подпадающими под схему: «от лица – к преступлению». Между тем, как показывает исследование, особенности того или иного вида преступления накладывают свой отпечаток при формулировании типичных оперативно-тактических ситуаций. Применительно к рассматриваемой нами категории преступлений ими чаще всего являются:

- 1) «от результатов поисковой работы – к механизму подготовки и совершения налогового преступления»;
- 2) «от подучётного лица – к признакам указанного деяния»;
- 3) «от формирования умысла – к мерам по его пресечению»;
- 4) «от имеющихся в распоряжении подразделений ЭБиПК оперативных данных – к их проверке на предмет установления признаков рассматриваемого вида преступления»;
- 5) «от информации налогового органа – к их закреплению оперативным путем»;
- 6) «от оперативных материалов подразделений ЭБиПК по окраске «налоговое преступление» – к выездной налоговой проверке».

Следует заметить, что приведенный нами перечень ситуаций не исчерпывает все известные практике случаи.

Наряду с вышеуказанными типичными ситуациями выделяют также такие:

- «от поданной в налоговый орган декларации – к неправомерному возмещению налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц»;
- «от оперативно-розыскных данных подразделений ЭБиПК – к искусственноому «дроблению» бизнеса» или «от применения специальных налоговых режимов – к искусственноому «дроблению» бизнеса».

Успешное решение задачи, связанной с раскрытием налоговых преступлений в рассматриваемой сфере, во многом зависит от упорядоченности деятельности. Такая

точка зрения высказана многими специалистами в области теории ОРД [9, с. 116–134] и в последнее время получила некоторое распространение. Автор, присоединяясь к ней, считает целесообразным на основе проведенного им исследования выделить относительно самостоятельные этапы процесса раскрытия налоговых преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка. Такими этапами, по его мнению, являются:

1) Рассмотрение заявлений и сообщений о совершении хищений на объектах сферы потребительского рынка путем незаконного возмещения налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц. По результатам их рассмотрения принимается процессуальное решение, поскольку здесь речь идет об организации совместной деятельности подразделений ЭБиПК и следственных подразделений территориальных органов МВД России по раскрытию и расследованию налоговых преступлений, совершенных на потребительском рынке.

2) Документирование преступных действий лиц, подготавливающих либо совершающих указанные деяния, на всем протяжении: с момента заведения дела оперативного учета до вступления приговора суда в законную силу. Одной из задач на этом этапе выступает нейтрализация противодействия подозреваемых и их окружения на правоохранителей.

3) Представление результатов ОРД следователю (копии документов, объяснения, постановления суда на прослушивание телефонов и расшифровка разговоров подозреваемых и т. п.).

4) Оценка следователем (руководителем следственного и оперативного подразделения) результатов ОРД с точки зрения полноты и объективности собранных данных негласным путем на каждого подозреваемого. При этом они стремятся найти ответ на вопросы: есть ли признаки преступлений в отношении них? кто организатор, пособник, исполнитель?

5) Создание при необходимости следственно-оперативной группы (многоэпизодное преступление, множество подозреваемых, большой ущерб, организованная межрегиональная преступная группа).

6) Оперативное сопровождение расследования налоговых преступлений, совершенных на объектах сферы потребительского рынка.

7) Оперативное сопровождение судебного разбирательства уголовного дела (документирование, нейтрализация противодействия, установление дополнительно свидетелей, документов, ценностей, защита экспертов, свидетелей, специалистов и т. п.).

8) Представление результатов ОРД в суд (полнота, сохранность вещественных доказательств, аудио-, видеозаписи т. п.).

9) Оценка результатов рассмотрения уголовного дела в суде (ошибки, недостатки, упущения). Оценивают руководители следственного и оперативного подразделения, чтобы в дальнейшем не допустить ошибки при сборе доказательств и расследовании уголовного дела.

Как нам представляется, перечисленные условно выделенные нами этапы, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. Однако раскрытие содержания каждого из них занимает большой объем в настоящей статье, что, на наш взгляд, не позволяет при установленном его ограничении реализовать такое желание.

Опираясь на полученные нами результаты исследования, мы обобщили и систематизировали обстоятельства, обуславливающие специфику применения

подразделениями ЭБиПК, обслуживающими объекты сферы потребительского рынка, оперативно-розыскных мер в целях раскрытия преступлений налоговой направленности. К их числу автор относит:

- многообразие законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения (преимущественно торгово-посреднические и финансово-бюджетные) в сфере потребительского рынка, что предполагает знание их сотрудниками указанных подразделений;
- выделение государством в рамках реализации в инфраструктуре потребительского рынка национальных проектов (программ) огромных сумм денег предпринимателям-бюджетополучателям без предварительного создания соответствующего механизма защиты бюджетных средств от преступных посягательств;
- некоторая разобщенность действий правоохранительных и контрольно-надзорных органов в обеспечении налоговой безопасности рассматриваемой сферы, а также сохранности и целевого расходования средств, направляемых на практическую реализацию принятых национальных проектов;
- совокупность изощренных способов уклонения от уплаты налогов и сборов, к которым криминально активные лица прибегают в рассматриваемой нами сфере;
- своеобразие механизма образования и проявления идеальных, материальных и цифровых следов при незаконном возмещении налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц. Говоря об этом, на наш взгляд, мы невольно натыкаемся на понятие «цифровизации», которая в научно-теоретическом плане нами понимается, если ее рассмотреть через призму противодействия (раскрытие – неотъемлемый его элемент), как действенный инструмент борьбы с налоговой преступностью в сфере потребительского рынка в двух смыслах: узком и широком [10, с. 317; 11, с. 211]. В узком смысле цифровизация есть преобразование в процессе раскрытия налоговых преступлений аналоговой информации в цифровую форму. В широком же смысле она представляет собой современный тренд развития процесса раскрытия преступлений указанных видов, который основан на сборе, анализе, обработке, хранении и использовании результатов систематизации больших данных (искусственный интеллект) при решении названной задачи в налоговой сфере¹;
- многообразие криминальных ситуаций, встречающихся в практической деятельности подразделений ЭБиПК. Порой они трудно поддаются типизации, чтобы выработать под них алгоритмы действий по их отработке;
- характер и содержание выдвигаемых оперативно-розыскных версий в рамках оперативно-тактических ситуаций;

¹ В настоящее время специфика цифровизации в налоговой сфере характеризуется: сплошной цифровизацией налогового администрирования, а также учет и контроль сделок между крупными налогоплательщиками посредством информационных систем АИС Налог-3 (бизнес-процессов); реальной возможностью передачи по телекоммуникационным каналам связи различной налоговой отчетности в электронном виде; формированием налоговыми органами обширной базы данных о субъектах предпринимательской деятельности (налогоплательщиках) и проводимых ими финансово-хозяйственных операциях; переходом ФНС России на основе риск-ориентированного подхода на новый порядок администрирования налога на добавленную стоимость (НДС); возможностью дистанционного получения сведений о работе предпринимателя или юридического лица. Эти новеллы накладывают свой отпечаток на процесс раскрытия налоговых преступлений.

- формы и способы противодействия криминальной среды сотрудникам подразделений ЭБиПК, применяющих оперативно-розыскные меры по их преодолению;
- низкое профессиональное мастерство сотрудников ЭБиПК, обслуживающих объекты потребительского рынка;
- высокий уровень оснащенности криминальных структур, орудующих в рассматриваемой сфере, современными техническими средствами объективного контроля;
- адаптирование криминально активными лицами электронных средств платежей в своих преступных целях;
- отсутствие современных методических рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц, разработанных на основе обобщения передового опыта.

Несмотря на имеющиеся сложности и трудности, с которыми сталкиваются в процессе раскрытия налоговых преступлений подразделения ЭБиПК в рамках своих полномочий, успешно решается множество задач. Мы их, учитывая данное обстоятельство, условно распределили по четырем взаимосвязанным группам:

1) *Общие*, которые прямо закреплены в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». К их числу мы относим также задачи, определенные Уголовным и Уголовно-процессуальным законом в части, касающейся наряду со многими другими охраны собственности от преступных посягательств. Заметим, например, обстоятельства, подлежащие документированию в процессе оперативной доследственной проверки, во многом совпадают с обстоятельствами, подлежащими доказыванию (ст. 73 УПК РФ¹).

2) *Частные*, охватываемые той или иной оперативно-тактической ситуацией (выдвигаемые в их рамках версии), для отработки которой задействованы силы, средства, методы ОРД и проводимые с их помощью (использованием) оперативно-розыскные мероприятия. Среди задач этой группы мы особо выделим необходимость установления фиктивности финансово-хозяйственных взаимоотношений между организациями («дробление» бизнеса), вскрытия фактов сокрытия доходов путем использования посреднических аффилированных фирм, в том числе зарегистрированных в офшорных зонах.

3) *Особо важные*, продиктованные прежде всего замыслом заведенного в установленном порядке дела оперативного учета. Например: умышленное уменьшение (занижение) юридическим или физическим лицом размера полученной прибыли (дохода) от налогообложения; установление бенефициара (выгодоприобретателя) от подобного рода противоправных операций; установление похищенных денежных средств, а также имущества лиц, причастных к совершению налогового мошенничества, с целью последующего наложения ареста и возмещения имущественного ущерба.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2024).

4) *Специальные*, связанные с внедрением в преступные схемы ИТ-технологий. К числу задач этой группы мы относим: определение IP-адресов, с которых осуществлялась подача налоговых деклараций; выяснение механизма обеспечения анонимности при совершении финансовых операций (сделок); установление следовой картины налогового преступления при подаче электронной налоговой декларации (электронной налоговой отчетности); определение процесса легализации (отмывания) доходов, полученных от совершения налоговых преступлений; установление источников финансирования транснациональной организованной налоговой преступности [12, с. 46–53], а также предмета взятки высокопоставленным чиновникам налоговых органов с широкими полномочиями. Многие задачи указанной группы возникают по уголовным делам о преступлениях, связанных с хищением бюджетных денежных средств путем незаконного возмещения налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц.

Проведенное нами выборочное исследование показывает, что цель раскрытия налоговых преступлений – изобличение причастных к их совершению лиц – может быть достигнута лишь путем успешного решения вышеперечисленных задач.

Одним из основных условий решения названных задач выступает документирование преступных действий лиц, понимаемое нами как вид деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению фактических данных об их причастности к совершению налогового преступления и обеспечению возможности использования этих данных в процессе доказывания. На примере одной оперативно-тактической ситуации («от налоговой декларации – к неправомерному возмещению налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц») хотим показать, каким образом путем документирования удается закрепить противоправные действия криминально ориентированных лиц. В указанных целях считаем целесообразным:

- запросить в региональном подразделении ФНС России выписки из ЕГРЮЛ по проверяемому объекту, сведения (справки) о движении денежных средств по расчетным счетам (как правило, в налоговом органе они уже имеются, так как мероприятия налогового контроля проводились);
- одновременно с этим запросить в налоговом органе налоговые декларации по НДС за интересующие налоговые периоды, которые содержат сведения из «Книги покупок», «Книги продаж» и дополнительных листов к ним, а также журналы учета полученных и выставленных счетов-фактур;
- полученные торгово-посреднические документы, учтённые в «Книге покупок», послужившие основанием для получения вычета по НДС, следует тщательно изучить с привлечением специалиста-ревизора с целью проверки правильности их составления. Для этого по полученным первичным документам назначить проведение оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов», передав их специалистам-ревизорам отдела документальных исследований;
- посредством проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий («опроса», «наведения справок», «наблюдения») и дачи заданий негласным сотрудникам выяснить, не использовались ли в договорных отношениях вместо субъектов, не являющихся налогоплательщиками НДС, подставные юридические лица, обязанные платить в федеральный бюджет налог на добавленную стоимость, для получения права на налоговый вычет. Таким путем проверяются не только сами фигуранты, но и контрагенты на предмет их аффилированности. Это чаще всего имеет

место тогда, когда руководителем юридического лица заключены фиктивные гражданско-правовые договоры (купли-продажи, поставки, подряда и другие), что повлекло составление документов, содержащих заведомо ложные сведения, с одновременным снижением НДС;

- при установлении признаков преступления провести проверку в порядке, предусмотренном ст. ст. 144–145 УПК РФ.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, следует откровенно заявить, что на сегодня среди специалистов разных областей знаний, включая теорию ОРД, нет единства в понимании сути (квинтэссенции) раскрытия преступлений. Между тем, следует признать, что наличие множества идей, позиций, взглядов свидетельствует о проявлении научной общественностью повышенного интереса к затронутому нами вопросу. Думается, что только углубленное его познание поможет найти наиболее приемлемое решение в новых условиях – условиях цифровизации.

Во-вторых, с точки зрения системно-структурного анализа понятия «раскрытие преступлений» следует его рассматривать в виде системы, состоящей из множества слагаемых, в том числе обнаружения признаков, указывающих на совершение налоговых преступлений, и документирования названных деяний. Тщательное изучение всех звеньев системы позволяет создать общий термин, раскрывающий их причинно-следственные связи, черты и свойства, а также тенденции развития с учетом современных реалий.

В-третьих, налоговая преступность и сфера потребительского рынка как объекты исследования в анализируемом контексте. В такой связке они, на наш взгляд, представляют базовую модель теории ОРД. При этом заслуживает особого внимания сам механизм их взаимозависимости (взаимопроникновения) при осуществлении деятельности по раскрытию преступлений налоговой направленности в указанной сфере.

В-четвертых, предлагаемый нами примерный вариант методики раскрытия налоговых преступлений представляет собой научно выверенный алгоритм действий сотрудников подразделений ЭБиПК в соответствии с криминальной ситуацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / 3-е изд., перераб. и доп.; под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 21.
2. Проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник избранных работ В. А. Лукашова / сост. К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, А. С. Вандышев. М. : ВНИИ МВД России, 2000. С. 96–101.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С.4–49.
4. Иванов П. И. К вопросу о модернизации методики расследования преступлений // Закон и право. 2024. № 2. С. 250–254.
5. Иванов П. И. Системный комплекс мер по криминалистическому и оперативно-розыскному обеспечению расследования преступлений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 545–549.

6. Синилов Д. К. Системный метод в борьбе с экономическими преступлениями (по материалам аппаратов БЭП) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 144.
7. Антонов В. В. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в аграрном секторе экономики (по материалам подразделений БЭП ОВД) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 198–199.
8. Марзаев Э. В. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в сфере государственных внебюджетных фондов (по материалам подразделений БЭП) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.
9. Данилов А. М., Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Предупреждение и раскрытие экономических преступлений в сфере бюджетного финансирования : монография. М., 2010. С. 116–134.
10. Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики : монография / П. И. Иванов, П.В. Викулов, М. А. Лобанов и др.; под ред. П. И. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 317.
11. Налоговая преступность: современное состояние, тенденции и меры борьбы с ней : монография / Д. Н. Архипов, П. И. Иванов, М. А. Лобанов и др. Рязань, 2012. 211 с.
12. Иванов П. И., Шитов А. С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 46–53.

REFERENCES

1. Goryainov K. K., Ovchinsky V. S., Sinilov G. K. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Theory of operational investigative activity]. Moscow, 2014, p.21.
2. Lukashov V. A. Problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Problems of operational investigative activity]. Moscow, 2000, pp. 96-101.
3. Averianova T. V., Belkina R. S. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noj militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya [Criminalistic support for the activities of criminal police and preliminary investigation bodies]. Moscow, 1997. pp. 4-49.
4. Ivanov P. I. K voprosu o modernizacii metodiki rassledovaniya prestuplenij [On the issue of modernization of methods of investigation of crimes]. Zakon i pravo – Law and law. 2024, no. 2, pp.250-254.
5. Ivanov P. I. Sistemnyj kompleks mer po kriminalisticheskому i operativno-rozysknому obespecheniyu rassledovaniya prestuplenij [A systematic set of measures for criminalistic and operational investigative support of crime investigation]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the state: theory and practice. 2024, no. 6 (234), pp.545-549.
6. Sinilov D.K. Sistemnyj metod v bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami (po materialam apparatov BEP): Dis. ... kand. yurid. nauk [A systematic method in the fight against economic crimes (based on the materials of the BEP apparatus): Dis. ... cand. Jurid. Sciences]. Moscow, 2001, p.144.
7. Antonov V.V. Operativno-rozysknye mery po bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami v agrarnom sektore ekonomiki (po materialam podrazdelenij BEP OVD): Dis. ... kand. yurid. nauk [Operational investigative measures to combat economic crimes in

the agricultural sector of the economy (based on the materials of the departments of the Department of Internal Affairs): Dis. ... cand. Jurid. Sciences]. Moscow, 2003, pp.198-199.

8. Marzaev E.V. Operativno-rozysknye mery po bor'be s ekonomiceskimi prestupleniyami v sfere gosudarstvennyh vnebyudzhetnyh fondov (po materialam podrazdelenij BEP): Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Operational investigative measures to combat economic crimes in the field of state extra-budgetary funds (based on the materials of BEP units): Abstract. ... cand. Jurid. Sciences]. Moscow, 2009, p.20.

9. Danilov A.M., Ivanov P.I., Shegabudinov R.S. Preduprezhdenie i raskrytie ekonomiceskikh prestuplenij v sfere byudzhetnogo finansirovaniya: Monografiya [Prevention and disclosure of economic crimes in the field of budget financing: Monograph]. Moscow, 2010, pp.116-134.

10. Ivanov P.I., Vikulov P.V., Lobanov M. A. Bor'ba s nalogovoj i korrupcionnoj prestupnost'yu. Voprosy teorii i praktiki [Combating tax and corruption crimes. Questions of theory and practice]. Moscow, 2011. p. 317

11. Arkhipov D. N., Ivanov P. I., Lobanov M. A. Nalogovaya prestupnost': sovremennoe sostoyanie, tendencii i mery bor'by s nej: monografiya [Tax crime: the current state, trends and measures to combat it: monograph]. Ryazan, 2012, 211 p.

12. Ivanov P.I., Shitov A.S. Transnacional'naya organizovannaya nalogovaya prestupnost' kak ugroza nalogovoj bezopasnosti (mery operativno-rozysknogo protivodejstviya) [Transnational organized tax crime as a threat to tax security (operational investigative counteraction measures)]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2020, no. 4 (57), pp.46-53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Пётр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра. Академия управления МВД России. 125080, г. Москва, улица Волоколамское шоссе, д. 3, кв. 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Peter Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for Research on Problems of Sectoral Management of the Scientific Research Center. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125080, Moscow, 3 Volokolamsk Highway str., apt. 8.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 11.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С.148–157.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 148–157.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.973

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.73.36.014

КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП НА РЫНКЕ ОХРАННЫХ УСЛУГ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Кондратюков Сергей Сергеевич, Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, Mr.Skandalist@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические аспекты незаконной деятельности частных охранных организаций в современной России при совершении коммерческого подкупа на рынке охранных услуг, предусмотренного ст. 204 УК РФ; анализируются негативные экономические и социальные последствия этого явления, излагаются меры предупреждения, а также предложения по повышению эффективности расследования и раскрытия данного вида преступления.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность частных охранных организаций, материалы судебной практики, статистические данные. При подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования позволили выявить особенности коммерческого подкупа на рынке охранных услуг, определить детерминанты данного вида преступления, предложить меры противодействия и направления совершенствования российского законодательства.

Выводы и заключения. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что коммерческий подкуп на рынке охранных услуг негативно влияет на развитие конкуренции, способствует росту коррупции, снижает качество предоставляемых услуг, что в свою очередь ослабляет защищенность охраняемых объектов от преступных посягательств.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, частные охранные организации, рынок охранных услуг, причины и условия; правоохранительные органы

Для цитирования: Кондратюков С. С. Коммерческий подкуп на рынке охранных услуг: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 148–157.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.73.36.014

© Кондратюков С. С., 2024

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

COMMERCIAL BRIBERY IN THE SECURITY SERVICES MARKET: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Sergei S. Kondratyukov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Omsk, Mr.Skandalist@mail.ru

Introduction: the article examines the criminal legal and criminological aspects of the illegal activities of private security organizations in modern Russia when committing commercial bribery in the security services market, provided for in Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, the negative economic and social consequences of this phenomenon are analyzed, preventive measures are proposed, as well as proposals for increasing the efficiency of the investigation and detection of this type of crime.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, legal acts regulating the activities of private security organizations, materials of judicial practice, and statistical data. In preparing the article, general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal.

The Results of the Study: made it possible to identify the features of commercial bribery in the security services market, determine the determinants of this type of crime, propose countermeasures and directions for improving Russian legislation.

Findings and Conclusions: based on the study, we can conclude that commercial bribery in the security services market negatively affects the development of competition, promotes the growth of corruption, and reduces the quality of services provided, which in turn weakens the protection of protected objects from criminal attacks.

Keywords: commercial bribery; private security organizations; security services market; causes and conditions; law enforcement agencies

For citation: Kondratyukov S.S. Kommercheskij podkup na rynke ohrannyyh uslug: ugolovno-pravovoij i kriminologicheskij aspekty [Commercial bribery in the security services market: criminal and criminological aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 148–157.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.73.36.014

С переходом России к рыночной экономике подавляющее большинство методов ведения бизнеса постепенно приобрели коррупционную окраску. В то же время негативную роль в этом процессе сыграла «политика 1990-х годов», где рейдерство и коррупция считались вполне нормальной практикой ведения бизнеса. Руководители коммерческих или иных организаций, обладая достаточной финансовой составляющей, а следовательно, и связями в государственных и муниципальных органах, зачастую отдают предпочтение именно коррупции как гаранту «успешного решения своих вопросов». Коррупция в частном секторе наносит не только

организационный и имущественный вред коммерческим или иным организациям, но и оказывает негативное влияние на само государство [1, с. 124].

Коммерческий подкуп, совершаемый частными охранными организациями, с криминологической точки зрения относится к преступлениям, которые не связаны с осуществлением их профессиональной деятельности, и представляет собой особый вид коррупции в различных секторах экономики современного государства. Совершение данного преступления не только нарушает установленный порядок деятельности частных охранных организаций, причиняет им организационный, имущественный и иной вред, но и угрожает охраняемым законодательством Российской Федерации интересам других хозяйствующих субъектов, личности, общества и государства в целом, нередко предшествует совершению иных преступлений, в том числе и в публично-правовой сфере [2, с. 37].

Охранные услуги в современной России и их специфика находят отражение в научной литературе с точки зрения правовых вопросов, затрагивающих прежде всего юридическую сторону функционирования охранных организаций, однако криминологический и уголовно-правовой аспекты имеющих место правонарушений представлены недостаточно полно.

Следует сказать, что благодаря эффективному функционированию частных охранных организаций на рынке охранных услуг в правовом поле обеспечивается благоприятное состояние общества, при котором значительно уменьшается риск, связанный с причинением вреда жизни и здоровью граждан, имуществу физических и юридических лиц от противоправных посягательств и способствует формированию защищенности объектов и безопасности личности.

При этом государством установлен уголовно-правовой запрет на совершение деяния, описываемого в ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), что обеспечивает эффективность функционирования рыночной экономики, регламентируя отношения между людьми по поводу производства благ и оказания услуг. Как отмечает В. С. Изосимов, основное назначение рассматриваемой уголовно-правовой нормы, – «охрана институциональной основы экономики России, которую составляют коммерческие и некоммерческие организации различных организационно-правовых форм и форм собственности» [3, с. 183].

Уголовная ответственность за коммерческий подкуп дополнительно обусловлена также потребностями борьбы с коррупцией, которая является одним из наиболее существенных факторов, «подрывающих» экономику страны.

Так, В. А. Биляев и Д. А. Чухраев отмечают: «Нанося непоправимый ущерб экономике и социальной сфере общества, коррупция затрагивает интересы каждого. Она является основной причиной криминализации основных сфер хозяйственной деятельности, так как ведет к их монополизации путем использования коррупционных методов подавления конкурентов, что в итоге способствует росту потребительских цен, ухудшению качества товаров и услуг и социальному недовольству» [4, с. 21].

Категория общественной опасности достаточно часто используется в уголовном законе, однако сам закон не содержит ее нормативного определения. Несмотря на это,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.04.2024).

указанное понятие положено в основу реализованных в действующем законодательстве фундаментальных представлений о преступлении и о наказании [5, с. 39].

По нашему мнению, общественная опасность коммерческого подкупа на рынке охранных услуг заключается в следующем:

– формирование монополии на рынке охранных услуг, когда руководители крупных частных охранных организаций (далее – ЧОО) вступают в ценовой сговор с государственными заказчиками и другими ЧОО;

– руководство ЧОО посредством подкупа исключает возможность конкурентного участия в конкурсах или аукционах других заявителей;

– рост возможных негативных последствий ненадлежащего выполнения условий по договору на оказание охранных услуг, когда директора ЧОО совершают подкуп руководства и сотрудников служб безопасности заказчика.

Незаконное влияние на конкурентные условия закупок охранных услуг приводит не только к возбуждению уголовных дел в отношении руководителей ЧОО по ст. 204 УК РФ, но и к предложению зачастую некачественных и необоснованно завышенных общественно полезных действий в сфере безопасности участников закупки со стороны правонарушителей.

Общественная значимость охранных услуг диктует необходимость в профилактике и пресечении данного вида преступлений, исключении возможности диктовать неравноправные условия со стороны ряда ЧОО (в большинстве случаев – крупных организаций) на рынке в ущерб конкуренции, которая призвана формировать рыночные тарифы при надлежащем качестве для достижения защищенности объектов в современных условиях нестабильной экономики и военного противодействия.

В данной ситуации очевидно, что искусственный демпинг цен и тарифов на охранные мероприятия, вынужденный уход с конкурса ЧОО, подверженных коммерческому подкупу, не может отвечать современным требованиям, предъявляемым к безопасности объектов и личности.

Кроме того, практика предложения минимальных тарифов на охрану для победы в конкурсах может с большой вероятностью приводить к организации некачественной охраны при экономии средств хозорганов.

Современные криминологические и уголовно-правовые исследования свидетельствуют о том, что фактическая распространность коммерческого подкупа в России весьма велика [напр., 6, с. 3].

По результатам проведенных опросов сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России коммерческий подкуп, совершаемый руководством частных охранных структур, составляет 2–4 % от общего числа совершенных преступлений по ст. 204 УК РФ в различных регионах России.

По данным государственной уголовной статистики (форма № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» и форма № 1-А «Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений»), за последние пять лет динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 204 УК РФ, имеет устойчивую тенденцию к росту.

Так, в 2019 г. в России зарегистрировано 990 фактов совершения коммерческого подкупа, из них возбуждено 543 уголовных дела, в 2020 г. – 1 162 (прирост к АППГ составил 17,4 %), из них возбуждено 653 уголовных дела; в 2021 г. – 1 216

(+4,6 %), из них возбуждено 703 уголовных дела; в 2022 г. – 1 270 (+4,4 %), из них возбуждено 890 уголовных дел; в 2023 г. – 1 571 (+23,7 %), из них возбуждено 973 уголовных дела.

Общее увеличение темпов прироста коммерческого подкупа в 2023 году по отношению к 2019 году составляет свыше 50 %.

Статистика возбужденных уголовных дел к общему количеству официально зарегистрированных фактов коммерческого подкупа за последние пять лет, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости совершенствования деятельности оперативных и следственных подразделений при расследовании данного состава преступления.

При этом усложняет работу по раскрытию высокая латентность указанных коррупционных проявлений в коммерческих организациях.

Так, руководство задействованных в преступных схемах ЧОО не заинтересовано «выносить сор из избы», а, имея зачастую неформальные связи с правоохранителями и хозорганами, стремится подменить конкурентные отношения на рынке тайным подкупом участников для получения сверхприбыли.

Так, в 2022 г. директор ЧОО (г. Тверь) предложил денежные средства руководству другой частной охранной организации, чтобы исключить их участие в электронных торгах и получение государственного контракта на обслуживание одного из федеральных бюджетных госучреждений образования. При этом правоохранителями была зафиксирована передача 150 тыс. рублей из 1,8 млн. рублей от общей суммы подкупа¹.

В результате практика коммерческого подкупа на рынке охранных услуг приводит к повышению тарифов и не способствует надежной охране объектов, когда порочный круг коррупции имеет тенденцию к росту.

Согласно официальным данным судебной статистики, за последние 5 лет в судах общей юрисдикции было рассмотрено 1 762 уголовных дела по данному составу преступления, из них осуждено 1 227 лиц², что, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в отношении почти трети от общего числа обвиняемых по уголовным делам по факту совершения ими коммерческого подкупа дела приостанавливаются, продляются сроки расследования либо выносится оправдательный приговор в связи с недостаточной доказательной базой для установления вины, что негативно влияет на раскрываемость преступлений экономической направленности и эффективность деятельности правоохранительных органов в ходе расследования преступлений.

Так, приговором Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 января 2019 г. по делу № 1-48/2019 1-643/2018 осужден директор ООО ЧОО «Лига+», который умышленно пошел на получение коммерческого подкупа от директора ООО ЧОП «РОСТ». В ходе телефонных разговоров было предложено передать ему денежные средства за отказ ООО ЧОО «Лига+» в ходе аукциона снизить цены контракта, тем самым обеспечить победу ООО ЧОП «РОСТ» в торгах и

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=8547211/> (дата обращения: 24.04.2024).

² Агентство правовой информации : офиц. сайт. URL: <https://stat.apr-пресс.рф> (дата обращения: 24.04.2024).

заключение последним договора с заказчиком на иных условиях. Директор ООО ЧОП «РОСТ» согласился выполнить предложенные условия и перечислил на банковскую карту правонарушителя денежные средства в сумме 37 000 рублей)¹.

Современная конкуренция и ее правовое обеспечение на рынке охранных услуг должны способствовать применению легальных методов борьбы с конкурентами для удовлетворения возрастающих потребностей конкретных или потенциальных заказчиков с требуемым качеством и экономически обоснованным ценообразованием.

Несмотря на то, что большинство рынков услуг в России за годы реформ претерпели значительные изменения и практически окончательно сформировались, их относительная устойчивость не гарантирует законное функционирование всех субъектов, когда стремление получить максимальную прибыль любыми способами зачастую приводит к нарушению закона и искажает конкурентную среду.

Некоторые ученые в своих исследованиях в целях научного познания и определения детерминант преступности описывают такой критерий классификации, как механизм действия. По данному критерию выделяются следующие детерминанты преступности: причины, условия и факторы [7, с. 4–5].

Если обратиться к философскому словарю, причины, условия и факторы преступности можно определить следующим образом: причина порождает преступность как свое закономерное следствие; условия создают благоприятные возможности для формирования и реализации причин преступности; факторы – это определенные явления, которые создают благоприятные возможности для формирования и реализации условий преступности [8, с. 531, с. 707, с. 712].

В ряде научных исследований подчеркивается, что разница между причинами и условиями преступности может быть условна. В одних случаях явления могут выступать как условия, способствующие преступлению, а в других случаях эти же явления могут быть настолько существенны, что их необходимо рассматривать в качестве причины совершения преступления [9, с. 29].

В качестве условий коммерческого подкупа некоторые авторы, рассматривая данный вопрос, указывают на ослабление государственного механизма, что в свою очередь способствует отсутствию надлежащего контроля в проведении тендеров и аукционов коммерческих организаций и порождает коррупцию в данной сфере. Так, Л. П. Тумаркина отмечает, что государство в настоящее время не оказывает надлежащего противодействия криминальным элементам, активно проникающим в бизнес-среду. В то же время государственные службы и правоохранительные органы в полном объеме не могут осуществлять контроль и надзор, что приводит к обращению некоторых субъектов малого бизнеса в сферу деятельности организованных преступных групп. Указанный комплекс условий обуславливает криминализацию предпринимательства в нашей стране [10, с. 98].

Специфика отечественного охранного бизнеса состоит в распространенной практике привлечения под охрану ЧОО новых объектов государственного и муниципального финансирования с использованием коммерческого подкупа охранных

¹ Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23.01.2019 г. по делу № 1-48/2019 1-643/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6295QNRAFNxC/> (дата обращения: 24.04.2024).

организаций – конкурентов на начальной стадии проводимых конкурсов (по государственным закупкам услуг).

Для анализа причин и условий коммерческого подкупа в сфере охранной деятельности следует остановиться в первую очередь на личности преступников – руководителей ЧОО, использующих в своей деятельности коммерческий подкуп.

На основании проведенного анализа судебной практики (изучено 9 приговоров и 11 постановлений суда по делу о коммерческом подкупе в сфере охранной деятельности) и опроса заинтересованных правоохранителей, расследующих уголовные дела, криминологический портрет современного преступника, совершающего коммерческий подкуп в сфере охранной деятельности, можно охарактеризовать следующими признаками:

- стремление к доминированию на рынке путем увеличения количества охраняемых платежеспособных объектов с целью извлечения максимального дохода;
- наличие высшего образования;
- наличие большого опыта на рынке охранных услуг;
- наличие неформальных связей с руководством потенциальных объектов охраны (для получения инсайдерской информации о конкурсах и размере финансовых средств, запланированных и выделенных на организацию охраны);
- наличие свободных денежных средств для коммерческого подкупа ЧОО – конкурентов (что реально возможно для действующих крупных ЧОО);
- наличие определенного авторитета среди руководителей ЧОО – конкурентов и правоохранительных структур, который может позволить избежать уголовной ответственности;
- возраст ориентировано от 35 до 65 лет.

Другими специфическими детерминантами, по нашему мнению, могут являться:

- правовой нигилизм при продвижении услуг потребителям;
- несовершенство ряда положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г.

№ 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ в части декларирования принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции в конкурсах для выявления лучших условий приобретении благ при неэффективном антимонопольном законодательстве и слабом контроле со стороны органов ФАС;

- стремление большинства руководителей государственных и муниципальных организаций, участвующих в тендерах, к выбору ЧОО, предлагающих минимальные тарифы на охрану, без учета возможных последствий предоставления некачественных мероприятий по защите объектов;
- коррупционные связи руководителей объектов с ЧОО, использующими противоправные методы на рынке, а также возможность получения «откатов» после заключения квазивыгодных контрактов (договоров);

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 22 марта 2013 года : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 24.04.2024).

• использование криминального и полукриминального опыта 1990-х годов, который позволял ЧОО применять практически любые способы привлечения объектов под охрану, вытесняя с рынка конкурентов и оформляя договоры на заведомо невыгодных хозорганам условиях (используя демпинг тарифов, нелегальные (по заниженным ценам) возможности по монтажу охранно-пожарной сигнализации, связи с преступными элементами для угроз нанесения ущерба в случае отказа заключить договор);

• склонность к решению хозяйственных споров при помощи взяток, подкупа, шантажа;

• латентный характер преступления по статье 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», трудности в возбуждении и квалификации уголовных дел, получении достаточных оснований и неопровергимых доказательств без привлечения к сотрудничеству работников (агентуры) ЧОО, чтобы зафиксировать факт передачи денежных средств.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующие меры предупреждения и выявления коммерческого подкупа в сфере частной охранной деятельности:

1. На основе анализа динамики преступлений по ст. 204 УК РФ в сфере охранной деятельности разработать (дополнить) методику конкурсов на основе привлечения к торгам всех легальных силовых предпринимателей региона с обязательным участием региональных подразделений ФАС.

2. Внести соответствующие изменения в положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части организации конкурсов (торгов) хозорганов и ЧОО с учетом специфики предоставления охранных услуг, связанных с использованием силы, оружия и спецсредств, исключив предоставление односторонних преимуществ отдельным ЧОО – монополистам.

3. Руководству подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России организовать работу по информированию директоров ЧОО и хозорганов, участвующих в конкурсах, об ответственности за данный вид преступлений в связи с высокой общественной значимостью развития конкуренции на рынке охранных услуг.

4. Руководству подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России для выявления и предотвращения данного вида преступлений шире использовать агентурные данные о противоправных действиях директоров ЧОО с целью получения доказательной базы.

5. Подразделениям ЛРР УФСВНГ России при выдаче, продлении лицензий на частную охранную деятельность доводить статистику совершенных преступлений по экономическим составам руководителям ЧОО, при проверке качества организации службы на охраняемых объектах федерального и муниципального финансирования вносить предложения по ее совершенствованию и соответствуя нормативным правовым актам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левченко, П. И. О проблемных вопросах уголовно-правового противодействия коммерческому подкупу // Уголовная политика Российской

Федерации: проблемы формирования и реализации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 04 февраля 2016 года. Ростов н/Д : Ростовский юридический институт МВД России, 2016. С. 124–128.

2. Красноусов, С. Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе (понятие и противодействие). М., 2014. 37 с.

3. Изосимов, В. С. Разграничение коммерческого подкупа и взяточничества (ст. 290 и 291 УК РФ) // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого Николая Сергеевича Алексеева (Москва, 23 октября 2014 года) / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. С. 182–187.

4. Биляев, В. А., Чухраев, Д. А. О необходимости создания системы государственного антикоррупционного мониторинга // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сб. мат-лов Межрегиональной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов, Симферополь, 29 марта 2019 г. / Крымский федер. ун-т им. В. И. Вернадского; отв. ред. Г. В. Чеботарева. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 20–25.

5. Шадрин, И.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовной ответственности за коммерческий подкуп // Криминалистика. 2021. № 3 (36). С. 39–43.

6. Слепцов, М. Л. Коррупционные правонарушения: вопросы квалификации коммерческого подкупа // Газета «Верное решение». 2021. Вып. 03. с. 3.

7. Дворецкий, М. Ю. Причины и условия преступности // Вестник тамбовского государственного университета. 2014. № 12 (140). С. 1–7.

8. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

9. Блувштейн, Ю. Д. Организация и осуществление профилактики правонарушений следственными подразделениями органов внутренних дел. Лекция 16 / под ред. Г. А. Аванесова. М. : Академия МВД СССР, 1976. 56 с.

10. Тумаркина, Л. П. Коммерческий подкуп : монография // науч. ред. О.С. Капинус. М., 2005. 218 с.

REFERENCES

1. Levchenko, P. I. [On problematic issues of criminal law counteraction to commercial bribery] Ugolovnaya politika Rossiijskoj Federacii: problemy formirovaniya i realizacii: materialy Vserossijskoj nauch-no-prakticheskoy konferencii [Criminal policy of the Russian Federation: problems of formation and implementation: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, February 04, 2016.]. Rostov-na-Donu, 2016, pp. 124–128.

2. Krasnousov S. D. Kommercheskij podkup kak forma korrupcii v chastejnom sektore (ponyatiye i protivodejstvie) [Commercial bribery as a form of corruption in the private sector (concept and counteraction)]. Moscow, 2014, 37 p.

3. Izosimov V. S. [Differentiation of commercial bribery and bribery (Articles 290 and 291 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti pri rassle-dovaniyu prestuplenij korrupcionnoj napravленности: problemy i puti ih resheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashch. 100-

letiyu so dnya rozhdeniya vyda-yushchegosya rossijskogo uchenogo Nikolaya Sergeevicha Alekseeva (Moskva, 23 oktyabrya 2014 goda) [Interaction of public authorities in the investigation of corruption-related crimes: problems and ways to solve them: materials of the International Scientific and Practical Conference. The 100th anniversary of the birth of the outstanding Russian scientist Nikolai Sergeevich Alekseev (Moscow, October 23, 2014)]. Moscow, 2014, pp. 182–187.

4. Bilyaev V. A., Chuhraev D. A. [On the need to create a system of state anti-corruption monitoring] Ugolovno-pravovye i kriminologiche-skie napravleniya protivodejstviya prestupnosti: sb. materialov Mezhregion. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov, Sim-feropol', 29 marta 2019 g. [Criminal law and criminological directions of combating crime: collection of materials of the Mezhregion. scientific and practical conference of the teaching staff, graduate students, students, Simferopol, March 29, 2019]. Simferopol, 2019, pp. 20–25.

5. Shadrin I.A. K voprosu o social'noj obuslovленности уголовной ответственности за коммерческий подкуп [On the issue of the social conditionality of criminal liability for commercial bribery]. Kriminalist' – Criminality. 2021, no. 3 (36), pp. 39–43.

6. Slepov M.L. Korruptionnye pravonarusheniya: voprosy kvalifikacii kommerscheskogo podkupa [Corruption offenses: issues of qualification of commercial bribery]. Gazeta «Vernoe reshenie» - The newspaper "The right decision". 2021, no. 03, 3 p.

7. Dvoreckij, M. YU. Prichiny i usloviya prestupnosti [Causes and conditions of crime]. Vestnik tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Tambov State University. 2014,1 no. 12 (140), pp. 1–7.

8. Filosofskij enciklopedicheskij slovar ' [The Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983, 840 p.

9. Bluvshtejn, YU. D. Organizaciya i osushchestvlenie profilaktiki pravonaru-shenij sledstvennymi podrazdeleniyami organov vnutrennih del. Lekciya 16. Pod re-dakcijej G. A. Avanesova [Organization and implementation of crime prevention by investigative units of internal affairs bodies. Lecture 16. Edited by G. A. Avanesov]. Moscow, 1976. 56 p.

10. Tumarkina L.P. Kommercheskij podkup: monografiya [Commercial bribery: a monograph]. Moscow, 2005, 218 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондратюков Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kondratyukov Sergey Sergeevich, lecturer of the Department of Internal Affairs in special conditions. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, 7 Komarova ave.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 19.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 158–167.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.4 (111). P. 158–167.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.97

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.24.71.015

**ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ПРОФИЛАКТИКА ПОСРЕДСТВОМ ПРАВОВОГО
ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Малетина Мария Александровна¹, Сорокун Николай Сергеевич²

¹Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация

²Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹ mamaletina85@mail.ru

² nik-sorokun@yandex.ru

Введение. В статье коррупция рассматривается как общественно опасное негативное явление современного социума. На основе анализа официальных статистических данных за последние 5 лет определены количественные и качественные характеристики преступности коррупционной направленности в России, проанализированы ее фундаментальные, правовые, организационно-экономические, социальные и культурно-исторические факторы.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, посвященные изучению коррупции как социального явления; детерминантам преступлений коррупционной направленности, правовой культуре и опыту противодействия коррупции в мировом сообществе; противодействию коррупции в контексте правового воспитания молодежи в системе образования, а также официальные статистические данные МВД России за последние 5 лет. В ходе исследования помимо диалектического метода познания применялись такие частнонаучные методы, как формально-логический, структурный и статистический.

Результаты исследования позволили выявить тенденции коррупционной преступности в современной России и с учетом анализа причинного комплекса предложить меры воспитательного характера в образовательных организациях по еенейтрализации.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что одним из основных факторов противодействия коррупции в настоящее время является правовое воспитание граждан. В целях эффективной борьбы с коррупцией необходимо формировать и развивать у них как профессиональные, так и «бытовые» компетенции в сфере антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция, факторы коррупции, государственная политика, профессиональная компетенция, антикоррупционное поведение, правовое воспитание, правовая культура, правосознание, искоренение коррупции

Для цитирования: Малетина, М. А., Сорокун, Н. С. Характеристика современного состояния коррупционных преступлений и их профилактика посредством правового воспитания в образовательных организациях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 158–167
DOI: 10.55001/2312-3184.2024.24.71.015

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

CHARACTERISTICS OF THE CURRENT STATE OF CORRUPTION CRIMES AND THEIR PREVENTION THROUGH LEGAL EDUCATION IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Maria A. Maletina¹, Nikolay S. Sorokun²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹mamaletina85@mail.ru

²nik-sorokun@yandex.ru

Introduction: The article considers corruption as a socially dangerous negative phenomenon of modern society. Based on the analysis of official statistical data for the last 5 years, quantitative and qualitative characteristics of corruption-related crime in Russia are determined, its fundamental, legal, organizational and economic, social and cultural-historical factors are analyzed.

Methods and Materials: The research materials were scientific articles by scientists devoted to the study of corruption as a social phenomenon, determinants of corruption offences, legal culture and experience of countering corruption in the international community, countering corruption in the context of legal education of young people in the educational system, as well as official statistical data of the Russian Ministry of Internal Affairs for the last five years. In addition to the dialectical method of cognition, the research used such specific scientific methods as formal-logical, structural and statistical.

The Results of the Study made it possible to identify trends in corruption crime in modern Russia and, taking into account the analysis of the causal complex, to propose educational measures in educational organizations to neutralize it.

Findings and Conclusions: The conducted analysis allowed us to come to the conclusion that one of the main factors in combating corruption at present is the legal education of citizens. In order to effectively combat corruption, it is necessary to form and develop both professional and “everyday” competencies in the field of anti-corruption behavior.

Keywords: corruption, corruption factors, public policy, professional competence, anti-corruption behavior, legal education, legal culture, legal awareness, eradication of corruption

For citation: Maletina M.A., Sorokun N.S. Harakteristika sovremennoj sostoyaniya korrupcionnyh prestuplenij i ih profilaktika posredstvom pravovogo vospitaniya v obrazovatel'nyh organizaciyah [Characteristics of the current state of corruption crimes and their prevention through legal education in the educational organizations]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 158–167.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.24.71.015

Коррупцию следует понимать как одно из наиболее опасных и масштабных явлений как в Российской Федерации, так и на мировой арене. По справедливому замечанию В. В. Потомского, «коррупция с различной степенью плотности органически вплетена в ткань общественного развития и становится в определенном смысле составной частью системы управления, рыночных отношений и повседневного образа жизни людей» [1, с. 4]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400¹, искоренение коррупции объявляется целью обеспечения государственной и общественной безопасности наряду с защитой конституционного строя Российской Федерации, обеспечением ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защитой основных прав и свобод человека и гражданина, укреплением гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствованием механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укреплением законности и правопорядка, защитой граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защитой населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. На расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин обратил внимание на то, что принципиальная, последовательная борьба с коррупцией, отравляющей общество, ломающей законопослушный бизнес, крадущей деньги, необходимые для обороны страны, для ее движения вперед в экономике, социальной сфере остается важнейшей задачей государства².

Ярким свидетельством того, что коррупция представляет собой одну из глобальных угроз национальной безопасности, являются официальные статистические данные МВД России (см. таблицу 1).

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.08.2024).

² Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 19.08.2024).

Таблица 1

**Количество преступлений коррупционной направленности,
зарегистрированных в период 2019–2023 гг.**

	2019	2020	2021	2022	2023
Количество преступлений коррупционной направленности удельный вес	30 991 1,53 %	30 813 1,51 %	35 051 1,75 %	35 340 1,79 %	36 407 1,87 %
Преступления, связанные со взяточничеством удельный вес	13 867 0,62 %	14 548 0,71 %	18 591 0,93 %	19 490 0,99 %	20 279 1,04 %
Преступления, связанные с коммерческим подкупом удельный вес	1 294 0,06 %	1 444 0,07 %	1 457 0,07 %	1 555 0,08 %	2 136 0,11 %

Так, в 2019 г. преступлений коррупционной направленности зарегистрировано на 1,6 % больше, чем в предшествующем 2018 г. Их общее количество составило 30 991, удельный вес в общей структуре преступности – 1,53 %¹.

В 2020 г. наблюдается незначительное снижение общего числа рассматриваемого вида преступных посягательств – по сравнению с 2019 г. их количество уменьшилось на 0,6 % и составило 30 813².

Однако в последние 3 года количество коррупционных преступлений имеет устойчивую тенденцию к росту – в 2021 г. их число составило 35 051, в 2022 г. – 35 340, в 2023 г. – уже 36 407. Показатель удельного веса рассматриваемых преступных посягательств в общей структуре преступности также продолжает расти и составляет 1,75 %, 1,79 % и 1,87 % соответственно³.

При этом следует отметить, что больше половины преступлений коррупционной направленности составляют преступления, связанные со взяточничеством. Их общее количество на протяжении последних пяти лет постоянно растет и составляет: 13 867 в 2019 г., 14 548 в 2020 г., 18 591 в 2021 г., 19 490 в 2022 г., и 20 279 в 2023 г. Кроме того, тенденцию к росту имеют и преступления, связанные с коммерческим подкупом. В 2019 г. их общее количество составило 1 294, в 2020 г. – 1 444, в 2021 г. – 1 457, в 2022 г. – 1 555, и в 2023 г. – 2 136⁴.

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 19.08.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

За шесть месяцев 2024 г. количество зарегистрированных коррупционных преступлений увеличилось на 1,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 23 377. При этом преступлений, связанных со взяточничеством, выявлено 13 786 (на 10,4 % больше, чем за 6 мес. 2023 г.), из них 4 978 – получение взятки (на 32,7 % больше), 4 047 – дача взятки (на 22,9 % больше), 1 600 – посредничество во взяточничестве (на 8,9 % больше). Преступлений, связанных с коммерческим подкупом, зарегистрировано 1 547 (на 10,9 % больше, чем за 6 мес. 2023 г.), из них 1 421 – коммерческий подкуп (на 36,4 % больше), 126 – мелкий коммерческий подкуп (на 64,3 % меньше)¹.

Стремительное развитие коррупции обусловлено различными факторами. Нельзя не согласиться с Е. В. Платовым и А. В. Раком, которые к их числу относят фундаментальные, правовые, организационно-экономические, социальные и культурно-исторические факторы [2, с. 70; 3]. Соответствующим образом коррупционная составляющая каждого государства затрагивает абсолютно все сферы жизнедеятельности человека, нанося существенный урон прежде всего конституционным незыблемым правам граждан.

Под фундаментальными факторами развития коррупционной деятельности следует понимать любые несовершенства в социально-экономической сфере деятельности. По мнению А. А. Татуева, «коррупционные отношения возникают как своеобразная реакция на неэффективность (или слабую эффективность) государственных институтов» [4, с. 8]. Спектр однородных общественных отношений модернируется, следовательно, для их эффективного и централизованного регулирования необходим собственный механизм, который бы позволил охватить эту область целиком. Однако имеют место такие явления, как несовершенство экономической политики, неразвитость конкуренции или полное отсутствие конкурентоспособных граждан, что порождает монополизацию экономической системы в целом. Сопровождается это обычно интенсивным вмешательством государства в экономику, а иногда и тотальным контролем со стороны государства над всеми финансовыми и хозяйственными секторами. Все это приводит к не самому благоприятному финалу, ведь вследствие этого уровень развития гражданского общества значительно снижается, а если нарушаются конституционные, личные и имущественные права граждан, то растет и уровень преступности, в частности коррупционного характера.

Таким образом, формируется вторая подгруппа факторов, порождающих коррупцию как общественно опасное негативное явление, которая именуется правовыми факторами. Нормально функционирующее правовое государство подразумевает охрану и защиту прав граждан, их реализацию посредством социально-правовых институтов, призванных их обеспечить в установленном настоящим законодательством порядке. Следует отметить, что нарушение норм существующего законодательства, его недостаточность или неполнота, а также пренебрежение нормами и основополагающими принципами международного и зарубежного законодательства влияют на коррупционное развитие в стране. Столь негативный прирост можно обусловить тем, что граждане не уверены в действующем законе, его легитимности на территории государства, эффективности работы государственных

¹ Там же.

органов, структур и должностных лиц, которые наделены рядом распорядительно-властных полномочий. Под сомнение попадает даже деятельность судебных органов, что дает весомый повод почувствовать безнаказанность и невозможность наступления уголовно-правовых последствий в результате получения взятки судьями или совершения ими иных коррупционных действий.

К организационно-экономическим факторам относят трудности в централизованном управлении всей обширной территорией государства, однако, по нашему мнению, этот фактор достаточно легко нейтрализовать, и современные исполнительные государственные структуры стараются искоренить его созданием единичных территориальных управлений, где компетентные должностные лица призваны обеспечить своевременное и быстрое решение любой проблемы в пределах своей компетенции, в том числе и в электронной форме, используя средства связи или веб-сайты. Но наряду с этой проблемой стоит множество других, в числе которых низкая заработная плата, завышенные требования работодателей, а также дискриминация в доступе к инфраструктурным сетям.

К социальным и культурно-историческим факторам коррупции И. А. Пушкарева и Л. Н. Одинцова относят рассогласованность усилий, объединенных общей целью и совместной деятельностью людей в противодействии коррупции в областях, где рассматриваемое негативное социальное явление считается нормой. [5, с. 80]. По мнению отдельных экспертов, невозможно изменить поведение человека в ситуации, когда многие другие вокруг продолжают вести коррупционную деятельность. Кроме того, по мнению У. Т. Сайгитова, в некоторых регионах России коррупцией «пропитано все общество на различных уровнях; методы коррупционного характера не просто предпочтительны при реализации каких-либо задач, а необходимы, ибо в ином случае зачастую сопряжены с невероятными трудностями» [6, с. 334]. В этом аспекте восприятие коррупции как обыденного, привычного и неизбежного явления способствует тому, что она становится неискоренимой.

Раскрыть и охватить все причины возникновения коррупционной преступности достаточно сложно, но наиболее распространенные из них следует учесть современному законодателю, задачей которого в том числе является разработка государственной политики по борьбе с коррупцией и искоренению этого негативного явления в социуме. Основой государственной политики по праву следует признать правовое воспитание граждан, которое имеет соответствующую специфику при осуществлении ряда задач. Сам процесс правового воспитания представляет собой один из видов целенаправленной деятельности, в ходе которого граждане приобщаются к правовой культуре того или иного государства, сформировавшимся не за одно десятилетие идеалам, накопленному опыту и специфическим механизмам правового регулирования. Цель такого рода воспитания – в формировании, развитии и совершенствовании правосознания каждого гражданина с возможностью грамотно реализовывать свой правовой статус, а формирование антикоррупционного сознания является важнейшей составляющей частью данного процесса, поскольку целью антикоррупционного воспитания, в свою очередь, по мнению Е. Н. Барышникова и соавторов, является развитие ценностных установок и способностей, необходимых для формирования у молодых людей гражданской позиции в отношении коррупции [7, с. 7].

Правильно будет полагать, что процесс правового воспитания не является скоротечным и длится на протяжении всей жизни гражданина. Однако целесообразно отметить, что основы правового воспитания закладываются с момента формирования личности гражданина еще со школьной скамьи. Формирование правовой культуры невозможно без существующей и активно пропагандируемой правовой идеологии государства, которая бы в полной мере отражала правовое единство страны, ее традиции и обычай, тем самым формируя четкие правовые установки, позволяющие в полной мере объективно оценивать правовую реальность.

Но как же быть многоконфессиональным государствам, где признается и уважается каждая религия и сформировать национальную идею достаточно сложно, как, например, в Российской Федерации? В таком случае целесообразно было бы учитывать религиозные, национальные и этнические особенности каждого субъекта Российской Федерации, обмен элементами правовой культуры и постоянную коммуникацию между представителями как многочисленных этносов, так и малоизвестных национальных меньшинств. Тем самым граждане будут осведомлены об истории и развитии исторического и правового наследия не только своего народа, но и проживающих с ними в одной стране народностей, что значительно повысит уровень как интеллектуального, так и правового воспитания.

В образовательных организациях высшего образования, без сомнения, также реализуется политика правового воспитания, достаточно глубоко затрагивающего актуальность антикоррупционного поведения граждан. В рамках реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования (программ бакалавриата по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка», программ специалитета по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция») обучающиеся изучают такие дисциплины, как «Теория государства и права», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран», «Основы российской государственности», «Государственная служба», «Прокурорский надзор». Знания, полученные в ходе освоения данных учебных дисциплин, формируют ряд навыков антикоррупционной направленности, профессиональную компетенцию как юриста, сотрудника полиции, иного государственного или муниципального служащего. Кроме того, посредством достижения таких компетенций, как умение выявлять коррупционные риски, предупреждать конфликт интересов в процессе осуществления профессиональной деятельности, правомерно действовать в провокационных ситуациях, пресекать коррупционное поведение, а также владение способностью осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с антикоррупционным законодательством, по окончании изучения вышеперечисленных учебных дисциплин у обучающихся формируется такая компетенция, как нетерпимое отношение к коррупционному поведению.

Но юристы-правоведы – это не исчерпывающая категория в гражданском обществе, и соответствующий уровень правового воспитания должен быть у граждан, не имеющих юридического образования. Следует отметить, что важной частью так называемого «всеобщего правового воспитания» граждан является формирование негативного, порицаемого и отрицательного отношения к абсолютно всем проявлениям коррупционной деятельности, соблюдение существующей

законодательной базы и уважение к праву в целом, и такие аспекты необходимо соблюдать и прививать не только специальным категориям граждан, а всем без исключения, вне зависимости от профиля подготовки и обучения.

Развивать правосознание и правовую культуру учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, учреждений системы начального профессионального образования и среднего специального образования позволит введение ряда дополнительных учебных дисциплин и спецкурсов. Т. Б. Качкина и А. В. Качкин к их числу относят, например, спецкурс «Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей» [8, с. 25]. В рамках подобных спецкурсов будут проводиться разносторонние интеллектуальные бои, олимпиады, брифинги, информирования, которые позволят повысить уровень антикоррупционной грамотности обучающихся.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что преступность коррупционной направленности приобрела достаточно масштабный характер и как негативное социально опасное явление формировалась в российском государстве на протяжении нескольких веков, тем самым укоренилась в правовой истории Российской Федерации, но минимизировать ущерб от коррупционных преступлений все еще возможно посредством правового воспитания граждан, основы которого закладываются с раннего возраста, дополняются и совершенствуются на протяжении всей сознательной жизни каждого гражданина правового государства. Нельзя не согласиться с Е. Р. Павловой, полагающей, что «процесс антикоррупционного воспитания предполагает долгую и системную работу... Однако ее результатом является повышение уровня культуры молодого поколения и укрепление морально-этических признаков» [9, с. 37].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Потомский В. В. Коррупция как социально-политическое явление: источники и причины возникновения в России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Том 17. № 1. С. 4–10.
2. Платов Е. В. Причины коррупции в России // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 70–75. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/platov_ev_2018_4_10.pdf?ysclid=m2oflzzr9p326983429 (дата обращения: 12.04.2024).
3. Рак А. В. Коррупция и государство: причины, следствия, меры противодействия // URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/9819/136-145.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 12.04.2024).
4. Татуев А. А. Феномен современной коррупции и факторы формирования коррупционных услуг в государственном секторе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 21 (255). С. 2–15.
5. Пушкарева И. А., Одинцова Л. Н. Правовая культура и опыт противодействия коррупции в мировом сообществе // Правовая культура. 2019. №3(38). С. 76–84.
6. Сайгитов У. Т. Специфика причин коррупции в Республике Дагестан : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы» (г. Москва, 9–10 сентября 1999 г.). М. : Юристъ, 2001. С. 333–335.

7. Антикоррупционное воспитание: система воспитательной работы по формированию у учащихся антикоррупционного мировоззрения в образовательном учреждении: метод. рекомендации / Е. Н. Барышников, Н. В. Григорян, Л. М. Беловицкая, М. В. Бойкина; под науч. ред. С. В. Жолована. СПб.: СПбАППО, 2010. (Петербургский опыт общего образования). 59 с. ISBN 978-5-7434-0539-8.

8. Качкина Т. Б., Качкин А. В. Противодействие коррупции через образование : метод. рекомендации. Ульяновск : ОАО «Областная типография «Печатный двор», 2010. 92 с.

9. Павлова Е. Р. Противодействие коррупции в контексте правового воспитания молодежи в системе образования // Образование: ресурсы развития. 2021. № 1. С. 36–37.

REFERENCE

1. Potomskiy V.V. Korrupciya kak social'no-politicheskoe yavlenie: istochniki i prichiny vozniknoveniya v Rossii [Corruption as a socio-political phenomenon: sources and causes of occurrence in Russia]. Vestnik privolzhskogo instituta upravleniya – Vestnik of the Volga Region Institute of Management. 2017, vol. 17, no. 1, pp. 4-10.
2. Platov E.V. Prichiny korrupcii v Rossii [Causes of corruption in Russia]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic scientific journal “Science. Society. State”. 2018, vol. 6, no. 4(24), pp. 70-75. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/platov_ev_2018_4_10.pdf?ysclid=m2oflzzr9p326983429 (accessed 12.04.2024).
3. Rak A.V. Korrupciya i gosudarstvo: prichiny, sledstviya, mery protivodejstviya [Corruption and the state: causes, consequences, countermeasures]. [Electronic resource]. URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/9819/136-145.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 12.04.2024).
4. Tatuyev A.A. Fenomen sovremennoj korrupcii i faktory formirovaniya korrupcionnyh uslug v gosudarstvennom sektore [The phenomenon of modern corruption and factors of formation of corrupt services in the public sector]. Finansovaya analitika: problemy i resheniya – Financial analytics: problems and solutions. 2015, no. 21 (255), pp. 2-15.
5. Pushkareva I.A., Odintsova L.N. Pravovaya kul'tura i opyt protivodejstviya korrupcii v mirovom soobshchestve [Legal culture and experience of combating corruption in the world community]. Pravovaya kul'tura – Legal culture. 2019, no. 3 (38), pp. 76-84.
6. Saygitov U.T. [Specifics of the causes of corruption in the Republic of Dagestan]. mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Korrupciya: politicheskie, jekonomicheskie, organizacionnye i pravovye problemy» (g. Moskva, 9–10 sentyabrja 1999 g.). [Corruption: political, economic, organizational and legal problems: collection of materials of the International. scientific and practical. conf. (Moscow, September 9-10, 1999)]. Moscow, 2001, pp. 333-335.
7. Baryshnikov E. N., Grigoryan N. V., Belovitskaya L. M., Boykina M. V., Zholovan S. V. Antikorruptionnoe vospitanie: sistema vospitatel'noi raboty po formirovaniyu uchashchihsya antikorruptionnogo mirovozzreniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii: metodicheskie rekomendacii metodicheskie rekomendacii [. Anti-corruption education: a system of educational work on the formation of an anti-corruption worldview among students in an educational institution: methodological recommendations methodological recommendations]. St. Petersburg, 2010, 59 p.

8. Kachkina T.B, Kachkin A.V. *Protivodeistvie korrupcii cherez obrazovanie* [Counteracting corruption through education]. Ulyanovsk, 2010, 92 p.

9. Pavlova E.R. *Protivodejstvie korrupcii v kontekste pravovogo vospitaniya molodezhi v sisteme obrazovaniya* [Counteracting corruption in the context of legal education of youth in the education system]. *Obrazovanie: resursy razvitiya – Education: development resources*. 2021, no. 1, pp. 36-37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малетина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Сорокун Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maletina Maria Aleksandrovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 656038, Barnaul, 49 Chkalova str.

Sorokun Nikolay Sergeevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 344015, Rostov-on-Don, 83 Eremenko str.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 168–179.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024 Vol. no. 4 (111). P. 168–179.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.34

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.15.016

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОГО
ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ**

Овсянникова Алина Романовна, Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация, Alina95avrora@yandex.ru.

Введение. В статье были рассмотрены предпосылки принятия статьи 208 УК РФ. Осуществлен анализ историко-политической ситуации и ее влияния на изменения, которые были внесены в редакции статьи 208 УК РФ. Особое внимание было уделено последним на данный момент изменениям, внесенным в статью, что позволило выявить некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Материалы и методы. В исследовании были использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации и Республики Беларусь. Методологическую основу составляет система общих и специальных методов научного познания, в частности, системно-структурного, сравнительно-правового, формально-юридического, выбор которых обусловлен целью и задачами исследования.

Результаты исследования позволили определить тенденции, которые наблюдаются в анализируемых изменениях, внесенных в ст. 208 УК РФ.

Выводы и заключения. Автором обосновывается точка зрения на необходимость выделения в качестве состава преступления участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих российским интересам (при отсутствии признаков преступления, которые предусмотрены в статье 275 УК РФ) в качестве самостоятельного в рамках гл. 29 УК РФ.

Ключевые слова: организация незаконного вооруженного формирования, организованная террористическая деятельность, терроризм, преступления террористического характера

Для цитирования: Овсянникова А. Р. Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024 № . С. 168-179
DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.15.016

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING AN ILLEGAL ARMED FORMATION

Alina R. Ovsyannikova, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, Alina95avrora@yandex.ru

Introduction: The article examined the prerequisites for the adoption of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of the historical and political situation and its impact on the changes that were made to the wording of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation was carried out. Particular attention was paid to the latest changes made to the article, which made it possible to identify some problematic issues of criminal liability for participation in an armed conflict, military actions or other actions involving the use of weapons and military equipment on the territory of a foreign state for purposes contrary to the interests of the Russian Federation.

Materials and Methods: The study used regulatory legal acts of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The methodological basis is a system of general and special methods of scientific knowledge, in particular, system-structural, comparative-legal, formal-legal, the choice of which is determined by the purpose and objectives of the study.

The Results of the Study: made it possible to identify trends that are observed in the analyzed changes made to Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Findings and Conclusions: The author substantiates the point of view on the need to single out the elements of the crime of participation of a citizen of the Russian Federation or a stateless person permanently residing in the Russian Federation in an armed conflict, military actions or other actions with the use of weapons and military equipment on the territory of a foreign state for purposes contrary to Russian interests (in the absence of elements of a crime, which are provided for in Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an independent one within the framework of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: organization of an illegal armed group, organized terrorist activity, terrorism, terrorist crimes

For citation: Ovsyannikova A.R. Nekotorye voprosy ugolovnoy otvetstvennosti za organizatsiyu nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya [Some issues of criminal liability for organizing an illegal armed formation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no.4 (111), pp. 168-179.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.71.15.016

Одним из объединений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, за организацию которого установлена уголовная ответственность, относящихся к организованной террористической деятельности, являются незаконные вооруженные формирования. Криминализация организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) была обусловлена социально-политическими процессами соответствующего исторического периода. Впоследствии ст. 208 УК РФ неоднократно подверглась изменениям². Однако, кроме анализа этих изменений, важным представляется проследить взаимосвязь между социально-правовыми событиями, происходившими в государстве, и изменениями редакции ст. 208 УК РФ.

Первоначально ст. 208 УК РФ включала в себя две части, а также примечание. Часть первая предусматривала ответственность за создание и руководство незаконным вооруженным формированием, часть вторая – за участие в нем. Условиями специального основания для освобождения от уголовной ответственности являлись добровольность прекращения участия в незаконном вооруженном формировании, сдача оружия, отсутствие признаков в действиях лиц другого состава преступления. На тот момент санкции статьи были менее строгими по сравнению с нынешними. Так, лицу, которое признано виновным в создании и руководстве незаконным вооруженным формированием, могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет.

Историко-политические события перед принятием действующего уголовного закона характеризовались напряженностью, чрезмерными ожиданиями скорых изменений, в том числе на законодательном уровне, активным формированием и деятельностью вооруженных формирований на Кавказе и, как следствие, ужесточением вооруженного противостояния в данной зоне, необходимостью стабилизации экономической, социальной, политической и идеологической обстановки [1, с. 105]. М. А. Громов отмечает, что «...на Северном Кавказе, особенно в Ичкерии, в начале 90-х гг. XX в. создалась острая кризисная ситуация, разрешившаяся вооруженным противостоянием. С одной стороны, федеральный центр принимал разнообразные меры по наведению конституционного порядка, обеспечению территориальной целостности Российской Федерации. С другой – заявленные цели региональных оппозиционных сил требовали своей реализации, в частности, вооруженным путем, что и произошло в этот период» [2, с. 59].

По мнению П. В. Агапова и А. Г. Хлебушкина, уголовно-правовой запрет на создание и функционирование незаконных вооруженных формирований был обусловлен тенденцией ужесточения уголовной политики по «чеченскому» вопросу [3,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 8 августа 2024 года : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.08.2024).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ : принят Гос. Думой 6 июля 2022 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 года : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/404992157/#friends> (дата обращения: 17.08.2024).

с. 31]. Безусловно, распространенность и вредоносность деятельности незаконных вооруженных формирований требовали от государства эффективных правовых мер по ее нейтрализации.

С 1997 по 1999 гг. было зарегистрировано мало преступлений по анализируемой статье [4, с. 3], что свидетельствовало о постепенности перестраивания работы системы правоохранительных органов с учетом норм нового уголовного закона, но в это же время происходила консолидация сил и средств незаконных вооруженных формирований, в том числе после операции по восстановлению конституционного порядка в период с 1994 по 1996 гг. в Чечне.

С 1999 г. наступает обострение конфликта в Северо-Кавказском регионе, что сразу же отразилось на статистике регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ (для сравнения: 1997 г. – 9, 2000 г. – 340) [4; с. 6], в этот же период формируется правоприменительная практика.

Первые изменения в ст. 208 УК РФ были внесены в 2006 г.: диспозиция части первой дополнена таким действием, как «финансирование»¹. Финансирование террористической деятельности, несомненно, являлось и является одним из главных источников жизнедеятельности террористических группировок. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, утвержденная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 54/109 от 9 декабря 1999 г., была ратифицирована Президентом Российской Федерации в 2002 г.². В этом же году (2002 г.) законодателем была введена статья 205³, которая установила, в частности, ответственность за финансирование акта терроризма либо террористической организации. Вышесказанное свидетельствует об особом внимании законодателя именно к антитеррористическому направлению уголовно-правовой политики. Деятельность незаконных вооруженных формирований в условиях контртеррористической операции на территории Северного Кавказа могла так длительно осуществляться только благодаря наличию внешних и внутренних источников финансирования. Криминализация финансирования незаконного вооруженного формирования, несомненно, была обусловлена необходимостью минимизировать случаи получения средств террористическими структурами и стала одним из условий успешного

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федер. закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12148566/> (дата обращения: 17.08.2024).

² О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма : Федер. закон от 10 июля 2002 года № 88-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 года: одобрен Советом Федерации 26 июня 2002 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12127375/> (дата обращения: 17.08.2024).

³ О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2002 года № 103-ФЗ : принят Гос. Думой 28 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12127534/> (дата обращения: 18.08.2024).

завершения боевых действий на территории Чечни и приграничных регионах Северного Кавказа в 2009 г.

Обратимся к анализу действующего уголовного закона. Сегодня нормы, предусматривающие ответственность за финансирование организованной террористической деятельности, имеют определенную несогласованность. В ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ предусмотрена ответственность за финансирование среди прочих преступлений, предусмотренных ст.ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ. При этом ответственность за финансирование незаконного вооруженного формирования предусмотрена ст. 208 УК РФ. Примечание к статье 205¹ УК РФ раскрывает понятие финансирования терроризма, в котором имеется прямое указание на все данные статьи, что может вызвать некоторое затруднение при квалификации преступлений, даже несмотря на разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1)¹.

Следующие изменения были внесены в ст. 208 УК РФ в 2013 г.². Были увеличены сроки лишения свободы в чч. 1 и 2 и добавлено дополнительное наказание в виде ограничения свободы. Обратим внимание на то, что ранее указанный вид наказания содержательно отличался от сущности современного вида наказания ограничения свободы и не применялся ввиду различных причин, в том числе из-за отсутствия исправительных центров. Ограничение свободы как практически реализуемый вид наказания был введен в 2009 г.³ и постепенно появился в санкциях статей Особенной части УК РФ в течение последующих нескольких лет. Кроме того, в 2013 г. существенно изменилась диспозиция ч. 2 ст. 208 УК РФ, была установлена ответственность за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

2013 г. является важным для становления вектора нынешней внешней политики. В конце 2012 г. вступает в силу закон о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранных агентов⁴. Нарастает напряженность на Украине, что

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 : с изменениями и дополнениями от 3 ноября 2016 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (дата обращения: 18.08.2024).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ : принят Гос. Думой 25 октября 2013 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2013 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70493356/> (дата обращения: 18.08.2024).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федер. закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ : принят Гос. Думой 16 декабря 2009 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2009 года // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12171978/> (дата обращения: 18.08.2024).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : Федер. закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ : принят Гос. Думой 13 июля 2012 года : одобрен Советом Федерации 18 июля 2012 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70204242/> (дата обращения: 18.08.2024).

впоследствии перерастет в события конца ноября 2013 года – начала 2014 года, которые закончились государственным переворотом. 12 февраля 2013 года Президентом Российской Федерации утверждена новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации¹, в которой определены основные принципы, приоритетные направления, цели и задачи российской внешнеполитической деятельности, в том числе упоминается роль России в урегулировании ситуации в Сирии. Сирийский вопрос с 2011 г. продолжает оставаться острым и на момент 2013 г., так как деятельность террористических организаций на территории Сирии, включая «Исламское государство», представляющее общемировую угрозу безопасности.

С 2014 г. можно говорить о тенденции ужесточения наказания за организованную террористическую деятельность, поскольку законодатель внес соответствующие изменения в санкции ст.ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ². Одной из причин для данного законодательного решения стали террористические акты, совершенные в декабре 2013 г. в Волгограде³. А. В. Павлинов указывает, что наращивание превентивно-карательного антиэкстремистского и антитеррористического потенциала социально обусловлено не только ввиду ситуации в Северо-Кавказском регионе, многочисленных террористических актов в крупных городах страны (Москва, Волгоград), но и из-за возможных протестных явлений среди граждан России в условиях обострения очередного экономического кризиса [5, с. 123].

В 2016 г. указанная тенденция сохранилась, были увеличены сроки лишения свободы за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ), за создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование (ч. 1 ст. 208 УК РФ), и за участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ч. 2 ст. 208 УК РФ)⁴.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. : документ утратил силу или отменен // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 27.07.2024). Режим доступа: свободный.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 5 мая 2014 года № 130-ФЗ: принят Государственной Думой 22 апреля 2014 года : одобрен Советом Федерации 29 апреля 2014 года // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/70648880/> (дата обращения: 18.08.2024).

³ Думские антитеррористические поправки вкратце // РИА Новости : сайт: URL: <https://ria.ru/20140115/989360510.html> (дата обращения: 31.01.2024).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ : принят Гос. Думой 24 июня 2016 года : одобрен Советом Федерации 29 июня 2016 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/71437612/> (дата обращения: 18.08.2024).

Изменения коснулись примечания к ст. 208 УК РФ. От уголовной ответственности при соблюдении необходимых условий теперь могут быть освобождены не только участники незаконного вооруженного формирования, но и лица, создавшие его, руководившие им или финансирующие его деятельность.

Последние на данный момент изменения качественно преобразовали статью 208 УК РФ¹. Была добавлена часть третья, предусматривающая ответственность за участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих российским интересам (при отсутствии признаков преступления, которые предусмотрены в статье 275 УК РФ). Кроме того, скорректировано название статьи и примечание. Данные изменения обусловлены необходимостью обеспечения безопасности, повышения эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, которая осуществляется в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны.

А. Д. Антонов в качестве основания криминализации выделяет обстоятельства, которые создают объективную необходимость уголовно-правовой охраны определенных ценностей [6, с. 17–20].

Существует также точка зрения, согласно которой единственным основанием криминализации является общественная опасность деяния (П. С. Тоболкин, Г. Ю. Лесникова и др.) [7, с. 58; 8, с. 75].

По мнению П. В. Агапова, «в процессе криминализации необходимо учитывать объективно существующую распространенность деяния, подвергаемого уголовно-правовому запрету. Своеобразным индикатором такой распространенности выступает увеличение случаев соответствующего отклоняющегося поведения» [9, с. 33].

Установление ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, явилось следствием необходимости уголовно-правового запрета данных общественно опасных действий для охраны интересов общества и государства, обеспечения функционирования и деятельности вооруженных сил Российской Федерации. Как отметил соавтор закона Василий Писарев (председатель Комитета по безопасности и противодействию коррупции): «Изменения – это адекватный и своевременный ответ на те вызовы, которые сейчас стоят перед нашей страной»².

Рассмотрим некоторые особенности этого преступления. Ст. 208 УК РФ располагается в главе «Преступления против общественной безопасности

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ : принят Гос. Думой 6 июля 2022 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/404992157/#friends> (дата обращения: 17.08.2024).

² Как новый закон защитит безопасность России // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/54877.html> (дата обращения: 31.06.2024).

и общественного порядка». Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, является общая безопасность, включающая всю совокупность ее видов. Исходя из этого, преступление, указанное в части 3 рассматриваемой статьи, также посягает на общественные отношения, которые обеспечивают общую безопасность. Но, например, схожее деяние в Уголовном кодексе Республики Беларусь выделено в отдельный состав преступления и находится соответствующая норма в главе 32 «Преступления против государства» (ч. 1 ст. 361¹)¹.

Расположение данной нормы в уголовном законе Республики Беларусь представляется обоснованным, так как данное деяние наносит вред непосредственно именно государственной безопасности, а общественная безопасность является ее частью. Согласно ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещены создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни². По мнению М. М. Нафикова, в соответствии с указанной нормой Конституции Российской Федерации создание вооруженных формирований ставит в один ряд с преступлениями экстремистского характера, которые отнесены к преступлениям против основ конституционного строя [10, с. 75]. На наш взгляд, верным являлось законодательное решение о расположении ст. 208 УК РФ в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и отнесение его к преступлениям террористической направленности до внесения последних изменений. Однако общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 208 УК РФ, посягает на основы конституционного строя, безопасность государства, внутреннюю и внешнюю стабильность, суверенитет, территориальную целостность, обороносспособность, в совокупности ослабляет защищенность жизненно важных благ и интересов, личности, общества от исходящих внешних и внутренних угроз, что свойственно преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства [11, с. 87].

К тому же, если обратиться к разъяснению, содержащемуся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», то под незаконным вооруженным формированием в ст. 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружины или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З : текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 8 июля 2024 года : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт: URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 18.08.2024).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 17.08.2024).

или нарушения территориальной целостности Российской Федерации)¹. По мнению В. В. Мальцева, вооруженное формирование – «...это воинская часть или близкая к ней по своим основным параметрам (количеству членов, вооруженности, дисциплине и подготовленности к ведению боевых операций) вооруженная организация» [12, с. 44]. Привычный всем состав преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, предполагает привязку именно к вооруженной организации и соучастию особого рода, установленного в Особенной части УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 208 УК РФ установлена ответственность за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Однако возможно участие одного конкретного лица без участия именно в организации или в том или ином вооруженном формировании в вооруженном конфликте или военных действиях. Данный признак не указан в качестве обязательного в ч. 3 ст. 208 УК РФ. Таким образом, дополнение именно статьи 208 УК РФ частью 3 в нынешней редакции, как представляется, нельзя оценить однозначно положительно.

До последних изменений состав без каких-либо сомнений можно было относить к организованной террористической деятельности. На данный момент в силу последних изменений некорректно относить все деяния, предусмотренные в ст. 208 УК РФ, к террористической деятельности. Отнесение действий, предусмотренных в ст. 208 УК РФ, к террористической деятельности следует из анализа норм уголовного закона и Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон № 35-ФЗ)². По нашему мнению, не совсем верно считать, что участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, является террористической деятельностью само по себе. Согласно п. «в» ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ одним из проявлений террористической деятельности является организация вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре. Данная цель не всегда будет присутствовать в действиях лица, совершающего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 208 УК РФ. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1: с изменениями и дополнениями от 3 ноября 2016 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (дата обращения: 18.08.2024).

² О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ : принят Гос Думой 26 февраля 2006 года : одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения: 17.08.2024).

Таким образом, на сегодняшний день с момента принятия и вступления в силу УК РФ ст. 208 подверглась изменениям пять раз. Анализируя изменения, можно сделать вывод о тенденции расширении круга криминализированных деяний, а также об усилении наказания за совершение указанных в ст. 208 УК РФ деяний. Криминализация проявилась в дополнении действий, считающихся преступными (в частности, «финансирование» в 2006 г., установлении ответственности за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации в 2013 г.), в «расширении» состава преступления (установление в 2022 г. ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации). Правотворческое решение законодателя о включении ч. 3 в ст. 208 УК РФ свидетельствует о повышенном внимании к усилению охраны интересов государства и общенациональных интересов.

На данный момент для правильного толкования уголовно-правовой нормы, которая предусматривает ответственность за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. На наш взгляд, рассматриваемое общественно опасное деяние посягает на конституционный строй и безопасность государства. Кроме того, неверным является отнесение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, к террористической деятельности, что следует из анализа нормативных правовых актов. В качестве самостоятельного состава преступления участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих российским интересам (при отсутствии признаков преступления, которые предусмотрены в статье 275 УК РФ), должно быть предусмотрено в гл. 29 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барсенков, А. С. Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 75–105.
2. Громов, М. А. Бандформирования: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1 (21). С. 58–60.
3. Агапов, П. В., Хлебушкин А. Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политico-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : АНО «Юридические программы», 2005. 136 с.
4. Терроризм в России и проблемы системного реагирования : сб. ст. под редакцией профессора А. И. Долговой М. : Российская криминологическая ассоциация, 2004. 192 с.

5. Павлинов, А. В. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 123-129.
6. Антонов, А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
7. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. 177 с.
8. Энциклопедия уголовного права: Понятие уголовного права. Т. 1 / Б. В. Волженкин, Г. Ю. Лесников, М. А. Лопашенко, В. В. Мальцев и др. ; отв. ред. : В. Б. Малинин. СПб. : Изд-во профессора Малинина, 2005. 695 с.
9. Агапов, П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 60 с.
10. Нафиков, М. М. Понятие незаконного вооруженного формирования: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 73-76.
11. Кузнецов, А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 86-90.
12. Мальцев, В. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Российская юстиция. М. : Юрид. лит., 1999, № 2. С. 44-45.

REFERENCES

1. Barsenkov A.S. Vneshnyaya politika Rossii na nachal'nom etape stanovleniya novoj gosudarstvennosti (1991-1993) [Russia's Foreign Policy at the Initial Stage of the Formation of the New Statehood (1991-1993)]. Vestnik Moskovskogo universiteta – Vestnik of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics. 2013, no. 4, pp. 75-105.
2. Gromov M.A. Bandformirovaniya: problemy protivodejstviya [Gang formations: problems of counteraction]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no 1 (21), pp. 58-60.
3. Agapov P.V., Hlebushkin A.G. Organizaciya nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastie v nem: politiko-pravovoij, kriminologicheskij i ugolovno-pravovoij analiz [Organization of an illegal armed formation or participation in it: political-legal, criminological and criminal-legal analysis]. Moscow, 2005, 136 p.
4. Dolgovoj A.I. Terrorizm v Rossii i problemy sistemnogo reagirovaniya: Sbornik statej pod redakciej professora [Terrorism in Russia and the Problems of Systemic Response: Collection of Articles edited by Professor Dolgova A.I.]. Moskow, 2004, 192 p.
5. Pavlinov A. V. Zakonodatel'noe obespechenie bor'by s terrorizmom i drugimi proyavleniyami ekstremistskoj deyatel'nosti: ischerpany li resursy? [Legislative support for the fight against terrorism and other manifestations of extremist activity: are the resources exhausted?]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014, no 3, pp. 123-129.

6. Antonov A.D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08. [Theoretical foundations of criminalization and decriminalization: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08]. Moskow, 2001, 182 p.
7. Tobolkin P.S. Social'naya obuslovленность уголовно-правовых норм [Social determinacy of criminal law norms]. Sverdlovsk, 1983, 177 p.
8. Volzhenkin B.V., Lesnikov G.Yu., Lopashenko M.A., Mal'cev V.V. Enciklopediya ugolovnogo prava: Ponyatie ugolovnogo prava [Encyclopedia of Criminal Law: The Concept of Criminal Law]. St. Peteburg, 2005, 695 p.
9. Agapov P.V. Osnovy protivodejstviya organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti: avtoreferat dissertacii ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.08. [Fundamentals of combating organized criminal activity: abstract of the dissertation ... Doctor of Law: 12.00.08]. Moskow, 2013, 60 p.
10. Nafikov M.M. Ponyatie nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspeky [The concept of an illegal armed formation: criminal-legal and criminological aspects]. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii – Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2022, no. 3, pp. 73-76.
11. Kuznecov A.P. Ponyatie, obshchaya harakteristika prestuplenij protiv osnov konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva [Concept, general characteristics of crimes against the foundations of the constitutional order and state security]. Social'no-politicheskie nauki – Social and political sciences. 2017, no. 4, pp. 86-90.
12. Mal'cev V. Otvetstvennost' za organizaciyu nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastiya v nem [Responsibility for organizing an illegal armed formation or participation in it]. Rossijskaya yusticiya – Russian Justice. Moscow. 1999, no. 2, pp. 44-45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсянникова Алина Романовна, адъюнкт. Санкт-Петербургский университет МВД России; инспектор отделения по организации в пунктах пропуска по контролю в сфере миграции. Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербург и Ленинградской области. 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovsyannikova Alina Romanovna, postgraduate student, St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs; inspector of the department for organisation of migration control at checkpoints. Migration Department of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region. 198206, St. Petersburg, 1 Pilyutov Pilot str.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 180–190.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 180–190.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.82.61.017

**ОБЗОР ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОТЕРПЕВШЕГО,
ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
КОДЕКСЕ МОНГОЛИИ**

Попова Елена Ильинична, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, popovaelena03@yandex.ru

Введение. Изучение законодательства других государств играет важную роль в части обеспечения эффективного сотрудничества стран, развития научных исследований, снабжения граждан, направляющихся на территорию иностранного государства и находящихся там. Россия поддерживает с Монголией давние дружеские отношения, однако до настоящего времени в российских публикациях внимание правам и обязанностям лица, наделенного статусом потерпевшего в этой стране, совсем не уделяется либо уделяется на уровне отдельных фрагментов научных публикаций.

Материалы и методы. Всеобщий диалектический метод научного познания, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии, сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования. На основе использования названных методов установлено, что монгольский и российский уголовно-процессуальные кодексы в части, регламентирующей участие потерпевшего, имеют много общих черт, однако присутствуют и отличия. При этом в кодексах недостаточно внимания уделяется регламентации прав и обязанностей потерпевших юридических лиц, обеспечению потерпевших физических лиц бесплатной квалифицированной юридической помощью, защите прав и законных интересов этих субъектов в процессе доказывания, обеспечении возмещении вреда, причиненного преступными посягательствами.

Выводы и заключения. Сделан вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство Монголии в той части, в которой регламентирует процессуальный статус потерпевшего, во многом похоже на российское уголовно-процессуальное законодательство. Имеются и различия, обусловленные спецификой социально-политического, экономического, культурного, правового развития каждой из стран. В кодексах обоих государств недостаточно внимания уделяется правам и обязанностям потерпевших юридических лиц, обеспечению потерпевших физических лиц бесплатной квалифицированной юридической помощью, защите прав и законных интересов этих субъектов в процессе доказывания, обеспечению возмещения вреда, причиненного преступными посягательствами.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, потерпевший, Монголия, права и обязанности потерпевших, Уголовно-процессуальный кодекс, компаративистика

Для цитирования: Попова Е. И. Обзор прав и обязанностей потерпевшего, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Монголии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 180–190.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.82.61.017

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

OVERVIEW OF THE RIGHTS AND DUTIES OF THE VICTIM AS ENSHRINED IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF MONGOLIA

Elena I. Popova, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation, popovaelena03@yandex.ru

Introduction. The study of the legislation of other states plays an important role in ensuring effective cooperation between countries, development of scientific research, providing citizens traveling to the territory of a foreign country and staying there with recommendations on the rules to be followed in order not to be held legally liable. Russia maintains long-standing friendly relations with Mongolia, but to date, Russian publications have either not considered the rights and obligations of a person with the status of a victim in this country at all, or have only focused on the level of separate fragments of scientific publications.

Materials and Methods. Universal dialectical method of scientific cognition, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, comparative legal method.

The Results of the Study. On the basis of using the mentioned methods it was established that both Mongolian and Russian criminal procedure codes, in the part regulating the participation of the victim have many common features, but there are also differences. Thus, in the Codes not enough attention is paid to regulation of rights and duties of victims of legal entities, provision of victims of physical persons with free qualified legal assistance, protection of rights and legitimate interests of these subjects in the process of proving, provision of compensation of damage caused by criminal encroachments.

Findings and Conclusions: It is concluded that the criminal procedure legislation of Mongolia, in the part in which it regulates the procedural status of the victim, is in many ways similar to the Russian criminal procedure legislation. There are also differences due to the specifics of the socio-political, economic, cultural, and legal development of each country. The Codes of both States do not pay enough attention to the rights and obligations of injured legal entities, to provide injured individuals with free qualified legal assistance, to protect the rights and legitimate interests of these entities in the process of proof, to ensure compensation for harm caused by criminal encroachments.

Keywords: criminal procedural legislation, victim, Mongolia, rights and duties of victims, Code of Criminal Procedure, comparativism

For citation: Popova E.I. Overview of the rights and duties of the victim as enshrined in the criminal procedure code of Mongolia [Obzor prav i obyazannostej poterpevshego, zakreplennyh v Ugolovno-processual'nom kodekse Mongolii]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 180–190.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.82.61.017

Как известно, совершение преступлений является «неизменным спутником» существования человечества. Зачастую противоправные деяния наносят ущерб физическим и юридическим лицам. Именно поэтому действующее законодательство всех современных государств устанавливает статус лиц, пострадавших от преступных посягательств, наделяет их необходимыми для реализации своих прав «инструментами», закрепляя разумные, по мнению законодателя, обязанности и принудительные меры, необходимые для обеспечения поступательного производства по уголовным делам. Однако в разных странах подходы к регулированию соответствующих правоотношений различны. Для их изучения проводятся исследования сравнительно-правового характера, имеющие не только научно-теоретическое, но и практико-прикладное значение. Действительно, изучение законодательства других государств, сравнение его с национальным позволяет решать целый ряд разноплановых задач, в числе которых – дальнейшее развитие юридических наук [1, с. 30; 2, с. 55; 3; 4], способствование совершенствованию национального права [5], пониманию того, как государства различных правовых систем реагируют на процессы глобализации, общемировые проблемы (экологические, миграционные, связанные с транснациональной преступностью и пр.) [5, с. 17], объективная и системная оценка, определения эффективных путей международного сотрудничества в той или иной сфере [6], оптимизации отношений в области следственной, судебной и арбитражной деятельности различных стран [7, с. 197], формирование рекомендаций для обычных граждан, направляющихся на территорию иностранного государства и пребывающих там [8], и др.

В настоящее время взгляды не только представителей государственной власти Российской Федерации, но и ученых все чаще устремляются к странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Одной из стран, с которой нас связывают длительные дружественные отношения на всех уровнях, является Монголия. Между нашими странами наложены не только политические, торговые, но и научные связи. Так, например, на постоянной основе монгольские коллеги принимают участие в научных конференциях, форумах, проводимых по инициативе России¹. В то же время системный анализ научных и иных публикаций дает право указать на то, что исследований, посвященных уголовно-процессуальному статусу потерпевшего в современной Монголии, в нашей стране до настоящего времени не проводилось, в

¹ Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии. Азиатский юридический форум. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты.

связи с чем представляется целесообразным уделить внимание этому вопросу в рамках настоящей публикации.

В Монголии, равно как и в России, потерпевшим может быть признано как физическое, так и юридическое лицо (статья 8.1 Уголовно-процессуального кодекса Монголии (далее – УПК Монголии)¹, статья 42 УПК Российской Федерации). УПК Монголии в главе 8 закрепил ряд норм, регламентирующих правила участия потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем положения кодекса, определяющие права и обязанности названных субъектов, содержатся и в других статьях УПК Монголии. Рассмотрим их подробнее.

Монгольское уголовно-процессуальное законодательство наделяет потерпевшего целым рядом прав:

- самостоятельно защищать свои права и законные интересы либо прибегать для этого за помощью к адвокатам, иным юристам (п. 1.1 ч. 1 ст. 8.2, ч. 1 ст. 5.1, ст. 5.7 УПК Монголии);

- представлять предметы, документы, информацию и другие документы, необходимые для установления обстоятельств дела и подтверждения доказательств (п. 1.2 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии). Здесь же полагаем интересным остановиться на содержании статьи 16.10 УПК Монголии. Согласно ее первой части предметы, документы, информация и иные документы, представленные потерпевшим, его законным представителем, адвокатом, принимаются детективом и приобщаются к делу путем *внесения соответствующей отметки* (здесь и далее курсив наш – авт.) в материалах дела. Для сравнения: в России потерпевший, также имеющий право представлять предметы, документы для приобщения их в качестве доказательств (п. 4 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 86 УПК РФ), не всегда может рассчитывать на то, что представленные им материалы, объекты приобретут статус доказательств в связи с тем, что следователь может признать их не отвечающими критериям относимости и допустимости. К слову сказать, потерпевший в Монголии может ходатайствовать о приобщении доказательств к материалам уголовного дела и в рамках процедуры подготовки к судебному разбирательству (п. 6.10 ч. 6 ст. 33.1 УПК Монголии);

- заявлять ходатайства о проведении определенных следственных действий и исследовании доказательств (п. 1.3 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии), участвовать в следственном эксперименте, допросе, очной ставке, идентификации (опознании) (ч. 2 ст. 23.5, 25.1, 25.4, ст. 25.7 УПК Монголии);

- участвовать в судебных заседаниях, предварительных судебных заседаниях и заслушиваниях уголовного дела по существу (п. 1.4 ч. 1 ст. 8.2, ч. 2 ст. 25.1, 34.8, 35.8 УПК Монголии). При этом участие потерпевшего в суде первой инстанции (за исключением дел, которые рассматриваются судом в упрощенном порядке) возможно при условии, если потерпевший заявляет об этом письменное ходатайство (ч. 1 ст. 34.8 УПК Монголии). В любом случае, если потерпевший не явился в судебное заседание, суд должен выяснить мнение государственного обвинителя, подсудимого (его законного представителя) и адвоката, может ли дело быть рассмотрено в отсутствие этого участника уголовного судопроизводства. Если стороны сочтут его участие

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Монголии // Монгол улсын хууль.. URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 15.06.2024).

необходимым, судебное заседание может быть отложено (ст. 34.13, п.1.1. ч. 1 ст. 34.16 УПК Монголии);

- задавать вопросы подсудимым, свидетелям и экспертам с согласия председательствующего судьи (п. 1.5 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- обжаловать ход судебного разбирательства решения суда (включая приговор), прокурора и следователя в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом (п. 1.6 ч. 1 ст. 8.2, ч. 5 ст. 30.14, ч. 4 ст. 36.8, ч. 5 ст. 36.9, 38.1 УПК Монголии);

- давать свидетельские показания, в том числе на родном или хорошо известном языке, нанять переводчика (п. 1.7 ч. 1 ст. 8.2, ч. 1 ст. 16.3, п. 1.3 ч. 1 ст. 30.7 УПК Монголии). При этом потерпевший имеет право не свидетельствовать против себя или членов семьи, родителей или детей (п. 1.14 ч. 1 ст. 8.2, п. 4.6 ч. 4 ст.16.3 УПК Монголии);

- если дело «закрыто» или расследование завершено, ознакомиться с соответствующей частью материалов уголовного дела и ходатайствовать о проведении дополнительного расследования (п. 1.8 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии). Также согласно статье 32.1 УПК Монголии после завершения расследования детектив должен проинформировать об этом потерпевшего, гражданского истца, его законного представителя и адвоката, а также *предоставить им возможность*знакомиться с материалами уголовного дела. Обратим внимание, что в России для ознакомления с материалами уголовного дела потерпевший обязан заявить ходатайство (ст. 216 УПК РФ). При этом следователь может ограничить его ознакомление с материалами дела, например, в части вопросов, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317. 4 УПК РФ);

- требовать или истребовать возмещения ущерба, а также компенсацию за ущерб, причиненный преступлением, в том числе путем подачи жалобы о возмещении вреда и привлечении виновных к ответственности (п. 1.9, 1.12 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- получать копию оправдательного или обвинительного приговора, иного судебного решения (п. 1.10 ч. 1 ст. 8.2, ч. 1 ст. 36.13 УПК Монголии);

- требовать отвода судьи, прокурора, следователя, переводчика, эксперта, специалиста, секретаря суда (п.1.11 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- знакомиться с постановлением о назначении эксперта и заключением эксперта (п. 1.13 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- иные права, предусмотренные УПК РФ (п. 1.15 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии). В числе таких прав можно назвать следующие: знать о прекращении уголовного дела и обжаловать соответствующее решение (ч. 4 статьи 1.5 УПК Монголии), право на неприкосновенность личности (ч. 2 ст. 1.9 УПК Монголии), на обеспечение собственной безопасности (п. 2.4 ч. 2 ст. 4.1, ст. 13.1-13.2 УПК Монголии), быть защищенным прокурором, судом и рассчитывать на обеспечение права на юридическую помощь (п. 1 ст. 5.1, ч. 2 ст. 13.4, п. 1.3 ч. 1 ст. 31.4, 35.18 УПК Монголии), иметь законного представителя и представителя (право предоставляется юридическим лицам) (статья 9.5 УПК Монголии), инициировать применение в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу в случае, если он угрожает жизни, здоровью потерпевшего, может подвергнуть его опасности (ч. 1 ст. 14.9 УПК Монголии), участвовать в рассмотрении судом уголовного дела в упрощенном порядке (глава 17 УПК Монголии), получать уведомление об

отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 30.14 УПК Монголии), знать о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 32.5, ст. 32.6 УПК РФ), ходатайствовать о назначении или замене законного представителя (п. 6.2 ч. 6 ст. 33.1 УПК Монголии), ходатайствовать о примирении с потерпевшим в рамках подготовки к судебному разбирательству (п. 6.7 ч. 6 ст. 33.1 УПК РФ), участвовать в предварительном слушании (ч. 8 ст. 33.1 УПК Монголии), возражать против возвращения дела судом прокурору (ч. 2 ст. 33.3 УПК Монголии), высказывать мнение о привлечении подсудимого к уголовной ответственности и назначении ему наказания в любой момент судебного разбирательства (ч. 4 ст. 38.4 УПК Монголии).

Согласно части 2 статьи 16.10 УПК Монголии потерпевшие, их законные представители и адвокаты имеют право ходатайствовать перед судом, прокуратурой и детективами о проведении дополнительного расследования для установления обстоятельств, имеющих отношение к делу. При этом должно быть указано, какие именно обстоятельства следует дополнительно исследовать, в какой части необходимо провести расследование. Аналогичного права за потерпевшим в России не закреплено. Тем не менее он может в рамках предоставленной ему возможности заявлять любые ходатайства (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). И несмотря на то, что в соседнем государстве суд, прокурор или детектив могут полностью или частично отказать в удовлетворении ходатайства (ч. 4 ст. 16.10 УПК Монголии), представляется, что монгольский законодатель предлагает более развернутый подход к реализации соответствующих прав потерпевшему и лицам, представляющим его интересы в уголовном процессе. Следует заметить, что в любом случае решение об отказе в проведении дополнительного расследования в части, обозначенной потерпевшим, его адвокатом, законным представителем, может быть обжаловано в прокуратуру (ч. 5 ст. 16.10 УПК Монголии).

В отношении потерпевшего может быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, если есть основания полагать, что он не может объективно воспринимать обстоятельства дела и давать правильные показания (п. 2.3 ч. 2 ст. 27.1 УПК Монголии).

После объявления о завершении расследования потерпевший может знакомиться с материалами уголовного дела и делать из него выписки (ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 32. 1 УПК Монголии). При этом участник уголовного процесса вправе сделать запрос о предоставлении доступа к вещественным доказательствам, видео- и аудиозаписям, содержащимся в материалах расследования (ч. 4 ст. 8 УПК РФ). Ограничения на ознакомление (копирование, выписку) с материалами уголовного дела и иными доказательствами могут иметь место лишь в случаях, когда в них содержится информация, которая относится к государственной тайне (п. 5 ст. 8 УПК Монголии). Важно отметить, что если потерпевший использовал информацию, полученную из материалов уголовного дела для целей, отличных от тех, что связаны с его участием в уголовном судопроизводстве, он может быть привлечен к юридической ответственности.

Согласно части 6 статьи 8 УПК Монголии потерпевший при ознакомлении с материалами уголовного дела вправе заявить ходатайства и жалобы, связанные с расследованием (п. 6.1), в том числе ходатайство о дополнении списка потерпевших, свидетелей, экспертов и доказательств, которые будут вызваны в суд (п. 6.3).

УПК Монголии содержит и ряд норм, регламентирующих порядок участия потерпевших несовершеннолетних. Несмотря на открытый формат всех судебных

заседаний по уголовным делам в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, рассмотрение уголовного дела судом может проводиться в закрытом судебном заседании в случаях, когда это необходимо для обеспечения государственной и служебной тайны, секретной информации, относящейся к каким-либо учреждениям и конфиденциальной информации о людях (ст. 34.4 УПК Монголии).

В Монгольском уголовно-процессуальном законодательстве закреплен институт, некоторым образом сходный с российским особым порядком судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), - так называемый упрощенный порядок. Фактически речь идет о дифференциации уголовно-процессуальной формы применительно к рассмотрению уголовного дела судом. Участие в такой форме судебного разбирательства сопровождается закреплением ряда прав потерпевшего, к числу которых относятся: обязательное участие потерпевшего в упрощенном порядке судебного разбирательства, в случае если ранее было заявлено желание участвовать в разбирательстве (ч. 3 ст. 17.4, ч. 2 ст. 17.6 УПК Монголии). Примечательно, что такая форма судебного разбирательства, в отличие от российского особого порядка, процессуально в большей степени защищает потерпевшего, поскольку предполагает, что суд обязан выяснить у обвиняемого, согласен ли он возместить ущерб, причиненный в результате совершения преступления (ст. 17.6 УПК Монголии). Выражение такого согласия (наряду с установлением других обстоятельств: 1) подтверждено ли обвинение прокурором; 2) есть ли основания для уголовного преследования лица, нет ли оснований для прекращения уголовного дела, освобождения от уголовной ответственности и наказания) дает суду право вынести решение в упрощенном порядке [9].

Обратим внимание, что в Монголии, равно как и во многих странах, УПК закрепляет важное положение о том, что потерпевшему могут быть обеспечены меры безопасности. Так, согласно статье 8.4 УПК Монголии потерпевший, его законный представитель, адвокат и даже иждивенец потерпевшего могут обратиться в суд, прокуратуру и к детективам за помощью в обеспечении безопасности потерпевшего в соответствии с законом о защите свидетелей и потерпевших¹. Вопросы, связанные с обеспечением безопасности потерпевшего, закреплены в п. 2.4 ч. 2 ст. 4.1, ст. 13.1-13.2 и др. УПК Монголии.

По ходатайству потерпевшего, его законного представителя и адвоката детектив обязан уведомлять их о том, что к обвиняемому применена мера пресечения, она изменена или отменена, возбуждено или «закрыто» дело, приостановлено или возобновлено расследование, передано дело прокурору (ст. 8.3 УПК Монголии).

Если потерпевший скончался, является недееспособным или не в состоянии защищать свои права и законные интересы, права осуществляются его законным представителем (ч. 2 ст. 8.2 УПК Монголии).

Следует обратить внимание, что УПК Монголии ряд прав потерпевшего можно уяснить лишь путем системного изучения кодекса и иных нормативных правовых актов, например: право потерпевшего заявлять и поддерживать гражданский иск (ст. 32.10 и др.), знакомиться с решением о сокращенной процедуре уголовного

¹ ГЭРЧ, ХОХИРОГЧИЙГ ХАМГААЛАХ ТУХАЙ: МОНГОЛ УЛСЫН ХУУЛЬ. Улаанбаатар хот. 2013 оны 7 дугаар сарын 5-ны өдөр.

судопроизводства (ст. 17.5), не являться в судебное заседание, проводимое в общем / «традиционном» порядке (ч. 2 ст. 34.8) и т. п.

Что касается обязанностей потерпевшего, то среди них УПК Монголии называет:

- являться по вызову суда, прокурора, детектива (п. 2.11 ч. 2 ст. 4.1, п. 2.6 ч.2 ст. 6.2, ст. 12.1 и др. УПК Монголии). В случае неявки по вызову должностных лиц без уважительной причины потерпевший может быть подвергнут принудительному доставлению (ст. 12.3 УПК Монголии);

- давать точные показания по делу (п.3.2. ст. 8.2 УПК Монголии);
- не разглашать информацию, ставшую известной в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3.3. ст. 8.2 УПК Монголии);
- соблюдать уголовно-процессуальные процедуры (ч. 3.4. ст. 8.2 УПК Монголии). Если потерпевший воспрепятствовал уголовному разбирательству или дал ложные показания, он несет ответственность за нарушения в соответствии с Уголовным кодексом¹ или иным законодательством (ч. 4 ст. 8.2 УПК Монголии).

Согласно ст. 8.3 УПК Монголии в случае заявления соответствующего ходатайства прокурор обязан не позднее чем за 3 дня уведомить потерпевшего о судебных разбирательствах по следующим вопросам:

- об изменении меры пресечения, избранной обвиняемому;
- о передаче уголовного дела после окончания дознания и следствия в суд;
- о досрочном освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Следует обратить внимание и на нормы УПК Монголии, согласно которым потерпевший, его законный представитель и адвокат не имеют права знакомиться с материалами уголовного дела, содержащими данные о государственной, иной охраняемой законом тайне, а также информацию, владение которой потерпевшим может представлять угрозу безопасности этого субъекта, свидетеля, жертвы, подозреваемого или обвиняемого или может помешать проведению расследования (ч. 3,4 ст. 8.3 УПК Монголии)

Приведенный обзор прав и обязанностей потерпевшего, закрепленных в УПК Монголии, позволяет сформулировать вывод о том, что нормы монгольского и российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие участие потерпевшего в уголовном процессе, имеют много общих черт. Тем не менее отчетливо прослеживаются и некоторые отличия (приведем лишь некоторые наиболее существенные).

Так, в УПК Монголии прямо не закреплены нормы, нашедшие отражение в УПК РФ о правах потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний (п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания (п. 10 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Потерпевший по ходатайству вправе получать копии всех (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом) процессуальных документов,

¹ Уголовный кодекс Монголии. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 144 с.

затрагивающих его интересы (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (аналог монгольской сокращенной процедуры судебного разбирательства) (п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), выступать в судебных прениях (п. 15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), реализовывать право на уголовное преследование, поддерживать обвинение (ст. 20, п. 16 ч. 2 ст. 42 и др. УПК РФ), знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения (п. 20 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), возмещение расходов, понесенных в связи с участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя (ч. 3 ст. 42, ст. 131 УПК РФ) и некоторые другие.

В свою очередь, в УПК РФ также не закреплены отдельные права потерпевшего, которые предоставлены этому участнику уголовного судопроизводства в Монголии (ссылки на нормы закона не указываем по причине того, что они обозначены выше по тексту): *нанять переводчика, не свидетельствовать против членов семьи (в отличие от российского закона перечень более широкий), ходатайствовать о проведении дополнительного расследования, быть обеспеченным юридической помощью, высказывать мнение о привлечении подсудимого к уголовной ответственности и назначении ему наказания в любой момент судебного разбирательства и др.*

В целом в уголовно-процессуальных кодексах обеих стран, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется регламентации прав и обязанностей потерпевших юридических лиц, обеспечению потерпевших физических лиц бесплатной квалифицированной юридической помощью, защите прав и законных интересов этих субъектов в процессе доказывания, обеспечению возмещения вреда, причиненного преступными посягательствами.

Опыт иностранного государства в части правового регулирования уголовно-процессуальных прав потерпевшего, безусловно, интересен. Как отмечает М. Н. Марченко, «займствование норм, принципов, положений и институтов из государственно-правовых систем других стран, несомненно, представляет собой весьма важный аспект содержания прикладной функции сравнительного правоведения» [8, с. 168], однако те или иные положения закона другого государства целесообразно имплементировать в российский уголовный процесс только при условии взвешенного анализа необходимости соответствующих нововведений и обязательно с учетом национальных правовых традиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сайдов, А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. Москва : Юристъ, 2003. 448 с.
2. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права : сборник. Москва : Прогресс, 1981. С.36–86.
3. Лафитский, В. Сравнительное правоведение в образах права. Москва : Статут, 2010. 429 с.
4. Енгибарян, Р. В. Сравнительное конституционное право. Москва : Юристъ, 2005. 429 с.

5. Лушников, М. В., Лушников, А. М. Международное и сравнительное трудовое право и право социального обеспечения. Введение в курс : учебное пособие. Москва : Юрлитинформ, 2011. 304 с.
6. Малиновский, А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права : монография. Москва : Международные отношения, 2002. 376 с.
7. Немытина, М. В. Возможности адаптации в российском праве зарубежного и отечественного опыта // Жидковские чтения «Методологические проблемы сравнительного правоведения» : мат-лы Всерос. науч. конф., г. Москва, 27 марта 2009 г. М. : РУДН. 2009. С. 71–83.
8. Марченко, М. Н. Сравнительное правоведение: общая часть : учебник для юридических вузов. Москва: Зерцало, 2001. 560 с.
9. Попова, Е. И. Особенности разъяснения порядка возмещения ущерба монгольским гражданам, потерпевшим от преступных хищений на территории Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 21. С. 49–52.

REFERENCES

1. Saidov, A.H. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Comparative jurisprudence (the main legal systems of modernity)]. Moscow, 2003, 448 p.
2. Ansel, M. Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava [Methodological problems of comparative law]. Ocherki comparativnogo prava – Essays on Comparative Law. Moscow, 1981, pp.36-86.
3. Lafitsky, V. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazah prava [Comparative jurisprudence in the images of law]. Moscow, 2010, 429 p.
4. Yengibaryan, R.V. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo [Comparative constitutional law]. Moscow, 2005, 429 p.
5. Lushnikov, M.V., Lushnikov, A.M. Mezhdunarodnoe i sravnitel'noe trudovoe pravo i pravo social'nogo obespecheniya. Vvedenie v kurs [International and comparative labor law and social security law. Introduction to the course]. Moscow, 2011, 304 p.
6. Malinovsky, A.A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugolovnogo prava [Comparative jurisprudence in the field of criminal law]. Moscow, 2002, 376 p.
7. Nemytina, M.V. [Possibilities of adaptation in the Russian law of foreign and domestic experience]. ZHidkovskie chteniya «Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo pravovedeniya» : materialy Vseros. nauch. Konferencii [Zhidkov Readings “Methodological problems of comparative jurisprudence” : materials of the All-Russian scientific research. Materials of the All-Russian scientific conference, March 27, 2009.]. Moscow. 2009, pp. 71-83.
8. Marchenko, M.N. Sravnitel'noe pravovedenie: obshchaya chast' [Comparative jurisprudence: general part]. Moscow, 2001, 560 p.
9. Popova, E. I. Osobennosti raz"yasneniya poryadka vozmeshcheniya ushcherba mongol'skim grazhdanam, poterpevshim ot prestupnyh hishchenij na territorii Rossijskoj Federacii [Peculiarities of clarification of the order of compensation for damages to Mongolian citizens who have suffered from criminal theft on the territory of the Russian Federation]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2017, no. 21, pp. 49-52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Елена Ильинична, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминастики. Уфимский университет науки и технологий. 450076, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, дом 32. Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 670013, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская 40В, строение 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Elena Ilinichna, Doctor of Law, associate professor, professor forensic science department. Ufa University of Science and Technology. 450076, Volga Federal District, Republic of Bashkortostan, Ufa, St.Zaki Validi, apt. 32.

Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian State University of Technology and Management. 670013, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, 40B Klyuchevskaya St., building 1.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 191–201.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 4 (111). Pp.191–201.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.50.59.018

УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ ИТОГОВЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Попова Ирина Павловна, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск,
Российская Федерация, irinabaikal@mail.ru

Введение. Процесс реализации права невозможно регламентировать настолько подробно, чтобы исключить потребность в индивидуальном правовом регулировании. Властные субъекты уголовно-процессуальных правоотношений, возникших в связи с совершением преступления, для достижения целей уголовного судопроизводства принимают итоговые процессуальные решения. Праву должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, использовать дискреционные полномочия корреспондирует обязанность соблюдать требования к итоговым процессуальным решениям, в том числе требование мотивированности. Усмотрение в реализации права требуется и в случае пробельности правового регулирования, и при использовании оценочных категорий при принятии итоговых процессуальных решений. Традиционно усмотрение властных участников уголовного судопроизводства при принятии итоговых процессуальных решений рассматривается в качестве угрозы законности и правопорядку, почвы для произвола, коррупции и злоупотребления, в связи с чем важно не только определить роль усмотрения в механизме уголовно-процессуального регулирования, но и значение усмотрения при принятии итоговых процессуальных решений, завершающих производство по уголовному делу.

Материалы и методы. В основе исследования находятся уголовно-процессуальное законодательство, научные исследования в области теории государства и права, уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы обобщения, описания, сравнения и анализа.

Результаты исследования позволяют определить роль усмотрения как элемента правоприменения в механизме уголовно-процессуального регулирования, выявить его основания и пределы при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

Выводы и заключения. Современное состояние уголовно-процессуального регулирования имеет характерные особенности, к числу которых относятся вектор законодателя на конвергенцию различных отраслей права и поиск баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе. Создание эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования должно учитывать новое наполнение понятия публичности, которому свойственно то, что частные интересы не исключаются, не противопоставляются публичным, а выступают фундаментом государственных и общественных интересов и в равной степени находятся под охраной. При очевидном преобладании императивного метода правового регулирования современное состояние отечественного уголовного процесса характеризуется расширением диспозитивных начал. Представляется, что это также направлено на повышение активности невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений по реализации прав и свобод, их защите. При актуальном поиске законодателем средств материальной и процессуальной экономии важно не снижать уровень гарантий лиц, чьи права и интересы нарушены преступлением, а также тех, чьи права и законные интересы могут быть затронуты уголовным судопроизводством. Наличие поощрительных и оценочных норм в уголовном и уголовно-процессуальном праве призвано содействовать гуманизации и расширению процессуальных средств реакции государства на преступление, восстановлению нарушенных прав и интересов и (или) их компенсации. Увеличение значения правосознания участников уголовного судопроизводства может учитываться при выработке критериев, пределов и правомерности усмотрения, оценки проблем злоупотребления правами. Усмотрение выступает необходимым и значимым элементом правоприменения в механизме уголовно-процессуального регулирования, вместе с тем требуется продолжать научный поиск превентивных средств негативного проявления усмотрения властными участниками уголовного судопроизводства, компетентными на принятие итоговых процессуальных решений, повышение гарантий правосудности итоговых процессуальных решений и эффективности уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Ключевые слова: итоговые процессуальные решения, уголовное судопроизводство, усмотрение, усмотрение следователя, судейское усмотрение, внутреннее убеждение, мотивированность, оценочные категории, диспозитивность, дискреционные полномочия

Для цитирования: Попова И. П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 191–201

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.50.59.018

5.1.4 Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

DISCRETION IN MAKING FINAL PROCEDURAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Irina P. Popova, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, irinabaikal@mail.ru

Introduction: The process of implementing the right cannot be regulated in such detail as to eliminate the need for individual legal regulation. Authorities in criminal procedural legal relations that arose in connection with the commission of a crime make final procedural decisions to achieve the goals of criminal proceedings. The right of officials handling a criminal case to use discretionary powers corresponds to the obligation to comply with the requirements for final procedural decisions, including the requirement of justification. Discretion in implementing the right is required both in the event of a gap in legal regulation and when using evaluative categories when making final procedural decisions. Traditionally, the discretion of authorities in criminal proceedings when making final procedural decisions is considered a threat to legality and law and order, a basis for arbitrariness, corruption and abuse. In this regard, it is important not only to determine the role of discretion in the mechanism of criminal procedural regulation, but also the significance of discretion in making final procedural decisions that complete criminal proceedings.

Materials and Methods: The research is based on criminal procedure legislation, scientific research in the field of state and law theory, criminal proceedings. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as cognitive methods of generalization, description, comparison and analysis.

The Results of the Study allow us to determine the role of discretion as an element of law enforcement in the mechanism of criminal procedural regulation, to identify its grounds and limits when making final procedural decisions in criminal proceedings.

Findings and Conclusions: The current state of criminal procedural regulation has characteristic features, including the legislator's vector towards the convergence of various branches of law and the search for a balance between public and private interests in criminal proceedings. The creation of an effective mechanism for criminal procedural regulation should take into account the new content of the concept of publicity, which is characterized by the fact that private interests are not excluded, are not opposed to public ones, but act as the foundation of state and public interests and are equally protected. With the obvious predominance of the imperative method of legal regulation, the current state of domestic criminal proceedings is characterized by the expansion of dispositive principles. It seems that this is also aimed at increasing the activity of non-power participants in criminal procedural legal relations in the implementation of rights and freedoms, their protection. With the legislator's current search for means of material and procedural savings, it is important not to reduce the level of guarantees for persons whose rights and interests are violated by a crime, as well as those whose rights and legitimate interests may be affected by criminal proceedings.

The presence of incentive and evaluative norms in criminal and criminal procedural law is intended to promote humanization and expansion of procedural means of the state's response to a crime, restoration of violated rights and interests and/or their compensation. Increasing the importance of legal awareness of participants in criminal proceedings can be taken into account when developing criteria, limits and legality of discretion, assessing problems of abuse of rights. Discretion is a necessary and significant element of law enforcement in the mechanism of criminal procedural regulation, at the same time, it is necessary to continue the scientific search for preventive means of negative manifestation of discretion by authorities in criminal proceedings, competent to make final procedural decisions, increasing the guarantees of the justice of final procedural decisions and the effectiveness of criminal procedural activity, in general.

Keywords: final procedural decisions, criminal proceedings, discretion, investigator's discretion, judicial discretion, inner conviction, motivation, evaluative categories, dispositiveness, discretionary powers.

For citation: Popova I. P. Usmotrenie pri prinjatii itogovyh processual'nyh reshenij v ugolovnom sudoproizvodstve [Discretion in making final procedural decisions in criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 191–201 DOI: 10.55001/2312-3184.2024.50.59.018

Стремление к эффективности любого вида деятельности обусловлено решением задач для достижения цели этой деятельности. Вопросы целеполагания уголовно-процессуальной деятельности составляют предмет исследования многих авторов [1–3], и это обоснованно с учетом социальной значимости уголовного процесса, разрешающего возникшие в связи с преступлением острые конфликтные правоотношения, в которых могут быть реализованы самые строгие меры воздействия как санкции при наступлении юридической ответственности. Тем более, что об эффективности деятельности вне целевых ориентиров в целом не приходится говорить.

Эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования характеризуется качеством реализации права как процесса, что находит отражение в результате этого процесса – итоговом процессуальном решении.

Правоприменение как элемент механизма правового уголовно-процессуального регулирования характеризуется рядом проблем.

Во-первых, правоприменение в рамках реализации права как уголовно-процессуальная деятельность властных субъектов уголовно-процессуальных отношений не может быть детально регламентировано. Отношения в обществе развиваются гораздо стремительнее, нежели нормотворчество законодателя, отсюда возникают пробелы правового регулирования, обусловленные закономерными изменениями. При пробелах правового регулирования правоприменитель находится в поиске средств для разрешения правовой ситуации и принятия решения. Как верно отмечает В. В. Сорокин, «пробелы в законе не выискиваются, а заявляют о себе, явно обращают на себя внимание» [4, с. 351].

Во-вторых, пробелы правового регулирования могут быть порождением порока законодателя, который нередко допускает юридические коллизии (дефекты). Ю. В. Грачева обоснованно полагает, что «усмотрение, порожденное несоблюдением

требований к языку закона, является негативным и должно быть устранено путем внесения соответствующих изменений в закон» [5, с. 1328].

В-третьих, наличие относительно-определенных норм, норм с оценочными понятиями и категориями и норм, предоставляющих правоприменителю дискреционные полномочия выбора одного из нескольких законных вариантов решения, вызывает потребность реализации усмотрения правоприменителя.

В. В. Момотов отмечает, что законодатель не просто не успевает оперативно урегулировать изменяющиеся общественные отношения, но и в целом: «чем богаче общественная жизнь, чем свободнее человеческая инициатива, чем многообразнее конфликты, тем больше будет судейского усмотрения, так как никаких законов не хватит, чтобы охватить все разнообразие жизненных ситуаций» [6, с. 44]. Отсюда неизбежны правовые пробелы, восполнение которых возможно путем аналогии закона и аналогии права, основанных на усмотрении: «чтобы не возникало правовой анархии, и действует судейское усмотрение, которое апеллирует к рамкам закона и редко выходит за его пределы», – верно подчеркивает А. И. Ковлер [6, с. 44].

Таким образом, увеличение числа законов не означает, что правовое регулирование достигло совершенного уровня и отсутствуют пробелы. Более того, не только нарушение юридической техники, но и рост числа оценочных категорий в праве и потребность оперативно реагировать на динамично меняющиеся социальные отношения обусловливают реализацию усмотрения в механизме принятия итоговых процессуальных решений.

Зачастую действия правоприменителя по усмотрению воспринимаются с негативной оценкой и звучат предложения формализации усмотрения в уголовном праве и в уголовном процессе [7, с. 111]. Следует солидаризироваться с позицией, высказанной более века назад, что «действительно, прекрасное законодательство есть непременное условие, обеспечивающее суду правду и милость, но, увы, без сомнения, оно – условие не единственное. Еще не нашлось ни одного на земле средства, которое само в себе носило бы закон совершенства: пока оно в руках человеческих, до тех пор оно может служить орудием и добра и зла. То же нужно сказать и об учреждениях и законодательствах. ... Законы прекрасные бывают часто прекрасны только на бумаге, и чем больший нравственный упадок переживает общество, чем больше оно управляется страстями; чем в нем слабее слышится голос долга, тем ближе оно к опасности в таком деле, как суд, впадать не только в ошибки, но и в прямые и намеренные злоупотребления» [8, с. 29].

Современные авторы также вполне обоснованно указывают на риски подрыва нравственных начал при необоснованном субъективизме: «Складывающаяся правоприменительная практика, а порой и необоснованный субъективизм при принятии процессуальных решений сделали уголовный процесс социально уязвимым с позиций справедливости и стабильности» [9, с. 234].

Между тем представляется, что излишняя формализация уголовно-процессуальной деятельности, действия по шаблону, алгоритму, влекут другие угрозы – утрату гибкости правового регулирования, отсутствие индивидуального подхода к конкретным правоотношениям. Возможность использования «машины» взамен человека при принятии решений, в том числе итоговых процессуальных решений в целях объективизации, а также предлагаемые цифровизация всего и вся, внедрение

технологий искусственного интеллекта неспособны стать альтернативным выходом при поиске пределов усмотрения.

Риск вернуться к обоснованно критикуемой теории формальных доказательств гораздо опаснее, нежели риск последствий субъективного отношения правоприменителя. Реализация принципа свободы оценки доказательств основана на усмотрении правоприменителя, являющегося субъектом доказывания. Разумно полагать, что трансформация дискреционных начал вне обеспечения процессуальных гарантий способна создавать риски нарушения принципа состязательности сторон и независимости судей. Критериев достаточности доказательств в уголовно-процессуальном законе нет, следовательно, это выступает вновь оценочной категорией и напрямую обусловлено усмотрением властных участников уголовного судопроизводства при принятии итоговых процессуальных решений. Стремление придать формализованный подход, к примеру, путем применения алгоритмов искусственного интеллекта или использования результатов применения полиграфа в доказывании создает новые риски и угрозы. Как справедливо отмечает А. О. Машовец, «суть складывающейся следственно-судебной практики состоит в том, что специалист-полиграфолог дает оценку доказательственной базы по делу, а личные доказательства, достоверность которых подтверждается экспертом-полиграфологом, превращаются в «совершенные» [10, с. 213]. Солидаризируясь с другими авторами в стремлении любой ценой получить признание вины [11, с. 197] и что «основной целью проведения опроса с использованием полиграфа является выявление «виновных» знаний об обстоятельствах раскрываемого преступления [12, с. 20], следует подчеркнуть, что это явное проявление обвинительного уклона и нарушение ряда принципов уголовного судопроизводства.

В этом аспекте думается, что поиск «совершенного» способа получения и оценки доказательств, формализация усмотрения как элемента правоприменения при принятии итоговых процессуальных решений в механизме уголовно-процессуального регулирования несут гораздо большие риски и угрозы, чем видятся их сторонникам. При высказывании «вотума недоверия» правоприменителям почему-то идеализируются юниты искусственного интеллекта, не только порожденные усмотрением разработчика соответствующего программного обеспечения / алгоритма принятия решения (не лишенного как человек тех же недостатков, что следователь или судья), но и не взвешиваются риски способности юнитов искусственного интеллекта к самообучению.

С. В. Асташов верно полагает, что «снижение отрицательного эффекта судейского усмотрения возможно не путем более жесткого законодательного регулирования правоотношений, а выработкой на основе судебной практики опровергимых презумпций и толкования оценочных категорий» [13, с. 43].

Еще одним аспектом, требующим изучения при рассмотрении рисков, является выявление влияния профессионального правосознания на усмотрение правоприменителя и его роли в механизме правового регулирования. Н. К. Панько отмечает, что «профессиональное правосознание – это регулятор поведения судьи в разрешении вопросов, отнесенных к области судейского усмотрения. Это разновидность нормативно-оценочного сознания, поскольку оценка как специфический акт познания обусловливает процессуальное решение и выявляет

систему знаний судьи, выраженных в нем» [14, с. 266–267]. Отсюда можно определить в качестве гарантий требования, предъявляемые не только к уровню образования, но и его качеству при формулировании требований к кандидатам на должность судей, содержании кандидатского экзамена и обязательное повышение квалификации при отправлении правосудия. Однако подобных требований не содержится к иным субъектам, принимающим итоговые процессуальные решения в досудебном производстве. Можно возразить, что при современной ситуации очевидного кадрового голода как в системе органов, осуществляющих досудебное производство, так и в судебной системе, неактуально ставить вопрос о повышении квалификационных требований к правоприменителям. Между тем, учитывая, что сфера уголовно-процессуальных отношений имеет наиболее ощутимое воздействие на права, свободы и интересы субъектов этих отношений, выделим в качестве насущной проблемы, требующей оперативного разрешения, не только поиск процессуальных средств для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но и создание надлежащих условий ее реализации. Отсутствие надлежащих механизмов восстановления нарушенных прав, защиты интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, делает декларативными, не обеспеченными гарантиями многие положения действующего законодательства, что, в свою очередь, не может не сказываться на авторитете государства, представляемого должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Ю. М. Грошевой, рассматривая влияние профессионального правосознания на процесс принятия судебного решения, отмечал, что «этот процесс «испытывает» влияние таких факторов, как осознание судьей собственных обязанностей, стремление выразить личностное понимание нормативных требований в профессиональной деятельности и принимаемых решениях, отношение к решению и его правовым последствиям (доверие к собственному выводу)» [15, с. 62]. Представляется, что эта позиция сохраняет актуальность не только по отношению к судьям, но и к иным субъектам, принимающим итоговые процессуальные решения.

Возникает закономерный вопрос: может ли быть эффективным механизм уголовно-процессуального регулирования в отсутствие усмотрения правоприменителя при принятии итоговых процессуальных решений, и если этот элемент правоприменения необходим, то есть ли какая-то «золотая середина» в поиске баланса между положительными и отрицательными оценками усмотрения?

Регламентируя определенную свободу выбора при реализации прав, свобод и обязанностей граждан, законодатель обоснованно предоставил и возможность реализации усмотрения правоприменителю при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве. Однако это вовсе не означает как безграничную свободу, так и беспредельное усмотрение. Принимая итоговое процессуальное решение, следователь или судья основывают свою позицию на основе установленных фактических обстоятельств уголовного дела, в значимых пределах содержащихся в предмете доказывания с учетом требований ст. 73 УПК РФ¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 21 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. //

Требования законности, обоснованности, мотивирования и справедливости (несмотря на то, что такое требование не обозначено ко всем решениям) итоговых процессуальных решений выступают гарантией, обеспечивающей их правосудность: при условии соблюдения требований итоговое процессуальное решение обладает одноименными свойствами. Обязанность соблюдения этих требований возложена законодателем на профессиональных участников уголовно-процессуальных правоотношений, обладающих властными полномочиями по принятию итоговых процессуальных решений. Этому соответствует предоставленное право обжалования принятых решений в различных проверочных инстанциях в целях исправления возможной ошибки или нарушения. Обеспечивая гибкость правового регулирования и предусматривая оценочные нормы и категории в уголовно-процессуальном законе, законодатель в качестве правовой гарантии заложил в главе 2 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) как целевой ориентир уголовно-процессуальной деятельности и систему принципов уголовного судопроизводства, закрепивших не только конституционные принципы, но и отраслевые принципы, а в отдельных нормах предусмотрел механизмы их реализации.

На основе вышесказанного представляется, что к числу характерных особенностей текущего состояния уголовного судопроизводства можно отнести следующие:

1) очевидный тренд законодателя на конвергенцию различных отраслей права;

2) стремление законодателя достичь баланс публичных и частных интересов в уголовном процессе должно обеспечиваться эффективным механизмом уголовно-процессуального регулирования;

3) новое наполнение понятия публичности, характеризующееся тем, что частные интересы не исключаются, не противопоставляются публичным, а выступают фундаментом государственных и общественных интересов и в равной степени находятся под охраной;

4) расширение диспозитивных начал в уголовном процессе при обеспечении императивного метода правового регулирования эффективными правовыми средствами призвано активизировать невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений по реализации прав и свобод, их защите;

5) поиск средств материальной и процессуальной экономии не должен снижать уровень гарантий лиц, чьи права и интересы нарушены преступлением, а также тех, чьи права и законные интересы могут быть затронуты уголовным судопроизводством;

6) наличие поощрительных и оценочных норм в уголовном и уголовно-процессуальном праве призвано содействовать гуманизации и расширению процессуальных средств реакции государства на преступление, восстановлению нарушенных прав и интересов и / или их компенсации;

7) очевиден и рост значения правосознания участников уголовного судопроизводства, что может учитываться при выработке критериев, пределов и правомерности усмотрения, оценки проблем злоупотребления правами.

Оценка текущего состояния уголовно-процессуального регулирования и далее

является перспективным направлением для дальнейших исследований и выявления направлений его оптимизации, однако, очевидно, что в механизме достижения назначения уголовного судопроизводства усмотрение является необходимым и значимым элементом правоприменения, поэтому требуется продолжать научный поиск превентивных средств негативного проявления усмотрения властными участниками уголовного судопроизводства, компетентными на принятие итоговых процессуальных решений, повышение гарантий правосудности итоговых процессуальных решений и эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гапонова, В. Н., Мазунин, Я. М., Юсупова, О. А. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4 (20). С. 194–202.
2. Володина, Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 296 с.
3. Качалова, О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 109–112.
4. Сорокин, В. В. Фундаментальная теория права. М. : Юрлитинформ, 2020. 448 с.
5. Грачева, Ю. В. Язык закона и судейское усмотрение // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА) 2010. № 6. С. 1315–1329.
6. Судейское усмотрение в ситуации выбора: возможности и ограничения // Судья. 2019. № 7. С. 40–46.
7. Корнакова, С. В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 5 (186). С. 107–116.
8. Восторгов, И. И. Полное собрание сочинений. Том IV. Статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим. 1887–1912 г.г. Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения. М. : Книгоиздательство «Верность», 1916. С. 12–30.
9. Муратова, Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Б.Я. Гаврилова. М. : Юрлитинформ, 2021. 464 с.
10. Машовец, А. О. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 212–215.
11. Смолькова, И. В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. М. : Юрлитинформ, 2014. 432 с.
12. Роганов, С. А. Правовые основы использования полиграфа в правоохранительной деятельности Российской Федерации : учеб. пособие / СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 67 с.
13. Судейское усмотрение в ситуации выбора: возможности и ограничения. Размышления теоретиков и практиков // Судья. 2019. № 7. С. 40–45.
14. Панько, Н. К. Проблема справедливости в уголовном судопроизводстве //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 1 (4). С. 262–269.

15. Грошевой, Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистического правосудие. Харьков : Изд-во при Харьковском ун-те издательского объединения «Вища школа», 1986. 184 с.

REFERENCE

1. Gaponova, V. N., Mazunin Ya. M., Yusupova O. A. K voprosu o naznachenii ugolovnogo sudoproizvodstva [On the issue of the purpose of criminal proceedings]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2021, no. 4 (20), pp. 194-202.
2. Volodina, L. M. Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizacii [Purpose of criminal proceedings and problems of its implementation]. Moscow, 2018, 296 p.
3. Kachalova, O. V. Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva skvoz' prizmu material'nogo prava [Purpose of criminal proceedings through the prism of substantive law]. YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice. 2016, no. 3 (37), pp. 109-112.
4. Sorokin, V. V. Fundamental'naya teoriya prava [Fundamental theory of law]. Moscow, 2020, 448 p.
5. Gracheva, Yu. V. YAzyk zakona i sudejskoe usmotrenie [The Language of the Law and Judicial Discretion]. LEX RUSSICA (scientific works of the Moscow State Law Academy). 2010, no. 6, pp. 1315-1329.
6. Sudejskoe usmotrenie v situacii vybora: vozmozhnosti i ogranicheniya [Judicial Discretion in a Situation of Choice: Possibilities and Limitations]. Sud'ya – Judge. 2019, no. 7, pp. 40-46.
7. Kornakova, S. V. Usmotrenie kak rezul'tat formirovaniya vnutrennego ubezhdeniya sud'i [Discretion as a Result of the Formation of a Judge's Inner Conviction]. Lex Russica (Russian Law). 2022, vol. 75, no. 5 (186), pp. 107-116.
8. Vostorgov, I. I. Polnoe sobranie sochinenij. Tom IV. Stat'i po voprosam missionerskim, pedagogicheskim i publicisticheskim. 1887–1912 g.g. Sud nad Iisusom Hristom s yuridicheskoy tochki zreniya [Complete Works. Volume IV. Articles on missionary, pedagogical and journalistic issues. 1887-1912. The trial of Jesus Christ from a legal point of view]. Moscow, 1916, pp. 12-30.
9. Muratova, N. G. Ugolovnyj process: problemy i idei [Criminal Procedure: Problems and Ideas]. Moscow, 2021, 464 p.
10. Mashovets, A. O. K voprosu o vozmozhnosti formirovaniya sudebnyh dokazatel'stv s primeneniem poligrafa [On the Possibility of Forming Court Evidence Using a Polygraph]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Tomsk State University. 2015, no. 397, pp. 212-215.

11. Smolkova, I. V. *Priznanie obvinyaemym svoej viny: dokazatel'stvennoe i pravovoe znachenie* [Admission of Guilt by the Accused: Evidentiary and Legal Significance]. Moscow, 2014, 432 p.
12. Roganov, S. A. *Pravovye osnovy ispol'zovaniya poligrafa v pravoohranitel'noj deyatel'nosti Rossijskoj Federacii* [Legal basis for using a polygraph in law enforcement activities of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2018, 67 p.
13. Sudejskoe usmotrenie v situacii vybora: vozmozhnosti i ograničeniya. Razmyshleniya teoretikov i praktikov [Judicial discretion in a situation of choice: possibilities and limitations. Reflections of theorists and practitioners]. Sud'ya - Judge. 2019, no. 7, pp. 40-45.
14. Panko, N. K. *Problema spravedlivosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [The problem of justice in criminal proceedings]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo - Vestnik of the Voronezh State University. Series: Law. 2008, no. 1 (4), pp. 262-269.
15. Groshevoy, Yu. M. *Professional'noe pravosoznanie sud'i i socialisticheskogo pravosudie* [Professional legal consciousness of a judge and socialist justice]. Kharkov, 1986, 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Ирина Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Pavlovna Popova, Candidate of Law, Associate Professor , Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chairman of the Ust-Ilimsky City Court Irkutsk region in onorable retirement. 664074, Irkutsk, 110 Lermontov St.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 202–211.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 202–211.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.96.67.019

**ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Рудых Алексей Александрович¹, Хомковов Виктор Петрович²

¹Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Российская Федерация

²ГУ МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация

¹irkutianin38@gmail.com

²victorbox@mail.ru

Введение. В статье с позиций криминалистики рассматриваются вопросы внедрения цифрового рубля как современной формы национальной валюты. Приведены новеллы законодательства относительно цифровой валюты национального банка. Авторы указывают на особенности технологии цифрового рубля и потенциал последней для предотвращения и раскрытия различных преступлений. Предлагаются к дискуссии конкретные перспективные направления развития криминалистического инструментария на базе платформы цифрового рубля.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования явились нормативные акты: законы и постановления правительства, регулирующие вопросы внедрения в оборот цифрового рубля на территории Российской Федерации, а также научные исследования по проблемам криминалистического изучения проблем противодействия современным видам преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В ходе работы были использованы общенаучные и специальные методы научного познания (анализ, синтез, сравнение, аналогия, моделирование, системно-структурный метод и др.).

Результаты исследования. Авторами проанализированы функциональные свойства внедряемой технологии цифрового рубля с использованием криминалистического подхода. Приведены потенциально эффективные направления использования новой цифровой валюты Центрального банка Российской Федерации для предотвращения и раскрытия преступлений, связанных с дистанционным хищением денежных средств у граждан и государства. Обращено внимание на возможность обеспечения поиска похищенного имущества и возмещения ущерба, причиненного преступлениями в условиях использования цифрового рубля.

Выводы и заключения. В результате исследования сделаны выводы об имеющемся потенциале внедряемой государственной цифровой валюты как криминалистического средства противодействия современной преступности. Обращено внимание на важность соблюдения баланса между использованием новой валюты для обеспечения безопасности платежей и соблюдением гарантий ее привлекательности для субъектов предпринимательства и физических лиц.

Ключевые слова: цифровой рубль, технология, преступление, средство, валюта, условие, безопасность, хищение, платформа

Для цитирования: Рудых А. А., Хомкалов В. П. Цифровой рубль: перспективный инструмент противодействия преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч-практ. журнал. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 202–211.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.96.67.019

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

DIGITAL RUBLE TECHNOLOGY: A PROMISING TOOL FOR COMBATING CRIME

Alexey A. Rudykh¹, Viktor P. Khomkolov²

¹East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation,

²GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region, Irkutsk, Russian Federation,

¹irkutianin38@gmail.com

²victorbox@mail.ru

Introduction: the article, from the perspective of criminology, examines the issues of introducing the digital ruble as a modern form of national currency. New legislation regarding the digital currency of the national bank is presented. The authors point out the features of digital ruble technology and the latter's potential for preventing and solving various crimes. Specific promising directions for the development of forensic tools based on the digital ruble platform are proposed for discussion.

Materials and Methods: the theoretical basis of the study was regulations: laws and government regulations governing the implementation of the digital ruble in circulation on the territory of the Russian Federation, as well as scientific research on the problems of forensic study of the problems of countering modern types of crimes committed using information and telecommunication technologies.

In the course of the work, general scientific and special methods of scientific knowledge were used (analysis, synthesis, comparison, analogy, modeling, system-structural method, etc.).

The Results of the Study: the authors analyzed the functional properties of the implemented digital ruble technology using a forensic approach. Potentially effective areas for using the new digital currency of the central bank to prevent and solve crimes related to

the remote theft of funds from citizens and the state are given. Attention is drawn to the possibility of ensuring the search for stolen property and compensation for damage caused by crimes in the conditions of using the digital ruble.

Findings and Conclusions: as a result of the study, conclusions were drawn about the existing potential of the implemented state digital currency as a forensic means of combating modern crime. Attention is drawn to the importance of maintaining a balance between the use of the new currency to ensure the security of payments and compliance with the guarantees of its attractiveness for business entities and individuals.

Keywords: digital ruble, technology, crime, means, currency, security condition, theft, platform.

For citation: Rudykh A.A., Khomkolov V.P. Cifrovoj rubl': perspektivnyj instrument protivodejstviya prestupnosti [Digital ruble: a promising tool for combating crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 202–211.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.96.67.019

Стремительное развитие цифровой среды оказывает значительное влияние на развитие многих государственных институтов. В настоящее время сложно назвать какой-либо сегмент общественной жизни, который бы развивался изолированно от влияния информационных технологий, и финансовая система нашего государства здесь не является исключением. Технология распределенного реестра (блокчейн) является одним из перспективных инструментов взаимодействия финансовых институтов и общества. В настоящее время так называемые криптовалюты прочно вошли в жизнь многих частных пользователей не только как рискованный инструмент инвестирования, но и как средство проведения финансовых операций в обход различных ограничений, в том числе санкций со стороны недружественных государств.

В частности, Российская Федерация рассматривает цифровые финансовые активы на базе распределенного реестра в качестве инструмента расчетов с другими странами.

В августе 2023 года вступили в силу отдельные положения Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Новый закон предусматривает внедрение цифрового рубля в систему безналичных расчетов в Российской Федерации.

Цифровой рубль принято относить к так называемым «цифровым валютам центрального банка» (ЦБЦБ), которые широко исследуются не только на национальном, но и на международном уровнях. Несмотря на это, общепринятого определения таких валют до сих пор не выработано [1, с. 29].

Внедрение в оборот цифрового рубля многими экспертами справедливо расценивается как решение задач по созданию условий «устойчивости национальной платежной системы, способной противостоять расширяющемуся неформальному сектору альтернативных финансов» [2, с. 13]. По утверждению А. А. Ситника, цифровая валюта центрального банка устраняет «угрозу возникновения «цифрового средневековья» с его бесконтрольной эмиссией разнообразных частных виртуальных валют» [3, с. 182].

Согласно новому закону цифровой рубль выступает еще одной – третьей формой национальной валюты. Эмитентом цифровой национальной валюты и оператором «платформы цифрового рубля»¹ является Центральный банк Российской Федерации.

Кроме создания нормативных условий оборота цифрового рубля, также вводится ряд новых определений, таких как платформа цифрового рубля, правила платформы, ее участники, пользователи и определение цифрового счета. Ответственность за функционирование указанной цифровой платформы, а также за правильность учета операций с цифровым рублем возложена на Банк России.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» сообщалось, что его целью «является развитие платежной инфраструктуры в части расширения применения цифровых технологий гражданами, бизнесом и государством, повышения доступности, скорости, удобства и безопасности расчетов...»². В освещаемой теме нам интересны вопросы безопасности расчетов, что обусловлено сегодняшними тенденциями в развитии преступности.

По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, только за 7 месяцев 2024 года, зарегистрировано свыше 434 000 преступлений, совершенных с использованием информационных технологий или в сфере компьютерной информации, что почти на 17 % больше показателей аналогичного периода прошлого года³.

Следует обратить внимание, что сегодня каждое третье преступление, зарегистрированное на территории Российской Федерации, совершается с использованием информационных технологий. При этом большая доля указанных преступлений связана с дистанционными хищениями денежных средств у граждан и организаций, в том числе путем мошенничества, к тому же 80 % всех зарегистрированных мошенничеств совершается дистанционно⁴.

Работники правоохранительных органов отмечают, что в уголовных делах о подобных преступлениях зачастую фигурируют значительные суммы похищенных денежных средств. Нередко потерпевшие в результате таких преступлений лишаются всех накоплений, а также вопреки своей воле становятся должниками кредитных организаций, в некоторых случаях лишаются жилья.

В такой обстановке многие авторы: Д. Р. Сергеев, О. А Любименко, О. В. Савватеева расценивают указанные преступления как угрозу экономической

¹ «Платформа цифрового рубля» – информационная система, посредством которой взаимодействуют оператор, участники и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями.

² Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 270838-8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части формирования правовых основ для внедрения цифрового рубля). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 13.11.2023).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июль 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/54040412/> (дата обращения: 24.09.2024).

⁴ Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40 % // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18957905> (дата обращения: 14.11.2023).

безопасности государства [4, с. 77]. С этим сложно не согласиться. Только за 2024 год жителям Иркутской области в результате дистанционных мошенничеств был причинен материальный ущерб на сумму порядка 2 млрд рублей. Учитывая это, можно предположить, что суммарный ущерб гражданам нашей страны достиг угрожающих размеров. Кроме того, по мнению А. А. Рудых, Д. А. Степаненко, усугубляет ситуацию низкий процент раскрытия таких преступлений, а также эволюция механизмов и способов их совершения [5, с. 9].

Еще одним опасным направлением преступности является хищение бюджетных денежных средств, в том числе при исполнении национальных проектов Российской Федерации. Так, только за 9 месяцев 2022 года МВД России оценило размер хищений бюджетных средств на сумму, равную 16 млрд рублей.¹

Указанные преступления нередко объединяет один из элементов функциональной стороны, а именно операции по перечислению безналичных денежных средств в целях их хищения. Учитывая это, интерес к технологии цифрового рубля как технико-криминалистического средства нам представляется вполне понятным.

В настоящее время имеется ряд исследований по проблемам внедрения цифрового рубля, однако их большая часть посвящена вопросам влияния цифрового рубля на экономику, национальную платежную систему, доверие граждан к платежам и т. п. Вместе с тем отдельные авторы: К. Б. Беловицкий, М. В. Зосько, Е. А. Логинова, М. Н. Мартыненко исследуют вопросы технологии цифрового рубля как фактора влияния на преступность [6, с. 93]. Однако такие исследования малочисленные.

По нашему мнению, игнорировать антикриминальный потенциал этого инструмента ошибочно, потому как внедрение цифрового рубля предоставит большие возможности в противодействии отдельным видам преступлений.

Цифровой рубль принципиально отличается от частных криптовалют тем, что у него единственный эмитент в лице государства, который контролирует все аспекты его функционирования. Все операции с новой цифровой валютой будут происходить на единой информационной платформе, администрируемой Банком России. Кредитные организации, являющиеся участниками данной системы, будут подключены к ней на правах пользователей. Расчетные операции с цифровым рублем предполагается осуществлять с использованием программного модуля, разработанного Банком России.

В целях обеспечения безопасности указанных счетов и проведения транзакций Банк России будет использовать технологии криптографии и распределенного хранения данных. Это обеспечит достоверность данных об операциях по цифровым счетам и повысит надежность их хранения.

Выгодное отличие цифровой валюты от традиционных безналичных денежных средств заключается в том, что каждый цифровой рубль имеет свой уникальный цифровой код, позволяющий идентифицировать его на всем протяжении жизненного цикла. Это создает благоприятные условия осуществления криминалистической

¹ МВД оценило ущерб от хищения бюджетных средств в 2022 году // Прайм : сайт. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20221019/838507733.html?ysclid=lowy9egyyb584899334 (дата обращения: 14.11.2023).

идентификации, для которой, как известно, важны свойства индивидуальности и устойчивости признаков объектов, что отмечают В. В. Бирюков и Т. П. Бирюкова [7, с. 211].

В настоящее время криминалисты, в частности Пастухов П. С., исследуя вопросы так называемых искусственных идентификаторов, к которым можно отнести и цифровой код, признают развитие указанного направления весьма перспективным в рамках криминалистической идентификации [8, с. 213].

Кроме этого, устойчивость указанного идентификационного признака ограничена исключительно сроком хранения данных распределенного реестра, что создает благоприятные условия для следообразования и обеспечивает фактически бессрочный идентификационный период.

Учитывая сказанное, возможна реализация нескольких инструментов в криминалистических целях на базе технологии цифрового рубля:

1) для целей мониторинга операций по счетам платформы цифрового рубля целесообразно применение технологии «окрашивания» цифровой валюты. Об этой технологии уже высказывались специалисты Банка России¹. В перспективе реализация такого механизма будет способствовать предотвращению и раскрытию преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, выделенных на конкретные цели, а также с другими коррупционными проявлениями.

Благодаря технологии «окрашивания» процесс расходования бюджетных средств станет прозрачным, что является важным условием при финансировании муниципальных и государственных контрактов.

Кроме того, такая технология значительно усложнит, а в ряде случаев сделает невозможным совершение дистанционных хищений денежных средств у граждан, в том числе с использованием методов социальной инженерии.

Вместе с тем в случае необходимости проведения расследования по указанной категории уголовных дел будут обеспечены дополнительные благоприятные условия для установления всех обстоятельств совершения преступления и подозреваемых лиц благодаря идентифицирующим признакам цифровой валюты;

2) преимущество цифровой валюты заключается в программной гибкости, что позволяет задать определенные условия и алгоритмы ее использования. Например, задать условие расчета конкретной суммой цифровых рублей исключительно с конкретными субъектами экономической деятельности либо исключительно в определенный период и за индивидуализированные услуги и товары.

Описанную технологию называют «целевые деньги»² или «целевые метки» для цифровой валюты. Использование такой технологии позволит предотвратить преступления, связанные с хищением бюджетных средств путем их нецелевого использования. Кроме того, целевые метки могут использоваться физическими лицами в повседневной жизни для обеспечения сохранности своих накоплений, а также для

¹ ЦБ может вернуться к вопросу «окрашивания» цифровых рублей // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18661743> (дата обращения: 14.11.2023).

² Почему «умные деньги» продвигают большую идею «целевых денег» // block-chain24.com : сайт. URL: <https://www.block-chain24.com/articles/pochemu-umnye-dengi-prodvigayut-bolshuyu-ideyu-celevykh-deneg?ysclid=loz93f11v9426439185> (дата обращения: 14.11.2023).

обеспечения безопасности своих близких родственников. Например, зачисленные законными представителями цифровые рубли на школьные обеды несовершеннолетние смогут потратить исключительно на приобретение продуктов питания. Родителям остается только внести определенное условие к выданным подростку цифровым рублям;

3) внедрение платформы цифрового рубля позволяет вовлечь в широкий оборот систему «смарт-контрактов»¹ или «умных контрактов», которые представляют собой компьютерный алгоритм и в автоматическом режиме позволяют обеспечивать соблюдение условий сделок и их оплату цифровыми рублями. Умные контракты основаны на криптографии и способны гарантировать безопасность многих гражданско-правовых сделок. Все условия сделки, а также штрафы и иные санкции за неисполнение таких условий можно прописать в алгоритме контракта. В случае выполнения всех условий сделки покупатель или заказчик получает товар или услугу соответственно, а продавцу или подрядчику автоматически перечисляются цифровые рубли.

Вопрос применения смарт-контрактов в качестве средства обеспечения экономической безопасности уже рассматривался в работе И. С. Стукало [9, с. 249]. Если исследовать указанную технологию с криминалистических позиций, мы полагаем, что она может быть использована для предотвращения преступлений, связанных с освоением денежных средств в рамках исполнения государственных и муниципальных контрактов, а также для профилактики дистанционных мошенничеств в части обеспечения безопасности и прозрачности такого рода сделок между физическими лицами и организациями;

4) технология цифрового рубля представляет интерес в рамках криминалистического обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением. Как известно, преступления корыстной направленности, связанные с хищением бюджетных средств, нередко отличаются сложными схемами движения денежных средств, использованием подставных организаций, офшоров и запутанных процедур легализации. Все эти действия являются способом сокрытия похищенного, что затрудняет деятельность правоохранительных органов по его отысканию и изъятию, на что указывает В. О. Лапин [10, с. 384].

В случае хищения цифровых рублей деятельность правоохранительных органов по их отысканию и наложению ареста будет упрощена в значительной степени. Учитывая технологию цифрового рубля, любые индивидуализированные суммы могут быть дистанционно заморожены Банком России, перечислены на другой цифровой счет или даже аннулированы. Указанный алгоритм применим и в отношении похищенного имущества физических лиц, если для сделки использовались цифровые рубли.

В заключение необходимо сказать, что сегодня перед нашим государством стоит непростая цель: с одной стороны, использовать возможности технологии блокчейна в виде цифровой валюты для повышения устойчивости, безопасности экономики и

¹ Смарт-контракт (smart contract, умный контракт) – это компьютерный протокол, предназначенный для автоматизации исполнения условий и соглашений в рамках децентрализованных систем. Это компьютерная программа, которая отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств при сделках.

защиты общества от преступных посягательств, а с другой стороны, обеспечить модернизацию национальной платежной системы и при этом сохранить привлекательность цифрового рубля для субъектов экономической деятельности.

Поиск такого баланса представляется весьма сложной задачей, вклад в решение которой смогут принести криминалистические, экономические и другие междисциплинарные исследования этой проблемы. Безусловно, позитивным фактором является то обстоятельство, что Россия как современное государство одной из первых внедряет цифровой рубль в качестве одного из самых технологичных финансовых инструментов в мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Санникова, Л. В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 27–44.
2. Абрамова, М. А., Куницына Н. Н., Дюдикова Е. И. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 4. С. 6–16.
3. Ситник, А. А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 180–186.
4. Сергеев, Д. Р., Любименко О. А., Савватеева О. В. Мошенничество в сети интернет как угроза экономической безопасности государства // Теоретическая экономика. 2020. № 3 (63). С. 76–84.
5. Рудых, А. А., Степаненко, Д. А. Информационные технологии в криминалистической деятельности: монография. М. : Юрлитинформ, 2022. 168 с.
6. Беловицкий, К. Б., Зосько М. В., Логинова Е. А., Мартыненко М. Н. Влияние цифрового рубля на состояние экономической преступности как фактор обеспечения экономической безопасности страны // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 93–99.
7. Бирюков, В. В., Бирюкова, Т. П. Криминалистическая идентификация как специальный метод криминастики и ее роль в расследовании преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 209–215.
8. Пастухов, П. С. Эволюция криминалистической идентификации как метода научного познания в информационном обществе / П. С. Пастухов // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов IX Междунар. научно-практ. конф. Пермь, 06–08 апреля 2022 года / сост. А. И. Согрина. Том 2. Пермь : Пермский институт, С. 211–215.
9. Стукало, И. С. Использование смарт-контрактов для повышения уровня экономической безопасности // Молодой ученый. 2023. № 12 (459). С. 249–251. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100888/> (дата обращения: 15.11.2023).
10. Лапин, В. О. Актуальные вопросы обеспечения возмещения ущерба по уголовным делам о преступлениях, связанных с освоением бюджетных средств // Финансовая политика государства: современные тенденции и перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Рязань, 20 мая 2016 г. / под общей редакцией Л. А. Маленковой. Рязань : ФКОУ ВО Академия ФСИН России, 2016. С. 381–390.

REFERENCES

1. Sannikova, L. V. Pravovye osnovy cifrovyyh valyut central'nyh bankov i cifrovogo rublya [Legal bases of central banks' digital currencies and digital ruble]. Financial Journal – Finansovyj zhurnal. 2023, vol. 15, no. 5, pp. 27-44.
2. Abramova, M. A., Kunitsina N. N., Dyudikova E. I. Perspektivy vnedreniya cifrovogo rublya v denezhnyj oborot Rossii: atributy i principy formirovaniya doverennoj cifrovoj sredy [Prospects for the introduction of the digital ruble in the monetary circulation of Russia: attributes and principles of formation of a trusted digital environment]. Finansy: teoriya i praktika – Finance: theory and practice. 2023, no. 4, pp. 6-16.
3. Sitnik, A.A. Cifrovye valyuty central'nyh bankov [Digital currencies of central banks]. Vektor yuridicheskoy nauki. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Vector of legal science. Vestnik of O.E. Kutafin University. 2020, no. 9, pp. 180-186.
4. Sergeev, D. R., Lyubimenco O. A., Savvateeva O. V. Moshennichestvo v seti internet kak ugroza ekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva [Fraud in the Internet as a threat to the economic security of the state]. Teoreticheskaya ekonomika – Theoretical Economics. 2020, to. 3(63), pp. 76-84.
5. Rudykh A.A., Stepanenko D.A. Informacionnye tekhnologii v kriminalisticheskoy deyatel'nosti: monografiya [Information technologies in criminalistic activity: a monograph]. Moscow. 2022. 168 p.
6. Belovitsky K.B., Zosko M. V. V., Loginova E. A., Martynenko M. N. Vliyanie cifrovogo rublya na sostoyanie ekonomicheskoj prestupnosti kak faktor obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti strany [Influence of the digital ruble on the state of economic crime as a factor in ensuring economic security of the country]. Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economics and Entrepreneurship. 2021, no. 4 (129), pp. 93-99.
7. Biryukov, V. V., Biryukova T. P. Kriminalisticheskaya identifikaciya kak special'nyj metod kriminalistiki i ee rol' v rassledovanii prestuplenij [Criminalistic identification as a special method of criminalistics and its role in the investigation of crimes]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review. 2019, no. 2, pp. 209-215.
8. Pastukhov, P. S. [Evolyuciya kriminalisticheskoy identifikacii kak metoda nauchnogo poznaniya v informacionnom obshchestve] Penitenciarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodejstviya: Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Evolution of criminalistic identification as a method of scientific cognition in the information society. Penitentiary system and society: experience of interaction: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference]. Perm, Pp. 211-215.
9. Stukalo, I. S. Ispol'zovanie smart-kontraktov dlya povysheniya urovnya ekonomicheskoj bezopasnosti [The use of smart contracts to improve economic security]. Molodoj uchenyj – Young Scientist. 2023. No 12 (459). Pp. 249-251. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100888/> (date of address: 15.11.2023).
10. Lapin, V. O. [Topical issues of ensuring compensation for damages in criminal cases involving offences related to the use of budgetary funds] Finansovaya politika gosudarstva: sovremennye tendencii i perspektiv: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Actual issues of ensuring compensation for damages in criminal cases of crimes related to the development of budgetary funds. Financial policy of the state: modern trends and prospects: Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Ryazan, 2016, pp. 381-390.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудых Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия. 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а.

ORCID ID: 0000-0002-4015-1124

Хомковов Виктор Петрович, кандидат юридических наук, заместитель начальника. Бюро специальных технических мероприятий ГУ МВД России по Иркутской области. 664003, г. Иркутск ул. Литвинова, 15.

ORCID ID: 0009-0002-7793-3979

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rudykh Alexey Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil, administrative and criminal proceedings. East Siberian branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice. 664074, Irkutsk, st. Ivana Franko, 23-a.

ORCID ID: 0000-0002-4015-1124

Khomkolov Viktor Petrovich, candidate of legal sciences, Deputy Head of the Bureau. Special Technical Events of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region 664003, Irkutsk, 15 Litvinova str.

ORCID ID: 0009-0002-7793-3979

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 212–221.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 212–221.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.64.020

**ВРУЧЕНИЕ ОБВИНИЕМОМУ КОПИИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА**

Савченко Анна Николаевна, Омская академия МВД России, г. Омск,
Российская Федерация, shilovaanna@inbox.ru

Введение. В статье рассматриваются изменения, внесенные на основании Федерального закона Российской Федерации от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому, защитнику и потерпевшему в электронном виде.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регулирующие порядок пользования техническими устройствами в следственных изоляторах, материалы судебной практики. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод познания, логической дедукции, индукции.

Результаты исследования позволили определить порядок вручения копии обвинительного заключения в виде электронного документа.

Выводы и заключения. Предложены меры, направленные на совершенствование законодательства, регламентирующего порядок вручения копии обвинительного заключения в виде электронного документа.

Ключевые слова: копия, обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвиняемый, усиленная квалифицированная электронная подпись

Для цитирования: Савченко А. Н. Вручение копии обвинительного заключения в виде электронного документа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч-практ. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 212–221.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.64.020

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

SERVING THE ACCUSED WITH A COPY OF THE INDICTMENT IN THE FORM OF AN ELECTRONIC DOCUMENT

Anna N. Savchenko, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, shilovaanna@inbox.ru

Introduction: The article discusses the changes made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by Federal Law No. 672 -FZ of December 25, 2023 regarding the delivery of a copy of the indictment (act, resolution) to the accused, defender and victim in electronic form.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, local regulations governing the use of technical devices in pre-trial detention facilities, materials of judicial practice. The methodological basis of the research was the general dialectical method of cognition, logical deduction, and induction.

The Results of the Study: allowed us to determine the procedure for handing over a copy of the indictment in the form of an electronic document.

Findings and Conclusions: proposed measures aimed at perfecting legislation governing the procedure for serving a copy of the indictment as an electronic document.

Keywords: copy, indictment, indictment, accused, enhanced qualified electronic signature

For citation: Savchenko A. N. Vruchenie obvinyaemomu kopii obvinitel'nogo zaklyucheniya v vide elektronnogo dokumenta [Handing over a copy of the indictment in the form of an electronic document]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 212–221.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.64.020

За последние 20 лет активное внедрение цифровых технологий кардинально изменило нашу жизнь. Цифровизация расширила возможности хранения и быстрой передачи информации на большие расстояния, позволила создать цифровой профиль каждого гражданина, учиться, работать, не выходя из дома, и даже использовать искусственный интеллект. Активное внедрение достижений научно-технического прогресса во все сферы жизни не обошло стороной и уголовный процесс.

В УПК РФ внесены значительные изменения, касающиеся цифровизации уголовного процесса: в 2021 г. разрешено проведение следственных действий (допроса, очной ставки, опознания) путем использования видео-конференц-связи¹, в

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 501-ФЗ : принят Гос. Думой 22 декабря 2021 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2021 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения: 23.09.2024).

2022 г. расширены возможности использования видео-конференц-связи и подачи документов в электронном виде в суд¹, в 2023 г. установлена возможность предоставления электронных документов в ходе досудебного производства, вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому, защитнику, потерпевшему в электронном виде². Все это свидетельствует о том, что уголовный процесс пытается идти в ногу со временем, но, к сожалению, вносимые изменения не всегда облегчают работу правоприменителей.

Новеллы, внесенные в ст. 222 УПК РФ, направлены на упрощение порядка обмена документами между участниками уголовного судопроизводства и снижение процессуальных издержек. Попробуем разобраться, насколько возможно их реализовать.

Существующая практика вручения обвинительного заключения (акта, постановления) не всегда обеспечивает права сторон. Имеют место факты фальсификации документов, подтверждающих вручение обвинительного заключения (акта, постановления). Так, постановлением Тернейского районного суда (Приморский край) уголовное дело 46/2014 в отношении трех обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ, возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий рассмотрения дела судом. Обвиняемые не получили копии обвинительного акта, хотя в деле присутствовали расписки о получении. Расписки обвиняемые подписали по просьбе дознавателя, когда знакомились с материалами дела. Дату в расписках не ставили, она написана не их почерком. Копии обвинительных актов фактически не вручены обвиняемым.

В приведенном примере видно, что нарушения имеются как в действиях дознавателя, сфальсифицировавшего расписки от имени обвиняемых, так и в действиях прокурора, не исполнившего свои обязанности по вручению обвинительного акта.

На практике прокурор нередко поручает органу дознания и следователям обеспечивать явку обвиняемого в прокуратуру для вручения обвинительного заключения или делегирует им свои полномочия по вручению обвинительного заключения (акта, постановления) с обязательным фотографированием обвиняемого с обвинительным заключением (актом, постановлением), хотя законом предусмотрено вручение обвинительного заключения (акта, постановления) по поручению прокурора только в случаях, когда обвиняемый содержится под стражей администрацией следственного изолятора. Не очень понятно, почему, несмотря на то что прокурор имеет право доступа на территорию следственных изоляторов, его обязанности возложены на администрацию места содержания под стражей.

Вопрос перекладывания своих полномочий прокурором по вручению обвинительного заключения (акта, постановления) на следователя, дознавателя

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 610-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря 2022 года: одобрен Советом Федерации 23 декабря 2022 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436168/ (дата обращения: 23.09.2024).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 672-ФЗ : принят Гос. Думой 15 декабря 2023 года : одобрен Советом Федерации 22 декабря 2023 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465608/ (дата обращения: 23.09.2024).

неоднократно обсуждался учеными: Т. А. Гумеровым [1, с. 25–27], А. В. Шуваткиным [2, с. 264–267], но до настоящего времени законодатель на это внимания не обратил.

Направление обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому в электронном виде посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных услуг (функций)» (далее – Единый портал), несомненно, позволит избежать сложностей, возникающих при вручении обвинительного заключения (акта, постановления) в бумажном виде. Вместе с тем необходимо обратить внимание на практику вручения приговоров в электронном виде в судах. Хотя данная норма в УПК РФ действует с 2017 г., но работа по вручению приговоров в электронном виде не доведена до совершенства, что зачастую приводит к отмене приговоров: несоответствие электронной копии приговора оригиналу¹, несвоевременное направление решения², отсутствие согласия подсудимого на вручение приговора в электронном виде³.

Законодателю следовало бы учесть недостатки и обозначить момент, который будет считаться вручением копии обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде обвиняемому, который под стражей не содержится, так как по смыслу закона расписка о получении обвинительного заключения (акта, постановления) должна быть получена от обвиняемого, который содержится под стражей. На наш взгляд, оптимальной была бы реализация нормы в следующем виде: «Обвинительное заключение (акт, постановление) считается врученным в день его направления на указанный обвиняемым, защитником, потерпевшим электронный адрес». Подтверждением вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) может являться фотография электронной почты или простая отметка прокурора на обвинительном заключении (акте, постановлении) о том, что документ отправлен посредством того или иного документооборота с указанием даты и времени. В свою очередь обвиняемый, давший согласие на получение копий процессуальных документов в электронном виде, не сможет ссылаться на то, что по каким-то причинам не реализовал свое право на получение обвинительного заключения (акта, постановления), например: не смог прочитать документы или случайно удалил письмо, поступившее по электронной почте, и т. д.

Если законодатель не определит момента вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде, то существующая в настоящее

¹ По жалобе осужденного Гранкина С. А. на приговор Меленковского районного суда Владимирской области от 7 июля 2021 г. : постановление Владимирского областного суда от 22 сентября 2021 г. № 33RS0013-01-2021-000412-48 по делу № 22-1889/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL.: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

² По жалобе адвоката Козлова Е. В. на постановление Нукутского районного суда Иркутской области от 26 марта 2018 года : определение суда апелляционной инстанции Иркутского областного суда от 8 мая 2018 г. по материалу № № 22-1354/2018URL. : // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL.: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

³ По жалобе осужденного Корякина Р. Г., его защитника-адвоката Лупановой Л. В. на постановление Вилюйского районного суда Республики Саха (Якутия) от 7 февраля 2019 г. : постановление суда апелляционной инстанции Верховного Суда Республика Саха (Якутия) от 4 апреля 2019 г. № 22-465 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL.: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

время проблема подтверждения уклонения от получения обвиняемым обвинительного заключения (акта, постановления) останется.

Закон не определяет, в какие сроки и какие именно необходимо собрать документы прокурору в подтверждение уклонения обвиняемого от получения копии обвинительного заключения (акта, постановления). Верховным Судом Российской Федерации в п. 15 Постановления Пленума от 22 декабря 2009 года № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» указывается, что суд проверяет, вручена ли копия обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому. В каждом конкретном случае необходимо выяснить, по каким причинам обвиняемому не вручена копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, оформлен ли отказ в ее получении в письменном виде, подтвержден ли документально факт неявки по вызову и т. п. Анализ судебной практики показал, что единообразия в оформлении уклонения обвиняемого от получения копии обвинительного заключения (акта, постановления) у прокуроров нет. Обнаруживаются следующие формы подтверждения уклонения обвиняемого от получения обвинительного заключения (акта, постановления): направление обвинительного заключения обвиняемому заказными письмами¹, оформление рапортами осуществления телефонных звонков обвиняемому, оформление прокурором акта о невозможности вручения обвинительного заключения², составление рапортов сотрудниками МВД России, объяснения граждан³. Предпринимаемые прокурорами меры по установлению факта уклонения обвиняемого от получения обвинительного заключения (акта, постановления) не всегда признаются судом достаточными и в таких случаях уголовные дела направляются судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Так, апелляционным определением Ивановского областного суда по делу № 22-684 от 28 апреля 2019 г. отменено постановление нижестоящего суда и направлено уголовное дело прокурору для устранения препятствий рассмотрения судом. Судом первой инстанции было рассмотрено уголовное дело, которое направлено прокурором в суд с указанием отсутствия возможности вручения копии обвинительного заключения обвиняемому (обвиняемый по месту жительства отсутствует). Направленные уведомления о необходимости явки для вручения обвинительного заключения, поручения об установлении его местонахождения результатов не дали, избранную меру пресечения в виде подписки о невыезде и

¹ Об оставлении постановления мирового судьи без изменения, апелляционного представления без удовлетворения : постановление Центрального районного суда г. Воронежа № 10-12/2015 от 5 августа 2015 г. по делу № 10-12/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

² О возвращении уголовного дела прокурору : постановление от 9 сентября 2014 г. № 1-335/2014 Солнцевского районного суда г. Москва // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

³ По апелляционному представлению государственного обвинителя – помощника прокурора Миякинского района РБ Загидулина И. Р. на постановление мирового судьи судебного участка № 1 по Миякинскому району Республики Башкортостан от 13 июня 2018 г: апелляционное постановление дело № 10-8/2018 от 17 июля 2018 г. с. Киргиз-Мияки Стерлибашевский межрайонный суд Республики Башкортостан // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

надлежащем поведении обвиняемый нарушил. В деле имелись пять рапортов оперуполномоченного уголовного розыска об отсутствии возможности установления местонахождения обвиняемого по месту его жительства. Суд пришел к выводу, что предпринятые прокурором меры, направленные на вручение копии обвинительного заключения, являются формальными. Прокурором не принято исчерпывающих мер по установлению местонахождения обвиняемого, его извещению, вызову и обеспечению явки для вручения копии обвинительного заключения¹.

Исходя из изложенного, считаем необходимым: установить срок, в течение которого обвиняемый должен явиться к прокурору за копией обвинительного заключения (акта, постановления) в бумажном виде; определить, в какой срок после неявки обвиняемого прокурор должен собирать документы, подтверждающие уклонение обвиняемого от получения копии обвинительного заключения (акта, постановления) и какие именно документы будут это подтверждать. На наш взгляд, пакет документов должен включать проверку по оперативным учетам (нахождение под стражей, административный арест и т. д.), проверку по месту жительства, работы, учебы, беседы с знакомыми, родственниками обвиняемого, проверку на возможность выезда из населенного пункта, проверку на возможность нахождения в больнице или смерти. Если обвиняемый не желает получать копию обвинительного заключения (акта, постановления), необходимо оформлять отказ письменно или с помощью видеофиксации. При заявлении ходатайства о получении обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде – направлять копию обвинительного заключения (акта, постановления) защитнику. Дату направления считать датой вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому.

Для оценки перспектив использования обновленной редакции ст. 222 УПК РФ обратимся к понятию «копия документа». Исходя из лексического значения, копия документа – это точное воспроизведение оригинала с сохранением всех реквизитов [3, с. 294]. Она должна быть понятной для прочтения или просмотра, надлежащим образом заверена (подпись руководителя или должностного лица и печатью)², содержать заверительную надпись «верно» и «копия»³ с обязательным указанием на место нахождения оригинала⁴.

Отличить оригинал документа от его копии на бумажном носителе не составляет труда: это запись, сделанная первой по времени. Копия вторична и должна быть заверена надлежащим образом. Об этом говорится в ГОСТ 6.10.4-84, введенном в

¹ По представлению и. о. заместителя прокурора на постановление Октябрьского районного суда г. Иваново от 18 марта 2019 года о возврате прокурору уголовного дела в отношении ФИО1, Д.Д.ММ.ГГГГ года рождения, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом : апелляционное постановление № 22-684/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 22-684/2019URL // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL.: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

² О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан : Указ Президиума ВС СССР от 4 августа 1983 г. № 9779-Х : ред. от 08.12.2003 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1920/ (дата обращения: 02.03.2024).

³ ГОСТ Р 7.0.97-2016. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. Москва : Стандартинформ, 2018. 32 с.

⁴ Там же.

действие с 1 июля 1987 г. постановлением Государственного комитета СССР по стандартам № 3549 от 9 октября 1984 г.: «подлинником документа на машинном носителе является первая по времени запись документа на машинном носителе и содержащая указание, что документ является подлинником»¹.

Исходя из указанных определений, обвинительное заключение (акт, постановление) в бумажном варианте, подписанное, согласованное и утвержденное, будет являться оригиналом. Копией же обвинительного заключения (акта, постановления) станет документ, который изготовлен путем сканирования оригинала, помещен в электронную среду и подписан усиленной квалифицированной электронной подписью. При этом подходе целесообразность изготовления электронной копии вызывает сомнения, особенно при сканировании обвинительного заключения больших объемов, и может иметь положительный смысл лишь при необходимости вручения электронных копий нескольким обвиняемым по одному уголовному делу. В том случае, если законодатель предполагал утверждать электронный вариант обвинительного заключения (акта, постановления) по аналогии с ч. 4 ст. 474.1 УПК РФ, когда «судебное решение может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью», то следовало бы разрешить изготавливать обвинительное заключение (акт, постановление) в электронном виде и подписывать, согласовывать и утверждать при помощи усиленной квалифицированной электронной подписи, а в уголовное дело приобщать заверенную бумажную копию.

Возможен и другой вариант, когда следователь, дознаватель одновременно с уголовным делом на флеш-носителе или с помощью межведомственного документооборота будет направлять прокурору электронную копию обвинительного заключения (акта, постановления). В данном случае прокурор будет вынужден сравнить предоставленный ему бумажный вариант с электронной копией, что вряд ли будет применимо даже при небольшом количестве листов, содержащихся в обвинительном заключении (акте, постановлении).

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» предлагалось изготовление не копии обвинительного заключения (акта, постановления), а оригиналов данных документов. Это, по нашему мнению, было бы разумнее.

Не совсем ясен установленный законом порядок применения ч. 3¹ ст. 222 УПК РФ в части вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) в электронной форме обвиняемому, содержащемуся под стражей. Законодатель обозначил, что указанные документы вручаются обвиняемому при наличии технической возможности и по поручению прокурора администрацией места содержания под стражей на предоставленном органом предварительного расследования техническом устройстве для чтения электронных книг, не имеющем функций аудио- и видеозаписи, видеовоспроизведения и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

В соответствии с п. 5.31 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденными приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, у обвиняемых, содержащихся под стражей, имеется

¹ Постановление Государственного комитета СССР по стандартам № 3549 от 9 октября 1984 г. // Бюллетень нормативных актов. 1987. № 7 С. 41.

возможность пользоваться техническими устройствами для чтения электронных книг без функции аудио-, видеозаписи и видеовоспроизведения и функции выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», предоставленными им во временное пользование администрацией данного учреждения в качестве дополнительной платной услуги в количестве не более одного устройства на подозреваемого или обвиняемого (за исключением подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в карцере) или предоставленными им лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело, либо судом. Существует одно препятствие, которое не может позволить органу предварительного расследования предоставить технические устройства, так как их просто нет, и когда появится возможность приобретения таких устройств – неизвестно.

Кроме того, согласно действующему законодательству копию обвинительного заключения вручает прокурор, следовательно, и обязанность обеспечения технической возможности вручения обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде должна возлагаться на прокурора.

Даже при наличии в органах предварительного расследования технических устройств для чтения обвинительных заключений (актов, постановлений) закон не оговаривает срок, в который должно быть предоставлено устройство, сколько времени это устройство будет находиться у обвиняемого, порядок передачи технического устройства, размещения копии обвинительного заключения (акта, постановления) в техническом устройстве, порядок дачи поручения органу предварительного расследования на перевоз данного устройства в СИЗО. Но самое главное, как исключить факт того, что обвиняемый, содержащийся в СИЗО, не будет заявлять ходатайство о том, что техническое средство не работает, файл не открывается и т. д.

Неустановление законодателем срока пользования обвиняемым, содержащимся под стражей, технического средства, предоставленного органом предварительного расследования, означает, что обвиняемый может пользоваться техническим устройством бессрочно. Но если будет установлен срок пользования техническим средством и обвиняемый вернет техническое устройство, на котором размещена копия обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде, то, по сути, лишится возможности повторно перечитывать его. В данном случае это не что иное, как ознакомление обвиняемого с копией обвинительного заключения (акта, постановления), а не его вручение. Вручить – значит обеспечить право обвиняемого на ознакомление с обвинительным заключением в любое время без ограничения срока и количества раз возможности знакомиться с текстом.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» инициаторы проекта указывали, что вручение копии обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде позволит снизить процессуальные издержки, приводя при этом примеры, когда на изготовление обвинительного заключения по многоэпизодному уголовному делу в отношении 23 обвиняемых потребовалось «1240 коробок бумаги и 621 картридж к копировальным аппаратам». Не составит труда подсчитать расходы на изготовление копий обвинительного заключения (акта, постановления) в бумажном варианте. Из существующих на сегодняшний день цен на изготовление указанных копий обвинительного заключения потрачено около 390 000 рублей. Минимальная стоимость электронной книги составляет 6000 рублей, то есть на 23 обвиняемых нужно потратить 138 000 рублей для покупки «технических

устройств», что гораздо меньше, чем было бы затрачено на вручение бумажных копий обвинительного заключения. В данном случае такой вариант вручения копий обвинительного заключения может сэкономить бюджетные средства. Если же копия обвинительного заключения (акта, постановления) составит меньшее количество листов или обвиняемых в деле будет небольшое количество, то представлять копии обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде станет невыгодно. В связи с этим «техническая возможность» – это не что иное, как приобретение технического устройства и его передача обвиняемому, содержащемуся под стражей, в безвозмездное и бессрочное пользование.

Нами были опрошены 38 следователей, дознавателей Омской области, которые высказались о необходимости разъяснения или инструкции по применению введенной законодателем нормы вручения обвинительного заключения (акта, постановления) в виде электронного документа), а также выделения денежных средств на приобретение «технических устройств».

Адвокатское сообщество отметило внесенные изменения с положительной стороны в части получения копий документов по уголовным делам в электронном виде. «Вопрос в том, что определенные сложности возникнут с вручением копий обвинительных заключений (актов, постановлений) лицам, содержащимся под стражей. Не уверены, что техническая возможность, о которой говорится в тексте закона, появится во всех местах содержания под стражей быстро»¹.

Нами же предлагается совершенно простое решение указанной проблемы. Это обязательное вручение обвинительного заключения (акта, постановления) защитнику, осуществляющему свои функции в рамках уголовного дела. При данном варианте вручения обвинительного заключения (акта, постановления) не возникнет вопросов о неполучении соответствующего документа обвиняемым как в бумажном, так и в электронном виде.

Внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменения представляются нам, с одной стороны, отвечающими требованиям современности и являются значительным прорывом на пути формирования уголовных дел в электронной форме. С другой стороны, данные нормы требуют существенной доработки и пояснений.

Законодатель не предлагает формировать обвинительное заключение (акт, постановление) в электронной форме, а лишь вручать копию в электронном виде, т. е. принципиально новых изменений не произошло. Следователь по-прежнему будет распечатывать обвинительное заключение, независимо от количества листов, в бумажном варианте, согласовывать с руководителем следственного органа, утверждать у прокурора, а затем, по всей видимости, сканировать и подписывать у прокурора отсканированную копию усиленной квалифицированной электронной подписью, что, конечно, создаст определенные трудности в реализации нормы ст. 222 УПК РФ. На наш взгляд, следовало бы разрешить

¹ Принят закон, позволяющий обвиняемым получать электронную копию обвинительного заключения // ПАСО : сайт. URL: <https://paso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/prinyat-zakon-pozvolayushhij-obvinyaemym-poluchat-elektronnyuyu-kopiyu-obvinitelnogo-zaklyucheniya.html> (дата обращения: 25.02.2024).

изготовление обвинительного заключения (акта, постановления) в электронном виде и его подписание, согласование, утверждение с помощью усиленной квалифицированной электронной подписи, а в уголовное дело вкладывать заверенную копию. Стоит отметить с положительной стороны то, что законодатель на досудебном производстве впервые разрешил использование и подписание электронных документов усиленной квалифицированной электронной подписью, что является дополнительным шагом для приближения момента формирования уголовных дел в электронной форме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумеров, Т. А. Вручение копии обвинительного заключения: законодательные установки и существующая практика // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2011. № 3-4 (4). С. 25–27.
2. Шуваткин, А. В. Правовая регламентация вручения прокурором обвиняемому и потерпевшему копии обвинительного заключения // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 264–267.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь. М., 2006. 941 с.

REFERENCES

1. Gumerov T. A. Vruchenie kopii obvinitel'nogo zaklyucheniya: zakonodatel'nye ustanovki i sushchestvuyushchaya praktika [Handing over a copy of the indictment: legislative guidelines and existing practice]. Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik – Kazan Socio-Humanitarian Bulletin. 2011, no. 3-4 (4), pp. 25-27.
2. Shuvatkin A.V. Pravovaya reglamentaciya vrucheniya prokurorom obvinyaemomu i poterpevshemu kopii obvinitel'nogo zaklyucheniya [Legal regulation of handing over by the prosecutor to the accused and the victim a copy of the indictment]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University. 2014, no. 5 (116), pp 264-267.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' [Explanatory dictionary]. Moscow, 2006, 941 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савченко Анна Николаевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, пр. Комарова, д.7

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savchenko Anna Nikolaevna, senior lecturer at the Department of Criminal Procedure. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, Komarova ave., 7.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 19.06.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 19.06.2024; accepted for publication 19.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 222–237.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 222–237.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.71

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.35.72.021

**РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИСВОЕНИЕ НАЙДЕННОГО
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДО 1917 Г.:
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Смирнов Виктор Александрович, Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация, smirnovvical@gmail.com

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные с правовым регулированием уголовной ответственности за присвоение находки в законодательстве России с древнейших времен вплоть до 1917 года. На основе анализа опубликованных нормативно-правовых документов и литературы продемонстрирован тот путь, который прошел отечественный законодатель при решении проблемы преступности и наказуемости рассматриваемого деликта. Отмечается, что, несмотря на сложившуюся многовековую практику, на последнем этапе рассматриваемого периода отечественное уголовное право принципиально изменило вектор оценки присвоения находки, что нашло свое отражение в законодательстве второй половины XIX – начала XX вв.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы дореволюционного законодательства. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, исторических и нормативно-правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс трансформации правового регулирования присвоения находки, выявить нюансы юридической техники уголовного закона, применяемой в данном вопросе, осветить отдельные особенности конструирования составов присвоения находки и определения его наказуемости на соответствующих этапах рассматриваемого периода.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил отразить векторы законодательной работы при оценке присвоения найденного в российском уголовном праве, в частности, переход восприятия данного преступления от разновидности кражи к несовпадающему с ней самостоятельному виду противоправного присвоения чужого имущества, а также дал возможность оценить системность и последовательность такой работы.

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование, преступления против собственности, находка, кража, присвоение найденного

Для цитирования: Смирнов В. А. Развитие взглядов на присвоение найденного в уголовном праве России до 1917 г.: анализ законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 222–237.
DOI: 10.55001/2312-3184.2024.35.72.021

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE APPROPRIATION OF PROPERTY FOUND IN RUSSIAN CRIMINAL LAW BEFORE 1917: ANALYSIS OF LEGISLATION

Victor A. Smirnov, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, smirnovvical@gmail.com

Introduction: The article reveals the issues related to the legal regulation of criminal liability for misappropriation of finds in the legislation of Russia from ancient times up to 1917. On the basis of the analysis of published normative-legal documents and literature, the way that the domestic legislator passed when solving the problem of criminality and punishability of the considered tort is demonstrated. It is noted that, despite the centuries-old practice, at the last stage of the period under consideration, the domestic criminal law fundamentally changed the vector of assessment of misappropriation of finds, which was reflected in the legislation of the second half of the XIX - early XX centuries.

Materials and Methods: The research materials were scientific articles of scientists, norms of pre-revolutionary legislation. During the research, the dialectical method was applied, an analysis of scientific, historical and normative-legal sources was conducted, methods of generalization and grouping of data were used, as well as a comparative-legal, historical-legal method.

The Results of the Study made it possible to reveal the process of transformation of legal regulation of the appropriation of a find, to identify the nuances of the legal technique of criminal law applied in this matter, to highlight individual features of the elements of a crime of the appropriation of a find and the determination of its punishability at the relevant stages of the period under consideration.

Findings and Conclusions: The conducted analysis allowed us to reflect the vectors of legislative work in assessing the appropriation of what was found in Russian criminal law, in particular, the transition of its perception from a type of theft to an independent type of illegal appropriation of someone else's property that does not coincide with it, and also made it possible to assess its systematicity and consistency.

Keywords: criminal law regulation, crimes against property, finding, theft, appropriation of found property

For citation: Smirnov V.A. Razvitie vzglyadov na prisvoenie najdennogo v ugolovnom prave Rossii do 1917 g.: analiz zakonodatel'stva [Development of views on the appropriation of property found in Russian criminal law before 1917: analysis of legislation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 222–237.
DOI: 10.55001/2312-3184.2024.35.72.021

Находка как обретение имущества, владелец которого утратил его, известна российскому праву с древнейших времен. Так, по мнению некоторых исследователей, первые проявления регулирования вопросов обращения с вещами, по каким-либо причинам вышедшиими из-под контроля собственника или иного законного владельца, можно найти еще в договорах Руси с Византией. По мнению Н. Н. Товстолеса, статья 8 договора Олега с греками и сопоставимая с ней статья 9 договора Игоря с греками при регулировании вопросов оказания содействия по охране имущества в случае кораблекрушений и иных несчастных случаев, произошедших с кораблями договаривающихся сторон, в том числе оговаривают вопросы привлечения к ответственности тех лиц, которые, воспользовавшись бедственным положением корабля, присвоят себе что-либо из груза, находящегося на нем [1, с. 44–46].

Более отчетливо находка и ее присвоение проявляются в Русской Правде: данный свод правил регулирует право собственника истребовать свою вещь у лица, у которого она была найдена, в пределах своей общины («в своем миру»), а также порядок его действий в случае отыскания своего имущества за ее пределами.

В наиболее ранних вариантах Русской Правды устанавливалось, что «если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а (хозяин) опознает(их) в своем миру, то пусть он возьмет свое, а (вору платить) 3 гривны вознаграждения потерпевшему» (ст. 13), но «если кто опознает (свою вещь у кого-либо), то нельзя ему ее взять, говоря (при этом) «мое», но пусть скажет «пойди на свод, (выясним), где взял ее»; если (тот) не пойдет, то пусть (выставит) поручника, (что явится на свод) не позднее пяти дней. Если где-нибудь (кто) взыщет с кого-либо остальное, а тот начнет запираться, то идти ему (с ответчиком) на свод перед 12 человеками; и если окажется, что злонамеренно не отдавал, то следует (заплатить) ему (т. е. потерпевшему) деньгами и (сверх того) 3 гривны вознаграждения потерпевшему». (ст.ст. 14, 15)¹. Как можно заметить, при обнаружении своей вещи у другого лица, последнее в любом случае рассматривалось как вор (на что указывает использование в оригинальном тексте закона термина «обида»)².

В свою очередь, с развитием общественных отношений позиция древнерусского законодателя несколько меняется в сторону признания за находчиком определенной добросовестности в случае своевременного возвращения находящейся у него чужой вещи: например, в издании XVIII в., посвященном анализу Русской Правды,

¹ Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С.В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X–XII в.в. С. 82.

² Там же. С. 78

содержится следующий перевод статьи 16: «О изгибели: кто потеряет лошадь, оружие или платье и о том на торгу обнародует, а после потерянную вещь опознает у городского жителя (в своем городе – *прим. наше*), то вещь опознанную у него взяв возвратить хозяину, и сверх того взыскать с него три гривны за обиду.

Ежели кто опознает у кого свою вещь потерянную или пропавшую, то не должен сказать ему, что та вещь моя, но спросить, от кого он ея получил, и на кого покажет, с тем его свести; и ежели сей отвода от себя не зделает, то есть не возможет показать от кого он ту вещь получил, то и долженствует признан быти за татя, с котораго, сверх вещи опознанной, взыскать и все то, что с той вещицю пропало, и отдать хозяину»¹.

Таким образом, в приведенном выше переводе статьи 16 Русской Правды мы уже наблюдаем, что содеянное не могло признаваться как кража, а находчик вором, в случае если он вернул находящуюся у него вещь до объявления «на торгу» (заклича) либо отвел от себя подозрения, указав на лицо, у которого он эту вещь приобрел. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что «находчик... наказанию за утайку подвергается лишь тогда, когда собственником сделана была закличь о пропаже» [2, с. 526].

Более того, некоторые исследователи Русской Правды, основываясь на системном толковании различных норм о закличе по другим категориям дел, приходят к выводу, что вернуть найденную вещь можно было и в трехдневный срок после произведенного объявления. В частности, С. В. Юшков при анализе соответствующей статьи другого списка Русской Правды утверждал, что «если был сделан предварительный заклич на торгу, обнаруженная вещь (ранее так или иначе пропавшая) возвращалась хозяину, при этом платился дополнительный штраф в 3 гривны (ибо, если было объявлено о пропаже и вещь не возвращалась, то дальнейшее держание пропавшей вещи приравнивалось к краже). Если вещь обнаруживалась не позднее, чем через три дня после заклича, то ее, очевидно, могли взять без свода и без штрафа (ср. ст. 32 Кр. Пр.); если позже, то только по своду...» [3, с. 152].

Таким образом, можно сделать вывод, что на первоначальном этапе развития российского законодательства присвоение найденного расценивалось как кража, но только при утайке найденной вещи и при выполнении ее собственником определенных действий, направленных на отыскание утраченного.

В дальнейшем вплоть до принятия Соборного Уложения 1649 года отечественный законодатель вопросам регулирования отношений по находке практически не уделял особого внимания, что может быть объяснено, с одной стороны, продолжением действия положений Русской Правды, с другой, - влиянием обычаев, укоренившихся у славянских народов по поводу обращения с потерянными и найденными вещами. Представляется, что государственная власть в лице князя считала необходимым прибегать к использованию формальных (письменных) источников

¹ Правда русская или Законы великих князей Ярослава Владимиоровича и Владимира Всеволодовича Мономах: с приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших / Изданы любителями отечественной истории. [СПб.] : Тип. Св. правит. Синода. 1792. С. 35–36 (Здесь и далее при использовании источников, изданных до 1917 года, текст приводится с соблюдением использованных в источнике орфографии и пунктуации)

регулирования только в случаях каких-то экстраординарных, неоднозначных, небесспорных ситуаций.

Например, Псковская судная грамота содержит в себе ряд норм (ст.ст. 46–47, 56)¹, регламентирующих вопросы доказывания добросовестности лица, у которого обнаруживалась чья-либо пропавшая вещь. При этом каких-либо дополнительных мер ответственности за присвоение найденных вещей указанный памятник нашего древнейшего права не содержит, что, в целом, может свидетельствовать о достаточности того порядка решения указанного вопроса, который был закреплен прежде.

Не развивают каким-либо образом положения о находке и нормы Судебников XV–XVI вв., которые хоть и продолжают определять способы установления добросовестности владельца продаваемой вещи, никаких принципиально новых правил обращения с найденными вещами не содержат². Даже напротив, некоторые ученые считают, что положения этих кодексов определенным образом противопоставляют находку купле-продаже, поскольку законодатель ограничил возможность доказывания добросовестности обладания вещью только для покупателей и исключил упоминание о находчиках [4, с. 397].

По сути, к регулированию вопросов находки и ответственности за ее присвоение российское право возвращается в тексте Соборного Уложения 1649 года. Исследователи отмечают, что здесь стоит обратить внимание на нормы, содержащиеся в ст. 91 главы XXI и ст.ст. 26–27 главы VII вышеуказанного кодекса законов, причем некоторые из ученых (например, Н. Н. Товстолес) предлагают рассматривать их как общую и специальную [1, с. 65].

Обращаясь к тексту данных законоположений, можно увидеть, что первая из названных статей устанавливала ответственность за присвоение чужого имущества, в том числе потерянного, при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, в частности пожарах: «А будет у кого в пожарное, или в иноев которое время что ни буди пропадет, и после того тех своих пропалых животов у кого что опознает, и поимается: и ему того искати на том, у кого поимается, судом, что татиного дела. А будет тот, у кого то поличное вынято, скажет, что он взял то поличное на пожаре, или из воды вынял, а не грабежем, И в приказе являл и записал, и същется про то допряма, что то поличное не грабежем взято: и тому, кто за то поличное поимается, велети у него то поличное

¹ Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С.В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1953. Вып. 2 : Памятники права феодально-раздробленной Руси: XII-XV вв. С. 292-293, 356.

² Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы., 1955. Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV в.в. С. 354 ; Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С. В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1956. Вып. 4 : Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV-XVII вв. С. 259

выкупите, а выкупу дати против торговой цены в полы»¹. Собственно, и место расположения статьи (глава XXI «О разбойных и о татиных делех»), и ее непосредственное содержание позволяют говорить, что любой, у кого при названных обстоятельствах обнаруживалась чужая вещь и кто не смог бы доказать законность или добросовестность ее нахождения у себя, должен был быть обвинен в краже и понести ответственность в соответствии с общими положениями этой главы как вор.

В свою очередь две других статьи содержали правила обращения с найденными лошадьми и вещами, которые принадлежали «служилым людям». И если первая из них (ст. 26) предписывала определенный порядок обращения с находками, то в ст. 27 уже говорилось о случаях невыполнения предписаний, содержащихся в предыдущей статье: «А будет кто на Государеве службе находных лошадей на явку не приведет, и находныя же рухляди на явку не принесет, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про те лошади и про рухлядь по чьему челобитью мимо его: и по сыску те лошади и рухлядь на нем доправити, и отдати челобитчиком»². На наш взгляд, несмотря на то, что непосредственно в тексте статьи об уголовной ответственности недобросовестного находчика ничего не говорится, тем не менее, учитывая значимость лошадей и прочего военного имущества для армии, можно предположить, что и в этом случае лицо, не выполнившее требований ст. 26 и укравшее у себя найденное имущество, должно было отвечать за «татиное дело».

Тот факт, что даже в середине XVII века позиция законодателя оказывается идентичной наиболее древнему памятнику нашего права – Русской Правде, позволяет нам еще раз утверждать, что в течение всего периода между этими нормативными правовыми актами присвоение найденного системно и последовательно воспринималось как кража. Дополнительным подтверждением нашего предположения могут являться тексты западнославянского – Литовского государства: Судебник Казимира 1468 года, а также Литовскийstatut, которые с разной степенью подробности, но в любом случае гораздо точнее восточнославянского права периода до Соборного Уложения регулировали некоторые вопросы находки.

Так, ст. 23 Судебника Казимира предусматривала следующее: «... коли бы кто коня, а любо ключу знашол блудящю, или иные которые речи изнайдеть, ино оповедати околици: не изнайдеть ли ся истець до трех днев, ино повести на королевский двор, по давному, да переем свой возьми; а пак ли который што утаить, а всхочеть собе покорыстовать, а будет на то довод, тот такой злодей, как который...»³, что можно истолковать как обязанность любого, кто найдет чужого коня или лошадь, а также любую другую вещь, оповестить об этом околицу в целях отыскания собственника. В случае необнаружения такового находчик должен был доставить

¹ Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С. В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1957. Вып. 6 : Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. С. 404.

² Там же. С. 57

³ Судебник Казимира 1468 г. / под ред. А. Тила. Вильнюс. Минтис, 1967. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sudebnik_kazimira_1468_god.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

найденное на королевский двор и получить за это вознаграждение. Если же находчик решал утаить и присвоить находку, то он признавался вором и соответствующим образом преследовался.

Обращает на себя внимание использование в тексте Судебника наречия «по давнему», которое должно быть истолковано в том смысле, что данное правило не являлось законодательной новеллой того времени, а, напротив, отражало издавна сложившийся порядок.

Литовскийstatут, который в историко-правовой науке часто воспринимается как совокупность последовательно принятых в течение XVI в. статутов (1529 г., 1566 г., 1588 г.), также приводит несколько случаев находки, причем в каждой последующей редакции, по сути, воспроизводит и несколько видоизменяет уже давно сложившееся правило (во всех редакциях его авторы ссылаются на необходимость придерживаться давнего обычая). Мы позволим себе привести здесь лишь положения самого позднего из приведенных статутов:

Артикул 25 «О приблудных животных» предписывал: «... если кто бы из шляхты или из княжеских, панских врядников продержал у себя приблудный или угнанный скот в течение трех дней и не отдал во двор наш и в том был бы изобличен и поличное было отнято из дома шляхетского или панского двора, тогда должен отвечать как за воровство»¹.

Артикул 28 «Об убытках, которые произойдут во время пожара или наводнения» устанавливал, что «если бы случился во время пожара от огня ущерб в городе или где в другом месте, или тонул бы кто в воде, а в это время что-нибудь у него пропало, а затем пропавшие же вещи оказались утаенными у кого-либо, тогда хозяин вещей должен с ним судиться как о воровстве. А тот, у кого это будет опознано, если докажет заявлением во вряде, что все это из воды или из огня вынул, то освобождается от выплаты воровского штрафа, а те вещи должен возвратить хозяину...»².

Как можем заметить, и в том, и в другом случае невыполнение обязанности либо невозможность доказать непротивоправный характер находки у находчика какой-либо вещи должны были расцениваться как воровство и соответственным образом преследоваться.

Из вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что подходы, использовавшиеся разработчиками Соборного Уложения и Литовских статутов, были весьма схожими, а в случае ст. 91 главы XXI Соборного Уложения и артикула 28 Статута 1588 года – вообще идентичными. Это еще раз подчеркивает единство обычая, правил обращения с найденными вещами и привлечения к ответственности за их несоблюдение, их распространенность и применимость в России в период между Русской Правдой и законодательством XVII в.

¹ Статут Великого княжества Литовского от светлейшего государя короля его милости Сигизмунда Третьего на коронации в Кракове, изданный в 1588 году. URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod Sovrem_rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

² Там же.

Дальнейшие варианты решения проблемы ответственности за присвоение найденного обнаруживаются в Артикулах Петра I. Артикул 195 Воинского Артикула 1716 года устанавливал, что «ежели кто что найдет в походе или инде где, на дороге и местах, хотя б что ни было, оный долженствует офицеру своему о сем донести, и найденое без замедления принести, дабы у пароля или инако о сем объявлено, и найденое господину, кому надлежит, отдано было. Кто инако учинит, имеет наказан быть яко за кражу, и найденое паки возвратить...

Наказание воровства обыкновенно умаляется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»¹.

Аналогичный подход к оценке сокрытия находки и определению наказания за это содержался в Морском уставе 1720 года: «...а ежели кто что нашедь не объявит, тот наказан будет, яко бы оное украд» (ст. 131)².

Небезынтересным является и Именной Указ Петра I от 13 февраля 1718 года «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку», в котором в том числе возлагалась обязанность: «...ежели кто найдет в земле, или в воде какия старыя вещи, а именно: каменъя необыкновенные, кости человеческия или скотския, рыбы или птичи, не такия, какия у нас ныне есть, или и такия, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какия старые подписи на каменъях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи; понеже не видавь, положить нельзяя цены...». При этом специально оговаривалось, что в случае невыполнения требований этого указа виновные могли быть подвергнуты штрафу – «А ежели кто против сего указа будет таить, на таких возвещать, а кто обличен будет, на том штрафу брать вдесятеро против платежа за оныя, и те деньги отдавать изветчикам»³.

Как можно заметить, в этот период объем правового регулирования вопросов обращения с найденным имуществом пополнялся в основном нормативными актами частного характера: находка в походе, в морском путешествии, а также предметов, представлявших особую научную, культурную или историческую ценность, которые базировались на общих положениях продолжавшего сохранять юридическую силу Соборного Уложения.

¹ Памятники русского права: в 8-и вып. / под ред. С. В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1961. Вып. 8 : Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. С. 365.

² Там же. С. 521.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Том 5 (1713–1719) : Законы (2620–3479). Ст. 3159. С. 511–512. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.10.2024).

Начиная со второй половины XVIII в. российский законодатель начал принимать меры к систематизации и кодификации отечественного нормативного материала, пытаясь создать отраслевое законодательство, в том числе и уголовное. В ходе этой работы появились проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов, которые не обошли своим вниманием и оценку присвоения найденного имущества.

В первоначальном проекте 1754 года статья 19 главы 33 «О ворах и татах и о мошенниках», основываясь на артикуле 195 Артикула воинского Петра I и распространяя его действие на любые случаи находки (а не только в походе), устанавливала следующее: «кто ж найдет что на дороге, на улице или инде где и того находного в судебном правительстве, а в уездах – сотским и десятским, не объявит, но у себя оставит, дабы им корыстоваться, и таких наказывать за первый раз плетьми, за второй – кнутом, и найденное из его имения взыскав отдать истцу, а у кого имения нет и того взыскания учинить будет не можно, и таких для зарабатывания ссылать в каторжную работу, а за третий раз бить кнутом и с вырезанием ноздрей ссылать на каторгу вечно; а кто такое найденное объявит, и ему дать из того найденного четвертую часть»¹.

В свою очередь, проект 1766 года содержал в той же главе уже две взаимосвязанных статьи – 19 и 21, первая из которых являла собой пример позитивного регулирования вопроса обращения с найденными вещами (что, очевидно, должно было бы находиться в нормативных правовых актах гражданско-правовой направленности), а вторая – уже без таких подробностей в установлении наказания за первоначальные и повторные присвоения – предписывала «с таким учинять тоже, как бы кто ту вещь украл, не ставя ему в правоту что нашел, ибо он ее не объявил»².

Несмотря на то, что первая редакция уголовного уложения не называла присвоение найденного кражей напрямую, тем не менее место нахождения статьи об этом, а также размер предусмотренного наказания, сопоставимый с большинством из представленных в проекте наказаний за кражи, позволяет нам говорить, что и на этом этапе развития российского государства законодатель не видит разницы между этими деяниями. Об этом свидетельствует и более поздняя редакция 1766 года, отождествлявшая эти два деяния.

После указанных проектов Верховная власть не прекратила попыток совершенствования существующего правового регулирования, хотя и делала это не столько системно, сколько сообразно проблемам, возникающим в тот или иной момент. Так, 3 апреля 1781 года был издан Указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». Следуя за преамбулой этого документа («Встречаются в законах настоящих различные недостатки, неясности и неудобства, особенно по делам уголовным... подобные несходства оказываются при

¹ Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А. А. Востокова ; предисл. Н. Д. Сергеевского. СПб., 1882. С. 123.

² Там же. С. 124.

исследовании и суде уголовного преступления воровства...»)¹, императрицей Екатериной II были соединены, приведены в порядок и исправлены все действовавшие в то время указания о разных видах воровства [5, с. 125]. В частности, под кражей в Указе понималось: «...буде кто у кого тайным образом возьмет деньги, или иное движимое имение без воли или согласия того, чьи те деньги или движимое имение, оное спрячет, или продаст, или заложит, или иначе употребит в свою пользу»². И хотя напрямую Указ не говорил о присвоении найденного, но, учитывая сложившийся подход отождествления его с кражей, можно предположить, что такие случаи полностью подпадали под его действие и влекли те меры ответственности, которые были им установлены. Наказание дифференцировалось в зависимости от двух взаимосвязанных обстоятельств: во-первых, от размера похищенного (присвоенного), во-вторых, от повторности совершенного деяния. В случае совершения хищения имущества стоимостью менее 20 рублей виновный отправлялся в «рабочий дом», где ему предстояло отработать причиненный ущерб, выплатить компенсацию потерпевшему, а также заплатить штраф в рабочий дом. Кроме того, за вторую и третью кражи менее 20 рублей виновный подвергался ударам плетьюми (двум и трем соответственно). В случае же, если любой из эпизодов кражи (первый, второй или третий) превышал сумму ущерба в 20 рублей, а также в случае совершения деяния, подпадающего под вышеуказанное определение, в четвертый раз вне зависимости от размера похищенного виновный предавался общеуголовному суду и нес наказание в соответствии с действующими положениями Соборного Уложения, Воинского Артикула или Морского Устава.

Чуть позже, в 1799 году, Павел I в Указе «О наказаниях за смертоубийство, воровство грабеж и воровство кражу», ссылаясь на неэффективность общепревентивного воздействия наказания, которое было установлено Указом 1781 года («каторжная казнь») за кражу свыше 20 рублей, постановил «наказывать плетьюми, и не возвращая в их селения, годных отдавать в рекруты с зачетом, а негодных отсылать в Сибирь на поселение...»³.

Следующим источником, в котором затрагивались вопросы ответственности за присвоение найденного, можно признать проект Уголовного Уложения Российской Империи 1813 года. В соответствии с параграфом 524 отдела I «Общие постановления» отделения четвертого «О воровстве» «в кражу также вменяется, когда кто, нашедь потерянную чужую вещь или деньги и не объявя о том по Уставу Полиции в надлежащем месте, утаит оныя»⁴, то есть и здесь преступления кражи и присвоения

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Том 21 (1781–1783) : Законы (15106–15901). Ст. 15147. С. 108–109. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.10.2024).

² Там же/

³ Полное собрание законов Российской Империи. Том 25 (1798–1799) : Законы (18302–19240). Ст. 19059. С. 742. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.10.2024).

⁴ Проект Уголовного Уложения Российской Империи. Часть третья. О наказаниях за частные преступления. СПб., 1813. С. 85.

найденного не различались. Соответствовали друг другу и наказания за указанные деяния: параграф 548 отдела II «О наказаниях за разные роды воровства», непосредственно расположенный за нормой о наказании за кражу, велел «на сем же основании наказывать за вменяемую по параграфу 524 в воровство утайку найденных вещей или денег». В связи с этим представляется логичным допущение, что присвоение находки каралось идентично с кражей: дифференцировано, в зависимости от размера ущерба (до 5 рублей, от 5 до 20 рублей, от 20 до 100 рублей и свыше 100 рублей), а также повторности и ряда других отягчающих обстоятельств¹.

Новым этапом в регламентации, в том числе уголовно-правовых вопросов, стал Свод законов Российской Империи 1832 года – результат титанической работы, осуществленной его составителями. Будучи продуктом инкорпорации и систематизации, Свод законов не представлял собой какие-то вновь принятые законы, а, напротив, являл собой последовательное и упорядоченное отражение всего того, что было принято в Российском государстве, начиная с Соборного Уложения. Каждая статья любого тома Свода законов представляла собой не только квинтэссенцию опыта регулирования того или иного вопроса, но и содержала отсылку к тем нормативным актам прошлых лет, на основе которых делалось обобщение.

Основываясь на таком способе изложения законодательного материала, мы можем установить тот исторический опыт и те подходы, на которых базировались составители Свода, включая нормы об ответственности за присвоение найденного в его текст. Так, ст. 704 Свода законов уголовных прямо констатировала, что «воровством-кражей почитается также: ... 2) если кто, найдя чужую вещь, надлежащим порядком о находке не объявит», а основой для данной нормы, исходя из узаконений, приведенных к данной статье, выступили уже проанализированные нами положения ст. 91 главы XXI Соборного уложения, Артикул 195 Военного Артикула и ст. 131 Морского Устава², что в совокупности с общим определением кражи из ст. 703 и его предтечей из Указа от 3 апреля 1781 года позволяет с удовлетворением отметить правильность наших вышеизложенных выводов о сохранявшемся на всем протяжении XVIII в. едином взгляде законодателя на кражу и присвоение найденного как однопорядковые деяния.

Казалось бы, вековые традиции наконец-то получили свое нормативное воплощение и в целом последовательно отразили сложившиеся правила поведения в едином правовом источнике. Однако в ближайшее десятилетие российское законодательство резко меняет вектор уголовно-правовой оценки присвоения найденного: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение о наказаниях) впервые за всю историю отечественного права начинает трактовать его как самостоятельное преступление.

Весьма обширный раздел двенадцатый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» закрепляет ответственность за кражу и присвоение найденного не просто в разных статьях, – они предусматриваются разными главами:

¹ Там же. С. 97–98.

² Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы уголовные. СПб. : Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. С. 221.

если краже посвящено отделение третье третьей главы «О похищении чужого имущества», то нормы об уголовной ответственности за присвоение найденного располагаются в отделении третьем четвертой главы «О присвоении и утайке чужой собственности». Более того, устанавливая наказания за некоторые из видов рассматриваемого преступления, законодатель делает отсылку уже не к нормам о воровстве-краже, а к санкциям статей, предусматривающих ответственность за воровство-мошенничество.

Причины таких изменений требуют своего самостоятельного научного осмысления, но в общих чертах можно предположить значительность влияния уголовно-правовой теории, становление и развитие которой началось как раз во второй четверти XIX в. Появляющиеся научные школы при университетах и училищах, различные юридические общества активно включились в работу по осмыслению формы и содержания нашего законодательства. Логичность суждений, аргументированность выводов, опора на анализ соотносимых норм из зарубежного законодательства, оформление этого в научные статьи, а также адресованные законодателю предложения и замечания по совершенствованию законодательства не могли не сказаться на содержании законов.

Говоря непосредственно о присвоении находки в этот период, стоит отметить, что Уложение о наказаниях различало присвоение найденного, владелец которого известен, включая присвоение клада, (ст. 2193) и необъявление о находке в случаях, когда владелец найденной вещи виновному не известен (ст. 2194)¹. Первое из преступлений, если судить по основным составам, рассматривалось как более тяжкое деяние, что следует из санкций статей: за присвоение найденного виновный, помимо обязанности вернуть присвоенное или его стоимость потерпевшему, карался денежным взысканием, соответствующим двукратной стоимости цены присвоенной вещи или суммы денег, в то время как за необъявление о находке наказывалось таким же взысканием, но в сумме, равной стоимости присвоенного. Квалифицированные же составы (в основном предусматривающие повышение ответственности за повторность деяния), если судить по санкции и степени опасности, уже сравнивались, – и там, и там наказание устанавливалось как за воровство-мошенничество, совершенное в первый раз.

Интересным представляется тот факт, что при конструировании состава необъявления о находке законодатель включает в число обязательных признаков состава место совершения деяния (город или селение), временной интервал (для города – необъявление более трех дней, для селения – более трех недель), а также размер ущерба (для города – 10 рублей и более, для селения – 1 рубль и более).

Обращает на себя внимание, что Уложение о наказаниях знало и особые случаи присвоения найденного, а именно:

– ст. 638 (глава четвертая «О нарушении Уставов Горных» раздела седьмого «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны») устанавливала, что «за сокрытие, для обращения в свою пользу, самородков золота, серебра или

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПБ. : в Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 576. (здесь и далее номера статей Уложения приводятся по первоначальной редакции).

платины, найденных в казенной или частной земле случайно, но при точном знании, что найденное есть самородок золота, серебра или платины, виновные подвергаются высшей мере наказания, определенной за утайку найденной чужой собственности в статье 2193 сего Уложения»¹. Сформулированная таким образом санкция позволяет утверждать, что указанные нормы соотносились между собой как общая и специальная.

- ст. 1648 (отделение пятое «О нарушении постановлений о торговом мореплавании» главы 13 «О нарушении Уставов торговых» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния») регламентировала, что «за похищение, присвоение или утайку спасенного или найденного от претерпевшего крушение корабля или иного судна... виновные подвергаются наказаниям, определенным в статье 2148 сего Уложения за воровство-кражу во время пожара, наводнения или при ином несчастном случае»². Здесь же мы видим определенный возврат законодателя к унификации ответственности за разные способы завладения имуществом при описанных обстоятельствах и объединение ответственности с кражей, совершенной при отягчающих обстоятельствах.

Дальнейшие шаги по совершенствованию норм об уголовной ответственности за присвоение находки отечественный законодатель предпринимает в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года (далее – Устав). По сути, здесь анализируемый состав преступления переходит в разряд маловажных преступлений, которые должны были рассматриваться мировыми судьями. В отличие от многих смежных преступлений (кража, мошенничество, присвоение чужого имущества и т. д.), которые в зависимости от обстоятельств совершения были разделены по степени общественной опасности и, как следствие, регламентировались и названным Уставом, и претерпевшим трансформацию Уложением о наказаниях, присвоение найденного и необъявление о находке были полностью перенесены во вновь принятый Устав.

Как можно заметить, смысл соответствующих статей нового нормативного акта (ст.ст. 178 и 179) остался прежним, но определенные изменения были внесены. Присвоение найденного в первый раз каралось денежным взысканием, не превышающим тройной размер стоимости присвоенного, а квалифицированное присвоение найденного (повторное, а также невыдача присвоенного после поступления соответствующего требования либо после опубликования собственником объявления об утере, при условии, что виновному известно о такой публикации) – заключением в тюрьму от двух недель до шести месяцев.

В составе необъявления о находке исчезла дифференциация в зависимости от места обнаружения имущества и, соответственно, размера присвоенного, устанавливался общий срок, после которого невыполнение обязанности по публикации становилось преступным, – три недели. Наказание осталось прежним – денежное взыскание в размере стоимости присвоенного имущества. Квалифицированные

¹ Там же. С. 183.

² Там же. С. 430

составы были исключены¹. Немного позже, в 1868 году, статья 179 Устава была дополнена положением об ответственности за необъявление о пригульном скоте: «Тому же взысканию подвергается каждый, на чьей земле окажется, или к чьему стаду пристанет пригульный, пришлый, неизвестно кому принадлежащий скот, если, в течение семидневного срока, не заявит о том местной полиции или сельскому начальству»².

Последним значимым событием дореволюционного периода развития отечественного уголовного права явилось принятие в 1903 году Уголовного уложения. Несмотря на то, что оно так и не было полностью введено в действие, его содержание, а также все материалы, связанные с деятельностью редакционной комиссии, представляют собой бесценную информацию для уголовно-правовой науки, могут послужить базисом для современного законодателя (при правильном уяснении его положений, безусловно).

Учитывая, что с помощью этого Уголовного уложения законодатель, как представляется, хотел вернуться к единому нормативному акту, регулирующему вопросы преступного и наказуемого, в его состав опять было включено большинство тех преступлений, которые с 1864 года преследовались в порядке, предусмотренном Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Не стали исключением и нормы о присвоении находки. В главу 31 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» были помещены три статьи (571–573):

– ст. 571 предусматривала ответственность за необъявление о находке, в том числе о неизвестно кому принадлежащем пригульном скоте, оказавшемся на земле виновного или прибившемся к его стаду. Здесь опять происходит возврат к установлению минимального размера присваиваемого имущества как криминообразующему признаку, – оно должно было превышать 3 рубля. Также предельно конкретизирована санкция по отношению к виновному лицу, которое наказывалось денежной пеней не свыше 10 рублей;

– ст. 572 устанавливала ответственность за умышленное удержание с целью обращения в свою собственность, за умышленную растрату найденного или забытого у виновного неизвестно кому принадлежащего имущества ценой более трех рублей, а также за те же действия, совершенные в отношении неизвестно кому принадлежащего скота. Здесь денежная пеня устанавливалась в привязке к стоимости присвоенного имущества, но в любом случае не могла превышать 100 рублей;

– ст. 573 регламентировала ответственность за присвоение найденного в чужой земле клада, а также найденного или забытого имущества или пригульного скота, «хозяин коих во время учинения присвоения был виновному известен» (основной состав), и за присвоение найденного имущества с учетом того, что виновному было известно, что хозяин разыскивает это имущество, либо когда хозяин требовал выдачи

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1867. С. 44-45

² Полное собрание законов Российской Империи. Том 43 (1868) : Законы (45356-46062). Ст. 45487. С. 124-125. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.10.2024)

этого имущества от виновного (квалифицированный состав). Основной состав рассматриваемого преступления наказывался пропорциональной денежной пеней (в пределах тройной стоимости присвоенного имущества) либо арестом на срок до трех месяцев, квалифицированный – заключением в тюрьму на срок не более шести месяцев¹.

Завершая наше исследование, необходимо констатировать, что российское уголовное право в своей оценке обращения с найденными вещами прошло достаточно долгий и весьма стабильный путь. Тем удивительнее выглядит тот стремительный разворот в уголовно-правовой трактовке анализируемого деяния, который произошел в середине XIX в. Безусловно, причины, которые привели к подобным изменениям, те научные и политico-государственные взгляды, которые лежали в их основе, нуждаются в дополнительном и последовательном изучении. В конечном итоге учет законодательного опыта наших предшественников должен помочь в совершенствовании современного уголовного законодательства, в преодолении тех трудностей, с которыми сталкивается современная практика правоприменения

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Товстолес, Н. Н. Нахodka и место ее в системе русского законодательства // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 9. С. 44–88.
2. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. Петроград; Киев : издание Н. Я. Оглоблина, 1915. 701 с.
3. Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. С. В. Юшкова. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1952. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства: X-XII вв. 288 с.
4. Памятники русского права : в 8-и вып. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Государственное издательство юридической литературы., 1955. Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв. 528 с.
5. Лосева, С. Н. Некоторые вопросы развития отечественного уголовного законодательства во второй половине XVIII - начале XIX вв. // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 125–127.

REFERENCE

1. Tovstoles N.N. Nahodka i mesto ee v sisteme russkogo zakonodatel'stva [The find and its place in the system of Russian legislation]. Zhurnal Ministerstva yusticii – Journal of the Ministry of Justice. 1901, vol. 9, pp 44 – 88.
2. Vladimirskej-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Petrograd; Kiev, 1915, 701 p.

¹ Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н. С. Таганцева. СПб., 1904. С. 811–812.

3. Yushkov S.V. Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian law]. Moscow, 1952, vol. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva: X-XII v.v. - Monuments of the Law of the Kiev's State 10-12th centuries. 288 p.

4. Cherepnin L.V. Pamyatniki russkogo prava: [Monuments of Russian law] - at 8 volumes. Moscow, 1955. Vol. 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV-XV v.v. - Monuments of law from the period of the Russian centralized state's formation 14-15th centuries. 528 p.

5. Loseva S.N. Nekotorye voprosy razvitiya otechestvennogo ugolovnogo zakonodatel'stva vo vtoroj polovine XVIII - nachale XIX vv. [Some issues of development of domestic criminal legislation in the second half of the 18th - early 19th centuries]. Probely v rossiskom zakonodatel'stve - Gaps in Russian legislation. 2018, vol. 3, pp. 125-127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Виктор Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Victor Aleksandrovich, Ph. D. in Law, Senior Lecturer of Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664074, Irkutsk, 110 Lermontova str.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 238–251.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 238–251.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 349

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.51.77.022

**ВОЗНИКОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРОВАВШЕГО ВЫДАЧУ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Смолькова Ираида Вячеславовна

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
smolkovaIV@mail.ru

Безнаказанность вредна не только государству, в котором совершено преступление, но и всему человеческому обществу и в частности тому государству, в пределы коего вошел преступник. Отсюда родилось понятие о необходимости выдачи преступников, и с течением времени понятие это сделалось общепризнанным.

А.Н. Штиглиц [1, с. II]

Введение. В статье рассматриваются вопросы возникновения, становления и развития международного законодательства, регулировавшего институт выдачи лиц, совершивших преступления. Анализируются позиции ученых-правоведов относительного начального момента появления законодательных актов, установивших выдачу лиц, совершивших преступления. Подвергается критике позиция о возникновении выдачи лиц, совершивших преступления, в древние времена до нашей эры по причине отсутствия международного права в эту эпоху. Даётся анализ теорий, послуживших основой для оформления выдачи лиц, совершивших преступления, и характеристика различных законодательных актов, показывающих эволюцию правового института выдачи лиц, совершивших преступления. Анализ исторического пути становления и развития правовых институтов имеет огромное значение для понимания их законодательной эволюции формирования. Не является в этом плане исключением институт выдачи лиц, совершивших преступление. Без определения первооснов данного института трудно понять его современную роль в международных отношениях государств, связанных с сотрудничеством в сфере борьбы с преступностью, в том числе и по вопросам выдачи лиц, совершивших преступление.

Материалы и методы. В статье анализируются различные зарубежные законодательные акты, в которых в том или ином виде представлена выдача лиц, совершивших преступления, юридическая литература проблемы как дореволюционного периода, так и современная. В качестве методов исследования использованы сравнительно-правовой и историко-формальный, а также общенаучные методы – анализ, синтез.

Результаты исследования. На основании анализа различных теорий о происхождении института выдачи лиц, совершивших преступления, дается оценка их обоснованности с позиции существования норм международного права, делаются выводы о первоначальных этапах зарождения данного института.

Выводы и заключения. Предпосылки института выдачи лиц, совершивших преступления, начали формироваться задолго до появления международного сотрудничества, но с его появлением он стал средством реализации уголовной политики и средством противодействия преступности на международном уровне. На основании исследования различных позиций о первоисточнике возникновения правовых норм о выдаче лиц, совершивших преступления, автор делает вывод о появлении данного института с конца XVIII – начала XX века с развитием международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью.

Ключевые слова: выдача лиц, совершивших преступления, договоры, соглашения, конвенции, политические преступления, право на убежище

Для цитирования: Смолькова И. В. Возникновение и развитие зарубежного законодательства, регулирующего выдачу лиц, совершивших преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 238–251.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.51.77.022

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF FOREIGN LEGISLATION REGULATING THE EXTRADITION OF PERSONS WHO COMMITTED CRIMES

Iraida V. Smolkova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, smolkovaIV@mail.ru

Introduction. The article deals with the issue of the origin, formation, and development of international legislation governing the institution of the extradition of individuals who have committed criminal offenses. The positions of scholars on the initial point of appearance of legislation establishing the extradition of criminals are analyzed. The position on the appearance of extraditions of criminals in ancient times BC due to the lack of international law at that time is criticized. There is also an analysis of theories that served as

the basis for the establishment of extraditing criminals and a description of various legal acts that show the evolution of this legal institution. Analyzing the historical path of the formation and development of these legal institutions is important for understanding their evolution. The institution of extradite criminals is no exception. Without understanding the origins of the institution, it will be difficult to understand the current role of this institution in international relations between states related to cooperation on crime, including the extradition of criminals.

Materials and Methods. The article analyses various foreign legislation, which, in one form or another, presents extradition for persons who have committed crimes. Legal literature on the problem is studied both in the pre-revolutionary and modern periods. As research methods, comparative-legal, historical-formal and general scientific methods are used, such as analysis and synthesis.

The Results of the Study. On the basis of analysis of various theories on the origin of extradition, the validity of these theories is assessed from the standpoint of international law and conclusions are drawn about the initial stages in the emergence of the institution.

Findings and Conclusions. The prerequisites for the institution of the extradition of people who have committed crimes started to form long before international cooperation emerged, but with the emergence of cooperation, it became a tool for implementing criminal policies and combating crime on an international level. Based on the study of different positions on the origin of legal norms for extraditing people who have violated laws, the author concludes that this institution emerged in the late 19th - early 21st centuries with the development of state cooperation in fighting crime.

For citation: Smolkova I. V. Vozniknovenie i razvitiye zarubezhnogo zakonodatel'stva, regulirovavshego vydachu lic, sovershivshih prestupleniya [Emergence and development of foreign legislation regulating the extradition of persons who committed crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 238–251.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.51.77.022

Относительно времени возникновения правового института выдачи лиц, совершивших преступления (далее – выдача), в научной литературе сформировались **три** основные позиции. Согласно **первой** из них его появление берет свое начало с древнейших цивилизаций (IV–II тысячелетия до н. э.) [1, с. 128]. Сторонники этой позиции рассматривают в качестве первого известного мировой истории письменного международного договора (ставшего уже хрестоматийным), в котором упоминались положения о выдаче, договор, заключенный в 1278 г. до н. э. (по другим источникам – в 1296 г.) египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хеттушилем III, между Египтом и Хеттским государством. В нем, в частности, отмечалось, что «если убежит из земли египетской один человек, или два или три, чтобы пойти к великому князю страны хеттов, то великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамзесу II, великому князю Египта» [2, с. 34, 37]. А. Штиглиц, считая, что в древние времена институт выдачи не мог получить никакого развития в

силу изолированности государств, тем не менее, для данного договора делал исключение, признавая его в качестве первоисточника выдачи [2, с. 40].

Разделяют эту позицию и некоторые современные авторы [3, с. 16; 4, с. 57; 5, с. 75-76; 6, с. 6]. Так, например, С. Д. Беди отмечает: «Выдача в любой форме является институтом, который появился в древней цивилизации, когда не было еще ни стройной системы норм международного права, ни развернутого учения о нем» [3, с. 16].

В свое время Ф. Ф. Мартенс опровергал данную позицию, считая, что примеры, которые обычно приводили из истории классической древности в подтверждение того, что выдача существовала уже в древнем мире, как «нельзя более доказывать, что она не только не была в это время институтом международного права, но даже не развилась до степени обычая, общепризнанного в сношениях между наиболее образованными и близкими по своим интересам народам древности» [7, с. 384].

Действительно, если в рассматриваемые времена не было международного права, то и его институт не мог появиться.

Отдельные правоведы справедливо обращают внимание на то, что в приведенном договоре речь шла вообще не о выдаче, а о возврате беглецов, бежавших из-под власти одного «владыки», чтобы стать подданными другого [8, с. 91].

В анализируемую эпоху договоры, весьма и весьма отдалено напоминающие выдачу, преимущественно были инструментами возвращения беглых рабов. Последователи **второй** позиции исходят из более поздних сроков возникновения правовых положений о выдаче, хотя также ориентируются на довольно древние источники. Так, Э. К. Симсон к числу первых договоров о выдаче относил Саксонский капитулярий, заключенный Карлом Великим с саксонцами в 797 г. н. э., статья X которого устанавливала, что, если один из преступников, заслуживающих по саксонскому закону смертной казни, «искнал убежища у Королевского величества, то будет во власти короля выдать его для казни или же с согласия саксонцев выслать преступника ... за пределы отечества» [9, с. 43].

А. Штиглиц к ранним международным соглашениям о выдаче относил Трактат, заключенный в 1174 г. между английским королем Генрихом II и шотландским королем Вильгельмом [2, с. 5].

Следует признать, что в средние века можно обнаружить некоторые примеры достаточно редких договоров, напоминающих выдачу преступников, однако заключались они не между государствами, а между правителями (царями, королями, императорами и т. п.), зависели от их воли или каприза и преследовали главным образом политические цели. Смена правителя, как правило, прекращала и действие таких договоров.

В эти времена стали появляться только первоначальные ростки сотрудничества государств по вопросам выдачи. Так, например, в некоторых договорах между итальянскими городами (которые по существу были самостоятельными государствами) отмечалось, что при выдаче они «не делают изъятие в пользу собственных преступных граждан, но обещают взаимно наказание или изгнание их». В частности, такие договоры были заключены в 1166 г. между Болоньей и Моденой, в 1221 г. – между Пизой и Арлемом [9, с. 91].

Ф. Ф. Мартенс так характеризовал соглашения о выдаче этого периода времени: «требования выдачи вызывались случайными политическими обстоятельствами. Обычно они предъявлялись со стороны сильнейшего слабому государству, а отказ служил поводом к войне. Наставали на выдаче не политических преступников, а политических врагов, от которых выгодно было избавиться» [7, с. 384].

В XVI и XVII вв. в юридическом сообществе сформировалась концепция, в соответствии с которой каждому государству принадлежит право наказывать за преступления, совершенные не только в пределах своей территории, но даже за ее пределами, если виновный находился в их власти [7, с. 155].

В Новое время между Данией и Англией (1661 г.) был заключен договор, который обязал Данию выдавать Англии всякого, принимавшего участие в казни Карла I. По этому договору подлежащими выдаче считались враги протестантской церкви [10, с. 42].

Третья позиция исходит из того, что институт выдачи возник гораздо позднее: в период буржуазных революций конца XVIII и начала XIX в. [11, с. 1; 12, с. 80; 13, с. 309]. В частности, Д. Никольский полагал, что «до XIX века не могло быть и речи о праве выдачи. Были отдельные требования и отдельные случаи выдачи, возникавшие совершенно из случайных обстоятельств ... Только в конце XVIII века появляются некоторые зародыши права выдачи» [12, с. 80]. Аналогичным образом рассуждал и Н. А. Таганцев, заметив, что «только в новейшее время учение о выдаче становится на юридическую почву и рассматривается как особая форма охранительной государственной деятельности» [13, с. 309].

Действительно, если подходить к понятию выдачи с современных позиций, то можно согласиться с третьей позицией. Представляется, что институт выдачи появился с момента утверждения на государственном уровне идеи о территориальном верховенстве государства, в соответствии с которой в пределах каждого государства должна господствовать единая и самостоятельная карательная власть, которой обязаны подчиняться все лица, находящиеся на его территории.

Р. А. Елисеев справедливо замечает, что раннему периоду развития законодательства о выдаче было свойственно появление *квазиэкстрадиционных* отношений, обусловленных политическими мотивами и основанных на межгосударственных соглашениях о возврате на инакомыслящих, истребовании врагов режима [14, с. 90].

Вполне обоснованно в этой связи отмечал Ф. Ф. Мартенс, что вопрос о выдаче «возник как требование права только с момента, когда в различных государствах уголовное правосудие достаточно и одинаково развилось, когда законы уголовные стали приблизительно соответствовать основным воззрениям на преступление и наказание, и только между этими государствами с самого начала происходят переговоры и заключаются конвенции о выдаче» [7, с. 366].

Одним из первых многосторонних межгосударственных соглашений о выдаче был Амьенский договор о выдаче преступников, подписанный 27 марта 1802 г. между

Францией, Испанией, Голландией и Англией¹, в соответствии с которым выдаче подлежали лица, обвиняемые в совершении убийства, умышленном банкротстве и подделке денежных знаков.

Во Франции получила развитие концепция, согласно которой король обязан защищать интересы своих подданных, на этом основании их нельзя выдавать. Выдаче подлежали только иностранцы, ибо «право выдачи лежит не в договорах, а в правах короля в силу его рождения» [12, с. 36]. Принцип невыдачи своих подданных впервые был закреплен в Договоре 1736 г., заключенным между Францией и Нидерландами.

В XVIII в. Франция внесла значительный вклад в развитие института выдачи. А. Штиглиц в этой связи писал, что экстрадиционное право получило свое развитие главным образом «благодаря международной деятельности французской державы, стоявшей во главе цивилизации» [2, с. 7–9].

Великая французская революция 1789 г. провозгласила право политического убежища, закрепив его в Конституции Французской Республики (принята 3 сентября 1791 г.)², установив: «французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из пределов своей родины за преданность свободе» (статья 120).

В середине XIX в. в Великобритании сформировалась политическая позиция, провозгласившая принцип невыдачи лиц, преследуемых по политическим мотивам, более того эти лица должны были надеяться со стороны государства пребывания правом на убежище.

Резко отрицательно по поводу признания права на убежище высказывался «отец международного права» [8, с. 101] Гуго Гроций (1625 г.), отметив, что оно не должно предоставляться тем, кто «совершил что-либо насилиственное против человеческого общества или других людей, людям, чья жизнь полна незаконных деяний, не остается места для убежища» [15, с. 374]. Позднее Ч. Беккариа (1895 г.) также выступил против предоставления убежища лицам, совершившим преступления, считая, что «безнаказанность и убежище мало чем отличаются друг от друга ... убежище стимулирует преступление больше, чем наказания удерживают от них» [16, с. 31].

Некоторые европейские авторы (Л. Кук, С. Сапэ, П. Ферейра), поддерживая право убежища, отрицали само право выдачи. Например, С. Сапэ называл выдачу «правом жестоким, обычаем варварским, предназначенным к вымиранию, противным истинной человечности», а П. Ферейра отмечал, что «государство-ответчик не имеет права выдачи, ни один народ не может отказать в убежище ... иностранцу, причем последний должен пользоваться всеми гражданскими правами наравне с природными подданными» [12, с. 34, 35].

¹ Амьенский договор о выдаче преступников от 27 марта 1802 г. // Большая российская энциклопедия 2004–2017 : сайт. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1819617 (дата обращения: 12.10.2024).

² Конституция Французской Республики : принятая Национальным собранием 3 сентября 1791 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29.

В XIX в. значительную роль в развитии института выдачи сыграли теории, разработанные различными европейскими учеными-правоведами, которые получили условные обозначения, как: «территориальная», «национальная», «реальная» и «космополитическая» [12, с. 2-19].

«Территориальная» теория основывалась на идее государственного верховенства, в соответствии с которой государство осуществляло карательную функцию в пределах своей территории, оно не может признавать законы другого государства на своей территории, а, лица, совершившие преступления, должны быть наказаны на территории той страны, где они были совершены. Эта теория исходила из правила *«forum delicti comissi»* («подсудность по месту совершения преступления»), означавшего, что для уголовного преследования и наказания преступников компетентен исключительно суд места совершения преступления. «Территориальная» теория допускала выдачу всех обвиняемых, которые покинули свое государство.

Представитель этой теории Ч. Беккариа полагал, что в пределах данной страны не должно быть места, на которое не распространялось действие законов. «Сила их должна следовать за гражданином как тень за телом» [16, с. 31].

Аналогичным образом рассуждал и Ф. Ф. Мартенс, полагая, что первостепенное право требовать выдачи принадлежит государству, где преступление совершено, а национальность лица, совершившего преступление, при этом играет второстепенную роль [7, с. 382]. Сторонниками данной идеи были немецкие юристы К. Миттермайер, П. Фейербах.

«Национальная» теория исходила из того, что, покидая пределы своей страны, человек не терял своего подданства, поскольку законы создавались не для территорий, а для людей, живущих на ней, соответственно, уголовный закон имел обязательную силу в отношении граждан собственной страны, невзирая на их местонахождение. Основателем данной теории был немецкий юрист А. Бернер. Д. Никольский называл ее теорией «личной подчиненности», считая, что каждый подданный, где бы он ни был, обязан подчиняться своим национальным законам [12, с. 8]. Последователи «национальной» теории допускали выдачу собственных граждан. С позиции Ф. Ф. Мартенса, выдача собственных подданных тому государству, в пределах которого они совершили преступные действия, «служила бы только доказательством уважения к правосудию чужой заинтересованной страны». По его мнению, право наказания имеет только то государство, которое находится в каком-либо юридическом отношении к преступнику или преступлению [7, с. 382].

Противоположного мнения по данному вопросу придерживались отдельные европейские ученыe (К. Биндинг, Ф. Лист). Так, например, К. Биндинг выступал против выдачи государством своих граждан, считая такую выдачу варварской, поскольку государство сделается орудием, вырывающим гражданина из своей родины, а гражданин будет подвергнут чуждым процессуальным и уголовным законам. По его мнению, государство не может вполне доверять чужеземному правосудию, так как нельзя рассчитывать на полное беспристрастие иностранных судей и «ожидать, что они отнесутся к чужеземцу с тем же вниманием и снисхождением как к своему соотечественнику. Такою выдачею нарушалось бы суверенность государства» [13, с. 322].

Штиглиц А. в выдаче собственных граждан видел «оскорбление человеческого достоинства, ибо государство, поступая таким образом, становится как бы агентом, помощником иностранного государства, причем такая помощь, такое содействие для достижения целей чужеземного правосудия по отношению к национальным подданным или гражданам является унизительным» [2, с. 56].

Представители «реальной» теории (немецкие юристы А. Вийефор, Р. Гейнце), пытаясь устранить противоречия «территориальной» и «национальной» теорий, считали, что государство берет под свою защиту интересы, признанные собственным законодательством. На этом основании любые действия, направленные против этих интересов, независимо от того, где они совершены (в пределах страны или за ее пределами), а также от гражданства обвиняемого должны рассматриваться как совершенные против этого государства.

Приверженцы «реальной» теории поддерживали выдачу всех иностранцев, совершивших преступления против интересов другого государства. Однако «реальная» теория не могла привести аргументы в обоснование наказания собственных граждан, совершивших преступление за пределами собственной страны.

С середины XIX в. берет начало «космополитическая» (разные авторы называют ее по-разному: международная, интернациональная, универсальная) теория, основоположником которой считается А. Бульмеринг, посвятивший ее обоснованию монографию «Право убежища и спасение беглецов от пыток» (1853 г.) [16]. Он называл ее «теорией будущего» и, надо сказать, время подтвердило его правоту. Смысл данной теории состоит в том, что защита правового порядка во всем мире является обязанностью всех государств, соответственно, каждое государство, в котором находится обвиняемый, независимо от его гражданства, исходя из интересов единой международной юстиции, имеет не только право, но и обязанность его наказать или выдать.

Поддерживая данную теорию, Д. Никольский писал: «лицо, совершившее посягательство на интересы какого-либо государства, должно быть преследуемо везде, куда бы оно ни явилось. Ему нет нигде спасения от заслуженной кары закона» [12, с. 13].

Большая часть договоров о выдаче в период с начала XVIII в. до начала XIX в., заключалась между географически соседствующими государствами, более других испытывавших необходимость в оказании содействия друг другу в поимке и выдаче скрывающихся лиц, совершивших преступления [8, с. 93].

Важнейшим событием в истории института выдачи явилось принятие в 1833 г. в Бельгии первого в международной практике закона, в котором содержалась норма, ставшая своеобразной отправной точкой развития правового регулирования выдачи во многих других государствах. Впервые в истории выдачи в закон была включена норма о невыдаче лиц, подвергшихся преследованию у себя в стране за политическую деятельность, установившая правило: «иностранец не будет подвергнут преследованию ни за какое политическое преступление, предшествовавшее выдаче и ни за какой факт, связанный с подобным преступлением» [17, с. 330].

К. С. Родионов, оценивая значимость бельгийского закона для международной практики, отмечает: «Два фактора сделали этот закон известным в экстрадиционной практике: во-первых, он содержал в себе ... норму о невыдаче лиц, преследуемых

за политическую деятельность, чего прежде не было; во-вторых, он положил начало всей мировой практике отказа от выдачи лиц, подвергшихся в родной стране преследованию за такую деятельность» [18, с. 832].

В 1874 г. Бельгия приняла специальный закон, полностью посвященный вопросам выдачи. Подобные законы затем были приняты в Голландии (1875 г.), Германии (1884 г.), Люксембурге (1888 г.), Перу (1888 г.), Швейцарии (1892 г.), Северо-Американских штатах (1895 г.) и Аргентине (1905 г.).

В договорах государств о международном сотрудничестве в XIX в. стало принято указывать виды преступлений, по которым была возможна выдача. Например, в Договоре, заключенном между Великобританией и Францией (1876 г.), был приведен перечень из 34 видов экстрадиционных преступлений. В дальнейшем перечни таких преступлений стали заменять единым положением, в соответствии с которым стороны обязывались выдавать лиц за совершение преступлений, наказываемых не ниже определенного срока лишения свободы (как правило, сроком не менее одного года, что, кстати, сохраняется и до настоящего времени).

В XIX веке в международной практике сформировалось правило о невыдаче собственных граждан, несмотря на место совершения ими преступления. Исключение в этом плане составляли Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты. Согласно постулатам англо-американской юстиции главное значение имело не подданство обвиняемого, а место совершения преступления (территориальная теория).

Наряду с расширением международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью возникла настоятельная необходимость в систематизации и кодификации норм о выдаче. Первым шагом на этом пути стала Оксфордская резолюция по вопросам выдачи лиц, совершивших преступления, принятая в 1880 г. на сессии Института международного права, на которой были поддержаны положения, предложенные Правительством Бельгии: «лица, виновные в политических преступлениях, не выдаются» [19, с. 517].

Немецкий ученый И. К. Блюнчли, выступая с докладом на этом форуме, обратил внимание на то, что «отсутствие общих договоров в высшей степени затрудняет правильные сношения государств. По вопросу выдачи приходится каждому отдельному случаю вступать в долгие часто бесплодные переговоры» [12, с. 213].

Примечательно, что в Оксфордской резолюции отмечалось, что «выдача может быть практикуема наиболее твердым и правильным образом только в том случае, когда существуют трактаты, поэтому желательно, чтобы число таковых возрастило», а «начало взаимности при выдаче может вытекать из видов политических, но не вытекает из начал права». В ней же отмечалось, что «в случае отсутствия соглашения о выдаче государства должны поощрять выдачу на основе взаимности» [2]. Данные проблемы затем обсуждались на заседаниях Ассоциации международного права, Международной пенитенциарной комиссии и других международных организаций [20, с. 268].

В дальнейшем число договоров о выдаче росло, совершенствовалась договорно-правовая координация борьбы с преступлениями, затрагивающими интересы нескольких государств, были определены «экстрадиционные» преступления, утвердился принцип невыдачи собственных граждан, политические преступления

стали исключаться из сферы выдачи, что, безусловно, способствовало углублению сотрудничества государств, становлению согласованных правил и принципов, регламентирующих выдачу гарантирующих права индивида в связи с ней.

В XX в. развитие института выдачи идет по пути окончательного признания положений о выдаче и заключения многосторонних договоров о выдаче в связи с необходимостью универсализации и упорядочения соответствующих соглашений. Под эгидой Лиги Наций предпринимается попытка подготовки проекта и заключения универсальной конвенции, которая должна была урегулировать сотрудничество всех государств в сфере выдачи, однако, к сожалению, так и не увенчавшаяся успехом [21, с. 35].

В 1924 г. был образован Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права, одной из задач которого было изучение вопросов выдачи. В январе 1926 г. этот Комитет рекомендовал провести общую международную конференцию по вопросам выдачи. Однако никаких действий в дальнейшем в этом направлении произведено не было, хотя под руководством Гарвардской правовой школы был разработан Проект Конвенции о выдаче, в котором предлагалось при решении вопроса о выдаче отдавать предпочтение территориальной юрисдикции [22, с. 52].

В 1949 г. Комиссия международного права ООН исключила выдачу из списка институтов международного права, подлежащих кодификации, что объяснялось политическими обстоятельствами.

В конце 70-х годов XX в. Институтом международного права был создан специальный комитет для разработки проблем, связанных с выдачей. В его состав вошли представители разных государств – ФРГ, Италии, Канады, Колумбии и др. Комитет сформулировал несколько рекомендаций:

- 1) о необходимости сотрудничества государств друг с другом в соответствии с Уставом ООН, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 26 июня 1945 г.¹;
- 2) об обязанности государств сотрудничать друг с другом по вопросам выдачи;
- 3) о выражении готовности предоставить выдачу при отсутствии специального договора о выдаче на основе взаимности [23, с. 78–81].

1 сентября 1983 г. Институт международного права на Кембриджской сессии принял Резолюцию «Новые проблемы выдачи лиц, совершивших преступления», в которой были сформулированы принципы сотрудничества государств в этой области. В частности, в ней указывалось, что по общему правилу государство обязано выдавать преступников только при наличии специального договора о выдаче, одновременно следует приветствовать выдачу преступников при отсутствии такого договора, но только на началах взаимности [23, с. 80].

Резюмируя изложенное, можно отметить, что древнейшая эпоха характеризуется неразвитостью межгосударственных отношений, а вопросы выдачи вызывались

¹ Устав Организации Объединенных Наций : подписан на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций 26 июня 1945 г. : вступил в силу 24 октября 1945 г. // Организация Объединенных наций : сайт. URL: <http://un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.10.2024).

преимущественно случайными политическим моментами. Первоначально выдача означала лишь принудительное возвращение беглого подданного своему сюзерену, выдача рассматривалась не как акт правовой (судебной) помощи, а как уголовная кара. Зародившись как средство обеспечения права собственности феодала на зависимых от него людей, выдача постепенно переросла в средство возврата лиц, совершивших преступления.

Договоры о выдаче в собственном смысле слова в ранние эпохи развития человечества были исключительным явлением и заключались прежде всего против политических врагов и дезертиров.

Очевидно, что первоначально выдача не являлась правовым институтом и, не рассматривалась в качестве направления международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью.

Предпосылки института выдачи начали формироваться задолго до появления государств, но с возникновением государств он стал средством реализации уголовной политики и средством противодействия преступности на национальном и международном уровнях. Развитие международного сотрудничества по вопросам выдачи происходило в условиях разобщенности и постоянного военного соперничества между государствами, но в итоге получило договорное оформление. С учетом дальнейших модификаций концепций цель выдачи трансформировалась в обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и наказания лица, совершившего преступление, скрывающегося на территории другого государства.

К середине XIX в. институт выдачи получил правовое обоснование и стал необходимым средством осуществления уголовной политики каждого суверенного государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гефтер, А. В. Европейское международное право / пер. К. Таубе. СПб. : Типография Безобразова и К°, 1880. 619 с.
2. Штиглиц, А. Исследование о выдаче преступников. СПб. : Типография братьев Пантелеевых, 1882. 239 с.
3. Bedi, S. D. Extradition in International Law and Practic. Rotterdam : Bronder-Offset, 1966. 299 р.
4. Галенская, Л. Н. Международная борьба с преступностью. М. : Международные отношения, 1972. 98 с.
5. Буткевич, О. В. Международное право Древнего Египта // Государство и право. 2000. № 5. С. 75–84.
6. Бойцов, А. И. Выдача преступников. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 795 с.
7. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / под ред. Л. Н. Шестакова. В 2 т. Т. 2. СПб. : Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883. 586 с.

8. Елисеев, Р. А. История становления и развития международного уголовного права // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). Серия Юридические науки. 2009. № 3. С. 89–104.
9. Симсон, Э. К. О невыдаче собственных поданных. Международно-правовое исследование. СПб. : Типолитография Р. Голике, 1892. 430 с.
10. Лукашук, И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право : учебник. М. : Спарт, 1999. 287 с.
11. Шостак, Е. Я. О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами. Киев : Универсальная типография И. И. Завадского, 1882. 50 с.
12. Никольский, Д. О выдаче преступников по началам международного права СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1884. 554 с.
13. Таганцев, Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. В 2 вып. Вып. 1. Часть Общая. СПб. : Государственная типография, 1887. 478 с.
14. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. В 2 кн. Книга вторая. СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1902. 868 с.
15. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. Радомъ : Типолитография И. С. Тржебинского, 1875. 135 с.
16. Bulmerincq, A. Das Asulrecht und Auslieferung fluchtiger Verbrecher. Dorpat : Gedruckt bei J. C. Schunmann's Wittwe & C. Mattesen, 1853. 164 р.
17. Лист, Ф. Международное право в систематизированном изложении / пер. с нем. В. Э. Грабаря. 3-е русское изд-е, совершенно перераб. Юрьев (Дерпт) : Типография К. Матисена, 1912. 574 с.
18. Родионов, К. С. Закон Российской Империи 1911 г. Об экстрадиции // Государство и право. 2003. № 7. С. 80–91.
19. Даневский, В. П. Выдача преступников и прения по ней в Оксфордской сессии Гентского института международного права // Юридический вестник. 1880. № 12. С. 517–563.
20. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая часть. В 2 т. Т. 1. 2-е изд-е пересмотр. и доп. СПб. : Государственная типография, 1902. 815 с.
21. Струк, Ю. Б. История формирования института выдачи лиц, совершивших преступление // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 7. № 25. С. 31–38.
22. Шаргородский, М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном праве // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 8. С. 45–59.
23. Павлова, И. В. Вопросы выдачи преступников в работе Института международного права // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. 1985. № 1. С. 77–83.

REFERENCE

1. Gefter, A.V. Evropejskoe mezhdunarodnoe pravo [European international law]. St. Petersburg, 1880, 619 p.
2. Stiglitz, A. Issledovanie o vydache prestupnikov [Research on the extradition of criminals]. St. Petersburg, 1882, 239 p. 2.
3. Bedi, S.D. Extradition in International Law and Practic / S.D. Bedi. Rotterdam: Bronder-Offset, 1966, 299 p.
4. Galenskaya, L.N. Mezhdunarodnaya bor'ba s prestupnost'yu [International fight against crime]. Moscow, 1972, 98 p.
5. Butkevich, O.V. Mezhdunarodnoe pravo Drevnego Egipta [International law of Ancient Egypt]. Gosudarstvo i pravo – State and law. 2000, no. 5, pp. 75-84.
6. Fighters, A.I. Vydacha prestupnikov [Extradition of criminals]. St. Petersburg, 2004, 795 p.
7. Martens, F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov [Modern international law of civilized peoples]. St. Petersburg, 1883, 586 p.
8. Eliseev, R.A. Istorya stanovleniya i razvitiya mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [The history of the formation and development of international criminal law]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov (RUDN). Seriya Yuridicheskie nauki – Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). The series of Legal Sciences. 2009, no. 3, pp. 89-104.
9. Simson, E.K. O nevydache sobstvennyh podannyh. Mezhdunarodno-pravovoe issledovanie [About the non-issuance of their own submissions. International legal research]. St. Petersburg, 1892, 430 p.
10. Lukashuk, I.I. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo: uchebnik [International criminal law: textbook]. Moscow, 1999, 287 p.
11. Shostak, E.Ya. O vydache prestupnikov po dogovoram Rossii s inostrannymi derzhavami [On the extradition of criminals under agreements between Russia and foreign powers]. Kiev, 1882, 50 p.
12. Nikolsky, D. O vydache prestupnikov po nachalam mezhdunarodnogo prava [On the extradition of criminals according to the principles of international law]. St. Petersburg, 1884, 554 p.
13. Tagantsev, N.S. Lekcii po russkomu ugolovnomu pravu [Lectures on Russian criminal law]. St. Petersburg, 1887, 478 p.
14. Grotius, G. O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotoryh ob"yasnyaetsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. V 2 kn. Kniga vtoraya [On the law of war and peace. Three books that explain natural law and the law of nations, as well as the principles of public law. In 2 books. Book two]. St. Petersburg, 1902, 868 p.
15. Beccaria, Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah [On crimes and punishments], 1875, 135 p.
16. Bulmerincq, A. Das Asulrecht und Auslieferung fluchtiger Verbrecher / A. Bulmerincq. Dorpat : Gedruct bei J.C. Schunmanns Wittwe & C. Mattesen, 1853, 164 p.

17. List, F. Mezhdunarodnoe pravo v sistematizirovannom izlozhennii [International law in a systematic presentation]. 1912, 574 p.
18. Rodionov, K.S. Zakon Rossijskoj Imperii 1911 g. Ob ekstradicii [The Law of the Russian Empire of 1911 On extradition]. Gosudarstvo i pravo – State and law. 2003, no. 7, pp. 80-91.
19. Danevsky, V.P. Vydacha prestupnikov i preniya po nej v Oksfordskoj sessii Gentskogo instituta mezhdunarodnogo prava [Extradition of criminals and the debate on it at the Oxford session of the Ghent Institute of International Law]. YUridicheskij vestnik – Legal Vestnik. 1880, no. 12, pp. 517-563.
20. Tagantsev, N.S. Russkoe ugolovnoe pravo : lekcii CHast' Obshchaya chast' [Russian criminal law : lectures Part General part]. St. Petersburg, 1902, 815 p.
21. Struk, Yu.B. Istorya formirovaniya instituta vydachi lic, sovershivshih prestuplenie [The history of the formation of the institution of extradition of persons who committed a crime]. Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena – Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2007, vol. 7, no. 25, pp. 31-38.
22. Shargorodsky, M.D. Vydacha prestupnikov i pravo ubezhishcha v mezhdunarodnom prave [Extradition of criminals and the right of asylum in international law]. Vestnik Leningradskogo universiteta – Vestnik of the Leningrad University. 1947, no. 8, pp. 45-59.
23. Pavlova, I.V. Voprosy vydachi prestupnikov v rabote Instituta mezhdunarodnogo prava [Issues of extradition of criminals in the work of the Institute of International Law]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 Pravo – Vestnik of the Moscow University. Series 11 Law. 1985, no. 1, pp. 77-83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолькова Ираида Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Байкальский государственный университет. 664003 г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolkova Iraida Vyacheslavovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision. Baikal State University. 664003 Irkutsk, Lenin St., 11.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С .252–261.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 4 (111). P. 252–261.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**ТАКТИКА И ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Научная статья

УДК 343.985

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.25.44.023

Смолин Алексей Владимирович, Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, avsmolin1@gmail.com

Введение. В настоящее время одной из существенных проблем уголовного судопроизводства является нестабильность следственной практики по вопросам добывания и использования доказательственной информации. Субъекты деятельности по выявлению и расследованию преступлений применяют известные им технологии производства процессуальных действий, при этом не задумываясь, что неотъемлемая составная часть формирования доказательств и доказательственных систем – криминалистическая тактика, представляющая собой маневрирование информационными, процедурными и техническими ресурсами.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования являются источники научной литературы по проблемам криминалистической тактики и доказательственного права. Методологическая база исследования состоит в примененииialectического метода научного познания, общенаучных и частнонаучных методов, таких как анализ, сравнение и синтез.

Результаты исследования. В рамках проведенного исследования выявлены закономерности уголовно-процессуальной технологии и криминалистической тактики, влияющие на снижение рисков добывания доказательственной информации и повышение эффективности ее использования при построении систем доказательств.

Выводы и заключения. Сформирован универсальный тактический алгоритм преобразования доказательственной информации.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, доказательственная информация, тактика доказывания, технология доказывания

Для цитирования: Смолин А. В. Тактика и технология преобразования доказательственной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4. С. 252–261.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.25.44.023

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

TACTICS AND TECHNOLOGY FOR TRANSFORMING EVIDENTIARY INFORMATION

Aleksey V. Smolin, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod, Russian Federation, avsmolin1@gmail.com

Introduction. Currently, one of the significant problems of proving is the instability of investigative practice on the issues of extraction and use of evidentiary information. Practitioners automatically apply known to them technologies of production of procedural actions, without thinking that an integral and integral part of the formation of evidence and evidentiary systems is criminalistic tactics, which is maneuvering information, procedural and technical resources.

Materials and methods. Theoretical basis of the study is the sources of scientific literature on the problems of criminalistic tactics and evidentiary law. The methodological basis of the study consists in the application of dialectical method of scientific cognition, general scientific and private scientific methods.

The Results of the Study. Within the framework of the conducted research the regularities of criminal procedural technology and forensic tactics influencing the reduction of risks of extracting evidentiary information and the efficiency of its use in the construction of evidence systems are revealed.

Findings and Conclusions. A universal tactical algorithm for transforming evidentiary information is formed.

Keywords: evidence, proving, evidentiary information, tactics of proving, technology of proving

For citation: Smolin A. V. Taktika i tekhnologiya preobrazovaniya dokazatel'stvennoj informacii [Tactics and technology for transforming evidentiary information]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 252–261.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.25.44.023

Проблемы формирования доказательств и доказательственных систем преимущественно относят к ведению уголовного процесса. В традиционном понимании преобразование доказательственной информации достигается посредством применения к ней нормативно закрепленных процедур, в результате чего происходит формирование уголовно-процессуального доказательства. Однако преждевременно утверждать, что в таком случае оно будет окончательно сформировано. В дальнейшем содержащаяся в доказательствах информация интерпретируется для установления фактов, имеющих значение для расследования, на основе которых впоследствии строятся доказательственные системы.

Стоит отметить, что нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие вопросы доказывания, преимущественно носят диспозитивный характер, тем самым предоставляя субъектам расследования право усмотрение на распоряжение их правами для выбора наиболее эффективного способа достижения целей уголовного судопроизводства в конкретной сложившейся ситуации. В связи с этим при формировании каждого конкретного доказательства, доказательственного факта и доказательственной системы должны использоваться два рода положений. Первое – уголовно-процессуальная технология, то есть закрепленная законом форма преобразования информации и ее существования в материалах уголовного дела. Второе – тактическая криминалистическая рекомендация, то есть наиболее рациональный порядок преобразования информации.

В юридической литературе достаточно подробно исследованы тактические особенности производства отдельных следственных действий, затронуты вопросы как их общих закономерностей, так и применительно к отдельной ситуации или же категории преступлений. При этом практически невозможно встретить общие рекомендации, содержащие методологическую программу подготовки и производства, подходящую ко всем средствам получения доказательственной информации, а тем более учитывающие особенности ее дальнейшего использования.

Технология доказывания – само по себе не новое понятие. С. В. Власова дает ему следующее определение: «совокупность приемов и способов, с помощью которых формируются доказательства и основанные на них факты» [1, с. 66]. Но как уже было отмечено, диспозитивный характер ряда уголовно-процессуальных норм можно трактовать как положения тактического характера. Однако по этому поводу есть и иные мнения.

Ряд авторов полагает, что в законе не может содержаться положений, которые можно было бы отнести к тактике производства процессуальных действий. А. Н. Васильев, разделяя данную точку зрения, отмечает, что «тактический прием не обязателен к исполнению – это рекомендации» [2, с. 39]. Аналогичной позиции придерживается и С. П. Митричев. По его мнению, «тактические рекомендации – это не нормы закона, они используются следователем по его усмотрению» [3, с. 38]. Развивая указанные идеи, В. И. Комиссаров пишет, что «введение тактического приема в норму закона порождает качественные его изменения (рекомендательный характер исполнения переходит в обязательный)» [4, с. 28]. Приведенные обоснования отсутствия в нормах закона тактических положений объединяет то, что, по мнению данных авторов, они не должны носить характер предписания об их обязательном выполнении, то есть тактическими могут считаться только те действия, которые не находят своего отражения в нормах закона, а содержатся исключительно в тактико-методических рекомендациях.

Другая группа авторов высказывает мнение, что нормативное регулирование тактического приема не отменяет его сути [5, с. 25; 6, с. 211; 7, с. 44]. Как отметил О. Я. Баев, действующий УПК РФ¹ впервые в истории содержит общие правила производства всех следственных действий, которые в свою очередь являются не только

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 21 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.11.2024).

исключительно уголовно-процессуальными нормами, но и тактически содержательными. Кроме того, он делает вывод, что «все сказанное позволяет рассматривать содержащиеся в уголовно-процессуальном законе положения в качестве обобщенных процессуально-тактических приемов и рекомендаций по производству следственных действий» [8, с. 244]. Мы разделяем указанную точку зрения, что в тактическом маневрировании могут использоваться положения уголовно-процессуального закона.

Отличие нормативно закрепленных положений, имеющих тактическое значение, от традиционно криминалистических заключается в том, что изначально в законе содержится меньшее количество альтернатив. В некоторых случаях они и вовсе отсутствуют. Однако именно это и является отправной точкой для использования уже классических криминалистических рекомендаций. Кроме того, если криминалистические положения носят рекомендательный характер, то нормативно закрепленные в подавляющем большинстве случаев требуют обязательного выбора одной из них. Таких альтернатив при производстве различного рода следственных и иных процессуальных действий в УПК РФ огромное количество.

Таким образом, мы думаем, что диспозитивный характер многих норм УПК РФ существенно влияет на выбор тактики производства конкретного процессуального действия. Нормы уголовно-процессуального закона, содержащие термин «вправе», необходимо считать нормами тактического характера. Это позволяет субъектам доказывания в установленных границах норм права маневрировать находящимися у них в распоряжении средствами для достижения цели деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Как отметил А. Ф. Лубин, «диспозитивность может касаться как самого предмета и объема доказывания, так и выбора процессуальных средств, которые участник процесса может использовать для обоснования своих требований и возражений. Диспозитивный характер решений в уголовном процессе означает тактическую свободу субъектов распоряжаться своими процессуальными правами, включая права по доказыванию, в своих процессуальных интересах» [9, с. 425].

Вместе с тем важно одно – такое маневрирование нормами закона, как и маневрирование собственно криминалистическими средствами, сопряжено с риском. Любое действие, которое направлено на получение значимой информации, притом без разницы – доказательственной или ориентирующей – само по себе тактическое, поскольку тактика нужна везде, где присутствует риск. В деятельности по выявлению и расследованию преступлений он присутствует всегда.

Расследование уголовного дела априори рискованно по своей сути. В особенности это касается вопросов доказывания. Собирание доказательственной информации, ее сохранение и использование всегда осуществляется в условиях противоборства. Что касается криминалистической тактики, как отметил Л. Я. Драпкин, наиболее часто можно услышать о закономерностях отношений в системе «человек-человек», поскольку речь идет обычно о противоборстве людей [10, с. 133]. Однако тактические рекомендации применяются и в отношении овеществленных объектов. К примеру, когда говорится об особенностях осмотра документов или же различного рода вещественных доказательств, тогда, по мнению А. Н. Стуликова, которое мы разделяем, объектами применения тактики в процессе

деятельности по выявлению и расследованию преступлений могут выступать люди, документы и предметы [11, с. 111].

Тактика, как справедливо отметил А. Ф. Лубин, может относиться к действиям, направленным на:

- а) «риск-добыывание» доказательств;
- б) «риск-интерпретацию» (обработку) доказательств;
- в) «риск-представление» этих доказательств;
- г) «риск-использование» [12, с. 174].

Добыывание состоит в обнаружении источников доказательственной информации, извлечении доказательственной информации и придании ей статуса доказательств.

Интерпретация – декодирование информации и правильное ее восприятие.

Представление – использование доказательственной информации для аргументации сформированных фактов.

Использование – формирование доказательственных систем для обоснования принимаемых решений.

Целью использования тактических рекомендаций является нахождение и соблюдение той линии поведения, которая позволит извлечь из источника и преобразовать в доказательство информацию с наименьшими ее потерями, а также найти ей наиболее адекватное применение при установлении обстоятельств доказывания, то есть максимально снизить каждый из четырех приведенных видов риска.

Решение проблемы снижения рискованности в процессе добывания доказательственной информации и повышения эффективности ее использования при формировании доказательственных фактов и систем доказательств видится в алгоритмизации данного процесса, а именно выведении общих закономерностей, анализ которых позволит унифицировать данную процедуру.

Попытки формирования универсального алгоритма проведения различного рода действий, направленных на получение значимой информации, уже ранее предпринимались в криминалистике. Так, С. Ю. Журавлев предложил универсальный тактико-методический алгоритм [13, с. 279–280], состоящий из двух аспектов:

1. Информационный аспект, включающий в себя: анализ ситуации поступления сведений и их содержания, выявление в них противоречий, определение аргументов обоснования производства тактического действия, формулирование цели и задач, прогнозирование полученной информации, возможных ошибок и противодействия.

2. Процедурно-технический аспект, включающий в себя: определение участников тактического действия, расчет информационного, технико-криминалистического и специального обеспечения, возможных тактических действий участников, особенности применения техники.

Согласно нашей гипотезе алгоритм преобразования доказательственной информации выходит за пределы единичного процессуального действия. Вопросы тактики прослеживаются от источника информации до ее использования в системе доказательств по уголовному делу. Тогда и криминалистическая тактика сводится не к порядку производства отдельных следственных действий, как это принято,

а к прохождению доказательственной информации через уровни ее преобразования с наименьшими потерями.

Уровень следов. Анализ материалов дела позволяет обнаружить потенциальный источник доказательственной информации. Объектом анализа могут являться материалы оперативно-розыскной деятельности, уже полученные сведения и доказательства по уголовному делу, а также предположения-версии следователя. К каждому источнику информации по результатам анализа подбирается наиболее адекватное процедурное действие, которое позволит извлечь сведения, имеющие значение для доказывания.

Уровень доказательств. Криминалистический анализ данных позволяет проанализировать складывающуюся следственную ситуацию и принять наиболее оптимальное тактическое решение, которое даст возможность получить информацию с наименьшей потерей в условиях риска. Маневрирование осуществляется за счет средств получения доказательственной информации исходя из фактических и юридических оснований принятия тактического и процессуального решения.

Неотъемлемой частью данного этапа является прогнозирование различных вариантов развития проводимого действия. Чем больше вариантов мы сможем просчитать, тем более мы будем готовы к различным вариантам развития событий. Гораздо проще столкнуться с той ситуацией, которую ты уже пережил, хотя бы на методическом уровне.

Уровень доказательственного факта. Доказательственный факт – это выводное знание. Он существует на логическом уровне мышления субъекта расследования. Формирование доказательства – только промежуточный шаг в доказывании. Само по себе единичное доказательство ничего не обосновывает. Оно может существовать только в совокупности однородных, раскрывающих тот или иной доказательственный факт. Как отметили С. Л. Кисленко и М. М. Менжега, в практической деятельности зачастую возникают проблемы компоновки доказательств: «субъекты доказывания неверно интерпретируют значение источников получения доказательственной информации по делу, а также ошибочно определяют тактически правильную последовательность их исследования» [14, с. 137]. Доказательственный факт приводит нас к выводному знанию (предположению), которое мы пытаемся обосновать с помощью полученной доказательственной информации. Тогда и тактическая составляющая данного уровня состоит в том, насколько убедительно мы сможем представить то или иное доказательство, какой факт постараемся аргументировать. Кроме того, в вопросе тактики формирования доказательственного факта важное значение имеет время представления того или иного доказательства, порядок его представления.

Необходимо понимать, что после такого рода аргументации стороне защиты станет известно о находящейся в нашем распоряжении доказательственной информации, что позволит ей сформировать защитные версии, тем самым предоставив свой альтернативный доказательственный факт.

Уровень систем доказательств. Доказательственные системы можно классифицировать по различным основаниям. Но в целом общепринято это делать по

элементам предмета доказывания. Любая система доказательств должна преследовать одно – быть основанием принятия законного и обоснованного решения, которое может быть тактическим и процессуальным, промежуточным и итоговым. Принятое решение должно быть убедительным и непротиворечивым. В данном случае тактическую сторону необходимо отождествлять с критериями достаточности, убедительности, обоснованности принимаемых таким образом решений. Тактика формирования системы доказательств должна заключаться в анализе:

- полноты раскрытия каждого из обстоятельств элемента предмета доказывания;
- противоречий в системе доказательств и фактических данных предъявленного обвинения;
- противоречий между содержанием доказательств.

Таким образом, по результатам исследования представляется возможным сформировать универсальный тактический алгоритм преобразования доказательственной информации:

1. Выявление источника доказательственной информации и выбор способа ее извлечения включает следующие действия:

- анализ криминальной ситуации и сформированных посредством нее проверки материалов;
- выявление потенциального источника доказательственной информации;
- формирование тактических решений о проведении процессуального действия, исходя из результатов анализа складывающейся следственной ситуации;
- определение наличия фактических и юридических оснований производства процессуального действия;
- определение целей и задач процессуального действия, его возможных результатов;
- выбор наиболее целесообразных способа, порядка и условий проведения процессуального действия, исходя из нормативно закрепленных предписаний.

2. Версионный анализ содержит выдвижение предположений о:

- средствах работы с источниками следовой информации;
- количестве и качестве значимой доказательственной информации, которую представляется возможным получить;
- возможных типах развития тактических ситуаций;
- возможных тактических приемах и комбинациях, которые будут применяться в ходе производства процессуального действия.

3. Прогнозирование развития ситуации, при котором необходимо определить:

- возможные риски при подготовке и производстве процессуального действия;
- возможные ошибки субъектов, производящих процессуальное действие;
- способы возможного противодействия лиц, участвующих в процессуальном действии;
- тактические приемы преодоления противодействия.

4. Планирование производства процессуального действия включает в себя выбор:

- места и времени производства процессуального действия;

- участников и выполняемых ими функций;
- содержания инструктажа участников процессуального действия;
- применяемых технико-криминалистических средств и методов;
- порядка и содержания мероприятий в ходе производства процессуального действия.

5. Получение и закрепление доказательственной информации. На данном этапе происходит:

- осуществление подготовительных мероприятий непосредственно перед производством процессуального действия, корректировка первоначального плана;
- выполнение ранее запланированных мероприятий;
- устранение возможных расхождений от первоначального плана;
- закрепление доказательственной информации.

6. Использование доказательственной информации для формирования доказательственных фактов. Оно состоит в:

- формировании доказательственного аргумента;
- установлении обстоятельств совершенного деяния, о существовании которых можно предположить исходя из полученной информации;
- выбор способа аргументации доказательственного факта.

7. Формирование доказательственных систем включает в себя:

- определение элементов предмета доказывания, раскрываемого полученной информацией;
- выявление возможных противоречий между вновь полученной и имеющейся в деле доказательственной информации;
- определение полноты раскрытия элементов предмета доказывания полученной информации;
- на основании совокупности доказательственной информации – принятие законного и обоснованного решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власова, С. В. Технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 65–69.
2. Васильев, А. Н. Следственная тактика. М., 1976. 197 с.
3. Митричев, С. П. Теоретические основы советской криминалистики. Введение в науку : учеб. пособие. М., 1965. 92 с.
4. Комиссаров, В. И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. Саратов, 1980. 124 с.
5. Баев, О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж, 1977. 114 с.
6. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие. М., 2001. 837 с.
7. Винберг, А. И. Некоторые актуальные вопросы советской криминалистики // Советское государство и право. М., 1962. № 5. С. 44–50.

8. Баев, О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности): науч.-практ. издание. М., 2017. 480 с.
9. Лубин, А. Ф. Юридическая конструкция уголовно-процессуальных норм и тактика следственных действий // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 422–426.
10. Драпкин, Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. 163 с.
11. Стуликов, А. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты представления доказательств : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 209 с.
12. Лубин, А. Ф. Риски и ошибки в принятии уголовно-процессуальных решений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 173–175.
13. Журавлев, С. Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 520 с.
14. Кисленко, С. Л., Менжега, М. М. Юридические факты и технологии криминалистической деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25). С.133–142.

REFERENCES

1. Vlasova S. V. Tekhnologii formirovaniya ugolovno-protsessualnykh dokazatelstv [Technologies of formation of criminal procedural evidence]. Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 2(58), pp. 65-69.
2. Vasiliev A. N. Sledstvennaya taktika [Investigative tactics]. M., 1976, 197 p.
3. Mitrachev S. P. Teoreticheskie osnovy sovetskoy kriminalistiki. Vvedenie v nauku [Theoretical foundations of Soviet criminalistics. Introduction to the science]. M., 1965. 92 p.
4. Komissarov V. I. Nauchnye, pravovye i nравstvennye osnovy sledstvennoy taktiki [Scientific, legal and moral foundations of investigative tactics]. Saratov, 1980, 124 p.
5. Baev O. Y. Kriminalisticheskaya taktika i ugolovno-protsessualnyy zakon [Criminalistic tactics and criminal procedural law]. Voronezh, 1977, 114 p.
6. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki [Course of criminalistics]. M., 2001, 837 p.
7. Vinberg A. I. Nekotorye aktualnye voprosy sovetskoy kriminalistiki [Some topical issues of Soviet criminalistics]. Soviet State and Law. M., 1962, no. 5, pp. 44-50.
8. Baev O.Ya. Sledovatel (osnovy teorii i praktiki deyatelnosti) [Investigator (basics of theory and practice of activity)]. M., 2017, 480 p.
9. Lubin A.F. Yuridicheskaya konstruktsiya ugolovno-protsessualnykh norm i taktika sledstvennykh deystviy [Legal construction of criminal procedural norms and tactics of investigative actions]. Juridicheskaya Technika. 2013, no. 7-2, pp. 422-426.
10. Drapkin L. Y. Osnovy teorii sledstvennykh situatsiy [Fundamentals of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk, 1987, 163 p.

11. Stulikov A. N. Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie aspekty predstavleniya dokazatelstv [Criminal-procedural and criminalistic aspects of the presentation of evidence] : dissertation of candidate of law. Nizhny Novgorod, 2002, 209 p.
12. Lubin A. F. Riski i oshibki v prinyatii ugolovno-protsessualnykh resheniy [Risks and errors in making criminal procedural decisions]. Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 1(17), pp. 173-175.
13. Zhuravlev S. Yu. Metodologicheskie osnovy sovershenstvovaniya metodiki rassledovanija prestuplenij v sfere jekonomiki : dis. ... d-ra jurid. nauk. [Methodological bases of improvement of the methodology of investigation of crimes in the sphere of economy : dissertation of Doctor of Law]. Nizhny Novgorod, 2022, 520 p.
14. Kislenko S. L., Menzhega, M. M. Yuridicheskie fakty i tekhnologii kriminalisticheskoy deyatelnosti [Legal facts and technologies of criminalistic activity]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra - Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2023, no. 1 (25), pp. 133-142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолин Алексей Владимирович, заместитель начальника кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России. 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Старший преподаватель кафедры судебной экспертизы. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Smolin Aleksey Vladimirovich, Deputy Head of the Department of Forensic Science. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye highway, 3.

Senior lecturer of the department of forensic expertise. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin avenue, 23.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 19.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 262–277.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
No. 4 (111). P. 262–277.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.56.024

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ
СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Тимофеев Сергей Владимирович¹, Кочесоков Рустам Хажмударович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

²Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)

Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Российская Федерация

¹tsv.1981@mail.ru

² r-kochesokov@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются проблемы и перспективы использования цифровых следов в деятельности оперативных подразделений. В условиях стремительного развития информационных технологий и широкого распространения мобильных устройств вопросы обработки и анализа данных становятся особенно актуальными для правоохранительных органов. Цифровые следы представляют важный инструмент борьбы с динамично развивающейся киберпреступностью. Авторы акцентируют внимание на различных аспектах цифровых следов, таких как их природа, форма и источники, а также на методах их сбора и анализа. Обсуждаются основные проблемы, с которыми сталкиваются оперативные подразделения, включая отсутствие стандартизованных подходов к обработке данных, вопросы конфиденциальности и правовые ограничения. В своем исследовании авторы выделяют перспективы интеграции современных технологий, таких как машинное обучение и искусственный интеллект, в процессы анализа цифровых следов, что может значительно повысить эффективность работы оперативных подразделений и улучшить их взаимодействие с другими органами власти. Таким образом, статья представляет собой комплексный анализ актуальных вопросов и предоставляет полезные рекомендации для дальнейшего развития практики применения цифровых следов в оперативной деятельности.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации и иные федеральные законы и подзаконные нормативные акты. Кроме того, методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод научного познания, общенаучные и некоторые частнонаучные методы, среди которых анализ, сравнение, обобщение оперативно-следственной и экспертной практики, литературных и интернет-источников.

Результаты исследования. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающегося процедуры хранения электронных носителей информации и содержащихся на них цифровых следов. Предложены дополнения в статью 272 УК РФ и статью 164.1 УПК РФ, а также изменения в статью 273 УК РФ, предусматривающие ответственность за размещение в сети Интернет программного обеспечения, посредством которого обеспечивается возможность использования информационных ресурсов, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации.

Выводы и заключения. Сделан вывод о том, что неурегулированным и дискуссионным остается ряд вопросов, касающихся процессуальных процедур работы с электронными носителями информации, но бесспорным представляется факт того, что институты работы с ними продолжат развиваться в ближайшие годы.

Ключевые слова: цифровые следы, расследование и раскрытие преступлений, следы преступления, киберпреступность, цифровая преступность, компьютерные преступления

Для цитирования: Тимофеев С. В., Кочесоков Р. Х. Перспективы совершенствования российского законодательства в области использования цифровых следов преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 262–277.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.56.024

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PROSPECTS FOR IMPROVING RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF USING DIGITAL TRACES OF CRIME

Sergey V. Timofeev¹, Rustam K. Kochesokov²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

² North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russian Federation,

¹tsv.1981@mail.ru

² r-kochesokov@mail.ru

Introduction. The article considers the problems and prospects of using digital traces in the activities of operational units. In the context of the rapid development of information technology and the widespread use of mobile devices, the issues of data processing and analysis are becoming especially relevant for law enforcement agencies. Digital traces are an important tool in the fight against dynamically developing cybercrime. The authors focus on various aspects of digital traces, such as their nature, form and sources, as well as methods of their collection and analysis. The main problems faced by operational units are discussed, including the lack of standardized approaches to data processing, privacy issues and legal restrictions. Summarizing the research, the authors highlight the prospects for integrating

modern technologies, such as machine learning and artificial intelligence, into the processes of digital trace analysis, which can significantly increase the efficiency of operational units and improve their interaction with other authorities. Thus, the article is a comprehensive analysis of current issues and provides useful recommendations for the further development of the practice of using digital traces in operational activities.

Materials and Methods. In the process of preparing this study, Federal In addition, the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, general scientific and some specific scientific methods, including analysis, comparison, generalization of operational-investigative and expert practice, literary and Internet sources.

The Results of the Study. The necessity of further improvement of criminal and criminal-procedural legislation concerning the procedure of storage of electronic information carriers and digital traces contained on them is substantiated. Supplements to Articles 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed. Also, amendments are proposed to Article 273.1 of the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for posting on the Internet software by means of which access to information resources and information and telecommunication networks is provided, access to which is restricted on the territory of the Russian Federation.

Findings and Conclusions. It was concluded that a number of issues concerning procedural procedures for working with electronic information carriers remain unresolved and debatable, but it is an indisputable fact that institutions for working with them will continue to develop in the coming years.

Keywords: digital traces, investigation and disclosure of crimes, traces of crime, cybercrime, digital crime, computer crimes

For citation: Timofeev S. V., Kochesokov R. Kh. Perspektivy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva v oblasti ispol'zovaniya cifrovyyh sledov prestuplenija [Prospects for improving Russian legislation in the field of using digital traces of crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2024, no. 4 (111), pp. 262-277.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.56.024

Информационные технологии, получившие широкое распространение в XXI веке, в корне изменили быт современного человека. Данные изменения коснулись различных сфер общественной жизни. Новейшие достижения научной и технической мысли активно используются в медицине, образовании, строительстве, сельском хозяйстве и во многих других областях жизнедеятельности человека.

Развитие цифровых технологий детерминировало ежегодный рост количества угроз и вызовов для безопасности людей и их собственности. Наглядно это иллюстрируют данные статистики, ежегодно обобщаемой Главным информационно-аналитическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИАЦ МВД России). В 2003 году ГИАЦ МВД России впервые начал фиксировать статистические данные о преступлениях, совершенных в Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее – ИТТ). Так, в 2003 году из 2 756 398 преступлений

лишь 7 540 совершились с использованием цифровых технологий, что составляло 0,27 % от общего числа зарегистрированных преступлений¹.

В таблице 1 обобщена статистика по зарегистрированным преступлениям в сфере ИТТ за 21 год, взятая на сайте ГИАЦ МВД России. Отметим, что процент преступлений данной категории в общем количестве зарегистрированных преступлений начал значительно повышаться еще в 2017 году, и в настоящее время существуют объективные условия для его роста.

Таблица 1
Данные официальной статистики ГИАЦ МВД России за 2003–2023 гг.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество преступлений в сфере ИТТ	Удельный вес преступлений в сфере ИТТ (%)	Раскрыто преступлений в сфере ИТТ	Раскрываемость преступлений в сфере ИТТ(%)
2003	2 756 398	7 540	0,27 %	7 186	95,31 %
2004	2 893 810	8 739	0,30 %	8 406	96,19 %
2005	3 554 738	10 214	0,29 %	9 759	95,55 %
2006	3 855 373	8 889	0,23 %	8 654	97,36 %
2007	3 582 541	7 236	0,20 %	6 614	91,40 %
2008	3 209 862	9 010	0,28 %	8 419	93,44 %
2009	2 994 820	11 636	0,39 %	11 296	97,08 %
2010	2 628 799	7 398	0,28 %	6 804	91,97 %
2011	2 404 807	2 698	0,11 %	2 687	99,59 %
2012	2 302 168	2 820	0,12 %	2 425	85,99 %
2013	2 206 249	2 563	0,12 %	2 301	89,78 %
2014	2 190 578	1 739	0,08 %	1 321	75,96 %
2015	2 388 476	2 382	0,1 %	1 213	50,92 %
2016	2 160 063	1 748	0,08 %	903	51,66 %
2017	2 058 476	90 587	4,4 %	20 424	22,55 %
2018	1 991 532	174 674	8,77 %	43 362	24,82 %
2019	2 024 337	294 409	14,54 %	65 238	22,16 %
2020	2 044 221	510 396	24,97 %	94 942	18,6 %
2021	2 004 404	517 722	25,8 %	118 920	22,96 %
2022	1 966 795	522 065	26,5 %	142 384	27,27 %
2023	1 947 161	676 951	34,7 %	172 290	25,4 %
Всего за 21 год	53 165 608	2 871 416	5,4 %	735 548	25,61 %

¹ Состояние преступности – январь – декабрь 2003 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/209710/> (дата обращения: 30.09.2024).

Как отметил 25 сентября 2024 года Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев на заседании общественного совета при МВД России, «за последние пять лет число противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое. Сегодня их доля в общем массиве остается значительной и составляет около 40 %. То есть почти каждое второе преступление, совершающееся в нашей стране, – это преступление в сфере высоких технологий. А по тяжким, особо тяжким составам этот показатель приблизился к 60 %»¹.

Ущерб, наносимый подобными деяниями, по оценочным показателям превысил 116 млрд рублей менее чем за 10 месяцев 2024 года. Пострадавшими становятся не только граждане и крупные организации, но также государственные структуры. Сложность в раскрытии и расследовании этих преступлений обуславливается не только спецификой и неочевидностью киберпреступлений, но и присущим им межрегиональным и международным характером.

Ученые уже указывали на то, что на данном этапе развития информационного общества нет предельно четких и эффективных способов и механизмов действий, направленных на противодействие киберпреступности [1, с. 85]. За последние семь лет средний процент раскрываемости компьютерных преступлений составил менее 25 % (23,39 %).

Это показывает, что нашему государству требуется создание новых и развитие уже существующих инструментов борьбы с киберпреступностью. Фиксация цифровых следов и их последующее использование в доказывании по уголовным делам – важная процедура. Она напрямую влияет на качество собранной следовой информации, которая в последующем, согласно уголовно-процессуальному законодательству, может быть использована в качестве доказательств по уголовному делу.

Работа с цифровыми следами – это составная часть всей борьбы с киберпреступностью. По мнению О. П. Грибунова, «цифровые следы имеют большое значение для раскрытия преступления. Цифровой след, как и любой другой вид информации, состоит из двух элементов: материального носителя сведений, которым в данном случае выступает электромагнитное поле, и информации, то есть сведений о каком-либо явлении объективной реальности, которая может оставаться в компьютерных и иных цифровых устройствах» [2, с. 39].

Такие разделы криминалистики, как криминалистическая тактика и техника, выстраивают направления развития в зависимости от криминологических характеристик преступности в конкретном обществе. Важно учитывать «переменный характер преступности, а также обновления общественных отношений», чтобы всегда быть готовыми «дать практическим работникам правоохранительных органов новые тактические приемы и рекомендации по их использованию для расследования новых способов совершения преступлений» [3, с. 140].

¹ На заседании Общественного совета при МВД обсудили борьбу с киберпреступлениями // Новости на РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1264500-o-chem-govorili-na-zasedanii-obshchestvennogo-soveta-pri-mvd-rossii-v-moskve> (дата обращения: 27.09.2024).

Важным, по нашему мнению, представляется комплексный подход к вопросу борьбы с киберпреступностью. Поэтому следует обозначить актуальную проблему фиксации и использования цифровых следов по уголовным делам.

Проведенное нами исследование позволило выявить определенные тенденции, а также вскрыть и (по возможности) развить некоторые аспекты этой проблемы, касающиеся идентификации источника цифровой информации. Это связано с тем, что в большинстве случаев правоохранителям сложно идентифицировать автора или владельца цифровой информации.

Большое количество предлагаемых на рынке цифровых услуг средств анонимизации обеспечивает возможность обращения широкого круга лиц к запрещенным сайтам и сервисам. Для скачивания какого-либо цифрового контента или приложений пользователи сети Интернет, как правило, пользуются программой uTorrent или ее аналогами.

Несмотря на то, что с 1 ноября 2017 года вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ¹, прямо запрещающий специальные программы, которые могут скрывать пользователя в сети Интернет, существует немало сервисов и средств, обеспечивающих пользователю анонимность в информационном пространстве. Самыми популярными из них являются VPN-сервисы, прокси-серверы различного вида и SSH-туннели, I2P, dedicated-серверы. Это создает условия для того, чтобы каждый желающий мог ими воспользоваться, в том числе и в противоправных целях.

Согласно результатам исследования компании Platforma, в 2023 году число пользователей VPN в России выросло на 37 % по сравнению с предыдущим годом, и в 2,5 раза – по сравнению с 2021 годом².

Следует учесть, что 31 июля 2023 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Закон³, запрещающий распространять сведения о методах и способах доступа к запрещенной информации. К этому относится и популяризация VPN-сервисов, позволяющих обходить блокировки.

После этого Правительством Российской Федерации было принято Постановление, наделяющее Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор)

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федер. закон № 276-ФЗ : принят Гос. Думой 21 июля 2017 года : одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221230/ (дата обращения: 30.09.2024).

² Количество пользователей VPN в России в 2023 выросло почти на 40 % // Platforma : сайт. URL: <https://platforma.id/kolichestvo-polzovatelej-vpn-v-rossii-v-2023-vyroslo-pochti-na-40-procentov> (дата обращения: 09.09.2024).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федер. закон № 408-ФЗ : принят Гос. Думой 26 июля 2023 года : одобрен Советом Федерации 28 июля 2023 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453264/ (дата обращения: 30.09.2024).

правом ограничивать рекламу VPN-сервисов, а Роскомнадзор подготовил приказ¹, содержащий критерии оценки для ограничения доступа в России к соответствующим материалам. Данный приказ вступил в силу 1 марта 2024 года и будет действителен до 1 сентября 2029 года.

В приказе Роскомнадзора, помимо прочего, перечислены новые причины, по которым регулятор сможет блокировать сайты. В реестр будут вносить страницы, которые:

- рассказывают о способах и методах обхода блокировок;
- побуждают применять эти способы, например перечисляют их преимущества;
- поясняют, как зайти на запрещенные ресурсы;
- предлагают купить или скачать VPN-сервисы;
- исключением может быть только «научная и статистическая информация».

Роскомнадзор уточнил, что требование о запрете распространения такого контента относится ко всем материалам, независимо от того, когда они были опубликованы и на каких ресурсах.

Важным представляется и тот факт, что Роскомнадзор выступил разработчиком проекта (ID 02/08/09-23/00141911), направленного в том числе на борьбу с VPN-сервисами. Всего Роскомнадзором за период с 2021 г. по 2023 г. был ограничен доступ к 167 VPN-сервисам и 84 приложениям.

Отметим, что на сегодняшний день VPN запрещены в Северной Корее, Беларуси, Омане, Египте, Китае, Иране, Уганде, а также в Индии. Граждане других государств имеют свободный доступ к сервисам.

Компаративный анализ законодательства в сфере связи и передачи компьютерных данных по сетям стран Содружества Независимых Государств показал, что Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II «О связи»² запрещает работу сетей и (или) средств связи, оказание услуг связи, доступ к интернет-ресурсам

¹ О внесении изменений в Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», утвержденные приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 8 ноября 2023 г. № 168 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/408110657/> (дата обращения: 30.09.2024).

² О связи : Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II : послед. ред. // ЮРИСТ: Законы, Постановление, Приказы, Кодексы в РК : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207 (дата обращения: 30.09.2024).

и (или) размещенной на них информации в целях доступа к информации, запрещенной вступившим в законную силу решением суда или законами Республики Казахстан.

По нашему мнению, меры, направленные на противодействие использованию на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов, доступ к которым ограничен, не являются в достаточной мере эффективными ввиду отсутствия в уголовном законодательстве соответствующей ответственности за их нарушение.

Здесь, по нашему мнению, уместно закрепить в части 1 статьи 273 УК РФ ответственность за размещение в сети Интернет программного обеспечения, позволяющего использовать информационные ресурсы, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации, и изложить ее в следующей редакции:

«Создание и распространение компьютерных программ, обеспечивающих использование информационных ресурсов, доступ к которым ограничен.

1. Создание и распространение компьютерных программ, обеспечивающих использование информационных ресурсов, доступ к которым ограничен, –

наказываются ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев.».

В настоящее время, по данным сайта Countryometers¹, население Земли составляет более 8,1 млрд человек, а четвертая версия интернет-протокола IP-IPv4, которую до сих пор использует большинство интернет-провайдеров в России, может создать лишь 4 млрд IP-адресов. Так как последний блок IP-адресов данного протокола в России распределили еще в 2019 году, интернет-компаниям придется сделать новые версии сайтов, поддерживающие стандарт IPv6, а операторам связи – модернизировать сети.

По состоянию на начало июня 2023 года доля интернет-трафика IPv6 в России составила 8,16 % от общего объема передаваемых данных². Данное обстоятельство создает проблемы правоохранительным органам в установлении конкретного лица, пользующегося IP-адресом. Это связано с тем, что нескольким пользователям сети Интернет может присваиваться один и тот же цифровой идентификатор.

Отдельно следует отметить программы, позволяющие шифровать информацию, хранящуюся на электронных носителях информации. Нередко злоумышленники, которые профессионально занимаются преступной деятельностью, знают и используют специализированное программное обеспечение (далее – ПО), позволяющее осуществить несанкционированное использование компьютерной информации, хранящейся на электронном носителе. В таких случаях дешифровка пакета цифровых данных невозможна. Примером программного обеспечения, находящегося в открытом доступе, может служить приложение TrueCrypt, используя

¹ Население Земли // Countryometers : сайт URL: <https://countryometers.info/ru/World> (дата обращения: 09.09.2024).

² IPv6 // TADVISER : сайт. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IPv6> (дата обращения: 09.09.2024).

которое, можно полностью зашифровать какой-либо электронный носитель информации или его раздел.

Существует также программное обеспечение, позволяющее дистанционно перепрограммировать электронное устройство до заводских настроек либо полностью удалить информацию. Например, на сайте Лайфхакер¹ доступны 10 подобных программ и инструкции по их применению.

В связи с изложенным нам представляется уместным рекомендовать отключение электронных устройств от сетей питания при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в целях предотвращения дистанционного доступа к файлам и воздействия на них.

Также отдельно следует выделить время как один из ключевых «врагов» правоохранительных органов. Расследование по горячим следам – один из наиболее эффективных способов борьбы с преступностью, которым всегда пользовались полицейские структуры. Однако сейчас существуют технические сложности отслеживания передаваемой информации через интернет-мессенджеры, т. к. данные сервисы заботятся о клиентах и шифруют переписки при помощи электронных ключей, которые создаются и хранятся на устройствах пользователей, исключая внешние сервисы. Такой способ защиты персональной информации, с одной стороны, представляется эффективным для пользователя, но с другой – затрудняет работу ряда правоохранительных органов, занимающихся противодействием ИТ-преступности, для которых важно оперативное получение информации о преступлении.

Злоумышленники, как и правоохранительные структуры, находятся в постоянном поиске новых подходов к ведению своей деятельности. Так, изменился способ незаконного сбыта наркотиков: от схемы «из рук в руки» – к дистанционному посредством информационных ресурсов. Если организатор не оставляет цифрового следа в киберпространстве, то тем самым усложняет для оперативных подразделений процесс своего поиска, о чем писали многие ученые, например профессор Ю. В. Гаврилин [4, с. 126].

В настоящее время, несмотря на широкие возможности использования электронных устройств, существуют ограничения. В качестве примера можно привести камеры видеонаблюдения, которые имеют определенный запас памяти для хранения файлов и определенное качество съемки. В среднем объема их памяти хватает на 30 суток, а дальше происходит процесс перезаписи [5, с. 101]. Соответственно, если возникнет необходимость получить запись о событии, произошедшем за этими временными рамками, сделать это будет невозможно.

Большая часть работы подразделений по борьбе с киберпреступностью строится на отправлении запросов по материалам проверки сообщений о преступлениях и уголовным делам с последующим получением ответов. Множество компаний расположено в странах, которые официально прекратили сотрудничество с Российской Федерацией по политическим мотивам. Например, серверы популярного на

¹ Козориз А. 10 бесплатных программ для удаленного доступа к компьютеру // ЛАЙФХАКЕР : сайт. URL: <https://lifehacker.ru/udalyonnyj-dostup-k-kompyutru/> (дата обращения: 09.09.2024).

территории Российской Федерации мессенджера Telegram расположены в Объединенных Арабских Эмиратах, а соответственно, получить информацию о переписках пользователя и других цифровых следах его аккаунта без физического доступа к носителю информации, с которого осуществлялось использование приложения, не получится.

Отечественные же компании могут не отвечать на запросы длительный промежуток времени, что приводит к осложнению процедуры предварительного следствия. Кроме того, как мы уже отмечали, применение таких оперативно-розыскных мероприятий, как наведение справок, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации, неэффективно как ввиду специфики, практически полной анонимности резидентов сети, так и принципов функционирования сети DarkNet (отсутствие правового регулирования данного сегмента сети Интернет) [6, с. 171]. В настоящее время в законодательстве не определен срок ответа частных компаний на запросы правоохранительных органов.

Согласно ряду федеральных законов (от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и др.), у правоохранительных органов и судов есть полномочия обращаться в технологические компании за сведениями о пользователях.

Однако в настоящее время существуют сложности в получении персональных данных пользователя, хранящихся на серверах частных компаний. Поскольку российская социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет переписку пользователя, содержащую информацию о преступлении, на основании судебного решения, оперативным сотрудникам из разных регионов необходимо добраться до одного из десяти офисов компании, представленных в шести городах¹.

Абсолютное большинство исследуемых преступлений являются латентными, а лица, совершившие киберпреступления, продолжают оставаться безнаказанными. В Интернете ежедневно публикуется информация о том, что неизвестные продавцы «слили» в Darknet базу данных какого-либо приложения. В зависимости от приложения такая база данных может содержать различную персональную информацию пользователя. Например, сервисы доставки, как правило, собирают данные о месте доставки (жительства), фамилии, имени и отчестве лица, оставившего заказ, номере мобильного телефона и другую информацию.

В судебной практике существуют случаи, когда злоумышленники сами выдавали преступный характер своей деятельности. Например, при осуществлении денежного перевода за покупку какого-либо запрещенного товара прямо указывали, за что переводят деньги.

Сегодня организованные преступные группы в основном осуществляют свою деятельность в виртуальном пространстве. В целом, как отмечали исследователи еще в 2015 году, структура киберпреступной группы ненамного отличается от структуры традиционной преступной группы [7, с. 127]. При систематическом совершении ИТ-

¹ VK объединяет // vk.company : сайт. URL: <https://vk.company/ru/company/contacts/> (дата обращения: 09.09.2024).

преступлений данные преступные группы используют специальное программное обеспечение, применяют методы анонимизации в сети Интернет, а соответственно, оставляют меньше цифровых следов, пригодных для их идентификации.

Телефонное мошенничество – один из самых быстрорастущих сегментов криминального рынка. Миллионы звонков от мошенников поступают россиянам ежедневно, а основным субъектом, осуществляющим подобные действия, выступают колл-центры, расположенные на территории других государств. Данные преступления являются дистанционными и носят транснациональный характер, что затрудняет, а в ряде случаев делает невозможным их расследование по причине сложности в установлении лица, их совершившего, и доказывании его виновности. Даже если звонок был совершен с IP-адреса, принадлежащего одному лицу, это не означает, что в интересующий правоохранительные органы момент времени именно оно пользовалось данным IP-адресом.

В наши дни популярность набирают SIM-Box – сервисы, которые также называются SIM-банками, или SIM-фермами (рис. 1). Данные сервисы предоставляют пользователям удаленный доступ к одноразовым SIM-картам. Один SIM-Box может содержать до 300–400 SIM-карт [8, с. 94]. При этом для оператора связи точкой регистрации SIM-карты будет расположение того шлюза, с которым она сейчас работает, а не действительное ее месторасположение¹.

Вред при помощи таких сервисов наносится не только самим пользователям, которых мошенникам удается обмануть, но и операторам связи, в обход которых мошенники осуществляют свою деятельность. В ряде случаев, если правоохранительным органам удается установить номер телефона, с которого были совершены мошеннические действия, – это лишь начало цепочки, которая приводит к подобным SIM-фермам, а не к лицу, непосредственно совершившему преступное посягательство.

Типичный способ работы SIM-фермы

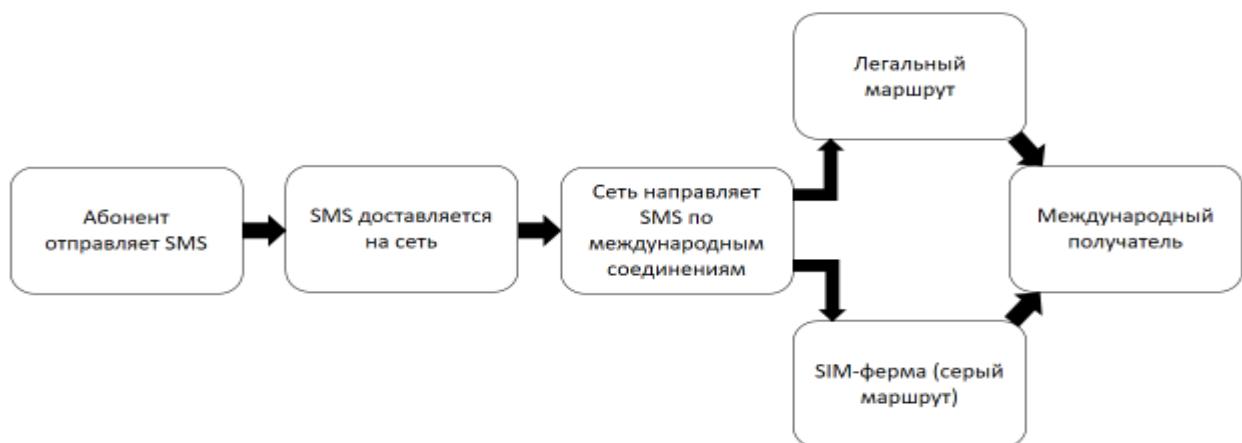

Рис. 1. Принцип работы SIM-фермы

¹ Что такое SIM-банк и как он работает // Хабр : веб-сайт. URL: <https://habr.com/ru/companies/arttel/articles/369963/> (дата обращения: 09.09.2024).

Также в Российской Федерации не предусмотрена ответственность за передачу или продажу банковских карт, которые могут служить средствами платежа для преступников. Как правило, при таких обстоятельствах лицо целенаправленно не блокирует банковскую карту, в отличие от случаев краж или утери. Соответственно, чужие банковские карты являются одним из средств анонимизации производимых преступных транзакций. Как и SIM-карты, банковские карты могут оформляться на лиц, ведущих личпенизированный образ жизни.

Проблемы продажи банковских карт и возможности дальнейшего регулирования данных процессов в настоящее время не получили широкого отражения в научной литературе.

Важным в таких ситуациях представляется установление цифровых следов, которые злоумышленники могут оставить при использовании данных средств.

Говоря о несовершенстве законодательства, отметим, что Уголовный закон и уголовно-процессуальное право, их материальная составляющая недостаточно динамично совершенствуются. Например, статьей 272 УК РФ за неправомерный доступ к компьютерной информации (ее уничтожение, модификацию, копирование и блокирование) предусмотрена уголовная ответственность. Однако законодательно не предусмотрена ответственность за ознакомление с подобной информацией. Адвокат Павел Домкин¹ полагает, что если лицо визуально ознакомилось с информацией, хранящейся на устройстве, то данное деяние не может расцениваться как копирование. Хоть лицо и фиксирует в своей памяти изученную информацию, оно не может ей воспользоваться. По смыслу состава преступления, квалифицируемого по ст. 272 УК РФ, для лица, совершившего подобное деяние, не наступит никаких последствий.

В то же время в статье 8 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² понятие «доступ» толкуется как поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников. Сложность предполагается в соотнесении понятий «получение» и «ознакомление».

Если сравнить нормы статьи 272 УК РФ и статьи 283 УК РФ, то мы видим, что в ст. 283 разглашение сведений, составляющих государственную тайну, имеет форму активных действий, например в демонстрировании документов или устной беседе, что по своей сути предполагает ознакомление другого лица с какими-либо сведениями.

По нашему мнению, несанкционированное ознакомление тоже можно расценивать как активное действие, а соответственно, преступное деяние, вне зависимости от того, с какой информацией ознакомился пользователь, в случаях, если она охраняется законом.

¹ Адвокатское бюро «Домкины и партнеры» : сайт. URL: <https://www.advodom.ru/> (дата обращения: 12.02.2024).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 21.09.2024).

Полагаем, что назрела объективная необходимость дополнения части 1 статьи 272 УК РФ путем изложения ее в следующей редакции: «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, копирование информации либо ознакомление с ней».

Ключевой проблемой доказывания факта ознакомления с информацией является сложность в установлении субъективной стороны состава преступления. Предполагается, что доказательствами в данном случае могли бы являться задокументированные факты воспроизведения подобной информации на каких-либо носителях, а также задержание лица с поличным в процессе ознакомления с охраняемой законом компьютерной информацией.

В наши дни граждане Российской Федерации не всегда понимают, что в отношении них было совершено киберпреступление, а соответственно, не сообщают о нем в правоохранительные органы. Существующие уголовное и уголовно-процессуальное законодательства продолжают адаптироваться к новой угрозе развития цифрового общества, и не всегда положения федеральных законов позволяют эффективно квалифицировать совершенное деяние.

Деятельность преступников обуславливает постоянное совершенствование и деятельности по противодействию киберпреступности. Новые подразделения, созданные в экспертно-криминалистических центрах МВД России, занимающиеся проведением компьютерных экспертиз, нуждаются в специалистах, а ведомственные институты как единицы комплектования для данных подразделений – в преподавателях, имеющих практический опыт борьбы с современной угрозой цифрового общества.

Неурегулированным и дискуссионным остается ряд вопросов, касающихся процессуальных процедур работы с электронными носителями информации, но бесспорным представляется тот факт, что институты работы с ними продолжат развиваться в ближайшие годы.

В проведенном исследовании нами выявлены основные проблемы, возникающие при использовании цифровых следов в уголовном судопроизводстве, и предложены варианты решения проблемы.

Обычному пользователю цифровых устройств, как правило, не по силам удалить свой цифровой след из сети Интернет, однако он может скрыть его от посторонних глаз. Так, идентификацию пользователя правоохранительные органы осуществляют путем направления запросов в частные компании. Принятые поправки в ряд законодательных актов, получившие в дальнейшем название «Пакет Яровой», которые обязали отечественные компании хранить переписки, телефонные звонки и иной входящий и исходящий трафик пользователей, в 2023 году набрали «предельные обороты». Это дало положительный эффект: в настоящее время существует возможность получить информацию даже в случае удаления ее с электронных устройств.

На примере некоторых электронных носителей информации мы также продемонстрировали возможность изменения и сокрытия содержащейся на них

информации. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37¹ помогло разрешить ряд вопросов, касающихся квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных статьями 272, 273, 274 и 274.1 УК РФ, а также иных преступлений, совершенных с использованием электронных технологий. Указанное Постановление разъясняет квалификацию преступлений, предусмотренных Главой 28 УК РФ, но не затрагивает другие составы преступлений, совершенных с использованием ИТТ.

По нашему мнению, в ближайшее время Верховным Судом Российской Федерации будут даны разъяснения, касающиеся работы по остальным составам преступлений, отнесенным к компетенции нового оперативного подразделения органов внутренних дел Российской Федерации – Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК). Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев приказом от 31 марта 2023 года № 199² внес изменения в организационно-штатную структуру МВД России. В соответствии с этим подзаконным нормативным правовым актом подразделения УБК стали полноправными субъектами оперативно-розыскной деятельности.

В заключение следует сказать, что изменения, происходящие в российском обществе в части развития и повсеместного использования цифровых технологий, уже сейчас положительно влияют на эффективность расследования и раскрытия преступлений. Выделение цифровых следов в отдельный предмет криминалистических знаний и их использование в доказывании по уголовным делам – лишь часть глобальных изменений. Однако это направление исследований в области криминастики и теории оперативно-розыскной деятельности требует выработки на практике специальных методов и средств результативной работы с цифровыми следами преступлений, а также внесения изменений в отечественное уголовное законодательство.

Исследования в области цифровых следов преступления, их классификация и постепенное устранение проблем, возникающих в работе с ними, способствуют не только повышению эффективности борьбы с преступностью, но и формированию доверия общества к правоохранительным органам, что является залогом успешного функционирования правового государства.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 30.09.2024).

² Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказом МВД России от 31 марта 2023 года № 199 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455075/ (дата обращения: 30.09.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пороховой, Э. Ю., Быков, В. Д. О некоторых проблемах взаимодействия между государствами в расследовании транснациональных киберпреступлений // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. науч. журн. 2022. № 2 (16). С. 82–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49159141> (дата обращения: 12.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
2. Цифровая валюта и цифровые финансовые права как предмет и средство совершения преступлений : монография / О. П. Грибунов, П. В. Никонов, С. В. Пархоменко и др. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. 170 с.
3. Денисов, И. М. Лещинский, М. И. Криминалистическое исследование цифровой информации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–1 (76). С. 139–141.
4. Гаврилин, Ю. В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 122–129.
5. Льянов, М. М. Процесс обнаружения виртуальных следов при расследовании преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 97–106.
6. Тимофеев, С. В. Деанонимизация пользователя сети Интернет как метод оперативно-розыскного противодействия наркопреступности // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 170–174.
7. Решняк, М. Г., Павлова, Д. А. О некоторых особенностях раскрытия преступлений в сфере высоких информационных технологий // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 5. С. 125–129.
8. Молчанова, Т. В., Аксенов, В. А. Факторы, обуславливающие мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 93–98.

REFERENCES

1. Porokhovoy E. Yu., Bykov V. D. O nekotoryh problemah vzaimodejstvija mezhdu gosudarstvami v rassledovanii transnacional'nyh kiberprestuplenij [On some problems of interaction between states in the investigation of transnational cybercrimes]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 2 (16), pp. 82-91.
2. Gribunov O. P., Nikonov P. V., Parkhomenko S. V. Cifrovaja valjuta i cifrovye finansovye prava kak predmet i sredstvo sovershenija prestuplenij [Digital currency and digital financial rights as a subject and means of committing crimes]. Irkutsk, 2023, 170 p.
3. Denisov I. M. Leshchinsky M. I. Kriminalisticheskoe issledovanie cifrovoj informacii [Forensic study of digital information]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk - International journal of humanitarian and natural sciences. 2023, no. 1–1 (76), pp. 139–141.

4. Gavrilin Yu. V. Protivodejstvie cifrovoj transformacii narkoprestupnosti (po itogam Vserossijskogo onlajn-seminara) [Counteracting the digital transformation of drug-related crime (based on the results of the All-Russian online seminar)]. Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii - Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 4 (56), pp. 122-129.
5. Lyanov M. M. Process obnaruzhenija virtual'nyh sledov pri rassledovanii prestuplenij [The process of detecting virtual traces during crime investigation]. Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika - Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021, no. 4 (58), pp. 97-106.
6. Timofeev S. V. Deanonimizacija pol'zovatelja seti Internet kak metod operativno-rozysknogo protivodejstvija narkoprestupnosti [Deanonymization of an Internet user as a method of operational-search counteraction to drug-related crime]. Jurist#-Pravoved# - Jurist-Lawyer. 2020, no. 2 (93), pp. 170-174.
7. Reshnyak M. G., Pavlova, D. A. O nekotoryh osobennostjah raskrytija prestuplenij v sfere vysokih informacionnyh tehnologij [On Some Features of Solving Crimes in the Sphere of High Information Technologies]. Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal -Business in Law. Economic and Legal Journal. 2015, no. 5, pp. 125-129.
8. Molchanova T. V., Aksenov V. A. Faktory, obuslavlivajushchie moshennichestvo, sovershennoe s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tehnologij [Factors Determining Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies]. Vestnik jekonomiceskoy bezopasnosti - Vestnik of Economic Security. 2020, no. 2, pp. 93-98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-4172-1571.

Кочесоков Рустам Хажмударович, преподаватель кафедры огневой подготовки. Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России. 360016, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123.
ORCID 0009-0009-4653-9312.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timofeev Sergey Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, 110 Lermontov str..

Kochesokov Rustam Khazhmudarovich, teacher of the Department of Fire Training, North Caucasus Institute for Advanced Studies, branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 360016, Nalchik, 123 Malbakhova str.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 14.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 278–288.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 4 (111). P. 278–288.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.31.62.025

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО ФАКТУ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Третьякова Елена Игоревна¹, Соколов Андрей Борисович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

²Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

¹ eit20@mail.ru

²sokol_eg@inbox.ru

Введение. Президент Российской Федерации Владимир Путин на расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 2 апреля 2024 года, акцентировал внимание на снижении уровня подростковой преступности и правильности выбранного направления ее профилактики. Это свидетельствует о системности и комплексности принимаемых всеми субъектами профилактики мер.

Центральным звеном системы профилактики является уголовно-правовая политика государства, определяющая основные направления этой борьбы путем формирования действенного уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Существующая система мер уголовно-правовой охраны несовершеннолетнего (глава 20 УК РФ¹) в первую очередь состоит из составов преступления, предусматривающих ответственность за криминализацию подростковой среды путем вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий. Несмотря на то, что показатели данных преступлений не так высоки, они обладают большой степенью общественной опасности, поскольку посягают на нравственное воспитание и развитие личности несовершеннолетнего, становление его в обществе. Кроме того, формирование у несовершеннолетнего желания совершить преступление, нередко перерастающего в устойчивую преступную мотивацию, является предпосылкой повышения преступности среди несовершеннолетних.

© Третьякова Е. И., Соколов А. Б., 2024

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.02.2024).

В связи с этим выявление, раскрытие, расследование преступлений и применение к виновным мер уголовно-правового воздействия являются необходимыми элементами уголовно-правового противодействия рассматриваемой преступности.

Эффективность деятельности следователя по расследованию преступлений во многом зависит от своевременности принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Возбуждение уголовного дела как начальная стадия уголовного судопроизводства заключается не только в вынесении соответствующего постановления, но и в деятельности по установлению поводов и оснований для принятия решения.

В представленной статье рассматриваются некоторые особенности возбуждения уголовного дела при выявлении признаков вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.

Материалы и методы. Основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы обобщения, описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования. Обозначены признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, являющиеся достаточными для возбуждения уголовного дела.

Выводы и заключения. Своевременность выявления признаков рассматриваемого преступления и начала уголовного судопроизводства будут способствовать эффективному расследованию вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, облегчению процесса доказывания виновности, что позволит достигнуть основные цели уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и назначения виновным справедливого наказания, а также содействовать профилактике преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, поводы для возбуждения уголовного дела, основание для возбуждения уголовного дела, признаки преступления, достаточность, несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, вовлечение в совершение преступления, расследование преступлений, доказательство

Для цитирования: Третьякова Е. И., Соколов А. Б. Особенности возбуждения уголовного дела по факту вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России.. 2024. № 4 (111). С. 278–288.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.31.62.025

**5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

**FEATURES OF INSTITUTION OF A CRIMINAL PROCEEDING ON
THE FACT OF INVOLVEMENT OF A MINOR
IN THE COMMITMENT OF A CRIME**

Elena I. Tretyakova¹Andrei B. Sokolov²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

¹eit20@mail.ru

²sokol_eg@inbox.ru

Introduction. The President of the Russian Federation Vladimir Putin, at an extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia, held on April 2, 2024, focused attention on reducing the level of teenage crime and the correctness of the chosen direction of its prevention. This indicates the systematic and comprehensive nature of the measures taken by all subjects of prevention.

The central link of the prevention system is the state's criminal legal policy, which determines the main directions of this struggle through the formation of effective criminal and criminal procedural legislation. The existing system of measures for the criminal legal protection of minors (Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation) primarily consists of elements of crime that provide for liability for the criminalization of the teenage environment by involving minors in committing a crime or antisocial actions. Despite the fact that the indicators of these crimes are not so high, they have a high degree of social danger since they encroach on the moral education and development of the personality of a minor, his formation in society. In addition, the formation in a minor of a desire to commit a crime, which often develops into a stable criminal motivation, is a prerequisite for an increase in crime among minors.

Therefore, the identification, disclosure, investigation of crimes and the application of criminal legal measures to the perpetrators are necessary elements of the criminal legal response to the crime in question.

The effectiveness of an investigator's activities in investigating crimes largely depends on the timeliness of making a procedural decision to initiate a criminal case. The initiation of a criminal case, as the initial stage of criminal proceedings, consists not only in the issuance of an appropriate procedural document, but is primarily an activity to establish the reasons and grounds for making an appropriate decision.

This article discusses some of the features of initiating a criminal case when identifying signs of involvement of a minor in the commission of a crime.

Materials and Methods. The basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedural legislation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as cognitive methods of generalization, description, methods of observation, comparison and analysis.

The Results of the Study. Signs of involvement of a minor in the commission of a crime are identified that are sufficient to initiate a criminal case.

Findings and Conclusions. The timely identification of signs of the crime in question and the initiation of criminal proceedings will help improve the quality of the investigation into the involvement of a minor in the commission of a crime and facilitate the process of proving guilt. And the achieved main goals of criminal proceedings - protecting the rights and legitimate interests of individuals and organizations who have suffered from crimes and imposing fair punishment on the perpetrators - will contribute to the prevention of crime among minors.

Keywords: initiation of a criminal case, reasons for initiating a criminal case, grounds for initiating a criminal case, signs of a crime, sufficiency, minor, juvenile delinquency, involvement in the commission of a crime, investigation of crimes, evidence.

For citation: Tretyakova, E. I., Sokolov, A.B. Osobennosti vozbuздненя уголовного дела по факту вовлеченије несовершеннолетнега в совершеније преступленија [Features of institution of a criminal proceeding on the fact of involvement of a minor in the commitment of a crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 278–288.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.31.62.025

Преступность несовершеннолетних является проблемой, требующей пристального внимания со стороны государства и общества. Данные официальной статистики свидетельствуют о стабильном уровне преступности среди несовершеннолетних. Так, на территории Российской Федерации в 2023 году 27 325 преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в 2022 г. – 30 469 преступлений, в 2021 г. – 31 865 преступлений¹.

Безусловно, данные показатели не настолько значительны в структуре общей преступности, но тем не менее даже их небольшое количество является серьезной угрозой для формирования здорового общества, что определяет для государства и общества необходимость формирования и реализации направления государственной политики по профилактике и противодействию рассматриваемой преступности.

Меры противодействия социально-экономического, организационно-управленческого, культурно-воспитательного характера, безусловно, приносят свои плоды. Однако немаловажную роль в борьбе с преступностью играют меры уголовно-правового характера. Уголовный закон, как верно отмечает В. Ф. Цепелев, определяющий пределы преступного поведения и основания уголовной ответственности за него, является превентивным и репрессивным средством реализации уголовной политики [1, с. 49]. В связи с этим оправданно, что в уголовном законе выделены нормы уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних, среди которых главенствующее положение занимает уголовно-правовой запрет вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

Следует отметить, что количество зарегистрированных фактов вовлечения

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.09.2024).

несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий в 2021 г. составило 1 467, в 2022 г. – 1 237, в 2023 г. – 1 118. При этом, по данным Судебного департамента, по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ¹ в 2021 г., осужден всего 271 человек, в 2022 г. – 243, в 2023 г. – 355 человек². Такая значительная разница в показателях между зарегистрированными преступлениями и лицами, привлеченными к уголовной ответственности, указывает на то, что назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, потерпевших от преступного влияния взрослых лиц, и назначение виновным справедливого наказания не достигается. Эти обстоятельства свидетельствуют о существовании проблем в правоприменительной деятельности при реализации уголовной политики в данной сфере.

Возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного судопроизводства, основное назначение которой – обеспечение законности и обоснованности принятого решения. Считается, что оно является наиболее важным решением, принимаемым следователем по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Законность решения о возбуждении уголовного дела основывается на наличии поводов и основания для его возбуждения, предусмотренных ст. 140 УПК РФ³. При этом следует отметить, что поводы для возбуждения уголовного дела должны содержать информацию о преступном событии и являться отправной точкой для начала проверки сообщения о преступлении. Основанием же признается наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, которое, по мнению И. Г. Пироговского, выступает качественной характеристикой информации, содержащейся в поводе [2, с. 41]. В правоприменительной деятельности признаки преступления понимаются с точки зрения уголовно-правовых признаков состава преступления и их содержания, а достаточность определяется возможностью дать первоначальную уголовно-правовую оценку событию. При этом в теории уголовно-процессуальной науки по вопросу соотношения понятий «признаки преступления» и «признаки состава преступления» ведутся бурные дискуссии [3–6]. Не вступая в полемику ученых-процессуалистов о содержании понятия «основания для возбуждения уголовного дела», отметим, что криминалистическая задача анализа особенностей возбуждения уголовного дела, которые являются элементом частной методики расследования преступлений, решается посредством рассмотрения алгоритма и содержания тактики проведения следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.10.2024).

² Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2023 г. Отчет № 10.1, № 12 // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 21.10.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.10.2024).

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что по делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления преимущественно источниками информации о наличии признаков рассматриваемого преступления являются показания лиц-участников уголовного судопроизводства по расследованию «основного» преступления, в совершении которого участвовало несовершеннолетнее лицо, поэтому содержание показаний данных лиц имеет важное значение не только для расследуемого преступного события, но и для установления признаков вовлечения.

В этой связи поводом для возбуждения уголовного дела в данном случае является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, облекаемое в форму рапорта об обнаружении признаков преступления.

Диспозиция ч. 1 ст. 150 УК РФ устанавливает конкретизированные способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления: путем обещаний, обмана, угроз, но при этом данный перечень остается открытым: «или иным способом».

Означает ли это, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела, исходя из сложившейся правоприменительной практики установления оснований для возбуждения уголовного дела, следователь устанавливает способ совершения преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ. Думается, что нет. Так, Б. М. Вайкок отмечает, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела следователю не нужно устанавливать все факультативные признаки объективной стороны. Достаточным будет являться факт совершения преступления, возможные наступившие общественно опасные последствия [7, с. 71], которые в рассматриваемом нами случае могут быть весьма очевидными. А вопрос об оценке имеющихся исходных данных как достаточных с информационной стороны для возбуждения уголовного дела, по мнению А. А. Чебуренкова, решается следователем в каждом конкретном случае по его внутреннему убеждению с учетом характера, содержания и объема первичных сведений об обстоятельствах противоправного деяния [8, с. 302].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ) разъясняет, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия, поэтому при установлении признаков преступного вовлечения следователь должен установить мотивацию и причину совершения преступления несовершеннолетним лицом, что позволит определить в том числе и возможный способ вовлечения в совершение преступления, использованный взрослым лицом.

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 : ред. 28 октября 2021 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 19.09.2024).

Но прежде всего сложность выявления признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления осложняется еще и тем фактором, что несмотря на то, что под вовлечением понимаются действия, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия, однако способы его реализации, предусмотренные диспозицией ч. 1 ст. 150 УК РФ, – обещание, обман, угроза – используются как средство психологического воздействия на несовершеннолетнего и, как правило, они не находят отображения в материальной среде.

В этой связи Г. Г. Небратенко и О. В. Трубкина отмечают, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, решающее значение приобретают идеальные следы [9, с. 89], закрепляемые в протоколах допросов, проводимых при расследовании «основного преступления» и, более того, именно они выступают первоначальными признаками преступления, поэтому версия о возможном вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления должна быть сформирована при расследовании преступления, им совершенного, а ее проверка должна осуществляться наряду с частными версиями по «основному» преступлению.

В научных публикациях уголовно-процессуального и криминалистического характера обращается внимание на то, что для возбуждения уголовного дела достаточно установить наличие объективных признаков преступления [4, с. 51; 2, с. 43]. Данной аксиомой руководствуются и в правоприменительной практике.

Вместе с тем, как справедливо отмечают А. В. Коршунов и В. Г. Степанова, для принятия решения о возбуждении уголовного дела не обязательно устанавливать сведения о лице, совершившем преступление, однако из общего числа преступлений целесообразно выделить отдельную категорию преступных деяний, предполагающих обязательное установление сведений о личности совершившего преступление для возможности принятия решения о возбуждении уголовного дела [10, с. 218].

Примером таких преступлений является вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, поскольку субъект преступления – лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Конечно, до возбуждения уголовного дела достоверно установить возрастные признаки субъекта преступления не всегда удается, тем не менее необходимо выяснить сведения, дающие основания допускать возможность их существования.

В этой связи большое значение имеют показания несовершеннолетнего лица, содержащие информацию, характеризующую вовлекателя, в первую очередь, как взрослого лица. На основании вышесказанного требование Постановления Пленума ВС РФ, закрепляющее необходимость установления характера взаимоотношений между вовлекателем и несовершеннолетним, вполне оправданно и должно учитываться не только в ходе судебного следствия, но и в ходе проверки сообщения о преступлении как признака преступления, поскольку именно эти данные могут иметь существенное значение для выявления субъекта рассматриваемого преступления, достигшего восемнадцатилетнего возраста, а также его роли в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий.

Таким образом, основным процессуальным документом, содержащим признаки рассматриваемого преступления, является допрос несовершеннолетнего подозреваемого. Несмотря на то, что при допросе несовершеннолетнего лица все внимание следователя должно быть сосредоточено на выяснении информации,

касающейся «основного» расследуемого преступления, все же детальное выяснение обстоятельств подготовки и совершения преступления, его роли в преступной деятельности, причин и мотивов совершения преступления обеспечит выявление признаков вовлечения в совершение преступления.

В связи с этим при допросе несовершеннолетнего следователю необходимо выяснить данные об обстоятельствах знакомства с вовлекателем, его давности и характере взаимоотношений, характеристики вовлекателя, знании им возраста несовершеннолетнего, места учебы и взаимоотношениях в семье, а также другие обстоятельства, характеризующие возраст как несовершеннолетнего, так и вовлекателя. Кроме того, необходимо выяснить способ вовлечения в совершение преступления, в чем конкретно он выражался и был ли сопряжен с применением насилия или угрозы его применения. Большое значение в установлении умысла взрослого на совершение преступления имеет информация о понимании вовлеченным в совершение преступления несовершеннолетним факта его вовлечения.

В случае, когда несовершеннолетний отрицает факт участия взрослого в формировании у него мотивации на совершение преступления, следователь должен обращать внимание на возможные его оговорки и противоречия в показаниях. При таких условиях допроса следователю необходимо применять разработанные в криминалистике тактические приемы, например, детализацию показаний, приемы психологического воздействия – разъяснение допрашиваемому его положительных качеств, несмотря на совершенное преступление, и важности получения от него истинных показаний и др.

Кроме того, значение для установления признаков вовлечения имеют также показания иных участников расследования. К ним можно отнести подозреваемого соучастника преступления, свидетелей, являющихся как непосредственными очевидцами совершенного несовершеннолетним преступления, так и лицами, входящими в окружение несовершеннолетнего (родителей, педагогов, друзей).

Установление в ходе допросов вышеобозначенных обстоятельств свидетельствует о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

В такой ситуации следователю незамедлительно следует облачить в процессуальную форму полученное сообщение о преступлении, выделить материалы, содержащие признаки нового выявленного преступления из уголовного дела путем вынесения соответствующего постановления.

Выделенные в отдельное производство материалы уголовного дела в перспективе дальнейшего расследования в соответствии с нормами УПК РФ допускаются в качестве доказательств.

Юридическим основанием для начала предварительного расследования считается вынесение постановления следователем о возбуждении уголовного дела, в котором отражается в том числе квалификация деяния. В правоприменительной деятельности наблюдается практика описания в постановлении о возбуждении уголовного дела именно признаков состава преступления как объективных, так и субъективных, в случае их установления на момент принятия такого решения. В теории же авторами обращается внимание, что требование о точной уголовно-правовой оценке содеянного в постановлении о возбуждении уголовного дела является избыточным, поскольку полное установление признаков всех элементов состава преступления на первоначальном этапе производства законодателем не требуется [11, с. 154].

Также представляется, что требование в правоприменительной деятельности

установления признаков состава преступления уже на стадии возбуждения уголовного дела подменяет ее реальное предназначение и фактически трудно выполнимо.

Таким образом, возбуждение уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, имеет ряд особенностей, касающихся вопросов установления признаков преступления. Поскольку возможность выявления признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления во многом зависит и от факторов, не связанных с самим вовлечением (к таким, например, относятся: раскрыто ли «основное» преступление, имеются ли признаки его совершения несовершеннолетним, имеется ли психологический контакт с несовершеннолетним и дает ли он показания и др.), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления можно отнести к «инициативным преступлениям», выявление признаков которых всецело зависит от следователя, его профессиональной заинтересованности и наступательности в ходе расследования преступления. Показания участников имеют не только доказательственное значение для расследуемого события, но и являются источниками признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, поэтому в целях возможной правильной оценки признаков вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность как основания для возбуждения уголовного дела или их отсутствия предмет допросов участников необходимо расширить, а выясненные обстоятельства должны обеспечивать возможность принятия соответствующего законного решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цепелев, В. Ф. Уголовно-политический аспект противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7 (11). С. 47–50.
2. Пироговский, И. Г. Информация о преступлении как основание для возбуждения уголовного дела // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 41–44.
3. Муравьев, К. В. «Пропасть» между теорией и практикой возбуждения дел – результат уголовно-процессуальной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 453–457.
4. Корнакова, С. В. Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 48–56.
5. Синкевич, В. В., Домовец, С. С. Теоретико-практический анализ толкования норм, регламентирующих основания для возбуждения уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6 (157). С. 344–345.
6. Косенко, А. М. О сущности и содержании основания для возбуждения уголовного дела // Государство и право. 2019. № 6. С. 124–129.
7. Вайкоқ, Б. М. К вопросу о признаках преступления как основании для возбуждения уголовного дела // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105–6. С. 70–72.
8. Чебуренков, А. А. Проблемные вопросы установления основания для возбуждения уголовного дела о взяточничестве // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 302–305.

9. Небратенко, Г. Г., Трубкина, О. В. К вопросу о способе вовлечения в преступную деятельность несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2 (63). С. 86–93.

10. Коршунов, А. В., Степанова, В. Г. Основание для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXIII Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х томах, (г. Иркутск, 24–25 мая 2018 г.). Т. I. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 218–220.

11. Абрамова, Л. Л., Муравьев, К. В., Николаева, Н. А. Современные стандарты достаточности основания принятия решения о начале предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 151–157.

REFERENCES

1. Cepelev, V. F. Ugolovno-politicheskij aspekt protivodejstviya nezakonnemu oborotu narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv [Criminal and political aspect of countering the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – Vestnik of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2015, no. 7(11), pp. 47-50.

2. Pirogovskij, I. G. Informaciya o prestuplenii kak osnovanie dlya vozbuздheniya ugolovnogo dela [Information about a crime as a basis for initiating a criminal case]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 1(47), pp. 41-44.

3. Murav'ev K.V. «Propast'» mezhdu teoriej i praktikoj vozbuздheniya del – rezul'tat ugolovno-processual'noj politiki [The “gap” between the theory and practice of initiating cases is the result of criminal procedural policy]. YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – Legal science and practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no. 2 (34), pp. 453-457.

4. Kornakova S. V. Priznaki prestupleniya ili priznaki sostava prestupleniya dolzhny byt' osnovaniem dlya vozbuздheniya ugolovnogo dela? [Signs of a crime or signs of a crime should be the basis for initiating a criminal case?]. YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – Legal science and law enforcement practice. 2022, no. 3(61), pp. 48-56.

5. Sinkevich V. V., Domovec S. S. Teoretiko-prakticheskij analiz tolkovaniya norm, reglamentiruyushchih osnovaniya dlya vozbuздheniya ugolovnogo dela [Theoretical and practical analysis of the interpretation of the rules regulating the grounds for initiating a criminal case]. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – Eurasian Legal Journal. 2021. no 6(157). Pp. 344-345.

6. Kosenko A. M. O sushchnosti i soderzhanii osnovaniya dlya vozbuздheniya ugolovnogo dela [On the essence and content of the grounds for initiating a criminal case]. Gosudarstvo i pravo. – State and law. 2019, no. 6, pp. 124-129.

7. Vajkok B. M. K voprosu o priznakah prestupleniya kak osnovanii dlya vozbuздheniya ugolovnogo dela [On the issue of signs of crime as a basis for initiating a criminal case]. Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – Trends in the development of science and education. 2024, no. 105-6, pp. 70-72.

8. СHeburenkov A. A. Problemnye voprosy ustanovleniya osnovaniya dlya vozobuzhdeniya ugolovnogo dela o vzyatochnichestve [Problematic issues of establishing the basis for initiating a criminal case of bribery]. Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika. - Investigative activity: science, education, practice. 2022, no. 2, pp. 302-305.

9. Nebratenko G. G., Trubkina O. V. K voprosu o sposobe vovlecheniya v prestupnyu deyatel'nost' nesovershennoletnih, nahodyashchihsya v sostoyanii frustracii [On the question of the method of involving minors in a state of frustration in criminal activity]. Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. - Vestnik of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 2(63), pp. 86-93.

10. Korshunov, A. V., Stepanova V. G. [Grounds for initiating a criminal case against a specific person]. Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennoy usloviyah : Sbornik materialov XXIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah, Irkutsk, 24-25 maya 2018 goda. Tom I. - Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossii skoj Federacii, - Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference. 2018. Pp. 218-220.

11. Abramova L. L., Murav'ev K. V., Nikolaeva N. A. Sovremennye standarty dostatochnosti osnovaniya prinyatiya resheniya o nachale predvaritel'nogo rassledovaniya [Modern standards of sufficiency of the basis for making a decision to initiate a preliminary investigation]. Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. - Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2023. no 2(95). Pp. 151-157.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьякова Елена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, начальник факультета заочного обучения, профессор кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664071, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Соколов Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики. Омская академия МВД России, 644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, д. 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tretyakova Elena Igorevna, Candidate of Law, associate professor, Head of the Faculty of Correspondence Education, professor of the Department of Criminalistics. East-Siberian Institute of the MIA of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664071.

Sokolov Andrey Borisovich, Candidate of Law, associate professor, deputy head of the Department of Criminalistics. Omsk Academy of the MIA of Russia, 7 Komarov avenue, Omsk, Russia, 644092.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 19.12.2024

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 4 (111). С. 289–298.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 4 (111). P. 289–298.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.62.026

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ
БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ И ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ**

Цедрик Сергей Викторович, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация,
seregei.tsedrik@yandex.ru

Введение. В условиях развития внутреннего туризма в Российской Федерации актуальными являются вопросы безопасности предоставляемых трансферных и иных туристических услуг с использованием водного и воздушного транспорта. На практике мы видим, что чем больше развивается туристическая инфраструктура в отдельных наиболее привлекательных для туристов регионах, тем больше становится так называемых «серых» перевозчиков, использующих водный и воздушный транспорт в развлекательных и туристических целях без соблюдения норм действующего законодательства. В статье приводятся данные о проблематике, с которой сталкивается правоприменитель при решении вопроса о возбуждении уголовных дел указанной категории.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составляют уголовное законодательство – Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), уголовно-процессуальное законодательство – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), судебный акт толкования норм права – Постановление Пленума Верховного суда от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», данные государственной статистической отчетности, приговоры районных судов субъектов Российской Федерации.

Методологическую основу работы составляют частнонаучные и общенаучные методы познания, в том числе системность и формально-юридический метод, метод наблюдения.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа автором обозначены актуальные, в том числе дискуссионные, вопросы оценки достаточности данных об опасности оказываемых посредством водного и воздушного транспорта туристических услуг потребителям, определена необходимость совершенствования подходов к проведению проверок сообщений о преступлениях указанной категории, нормативной базы и формирования единой судебной практики по данному вопросу.

Выводы и заключения. Предложенные рекомендации будут способствовать повышению качества проверок сообщений о преступлениях, дальнейшему эффективному расследованию и применению мер уголовно-правового характера в противодействии преступности на водном и воздушном транспорте.

Ключевые слова: услуги, требования безопасности, водный и воздушный транспорт, статья 238 УК РФ, уголовно-процессуальное законодательство, сообщение о преступлении, уголовное дело

Для цитирования: Цедрик С. В. Общественная опасность как дифференцирующий юридическую ответственность признак правонарушения, связанного с оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности на водном и воздушном транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 289–298.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.62.026

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PUBLIC DANGER AS A DIFFERENTIATING LEGAL LIABILITY SIGN OF AN OFFENSES RELATED TO THE PROVISION OF SERVICES THAT DO NOT MEET THE REQUIREMENTS OF SAFETY ON WATER AND AIR TRANSPORT

Sergey V. Tsedrik, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, seregei.tsedrik@yandex.ru

Introduction. In the context of the development of domestic tourism in Russia, the issues related to the safety of transportation and other tourist services provided by water and air transportation are relevant. In practice, it is observed that the more developed the tourist infrastructure in some of Russia's most attractive tourist regions, the greater the number of so-called "grey" carriers that use water and air vehicles for entertainment and tourism purposes without compliance with current legislation. The article presents data on problems faced by enforcement agencies when deciding on whether to initiate criminal proceedings in such cases.

Materials and Methods. The normative basis of the study consists of criminal legislation - the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the "Criminal Code"), criminal procedural legislation - the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, judicial acts of interpretation of legal provisions - Resolution of the Presidium of the Supreme Court No. 18 dated June 25, 2019 "On Judicial Practice in Cases of Offences under Article 238" of the Criminal Law of the Russian Federation", data from state statistical reports, and sentences of district courts in the constituent entities of the Russian Federation. The methodological basis for the work consists of private-scientific and

generally scientific methods of knowledge, including the systematic and formal-legal methods, and the method of observation.

The Results of the Study. As a result of analysis, the author identified topical issues, including controversial ones, regarding assessing the adequacy of data on the risk of tourist services offered by water and air transportation, determined the necessity to improve methods for verifying reports of crimes of this type, the legal framework, and the establishment of unified judicial practice in this area.

Findings and Conclusions: The proposed recommendations will contribute to improving the quality of verification of crime reports, further effective investigation and application of criminal law measures in combating crime on water and air transport.

Keywords: services, safety requirements, water and air transport, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal procedure legislation, report of a crime, criminal case

For citation: Tsedrik S.V. Obshchestvennaya opasnost', kak differenciruyushchij yuridicheskuyu otvetstvennost' priznak pravonarusheniya, svyazannogo s okazaniem uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti na vodnom i vozдушном transporte [Public danger as a differentiating legal liability sign of an offenses related to the provision of services that do not meet the requirements of safety on water and air transport]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 289–298.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.62.026

Параллельно с экономическим развитием Российской Федерации развиваются и отдельные отрасли, такие как туристическая индустрия. Вместе с тем далеко не всегда качество предоставляемых услуг, в частности туристических услуг и развлекательных услуг, оказываемых посредством водного и воздушного транспорта, отвечает требованиям безопасности, в связи с чем нередки случаи причинения в процессе оказания таких услуг вреда здоровью пассажиров, а в отдельных случаях и смерти, либо постановки жизни и здоровья людей в опасность. Однако не во всех случаях лица, оказывающие такого рода небезопасные услуги, привлекаются к установленной законом ответственности, в связи с чем вопросы возбуждения уголовных дел о преступлениях на водном и воздушном транспорте, предусмотренных ст. 238 УК РФ¹, являются крайне актуальными. Повсеместно правоохранительными и контролирующими органами выявляются нарушения законодательства, напрямую влияющие на безопасность потребителей на транспорте, что связано с нежеланием нести дополнительные установленные законом расходы.

Вместе с тем, как отмечают А. Ю. Головин, О. П. Грибунов, А. А. Бибиков, по состоянию на 2015 год физический износ оборудования и технических средств Единой системы управления воздушным движением России превышает в настоящее время 60 %, а

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.11.2024).

моральный – около 90 %. До 60 % морских и речных судов от общего состава транспортного флота России отработали свой нормативный срок и подлежат списанию [1].

Наряду с этим и сами пассажиры, соглашаясь на перевозку или экскурсионную услугу, зачастую не задумываются об элементарных средствах и нормах безопасности, в приоритет ставя низкую стоимость и потворствуя тем самым нелегальному перевозчику. Зачастую правоохранитель узнает о нарушении закона лишь в результате трагических случаев, связанных с причинением вреда здоровью либо гибелью людей, в связи с чем число реально зафиксированных опасных услуг и тем более количество возбуждаемых по ч. 1 ст. 238 УК РФ уголовных дел на сегодняшний день не отражает объективной картины, складывающейся на рынке данных услуг.

Уголовным законодательством Российской Федерации установлена ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (ст. 238 УК РФ). В ч. 2 данной статьи приведены квалифицирующие признаки, в числе которых совершение преступления группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, а также причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо его смерть.

Буквальное толкование рассматриваемой нормы показывает, что для привлечения виновного лица по ч. 1 ст. 238 УК РФ не требуется последствий, но услуга должна не отвечать нормам безопасности жизни или здоровья приобретателей.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством, а именно ст. 140 УПК РФ¹, регламентированы поводы и основания для возбуждения уголовного дела.

Говоря о поводах для возбуждения уголовного дела применительно к ст. 238 УК РФ в части оказания небезопасных услуг с использованием водного и воздушного транспорта, необходимо отметить, что наиболее распространенным здесь является сообщение о совершенном преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), а именно рапорт уполномоченного должностного лица об обнаружении признаков преступления, зарегистрированного в установленном порядке. Вместе с тем, как пишет А. В. Варданян, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (помимо заявления о преступлении и явки с повинной), предусматривает качественно разные механизмы поступления данной информации, а также степень ее достоверности и подтвержденности [2].

Реже встречаются такие поводы, как заявление о преступлении, постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании и явка с повинной².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 21 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.11.2024).

² Указанные выводы сделаны на основании мониторинга правоприменительной практики при осуществлении прокурорского надзора в должности Байкало-Ангарского транспортного прокурора Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры в период 2021–2024 гг.

Такое положение вещей в целом объясняется высоким уровнем латентности данного вида преступлений и в первую очередь ввиду заинтересованности как пассажира, так и так называемого «серого» перевозчика быстро и дешево получить (оказать) соответственно экскурсионную либо трансферную услугу путем предоставления транспортных средств на водных объектах и в воздушном пространстве, и в этом смысле следует согласиться с мнением А. Л. Репецкой о том, что криминальной рынок существует, пока есть спрос [3].

К наиболее распространенным видам нарушений закона на водных и воздушных видах транспорта относятся: отсутствие лицензии на перевозку и права управления судном, отсутствие сертификата летной годности (для воздушного транспорта), отсутствие средств пожаротушения и спасательных средств, неисправное бортовое и иное оборудование, конструктивные изменения судов и прочие нарушения.

Другим немаловажным фактором является и то, что пассажир может и не подозревать, насколько небезопасна услуга с использованием водного либо воздушного транспорта, то есть не обладать специальными познаниями и доступом к необходимой информации о ее качестве, и, если в результате оказания услуги не наступили общественно опасные последствия, стороны договора, который, к слову, может и не заключаться, благополучно расстаются, потенциальный заявитель не пользуется своим правом сообщить о незаконной услуге, и в таком случае даже в условиях очевидной опасности ответственность по ч. 1 ст. 238 УК РФ не наступает.

С учетом вышесказанного правоохранитель, как правило, работает уже по обстоятельствам случившегося транспортного события и возникновения последствий, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, когда деяния повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. Однако и в этом случае неочевидно, что ответственность перевозчика наступит по ст. 238 УК РФ, поскольку, в соответствии с разъяснениями Верховного суда, если уголовная ответственность за нарушение специальных норм или требований установлена в иных статьях Особенной части уголовного законодательства, то содеянное не может квалифицироваться по ст. 238 УК РФ.

В контексте приведенного необходимо сравнить санкции п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ и ч. 1 ст. 264 УК РФ, предусматривающих наступление последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека, которые составляют максимальное наказание в виде шести и двух лет лишения свободы соответственно.

Согласно ч. 2 ст. 140 УК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки совершенного преступления.

Таким образом, должностным лицом правоохранительного органа неоднозначно трактуется такое понятие, как «достаточность данных», что в целом можно объяснить оценочностью сформулированной нормы.

Проводя проверку сообщения о произшествии по факту оказания опасной услуги путем использования водного либо воздушного транспорта и в условиях отсутствия последствий – в виде тяжкого вреда либо смерти человека, следователь должен оценить всю картину и совокупность допущенных нарушений на предмет

достаточности для уголовного преследования лица по ч. 1 ст. 238 УК РФ, руководствуясь в соответствии со ст. 17 УПК РФ законом и совестью.

Определенной новеллой стало постановление Пленума Верховного суда от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 2 которого установлено, что уголовная ответственность по ч. 1 или по пунктам «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ наступает в условиях, когда опасность оказываемых услуг для здоровья либо жизни потребителя является реальной. О реальной опасности оказываемых услуг может свидетельствовать такое их качество, когда угроза негативных последствий существует в обычных условиях и дальнейшее их продолжение может привести к тяжким последствиям.

Таким образом, Верховный суд данным разъяснением с одной стороны ввел понятие реальности угрозы, но одновременно добавил оценочности понятием «обычные условия».

Наряду с этим выполнение работ либо оказание услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, являются административным правонарушением в соответствии со ст. 14.4 Кодекса об административных правонарушениях. Однако данная норма КоАП РФ не содержит такой признак предоставляемой услуги, как ее опасность для жизни и здоровья.

Также необходимо помнить, что производство по делу об административном правонарушении, в соответствии с п. 1.1 ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, подлежит прекращению при условии, что в действиях (бездействии) содержатся признаки уголовно наказуемого деяния.

Проблематичным в настоящий момент является и то, что законодательно в судебной практике не раскрыты в достаточной степени критерии, которые могут свидетельствовать об опасности оказываемых потребителю услуг. И хотя Пленум Верховного суда разъяснил, что, когда для установления характера опасности работ и услуг необходимы специальные знания, правоприменитель должен привлекать экспертные подразделения (п. 2 Пленума), необходимо помнить, что эксперт не может вдаваться в юридическую оценку содеянного и предрешать вопросы виновности.

Возбуждая уголовное дело по отдельному составу преступления и в отношении установленного лица, следователь берет на себя себя ответственность за ход расследования, дальнейшее доказывание, и в этой связи допущенные им ошибки могут привести к негативным последствиям, в том числе к необоснованному уголовному преследованию, в связи с чем возбуждение уголовного дела «по факту» позволяет в рамках расследования разобраться в обстоятельствах совершенного правонарушения и принять окончательное обоснованное решение по делу, но без риска реабилитации лица.

Однако в ситуации, когда не наступило тяжких последствий оказания незаконной услуги и проверка проводится на предмет реальности угрозы по совокупности выявленных нарушений, допущенных установленным лицом с использованием установленного транспортного средства, возбудить уголовное дело не в отношении конкретного лица не представляется обоснованным.

Таким образом, вдаваясь в оценку содеянного, следователь неизбежно будет разграничивать составы административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния, сопоставляя фактические обстоятельства с такими категориями, как «реальность опасности», «обычные обстоятельства» и прочие имеющие значение для дела данные.

Следствием указанных выше обстоятельств, проблем в толковании разъяснений Пленума является отсутствие единой и устоявшейся практики выявления и фиксации такого рода правонарушений, последующего возбуждения и расследования уголовных дел по фактам оказания опасных для жизни и здоровья услуг, что, как правило, приводит к возбуждению уголовных дел указанной категории только в условиях очевидности, то есть по ч. 2 ст. 238 УК РФ при наличии квалифицирующих признаков.

Приведенные выше данные находят отражение в официальной государственной статистической отчетности.

Так, согласно данным официальной статистической отчетности следственных органов России, в 2018 году в органы Следственного Комитета Российской Федерации поступило 15 663 сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ, возбуждено 5 035 уголовных дел, по 7 801 сообщению приняты решения об отказе в возбуждении, в 2019 году поступило 13 441 сообщение, возбуждено 3 302 уголовных дела, отказано по 7 704 сообщениям, и в 2023 году было зарегистрировано 12 122 сообщения о преступлениях анализируемой категории, возбуждено 2 455 уголовных дел, в 6 954 случаях отказано.

Статистика направления уголовных дел о фактах оказания опасных для жизни и здоровья потребителей услуг еще красноречивее.

В 2018 году с направлением в суд окончено 3 485 уголовных дел, 2019 – 2 080 уголовных дел, 2023 в суд направлено лишь 812 уголовных дел¹.

Еще одним значимым маркером недостаточного качества доследственных проверок является число отмененных решений о возбуждении уголовных дел по ст. 238 УК РФ. Так, по данным официальной статистики только в 2023 году отменено 118 таких решений следователей Следственного комитета Российской Федерации с последующим повторным возбуждением после дополнительной проверки только в трех случаях².

Таким образом, несмотря на то, что в течение пяти лет количество возбужденных и направленных в суды уголовных дел анализируемой категории снизилось кратно, приведенная динамика, по нашему мнению, не говорит о возросшей превенции преступлений, а, напротив, может свидетельствовать о недостаточном качестве проверок, проводимых по сообщениям о преступлениях указанной категории и, как указано выше, о высоком уровне латентности данных преступлений. В свете этого

¹ Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Форме 1-Е за 2023 г. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Форме 1-Е за 2023 г. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

нельзя не согласиться с мнением профессора О. П. Грибунова, который отмечает, что лучшая профилактика – это раскрытие преступлений [4].

Помимо изложенного, неопределенность и отсутствие четких разграничающих критерии опасности для жизни и здоровья оказываемой услуги приводит к формированию неоднозначной региональной судебно-следственной практики.

Так, в соответствии с приговором Геленджикского городского суда Краснодарского края от 10 февраля 2023 года А. В. Черномазов осужден по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Судом установлено, что владелец маломерного судна А. В. Черномазов, действуя в нарушение норм федерального законодательства, Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, Правил пользования маломерными судами на водных объектах, с целью получения денежной выручки использовал личное маломерное судно с закрепленным на нем приспособлением для буксирования находящегося в воздухе парашюта, и без получения документов на оказание услуг проката и заключенного договора водопользования вышел с пассажирами в акваторию Черного моря. Далее, не имея опыта в буксировке парашютной системы, не проверив ее исправность, путем добавления скорости и набегающих потоков воздуха поднял парашют с находящимся в нем человеком на высоту порядка 70 метров над водной поверхностью, а затем, сбросив скорость, не проконтролировал безопасный спуск, и парашют, не раскрывшись полностью, погрузился с человеком в воду. Произошел обрыв троса, который под воздействием натяжения ударил в лицо пассажира, причинив последнему телесные повреждения¹.

Вместе с тем в соответствии с приговором Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 20 января 2022 года к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ привлечен Л. Н. Васенин, который в 2021 году оказал услугу по перевозке граждан, при этом с целью увеличения пассажировместимости самовольно внес изменения в заводскую конструкцию принадлежащего ему маломерного судна, установив конструктивно не предусмотренный двигатель и удалив блоки плавучести судна. Кроме того, судом установлено, что используемое Л. Н. Васениным маломерное судно после внесения конструктивных изменений в уполномоченный орган к освидетельствованию не предъявлялось. По результатам рассмотрения настоящего уголовного дела суд пришел к выводу о преступных действиях Л. Н. Васенина и имеющейся реальной угрозе безопасности здоровью и жизни пассажиров, при этом сведений о фактическом причинении вреда кому-либо из пассажиров судебное решение не содержит².

Постановлением Усть-Майского районного суда Республики Саха (Якутия) от 8 февраля 2021 года в соответствии со ст. 76.2 УК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прекращено уголовное дело

¹ Дело № 1-182/2023 (1-760/2022) // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 07.11.2024).

² Архив Звениговского районного суда Республики Марий Эл // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 07.11.2024).

(уголовное преследование) в отношении П. А. Барышок, обвиняемого по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Из судебного постановления следует, что П. А. Барышок 23 сентября 2020 года, находясь на правом берегу реки Алдан Усть-Майского района республики Якутия и управляя маломерным судном, перевез на другой берег реки людей с нарушением норм пассажировместимости, не имея при этом лицензии на перевозку¹. Таким образом, согласно приведенному решению суда, основным криминообразующим признаком стало отсутствие лицензии на перевозку.

В то же время только за 2023 год в ходе надзорной деятельности Байкало-Ангарской транспортной прокуратурой возбуждено и рассмотрено судами 10 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 14.1.2 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии), и 17 дел, предусмотренных ч. 1 ст. 19.20 КоАП РФ (осуществление деятельности, не связанной с извлечением прибыли, без специального разрешения (лицензии)².

Таким образом, в настоящее время существует объективная необходимость в разработке конкретных критериев опасности услуг, предоставляемых потребителям, в целях эффективного соотношения и ограничения уголовно и административно наказуемого поведения в рассматриваемой сфере общественных отношений, что будет способствовать сокращению числа лиц, гибнущих либо получающихувечья на водном и воздушном транспорте вследствие незаконно оказанных услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин, А. Ю., Грибунов О. П., Бибиков А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений : монография / А. Ю. Головин,. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 164 с.
2. Варданян, А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. - 2017. - № 3(82). - с. 32-39
3. Репецкая, А. Л. Уголовный промысел как сегмент криминального рынка товаров // Искусство правоведения. 2024. № 1. с. 58-62.
4. Грибунов, О. П. Прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства как фактор повышения эффективности расследования преступлений / Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы / сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2022. С. 256-258.

¹ Дело № 1-8/2021 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Указанные данные приведены из текста выступления Байкало-Ангарского транспортного прокурора Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры на коллегии по итогам работы за 2023 год

REFERENCE

1. Golovin, A.Yu. Kriminalisticheskie metody preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu transportnyh prestuplenij [Forensic methods of overcoming resistance to the investigation of transport crimes]. Irkutsk, 2015, 164 p.
2. Vardanyan, A. V. Soobshchenie o sovershennom ili gotovyashchemsya prestuplenii, poluchennoe iz inyh istorichnikov, kak povod dlya vozbuздeniya ugolovnogo dela: istoricheskie i sovremennoye problemy ego realizacii [A message about a committed or planned crime, received from other sources, as a reason for initiating a criminal case: historical and modern problems of its implementation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institutu MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 3 (82), pp. 32-39
3. Repetskaya A. L. Ugolovnyj promysel kak segment kriminal'nogo rynka tovarov [Criminal trade as a segment of the criminal goods market]. Iskusstvo pravovedeniya -The art of law. 2024, no. 1, pp. 58-62.
4. Gribunov O.P. [Prosecutor's supervision at pre-trial stages of criminal proceedings as a factor in increasing the efficiency of crime investigation]. Aktual'nye problem kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of forensic science and forensic examination. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Irkutsk, 2022, pp. 256-258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цедрик Сергей Викторович, заместитель директора. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsedrik Sergey Viktorovich, Deputy Director. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 664035, Irkutsk, 1 Shevtsova str..

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication 19.12.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляется редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляется редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещен на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – 13 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междусторочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритеекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]). Список источников оформляется

в соответствии

с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.07–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (**нумерация сквозная**).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

5. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для аспирантов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esiirk_vestnik@mvd.ru. Оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 4 (111) 2024

Редакторы: Л. Ю. Ковальская, С. В. Капранова

Технический редактор: Л. Е. Ким

Редактор-переводчик: Е. С. Фидель

Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИИРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110